

М. Реза Годс

ИРАН

в XX веке

Политическая
история

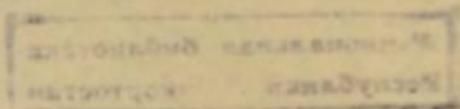
63.3(5)
Г. 59

М. Реза Годс

ИРАН

в XIX веке

Политическая
история



Москва
«НАУКА»
Издательская фирма
«Восточная литература»
1994

ББК 63.3(5)
Г59

M. Reza Ghods
Iran in the Twentieth Century.
A Political History.
Lynne Rienner Publishers.
Boulder, 1989.

Перевод с английского
И. М. ДИЖУРА

Редактор издательства
А. Ф. ДЕРИБАС

НБ РБ



0000193112

04810-94
Региональная библиотека
Республики Тюркостан

Г $\frac{0804000000-021}{013(02)-94}$ 137-93

ББК 63.3(5)

ISBN 5-02-017697-4

© И. М. Дижур, перевод, 1994

ПРЕДИСЛОВИЕ К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

Эта книга посвящена предмету, который пленил меня с детства. По мере того как я выросл, меня все больше интересовал вопрос о том, почему социальные движения зарождаются на севере страны. Поскольку информация на эту тему была ограниченной и недостоверной, я не мог найти удовлетворительный ответ до тех пор, пока не приступил к работе над настоящей монографией.

Основанная на документальных источниках (на семи языках) и на продолжительных личных беседах, данная работа выходит за рамки традиционного исследования. Я надеюсь, что это поможет западным читателям понять историю моей беспокойной страны. Хотя бывало нелегко найти свидетелей или участников описываемых здесь событий, убедить их, что я не принадлежу ни к одной (потенциально враждебной) политической организации, и добиться их согласия на интервью, я считал важным достичь более полного проникновения в историю. Разумеется, это вовсе не означает, что, излагая столь широкий спектр мнений, я не привержен хотя бы одному из них. Как у любого человека, у меня есть свои собственные убеждения, которые, естественно, отражены в Заключение.

Книга, охватывающая большую часть столетия, содержит несколько взаимообусловленных тем, в том числе взаимосвязь внутренней и внешней политики и неудачи иранских левых во многих критических ситуациях, когда они стремились удержать или захватить политическую власть. Это не попытка дать новое теоретическое объяснение развитию шиизма, иранской революции или любой другой части иранской истории в XX в.; главная задача книги — показать непрерывность и прерывность политической истории Ирана. Надеюсь, что это проиллюстрирует и роль культуры в иранской политике.

Социальные отношения и политическую культуру определяет в Иране личный элемент. Идеологические или поли-

тические союзы в таком нестабильном обществе, как иранское, в значительной степени базируются на личной, часто семейной, преданности; чтобы гарантировать личную безопасность в изменчивом иранском обществе, лояльность направлена вовнутрь. В деятельности иранских государственных мужей личные отношения часто (может быть, даже обычно) берут верх над национальными интересами или любыми идеологическими обязательствами. Поэтому, где только возможно, я буду упоминать о любых относящихся к делу личных отношениях, что поможет объяснению событий. Во время революций в Гиляне, Азербайджане и Курдистане, последовавших за двумя мировыми войнами, религиозная культура и личные отношения сыграли решающую роль в ликвидации революционных режимов.

Подобным же образом взаимосвязь внутренней и внешней политики и неудачи иранских левых иллюстрируются событиями революционных периодов; они рассматриваются как «учебный прецедент», ибо весьма ярко демонстрируют непрерывность и прерывность иранской политики на ее главных этапах. Революционные движения в Гиляне, Азербайджане и Курдистане, так же как и исламская революция, полностью раскрывают эмоциональную и историческую подоплеку тщетных и часто непонятых попыток иранцев добиться свободы.

Я хочу обратить внимание читателей на то обстоятельство, что временами работа над этой книгой оказывалась чрезвычайно трудным делом из-за возникавшей в моей душе неразберихи. Однако я старался, насколько это возможно, быть объективным, чтобы дать западному читателю представление о том, какой видит свою страну иранец.

*М. Реза Годс.
Денвер, штат Колорадо.
Декабрь 1988 г.*

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

История — это зеркало для прошлого и урок на будущее.

Иранская пословица

После того как эта книга вышла в свет на английском языке, в Иране произошли важные события. Хомейни умер, и на политической арене Исламской республики продолжала доминировать фракционность. Светская оппозиция режиму пока оказалась неспособна серьезно угрожать Исламской республике.

Я надеюсь, что русский читатель понимает, что эта книга не представляет собой исчерпывающую политическую историю Ирана. Как я отметил в Предисловии к английскому изданию, в этой книге рассматриваются несколько тем, связанных со всей новейшей историей Ирана. Я глубоко убежден, что какая бы судьба ни ожидала Иран, эти темы будут находиться в центре иранской политической жизни.

В Заключении я высказал предположение, что во внутренней и внешней политике Иран придерживается принципа равновесия. Моя уверенность в этом вопросе укрепилась. Иран должен следовать принципу равновесия в отношениях с Западом и Востоком. С какой стороны ни взглянуть, мы являемся одной из самых стратегически важных стран в мире. Если мы, иранцы, как нация хотим быть независимыми, мы должны следовать этому принципу, глубоко укоренившемуся в иранской истории.

Я не намерен писать длинное предисловие к русскому изданию. Однако полагаю необходимым обратить внимание на несколько вещей. Как любой писатель, я не являюсь непогрешимым. Возможно, я неумышленно ошибся при описании исторических деталей или событий. Прошу читателей простить меня, особенно тех советских ученых, которые хорошо знают историю и политику Ирана. Я надеюсь, что в эру «нового мышления» эта книга может представить некоторую ценность, в первую очередь для тех, кто изучает историю советско-иранских отношений и историю иранского коммунистического движения. Мне не хотелось бы быть педантом, но я считаю, что следует также учесть причины и

результаты социальных сдвигов в Иране. Это поможет как ученым, так и государственным деятелям лучше оценивать реальности текущей политической ситуации. Давайте будем вместе учиться и использовать наш опыт.

Наконец, я бесконечно благодарен тем, кто перевел и издал эту книгу, и тем, кто способствовал появлению ее в России. Моя глубочайшая благодарность д-ру А. З. Арабаджяну, которого я знаю не только как замечательного ученого, но и как в высшей степени доброжелательного человека, которого волнует будущее моего народа. Он является для меня источником вдохновения и несравненным наставником. Особая благодарность и д-ру Нине Алексеевне Кузнецовой, которая отрецензировала мою работу для этого издания. Я благодарю также двух людей, которые интеллектуально стимулировали меня и давали мне жизненные силы. Я имею в виду Джоан ван Бислер, координатора программы международных исследований в университете штата Колорадо в Денвере, и ее мужа и помощника Джеральда Вагенмана. Я получал огромное удовольствие, обсуждая с ними политические и этические проблемы.

*27 ноября 1989 г.,
Денвер, Колорадо.*

Читатель! Своим появлением на русском языке эта книга обязана поистине материнской доброте, проявленной владелицей одноименной издательской фирмы мадам Линн Райтер к ее автору — Махмуду Реза Годсу, моему ассистенту в период чтения мною курса лекций в Денверском университете и Университете Колорадо в Денвере осенью 1989 г. Она безвозмездно разрешила ее публикацию издательской фирмой «Восточная литература».

А. З. Арабаджян

Наиболее очевидная черта революции — это прямое вмешательство масс в исторические события. В обычные времена государство, будь оно монархическим или демократическим, возвышается над нацией и история делается специалистами — монархами, министрами, бюрократами, парламентариями, журналистами. Но в революциях массы уничтожают барьер, отделяющий их от политической арены, выкидывают узаконенных представителей и путем собственного вмешательства закладывают фундамент нового режима. О том, хорошо это или плохо, пусть судят моралисты... История революции для нас — это прежде всего насильственное вступление масс на политическую арену.

Лев Троцкий. Русская революция

До тех пор пока вы не поживете в условиях данной культуры и не поймете народ, его язык, его обычаи и его специфические нужды, бесполезно защищать его дело или даже анализировать его.

Самад Бехранги

ОБЩЕСТВО, РЕВОЛЮЦИЯ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА: КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ ИРАНА

Фракционная борьба в той или иной форме — заметная черта персидской жизни.

Энн Лэмбтон. Исламское общество в Персии

Религия и социальные отношения всегда были важными факторами иранской политики. Географическое положение также играло существенную роль в формировании политической культуры. Эта глава представляет собой краткое введение, рисующее социальную картину Ирана — взаимосвязь культуры и идеологии, которая помогла определить моменты взрыва и течение революций, — и геополитический фон, который также во многом помогал формировать иранскую политику.

Социальный фон

Революции в Иране в 1905—1911 и 1979 гг. и революции в северных провинциях в 1920—1921 и 1945—1946 гг. оказали сильнейшее воздействие на судьбу нации. Чтобы лучше понять иранские революции XX в., прежде всего необходимо выяснить подоплеку событий тех лет. Классовая структура Ирана — важный элемент социальной сущности рассматриваемых революций. Социальная структура Ирана при династии Каджаров во многом определила характер Конституционной революции 1905—1911 гг. и Гилянской революции 1920—1921 гг., оказала немалое воздействие на революции в Азербайджане и Курдистане в 1946 г. и даже на исламскую революцию 1979 г.

При династии Каджаров (1796—1926) шахи находились на вершине социальной структуры Ирана. Каджарским монархам принадлежала единоличная наследственная власть. С некоторыми изменениями эта система сохранилась в Иране и сегодня. Каджары, Пехлеви и аятолла Хомейни осуществляли наследственную политическую власть, что Мансур Фар-

ханг характеризует как «эндемичную черту иранской политической культуры»¹. В Иране политика остается функцией личности.

Система наследственной власти существовала в доисламской Персии; шиитский ислам усилил ее. Шиитская секта базируется на наследовании духовного и политического руководства, или имамата, по линии Али; имам становится земным заместителем потомков Али. Как отмечает Ричард Коттам, шиитская секта усилила свойственное иранцам глубокое убеждение, что они «уникальны и превосходят всех в культурной сфере»².

Концепция богоданной иерархической, а часто и наследственной власти всегда была интегральной частью шиитского ислама. Последняя публикация Кумского теологического центра в Исламской республике подчеркивает особую роль авторитета. «Людям необходимы постоянное воспитание и непрерывная забота,— отмечает эта брошюра,— и без учителя они не могут достичь совершенства... Разве они не нуждаются в политическом авторитете, который сведущ в божественных законах и который может руководить людьми и вести их по прямой стезе на праведном пути? Шиитская вера считает, что... народ не должен быть без руководителя»³. Когда сефевидские шахи в XVI столетии приняли шиитский ислам в качестве государственной религии, шиизм превратился в необходимую идеологическую опору монарха и социальной системы в целом.

Пехлевийские монархи Реза-шах (1926—1941) и Мохаммед Реза-шах (1941—1979) пытались оправдать свое единоличное правление, опираясь на правовые, рациональные механизмы власти и сводя к минимуму внимание к религиозным аспектам легитимности; однако Каджары не делали попытки сделать свою власть более разумной. Правление Каджаров было крайне деспотическим. Британский государственный деятель Джордж Керзон писал в 1892 г.: «В стране, столь отсталой с точки зрения конституционного развития, столь нуждающейся в порядке, законах и хартиях, столь твердо держащейся бессмертных традиций Востока, личный элемент, насколько можно судить, в значительной степени доминирует; и система правления в Персии представляет собой не более чем деспотическую власть, осуществляемую рядом единиц по нисходящей шкале — от суверена до старосты маленькой деревни»⁴.

В стране вплоть до Конституционной революции отсутствовали фундаментальные законы, ограничивавшие власть шаха; как будет явствовать из следующей главы, революция не преуспела в стремлении ограничить шахскую власть и даже установить ее границы на практике⁵.

Хотя власть Каджаров была деспотичной и неоспоримой, монархии, как это ни парадоксально, не обладали могуществом. Каджарские шахи не имели постоянной армии и жизнеспособной центральной администрации. Их правление зиждилось не на силе или централизованной бюрократии, а на манипулировании одной группой против другой. Это манипулирование облегчалось раздробленностью иранского общества⁶. Иран был (и остается по сей день) конгломератом лингвистических, племенных, религиозных и расовых групп (см. табл. 1.1). В религиозном отношении 93% иранцев — шииты, 5% — сунниты и 2% — христиане (армяне и ассирийцы); кроме того, имеются бахаиты, евреи и зороастрийцы. Религиозное деление усиливает этническое и лингвистическое разобщение, поскольку суннитское меньшинство территориально ограничено главным образом Северным Курдистаном (курды), Хузестаном (арабы), Белуджистаном (белуджи) и прикаспийским регионом (туркмены).

Многие иранские провинции словно в микрокосме являют собой характерную для всего Ирана этническую, лингвистическую и религиозную смесь. В Хорасане, например, можно найти персов, курдов, туркмен и небольшое количество белуджей, луров и арабов. В Азербайджане в 1945 г. были четыре главные этнические группы: 90% составляли азербайджанцы-шииты, большинство которых говорило только на азербайджанском языке; 3% — христиане (армяне и ассирийцы) и 7% — курды, преимущественно сунниты⁷. В тот период в Азербайджане было также несколько неоседлых племен: архиконсервативное племя шахсевен (букв. «любящий шаха»), осанлу и афшар.

Даже в таком племенном обществе, какое существовало в Курдистане, племенам недоставало солидарности; курды были разделены на множество враждебных кланов, а также на суннитов (на севере) и шиитов (на юге). К тому же суннитская и шиитская секты на всей территории Ирана распадались на множество подсект, которые в ряде случаев яростно враждовали между собой.

Иранские города и провинции географически были отделены друг от друга четырьмя главными горными цепями и расположенной в центре страны обширной пустыней, в Иране не было судоходных рек. В каджарскую эру к этому добавлялись отвратительные дороги и связь. Учитывая это неблагоприятное географическое расположение, увековечивавшее раздробленность населения, не надо удивляться тому, что на рубеже столетий иранцы редко ощущали национальную идентичность.

Каджары, чья политика состояла в том, чтобы разделять и властвовать, использовали эти религиозные, этнические,

Этнолингвистический состав
населения Ирана, %

Все персоязычное население	60
Подгруппы:	
говорящие на фарси	45
луры	2
бахтиары	4
говорящие на гиляки, мазендерани и прочих диалектах	9
Все тюркоязычное население	25
Подгруппы:	
азербайджанцы	16
кашкайцы, туркмены и шахсевены	9
Курды	7
Белуджи	2
Арабы	3
Армяне и ассирийцы	2
Прочие	1

Точный лингвистический анализ населения Ирана осуществить трудно. Приведенная здесь приблизительная классификация основана на нескольких источниках, включая следующие: *The New Encyclopedia Britannica*. Vol. 6. Chicago, 1, с. 670; *Abrahamian E. Communism and Communalism in Iran: The Tudeh and the Firkah-i Dimokrat.*— *International Journal of Middle East Studies*. 1970, № 1, с. 293; *Bruk S. I. The Ethnic Composition of Iran.* (English Summary of Russian Text).— *Central Asian Review*. 1956, № 4, с. 417—420.

племенные, лингвистические и географические барьеры, разделявшие население, чтобы удерживаться у власти. Особенно полезно монархии в этой системе манипулирования было племя шахсевенов, образованное Аббасом I Великим (1587—1629) из нескольких нетюркоязычных племен, в том числе курдов-шиитов; его переселили в Азербайджан в качестве противовеса могущественным племенам, уже находившимся в этом регионе, и чтобы держать провинцию под контролем. При Каджарах и Пехлеви шахсевены продолжали в сущности быть инструментом шахской власти, хотя к тому времени они восприняли азербайджанский язык⁸.

Социальная и географическая раздробленность Ирана, столь удобная для каджарской системы правления, имела следствием феномен, который Кедди описывает как деление общества по вертикали. Вместо того чтобы быть разделенным на экономические классы, каджарский Иран был разделен на социальные общины, включавшие как богатых, так и бед-

ных⁹. Иранцы не проявляли лояльности к своей стране и к любой экономической группировке; вместо этого они были преданы своей семье, клану, локальной общине или религиозной секте. Эта обособленность сохраняется в Иране даже сегодня.

Иран — это в основном аграрное общество; сельское хозяйство всегда было главным источником доходов как для низшего, так и для высшего класса. Подавляющее большинство иранского населения — крестьяне. Даже в 50-х годах 80% иранцев были крестьянами¹⁰. Деревни, которых в 50-х годах насчитывалось около 50 тыс., большей частью невелики, с числом жителей от 20 до 500. В каджарскую эру, да и позднее, когда власть центрального правительства слабела, кочевые племена нападали на деревни, формируя у крестьян убеждение, что их деревня представляет собой оплот против чужаков.

Многие деревни, особенно в малонаселенном северном Курдистане, были основаны осевшими на землю членами племен. В Иранском Курдистане насчитывалось 140 племен и родов. Племенная структура способствовала сохранению у многих деревенских жителей родового изоляционизма и клановой структуры их общин¹¹.

Помещик относился к крестьянам как глава рода, почти так же, как шах к своим подданным. Лидер будущего Национального фронта Карим Санджаби писал в 30-х годах: «Земельный собственник в Персии относится к своим крестьянам не как бизнесмен, связанный с ними контрактом, но, напротив, как вождь, хозяин, господин... Кроме того, основываясь на узаконенном праве собственности на землю, он осуществлял верховную власть над деревней, диктуя устройство ее жизни... Земельный собственник — это посредник между крестьянами и правительственной администрацией, посредник, который полностью вытеснил последнюю»¹².

Едва ли нуждается в переоценке зависимость крестьян от помещиков. После аграрной реформы 1963 г., в соответствии с которой многие земли были переданы крестьянам, наблюдалось немало случаев, когда крестьяне-бедняки были доведены до отчаяния, видя, как чужаки становятся для них новой властью, берущей на себя функции бывших помещиков¹³.

Иранские крестьяне зависели от помещиков и в эмоциональном, и в финансовом отношении. Из-за засушливого климата на большей части территории Ирана для земледелия была необходима ирригация; ирригационные сооружения, а также тягловый скот и семена находились в распоряжении помещиков. Таким образом, само существование крестьян зависело от доброй воли помещиков¹⁴.

Поскольку иранские помещики традиционно принимали активное участие в государственных делах, они нередко предпочитали жить в столице, оставляя управление деревнями кетхода, старостам. Кетхода был чем-то вроде вождя племени; его власть над односельчанами была велика, тем более что он обычно опирался на эмоциональную преданность крестьян¹⁵. Несмотря на то что в конце XIX в. иранское сельское хозяйство все в большей степени интегрировалось в национальную и мировую экономику, связи крестьян со страной и миром осуществлялись через помещиков и кетхода, а сами они оставались в изоляции.

Безземельные крестьяне на всей территории Ирана отдавали свой труд в обмен на пользование землей и орудиями труда помещика (обычно они находились на положении издольщиков). В начале пехлевийской эры 60% всей пахотной земли принадлежало 2,5—3 тыс. земельных собственников, которые сдавали землю в аренду крестьянам; 10% земель были вакфами, т. е. собственностью, пожертвованной на религиозные цели; 4% составляли халисе, т. е. государственные земли; 14% принадлежали вождям племен. Только 6% крестьян имели собственную землю, и многие из них были вынуждены арендовать у помещиков скот или пахотные орудия¹⁶.

Труд производственных бригад и строительство ирригационных сооружений делали необходимым сохранение общинной организации, что ограничивало конкуренцию и способствовало социальной стабильности. Общественное давление на крестьян, работавших совместно в производственных бригадах, представляло собой, естественно, консервативную силу. Социолог Морио Оно писал в 60-х годах об иранских крестьянах: «Слова и дела индивида никогда не могли спрятаться от бдительных глаз и всегда находились под молчаливым давлением остальных людей»¹⁷.

Но не только помещик и его кетхода были для крестьян неизменными атрибутами общины; социальной сплоченности и стабильности в деревнях способствовали и местные муллы. Ислам усиливал концепцию неприкосновенности частной собственности и помогал удерживать крестьян от борьбы с помещиками за обладание землей¹⁸. Место помещиков в социальной структуре было подкреплено исламом. В Коране сказано:

О вы, которые уверовали!
Повинуйтесь Аллаху и повинуйтесь посланнику
и обадателям власти среди вас¹⁹.

Как было сказано выше, шиитский ислам делал особый упор на необходимости руководства и подчинения авторитету.

Нужда в этом — эмоциональная и религиозная, — которую испытывали иранские крестьяне, бросалась в глаза даже после аграрной реформы 1963 г.²⁰

Таким образом, построенные на иерархической основе социальные отношения, а также географическая и этническая разобщенность препятствовали всякой сплоченности крестьянского общества в национальном масштабе. Большинство иранских крестьян были политически индифферентны. Но на севере, особенно в Гиляне и Азербайджане, политическая апатия крестьянства была менее явно выражена, чем в остальных регионах. Такое положение дел может быть объяснено отличиями в экономическом устройстве в этих провинциях, где в противоположность большей части Ирана выпадает достаточно дождей, чтобы выращивать сельскохозяйственные культуры без общинной ирригации. Крестьяне в указанных провинциях были богаче своих сотоварищей в любой другой части Ирана, особенно в XIX столетии, когда они экспортировали свою продукцию в царскую Россию. Азербайджан вообще был житницей Ирана. В 1948 г. треть производимой там сельскохозяйственной продукции удовлетворяла потребности собственного населения провинции в продовольствии, а остальное вывозилось в другие провинции Ирана. В Гиляне в начале правления Реза-шаха 12% крестьян были полноправными мелкими землевладельцами и 30 или 40% имели собственный скот и пахотные орудия. Арендаторы и в Гиляне, и в Азербайджане заключали необычайно надежные контракты, так что помещики не могли просто так, по собственному желанию согнать их с земли. Эти относительная безопасность и процветание давали крестьянам севера редкую степень свободы от власти помещиков²¹.

Плотность населения в Гиляне и Азербайджане была выше, чем где бы то ни было в Иране, и деревни были расположены ближе друг к другу. Плотность населения в Азербайджане в период революции 1945—1946 гг. составляла 30 человек на 1 кв. км, т. е. была примерно вдвое выше, чем в Иране в целом; здесь жила седьмая часть всего населения Ирана. Гилян обладал дополнительным преимуществом, так как имел однородное население без племенных структур или лингвистических барьеров, которые отделяли бы одну общину от другой; 95% гилянцев говорили на диалекте гиляки персидского языка. Напротив, северный Курдистан представлял собой один из самых малонаселенных районов Ирана; в 1948 г. его население составляло всего 250 тыс. человек; среди них было очень мало городских жителей, и почти все были членами враждующих племен²². Роль, которую играла культура северного Ирана в национальной политике, будет исследоваться и далее в книге.

Культура и идеология. Предпосылки и развитие революции

Хотя эта работа в основном посвящена сдвигам в политике Ирана, представляется целесообразным охарактеризовать предпосылки иранского революционного кризиса. Взаимодействие культуры и радикальной политической идеологии, в известной степени определявшее ход иранских революций, также заслуживает краткого введения.

Революции происходят, когда часть общества не удовлетворена деятельностью своего правительства в тех сферах жизни, где возникает крайнее социально-политическое напряжение. Причиной политического стресса, который вызвал иранские революции XX в., была деятельность предшествовавших им авторитарных правительств. Монархи из династии Пехлеви — Реза-шах и его сын, Мохаммед Реза, — потерпели неудачу в попытке добиться поддержки масс, которая должна была обеспечить их режиму политическую легитимность. Результатом этого стали кризисы, которые грозили уничтожить (и при Мохаммеди Резе-шахе так и произошло) государство, построенное ими.

Программы модернизации, осуществлявшиеся Реза-шахом, оказались неспособны политически легитимизировать его режим, несмотря на то что в своем стремлении создать новый средний класс монарх опирался и на национализм. Его попытки модернизации, в отличие от политики его современника Мустафы Кемала Ататюрка в Турции, не привели к утверждению современных политических институтов, через которые новый средний класс мог бы оказывать влияние на политический процесс; не сделала это и последующая модернизация, проведенная его сыном. Монархи из династии Пехлеви не создали политического климата, при котором власть могла быть делегирована или передана мирным путем. Ощущение неуверенности побуждало их способствовать росту противоречий в среде политической элиты, вместо того чтобы укреплять свою собственную власть²³. Реза-шах и его сын рассматривали участие масс в политике скорее как угрозу, а не как потенциальную поддержку их режимов, вследствие чего происходило отчуждение значительной части общества, в чьей помощи они все более нуждались для достижения политической легитимности. Отказ Мохаммеда Резы предоставить политической элите сколько-нибудь значительную долю власти оттолкнул ее и побудил ее лидеров мобилизовать массы против монархии²⁴.

Националистическая модернизация, проведенная Реза-шахом, оттолкнула от него и непарсидские этнические меньшинства Ирана. Два главных этнических меньшинства, рассма-

триваемые в этой книге, — курды и азербайджанцы, имеющие собственные языки, а также курды северного Курдистана, отличающиеся от персов суннизмом²⁵. Чем активнее Реза-шах использовал традиционный национализм для «персизации» иранской культуры, тем больше он вынуждал азербайджанцев и курдов сознавать их собственные этнические отличия. В попытке добиться политической легитимности Пехлеви подчеркивали историческую преемственность своей монархии с древней Персидской империей²⁶. Однако эта концепция не только не привела к политической ассимиляции этнических меньшинств, но фактически оттолкнула их и способствовала росту их этнического самосознания. Усиление раскола в обществе привело к дальнейшей структурной неустойчивости Ирана, способствуя дестабилизации государства²⁷.

Важнейшим компонентом этой книги является анализ причин неудачи иранских левых в их попытках создать единую силу, которая могла бы стабилизировать ситуацию в обществе. Для такого анализа полезна характеристика взаимодействия идеологии левых и культуры. Поскольку все иранские революции вовлекали в различных пропорциях крестьян и средние классы, необходимо также изучить роль крестьянства и буржуазии, роль, которой отводится важное место в программах иранских коммунистов. Но коммунисты, отчасти из-за их собственного противоречивого отношения к этим группам, так и не разработали эффективную стратегию, целью которой было добиться лояльности каждой из них. Как будет показано в следующих главах, неудача попыток коммунистических революционеров завоевать массовую базу в сельских районах была главной причиной падения революционных правительств в Гиляне в 1921 г. и в Азербайджане в 1946 г.

Точно так же оказались малоуспешны попытки коммунистов создать «единый фронт» с буржуазными группировками, чтобы добиться своих целей. В коммунистической революционной теории и практике вопрос о том, что делать с буржуазией, всегда решался по-разному²⁸. В Иране концепция единого фронта использовалась в зависимости от исторических обстоятельств, так как там было много различных буржуазных фракций, которые могли быть включены в единые фронты, и часть иранских коммунистов стремилась (и стремится) создать любой единый фронт на любой стадии революционного процесса. Например, советские вожди (особенно Сталин) на ранних этапах Гилянской революции поддерживали буржуазного национального революционного лидера Кучек-хана, основанного в 1920 г. Гилянскую советскую республику. Позднее Советы оказывали поддержку буржуазному национальному реформатору Реза-хану (впоследствии Реза-шаху),

который сверг автономное правительство Кучека в Гиляне. Иранские коммунисты в тот период не были единодушны в оценке этой политики. Различные варианты концепции единого фронта не дают покоя иранскому и другим коммунистическим движениям вплоть до нынешнего дня.

Вопрос о взаимодействии революции и культуры также не решен в коммунистической революционной политике. Культура взаимодействует с революцией в двух очень важных сферах: религии и национализме. Маркс недостаточно хорошо понимал важность этих по существу неэкономических аспектов жизни общества, сконцентрировав свой анализ на диалектическом процессе, являющемся результатом развития технологии. Для него культура была продуктом социально-экономической структуры, которая обеспечивает легитимность материальных интересов правящего класса. При капитализме, служа этой цели, культура увековечивает лживую идеологию; сама она не обладает силой для социальных изменений или утверждения стабильности. Маркс полагал, что рабочим нечего продавать, кроме своего труда; крупная фабричная промышленность и автоматизация требуют участия многих рабочих в процессе производства. Эта принудительная кооперация побуждает рабочих думать о себе как о едином целом, что, в свою очередь, формирует у них политическое самосознание; последнее дает им ощущение их политической силы и подталкивает к коллективным действиям, которые повсюду приведут к социализму. Диалектический анализ пренебрегает иными аспектами политической культуры, которые действуют за пределами фабрик и входят для рабочих в систему их ценностей. Они включают семью, дом, образование, религию и целый свод культурных традиций. Все эти не ориентированные на труд аспекты культуры представляют собой важные компоненты, формирующие политическую культуру и обеспечивающие социализацию членов любого общественного класса. Ленин, в большей степени революционер-практик, чем Маркс, понимал, что «конкретные особенности» революционной борьбы должны быть приспособлены к специфическому экономическому, политическому, культурному и национальному устройству страны, в которой она ведется²⁹.

Один аспект культуры особенно важен в иранском коммунизме. Это — религия, от которой Маркс отделился, назвав ее «опиумом народа». Марксистские политики в XX в. вынуждены были отнестись к этой проблеме более уважительно; но и они имели склонность обходить ее стороной. Ленин, судя по всему, считал не требующим доказательства, что революционная борьба сама по себе сбросит «ярмо религии, которое отягощает человечество»³⁰. Сталин, хотя он и энергично поддерживал атеизм в странах, в которых револю-

ция уже победила, предупреждал коммунистических лидеров в мусульманских регионах, где революционное движение находилось еще на ранних стадиях, чтобы они были осторожны, имея дело с шариатом, основой исламских религиозных законов, управляющей каждодневным поведением и занятиями мусульманина. Однако Сталин не сумел предложить более специфическую линию поведения в вопросах религии.

В Иране любая успешная социальная революция должна использовать существующую в стране политическую, социальную и религиозную культуру. Любое революционное движение должно иметь идеологию; и победившая революционная идеология должна включать элементы культурных особенностей общества³¹. Пренебрежение к культурным основам политической власти часто приводит марксистских лидеров к механистическим попыткам навязать марксистские теории традиционным обществам. В таких странах, как Иран, с их прочными религиозными и националистическими традициями, такой механистический подход приводит коммунистов к неудачам в их стремлении добиться идеологической гегемонии. Сочетание религии и других культурных факторов, таких, как национализм, иерархические традиции и ксенофобия, создали барьер, препятствующий успеху светских революционных режимов. Руководители Конституционной революции, революций в Гиляне и Азербайджане не приняли во внимание важнейшие компоненты политической культуры общества, такие, как религия. Поэтому они не сумели создать эффективный «национальный миф», который Чалмерс Джонсон описал как «идеологическую структуру, в рамках которой пришедший в движение народ может понять и выразить свое поведение как нации»³².

Внешняя политика Ирана, Советского Союза и Запада

Другой важной сферой, помогающей понять политическую историю Ирана, является внешняя политика. В этой работе мы коснемся в основном внешней политики Ирана, Советского Союза и западных держав — Великобритании и Соединенных Штатов.

Иранская внешняя политика в XIX и XX столетиях — в значительной степени продукт влияния великих держав. Различные государства, добивавшиеся установления или укрепления своего политического господства над всем Ираном или над его частью, старались одновременно уменьшить или ликвидировать влияние (политическое, экономическое или военное) других государств. Так, договор, заключенный в 1919 г.

между Ираном и Великобританией, имел целью упрочить политическую гегемонию последней над Ираном за счет всех прочих держав.

В своих усилиях сохранить территориальное единство и политическую независимость страны иранские политики стремились установить политическое равновесие между этими соперничавшими державами, т. е. создать баланс политических влияний. Политическое равновесие может быть как позитивным, так и негативным. Состояние позитивного равновесия достигается в том случае, когда, чтобы уравновесить или уменьшить влияние одной великой державы, иранские государственные деятели добиваются увеличения влияния другой. Примером является предоставление концессии на добычу северной нефти российскому гражданину Хоштария, теоретически уравновесившее передачу концессионных прав на южную нефть британскому подданному д'Арси. Сторонники позитивного равновесия в Иране изредка пытались ввести в дело еще одну силу, чтобы нейтрализовать уже существующее политическое влияние; иными словами, они проводили политику «третьей силы». Во время обеих мировых войн иранские лидеры стремились найти союзника в лице Германии, чтобы ослабить или ликвидировать влияние других держав. В годы первой мировой войны иранские государственные деятели заключили союз с Германией, чтобы избавить Иран от политической гегемонии Великобритании и царской России.

Согласно теории негативного равновесия, ни одному иностранному государству не предоставляются никакие привилегии в политической, экономической или военной сфере, которые могут привести к установлению или усилению его влияния в Иране. Проведение этой концепции в жизнь требует ликвидации любого существующего иностранного влияния; это достигается аннулированием либо прекращением действия всех договоров или концессионных соглашений, которые навязаны Ирану иностранными державами. Сторонники теории негативного равновесия стремились выработать симметричную модель взаимодействия, так как были убеждены, что политика позитивного равновесия приводит к созданию неравноправного взаимодействия Ирана и других государств и что это неравноправие на международной арене долгое время было главным препятствием для достижения и сохранения Ираном экономической и политической независимости. Например, когда в 1951 г. либеральный националист Мохаммед Мосаддык национализировал иранскую нефть, он сделал это для того, чтобы создать негативное равновесие. Мосаддык полагал, что когда одно государство приобретает в Иране нефтяную концессию, прочие государства будут добиваться равенства в получении аналогичной концессии³³.

Роль, которую обе теории равновесия играли в формировании иранской внешней политики, будет рассматриваться в настоящей работе.

Отношения СССР с Ираном (и с прочими государствами) могут быть проанализированы в рамках того, как сами Советы интерпретируют* и оценивают свою международную политику. В этих рамках главнейшими компонентами советской внешней политики являются марксистская идеология и защита «социалистического лагеря» в целом и СССР в особенности. Для советских государственных деятелей их страна — катализатор возможной мировой социалистической революции. СССР, по их мнению, представляет собой идеологическую базу, с территории которой марксистская теория распространяется на все части мира и с помощью которой могут быть объединены все прогрессивные общественные силы³⁴. В этом контексте становится понятной советская поддержка, оказанная таким буржуазным националистическим лидерам, как Реза-хан и Ататюрк. Поддерживая таких лидеров, Советы стремились укрепить свою собственную стратегическую безопасность и в то же время способствовать социальным сдвигам в других странах и создавать классовую базу возможной социальной революции.

Таково в основном объяснение советской тактики на международной арене в прошлом и настоящем. Безопасность СССР — главное условие сохранения социалистического центра. Советы укрепляли эту безопасность разными путями в разное время. По словам члена Центрального Комитета Коммунистической партии Георгия Арбатова, отношения СССР с другими государствами определяются советской оценкой социально-экономических факторов, которые помогают формировать международную политику³⁵. Поэтому в периоды, рассматриваемые в этой книге, Советы поддерживали лидеров, которых они считали буржуазными прогрессистами, полагая, что это изменит «соотношение сил» в Иране в пользу социализма.

Взгляды западных государственных деятелей на внешнюю политику часто именуют «идеалистическими», если она направлена на утверждение непоколебимых нравственных принципов в отношениях между государствами, или «реалистическими», когда она прагматически устремлена на то, чтобы добиться богатства или могущества. Следует подчеркнуть, что, как отмечает Куинси Райт, система ценностей во внешней политике, подобная той, какую защищают идеалис-

* Книга вышла в свет до распада СССР, поэтому переводчик сохранил избранную автором манеру изложения в настоящем времени.— *Примеч. ред.*

ты, может сама по себе содействовать увеличению мощи государства — по общему мнению, цели реалистов: «Преимущества, которые дают более крупные армии, флоты и военно-воздушные силы, — вещь менее важная, чем способность приобретать союзников», а их-то может обеспечить отношение к государству как к благородному и гуманному³⁶. Политика США во время и после второй мировой войны, подрывавшая британские интересы на Среднем Востоке, особенно в Иране, мотивировалась именно таким идеалистическим компонентом реалистического подхода. В этой книге будут показаны идеализм и реализм, содействовавшие формированию внешней политики США в Иране в рассматриваемые нами критические периоды. Реализм был главной силой, определявшей британскую внешнюю политику; и американский и британский реализм частично объяснялся экономическими соображениями.

Западная концепция «холодной войны» отличается от советской. В то время как Советы приписывают возникновение «холодной войны» махинациям империалистов, американские и британские лидеры объясняют его советским экспансионизмом. Джордж Кеннан и Артур Шлезинджер говорят, что непреклонность советской идеологии и «паранойя» советских лидеров способствовали возникновению «холодной войны» после второй мировой войны³⁷. «Сдерживание» стало методом, с помощью которого можно было противодействовать этому советскому экспансионизму, не прибегая к военной силе. После XIX в. англичане пытались сдерживать то, что британские лидеры оценивали как экспансия царской империи во всех направлениях. В период после второй мировой войны американские государственные деятели четко проводили эту генеральную линию в официальной политике; они все более идеологизировали ее, борясь с идеологией и политической мощью коммунистов. «Доктрина Трумэна» предполагала, что Соседионные Штаты противостоят советскому экспансионизму, поддерживая «свободные народы, которые сопротивляются подчинению вооруженным меньшинствам или внешнему давлению»³⁸. В опубликованной в июле 1947 г. «X статье» американский дипломат Кеннан предложил политику сдерживания в ее классической форме: «Давление, оказываемое Советами на свободные институты западного мира, есть нечто такое, что может сдерживаться искусным и бдительным применением контрсилы в серии постоянно меняющихся географических пунктов и политических вопросов в соответствии с изменениями и маневрами советской внешней политики»³⁹.

В 1945—1946 гг., еще до того как это было заявлено в столь ясных выражениях, политика сдерживания и «доктри-

на Трумэна» привели Соединенные Штаты к политической конфронтации с Советским Союзом в северном Иране. Проводившаяся Соединенными Штатами политика сдерживания, как во множестве случаев и советская политика, оказывала воздействие на внутреннюю политику Ирана. Например, в 1950 г. политика сдерживания помогла генералу Али Размара добиться поста премьер-министра. Мы проанализируем связь между «холодной войной» и событиями в северном Иране в те годы и покажем, что эти события были как результатами развития «холодной войны» после второй мировой войны, так и факторами, способствовавшими такому развитию.

ЭРА КАДЖАРОВ И КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: АНГЛО-РУССКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИРАНА

Всякий раз, когда я собирался отправиться на север, возражал царский посол. Всякий раз, когда я намеревался поехать на юг, возражал английский посол. Будь проклято государство, где шах не может пересечь свою собственную страну!

Насер эд-Дин-шах (XIX в.)

Мы многого сами не знаем о конституционном правительстве, но мы слышали, что конституционные правительства обеспечивают безопасность и процветание... Поэтому мы решили создать конституционное правительство в этой стране.

Аятолла Саид Мохаммед Табатабан (убит в 1907 г.)

Главные проблемы, доминировавшие в политической истории Ирана в XX столетии, зародились в каджарскую и конституционную эры. Эти проблемы включают взаимосвязь внешней и внутренней политики, вредоносный эффект, вызывавшийся локальной языковой и религиозной разобщенностью, и соперничество между религиозными и светскими силами. В данной главе будет объяснено возникновение этих явлений в иранской внутренней политике через рассмотрение хода Конституционной революции 1906—1911 гг., которой не удалось добиться экономического и политического суверенитета Ирана. Это позволит выяснить предпосылки последующих событий: Гилянская революция является прямым следствием поражения Конституционной революции; революция 1945—1946 гг. и исламская революция 1979 г. также были результатами, хотя и не столь прямыми, неудачи Ирана в попытках добиться независимости путем политического действия.

Внешняя политика великих держав и Ирана по отношению друг к другу в каджарский период во многом подобна той, что проводилась в 1920-х, 1940-х и даже в 1980-х годах. Концепция равновесия — ведущий принцип иранской внешней политики на протяжении большей части XX столетия — была развита монархами из династии Каджаров и их министрами как политика третьей силы, как метод, позволяющий

уменьшить экономическую и политическую зависимость Ирана от неустойчивого балансирования между двумя силами. И в каджарскую эру (как зачастую и сегодня) практиковалась координация внутреннего политического равновесия и равновесия в международных отношениях. Это внутреннее равновесие помогало в последующем формировать социальное и политическое развитие Ирана.

Политика и экономика в правление Каджаров

Система правления при Каджарах отражала раздробленность иранского общества и в то же время способствовала ему. Каджары, малочисленное туркменское племя из района Прикаспия, не обладали в Иране реальной базой власти; они старались легитимизировать свое правление путем «персизации» придворных церемоний и администрации. Каджары удерживали престол, используя друг против друга соперничавшие группировки (племенные, религиозные или расовые). Женщины из их рода были связаны брачными узами с большинством вождей племен и местных лидеров; шахский гарем превратился в микрокосм раздробленного общества¹.

Каджары использовали местные «правительства» (т. е. местных ханов, губернаторов или старост, кетхода) для сбора налогов или формирования воинских частей. Покорность местных властей в этих вопросах целиком обеспечивалась угрозами спустить с цепи их соперников. В качестве платы за эту номинальную лояльность монархи позволяли местным властям править, как им заблагорассудится. В районах расселения племен, таких, как северный Курдистан и занимаемые бахтиярами и кашкайцами территории на юге, на которые не распространялось влияние городской или провинциальной администрации, Каджары вынуждены были поддерживать свою власть, разжигая племенной антагонизм. То обстоятельство, что племена были освобождены от уплаты налогов (за исключением налога на животных) в обмен на поставку рекрутов в кавалерию, иллюстрирует основную слабость Каджаров². Эта система увековечивала патриархальные общественные отношения, приоритет местных интересов и раздробленность, что делало почти полностью неэффективной деятельность администрации. Сошлемся на весьма типичный пример: в 1872 г., когда центральное правительство попыталось в северном Курдистане собрать налоги непосредственно с сельских жителей, не обращая к их шейхам (суннитским религиозным или племенным вождям), члены курдских племен отказались платить, вступив в борьбу с правительством³.

Иранская армия при Каджарах (около 60 тыс. человек) была даже слабее бюрократии. Так, во время событий 1872 г. в Курдистане правительству понадобилось несколько месяцев для сбора войск, чтобы подавить восстание племен. Кавалерия была рекрутирована полностью из членов племен, и конные подразделения повиновались лишь своим вождям. Пехота тоже была набрана на местном уровне чиновниками и помещиками, служила она против своего желания (часто без жалованья) и в лучшем случае неполный день. И в кавалерии, и в пехоте племенной и этнический антагонизм часто препятствовал эффективному сотрудничеству. В Азербайджане, к примеру, армия была образована из племенных формирований (афшары, осанлу, шахсевены), которые подчинялись только своим ханам. С особой неохотой сотрудничали друг с другом в военных кампаниях курды и азербайджанцы; они относились враждебно к расквартированным в их провинциях воинским частям, принадлежавшим к прочим этническим группам. В 1848 г. население Хорасана (курды, туркмены и персы) выступило против азербайджанского гарнизона, что было вызвано неприязнью к этническим особенностям азербайджанцев. Иранцев, не исповедовавших шиизм, без сомнения, возмущал тот факт, что в постоянную армию брали только солдат-шиитов⁴.

Надо отдать должное уменью Каджаров приспособляться к ситуации, позволившему им так долго сохранять трон, несмотря на то что они владели столь непрочными бюрократическими и военными механизмами. Их статус «высших правителей» страны целиком был результатом их способности эксплуатировать социальную раздробленность Ирана. Ерванд Абрахамиан назвал каджарских шахов «деспотами без инструментов деспотизма». «Каджарская династия управляла в XIX столетии Ираном и без инструментов принуждения, и без науки администрирования,— писал он.— Но она применяла тактику осторожного отступления и искусно использовала все возможные варианты в сложной ткани общественного соперничества»⁵.

В правление Каджаров существование единого свода законов было абсолютно невозможно. Даже достоинство денег и их относительная стоимость широко варьировали от одного района к другому; некоторые города выпускали свои собственные банкноты или чеканили монету. Право на законном основании владеть землей не было твердо установлено вплоть до правления Реза-шаха. На практике эта узаконенная неопределенность помогала охранять крестьянскую собственность и арендованную крестьянами землю, сдерживая миграцию сельского населения в города, подобную той, которая происходила в Англии в результате политики ого-

раживающа. Шиитский шариат сделался государственным законом при династии Сефевидов (1499—1736). Улама, т. е. верхушка духовенства, обладала абсолютной, утвержденной законом властью над всеми деловыми отношениями, включая удостоверение банкротства и любую передачу имущества. Нормы шариата в этой сфере могли толковаться местным духовенством весьма по-разному⁶.

Препятствовавшая централизации наследственная кадjarская бюрократия не способствовала ни установлению гарантированной законом безопасности, ни созданию национального экономического единства — того, что является предпосылкой формирования национальной буржуазии. Власть местной администрации — или шаха, действовавшего через эту администрацию, — над жизнью и собственностью граждан не была ограничена никаким светским законом. В отличие от европейских монархов Каджары никогда не пытались вступать в союз с буржуазией, чтобы ограничить могущество аристократии. Купеческая собственность была объектом произвольной конфискации, осуществлявшейся кадjarскими шахами. Центральное правительство установило 20-процентный налог на доходы всех купцов и ремесленников⁷.

Различные концессии и капитуляции, предоставлявшиеся шахским правительством, защищали интересы появившихся в XIX столетии иностранных конкурентов. Импорт рос более быстрыми темпами, чем экспорт, и независимое хозяйство многих иранских городов и деревень разрушалось. Это заставляло иранских купцов с осторожностью вкладывать деньги в индустриальное строительство. Поэтому состояние местной промышленности, особенно шелкоткацкой, ухудшалось на всем протяжении XIX в., а редкие попытки основать новые промышленные предприятия терпели неудачу из-за безразличия или даже противодействия правительства. Некоторые иранские купцы вкладывали деньги в сельскохозяйственные секторы промышленности, выпускавшие полуфабрикаты, такие, как шедшие на экспорт неочищенный хлопок и шелк-сырец. Это давало им средства на приобретение иностранных промышленных товаров, которые они могли пускать в розничную продажу либо самостоятельно, либо в качестве агентов иностранных государств. Данный сегмент иранского торгового класса превратился в компраторскую буржуазию, которая зависела от мирового рынка, но не помогала развитию независимой промышленности в самом Иране. Компраторская буржуазия вкладывала свои доходы в земельную собственность, усиливая тем самым зависимость Ирана⁸.

Хотя компраторская буржуазия и извлекала финансовые

выгоды из своей зависимости от двух великих держав, она остро ощущала затруднительность своего положения. Ее представители проникались западными политическими идеями, часто путешествовали в Европу и посылали туда своих детей для получения образования. Однако личный характер каджарского правления препятствовал политическому участию этого поднимающегося класса в делах государства и угрожал его финансовому положению. В конечном счете эта новая буржуазия стремилась создать сильное центральное правительство, которое способствовало бы обретению Ираном экономической и политической независимости. Обновленное иранское государство могло бы ограничить предоставление шахом концессий и произвольное введение налогов. Вот почему этот новый средний класс заключил союз с традиционной буржуазией базара.

Традиционная буржуазия, базари, к концу эры Каджаров была доведена до унижения в результате осуществлявшегося Англией и Россией контроля над производством многих товаров, включая чай, табак и многие изделия промышленности. За политической поддержкой базари обратились к своим традиционным политическим союзникам — улама. Верхушка духовенства зависела от финансовой поддержки базара: главные мечети были расположены на базарах и базари отдавали мечети 20% своих доходов. Улама также роднились с семьями средней и высшей буржуазии через заключение браков. Эти узы укрепились в сефевидский период, ибо то были узы, связавшие духовенство — как через благотворительные институты, так и через духовное водительство — с городской беднотой⁹. Взаимная зависимость базари и улама — решающий фактор иранской действительности XIX столетия. Базари полагались на политическую поддержку и защиту улама, а улама — на экономическую поддержку базари. Несмотря на то что представители иранских средних классов умели согласовывать различные интересы, в Иране недоставало социальной и политической сплоченности, которая могла бы способствовать формированию подлинной национальной буржуазии. Компрадорская буржуазия, базари и улама были разделены на этнические, региональные и политические группировки¹⁰.

Чтобы добывать средства для своих заграничных приобретений, династия и помещики должны были выжимать все больше денег из сельскохозяйственного сектора. Помещики заставляли крестьян производить продукцию на экспорт, особенно табак, опиум, шелк, хлопок и рис. Основное бремя при этих поисках денег легло на крестьян, существование которых целиком зависело от помещиков. Крестьяне обязаны были платить прямые налоги за обрабатываемую ими

землю, домашних животных, водные источники и, в некоторых районах, подушный налог и налог за домашнее хозяйство. После того как в 1797 г. к власти пришел Фатх-Али-шах, крестьяне вынуждены были отдавать правительству 20% своих доходов; в отдельные периоды при Каджарах эта цифра поднималась до 35%. В Хузестане крестьяне были единственными налогоплательщиками, и они отдавали правительству треть своей продукции (через помещиков — традиционных посредников)¹¹. (Данные о классовом делении населения в каджарском Иране см. в табл. 2.1.)

Таблица 2.1
Классовое деление населения Ирана
в начале XX столетия

	тыс. че- ловек	%
Оседлые крестьяне	5 500	55,0
Члены племен (включая курдов, луров, белуджей, арабов, бахтиар, кашкайцев и туркмен)	2 500	25,0
Городские жители	2 000	20,0
Торговцы и улама	600	6,0
Технический персонал, квалифицированные рабочие и пр.	320	3,2
Производители пищевых продуктов, мелкие ремесленники, прислуга, служащие	1 080	10,8
Все население	10 000	100,0

Поскольку данные переписи для этого периода отсутствуют, приведенные выше цифры являются приблизительными. Источники для этой таблицы: *Иванов М. С.* Тарихе новине Иран, с. 8—9; *Чакери Х.*, ред. Аснаде тарихи. Т. 4, с. 45.

В XIX в. усилившие экспансию европейские державы — Великобритания и Россия завязали тесные контакты с каджарским Ираном. Иранские правители попытались использовать эти державы точно так же, как они традиционно использовали внутренние группировки: попытались натравить одну державу на другую, чтобы подкрепить свою собственную власть. Каджарские правители передали таможенную систему и крупные сегменты иранской экономики под британский и русский контроль в обмен на займы, предназначенные для личных целей.

Великие державы сумели использовать эту политику и внутреннюю слабость Ирана к значительной выгоде для себя, установив экономическую гегемонию над отдельными

«сферами интересов». Британский Имперский банк и российский Учетно-ссудный банк контролировали иранский денежный рынок. Девять десятых крошечного иранского «пролетариата» трудилось в промышленных центрах, находившихся под контролем иностранцев¹². Великие державы активно манипулировали иранскими центрами власти. Двор, премьер-министры, купцы, вожди племен и губернаторы провинций стали пешками в их руках и в руках шаха. Опираясь на эти источники политического влияния, а иногда угрожая применить силу, Россия и Великобритания добились контроля над некоторыми территориями Ирана и привилегий в сфере торговли. Местные купцы не могли конкурировать с промышленным импортом из Великобритании и России, так как эти два государства, используя свою власть над таможенной системой, контролировали иранские тарифы.

В результате серии ирано-русских войн, шедших в начале XIX столетия, Иран отдал России некоторые территории на Кавказе. Цель России в тот период состояла в том, чтобы обезопасить свои южные границы путем превращения Ирана в буферное государство между Османской империей, Британской Индией и собой. Цари преследовали эту цель, поддерживая власть Каджаров; порядок престолонаследия у Каджаров находился под защитой Романовых.

Великобритания приобрела контроль над островами Бахрейн в Персидском заливе и над Афганистаном, некоторые области которого находились под номинальным сюзеренитетом Ирана¹³. Основной целью Англии было ограничение русского влияния в Иране. Британская политика состояла в том, чтобы ослабить центральное правительство путем выторговывания уступок не у него, а у племен (таких, как бахтиары) и заставить Каджаров отказаться от их обычной прорусской ориентации. Великобритания считала центральные и южные провинции зоной своего политического влияния. Керзон писал в 1892 г. в многотомном труде «Персия и персидский вопрос»: «В основном мы можем быть уверены, что какая бы судьба ни ожидала Персию на севере, в районах, лежащих вне сферы нашего возможного вмешательства, она сохранит неоскверненными центр и юг и окажется в состоянии заявить захватчику: „До этой черты, но не дальше“. Британское доминирующее влияние, торговое и политическое, в южной зоне... единственное средство, с помощью которого эта цель может быть достигнута»¹⁴.

Даруя уступки сначала одному государству, а затем другому, Каджары создавали позитивное равновесие, оберегавшее их хилую власть. Политика третьей силы, долгое время являвшаяся главным элементом внутренней политики Ирана, определяла и его внешние сношения. Подписанный в

1807 г. под Финкенштейном договор с наполеоновской Францией был первым случаем, когда Иран попытался противопоставить Великобритании и России третью державу. Второй целью Каджаров, для достижения которой они также использовали соперничество великих держав, было обогащение династии. Серия займов превратила Иран в должника как Великобритании, так и России. Предоставив множество концессий британским и российским подданным, Иран отказался от части своих доходов, включая таможенные пошлины как на севере, так и на юге. Например, русский купец Лианозов получил концессию на рыболовство в Каспийском море, в то время как британский гражданин барон Юлиус фон Рейтер приобрел концессию, которая практически отдавала в его руки всю экономику юга; большая часть этой концессии была аннулирована, но Рейтер сохранил привилегию на добычу полезных ископаемых и на бакиевское дело¹⁵.

Различия между политическим и экономическим влиянием России на севере и британским — на юге увеличили существовавший и до того разрыв между этими регионами. Политические и экономические связи с Россией определили относительно высокий социальный и культурный динамизм севера.

Местоположение Тебриза и турецкий язык сделали этот город естественным центром притяжения для купцов с Кавказа и из Османской империи; кроме того, он стал резиденцией наследного принца. Двор сына Фатх-Али-шаха, наследного принца Аббас-мирзы, жившего в Азербайджане 36 лет (1798—1833), притягивал, словно магнит, иностранных дипломатов и торговые миссии. Аббас-мирза и его министр Гаем Магаме Фарахани, поддерживавшие тесные контакты с русскими, прекрасно сознавали отсталость Ирана. Чтобы исправить положение, они посылали лучших студентов в Россию и Англию. Аббас-мирза был особенно заинтересован в модернизации своей армии, и потому первый иранский современный военный завод был открыт в Тебризе. Он также построил с помощью армянских купцов современную стекольную фабрику, основал издательство. Однако модернизация встретила в то время значительную оппозицию духовенства, и наследный принц вынужден был действовать с осторожностью¹⁶. Экономическое и культурное превосходство Тебриза сохранялось на протяжении всего XIX столетия. В 1888 г. в городе открылась первая в Иране начальная школа, где обучение велось по западному образцу. К началу XX в. в Тебризе насчитывалось около 100 фабрик (включая единственную в стране спичечную фабрику), на которых было занято 10 тыс. рабочих¹⁷.

В северных провинциях — Азербайджане и Гиляне — существовали хорошие условия для торговли, причем не только с Россией (по пути, связывавшему Азербайджан с портом Астара на Каспийском море), но также с Турцией и Ираком. Главные дороги, ведущие к Черному морю, пролегли через Азербайджан. В самом Азербайджане гигантских размеров озеро Урмия соединяло разные города и облегчало торговлю и транспортное сообщение ¹⁸.

На юге англичане сопротивлялись развитию промышленности, продукция которой могла бы конкурировать с их собственными товарами. Проводя меркантилистскую имперскую политику, они не осуществляли индустриальное развитие в своей империи, даже в густонаселенной Индии. Кроме того, промышленному развитию препятствовала низкая плотность населения в британской сфере влияния. Единственными предприятиями промышленности, которые англичане строили на юге, были нефтеочистительные заводы, где иранские рабочие перерабатывали сырую нефть для последующего экспорта. В конце каджарской эры в стране действовала 61 фабрика; все эти фабрики, за исключением одной, были расположены в северных провинциях, т. е. в русской сфере влияния. Русские проложили железнодорожную линию между Энзели и Рештом и еще одну между Тебризом и Джульфой; они также построили шоссе между Энзели и Тегераном. Русские модернизировали гилянский порт Энзели, через который в XIX в. в основном осуществлялись торговля и транспортное сообщение с континентальной Европой, что превратило Энзели в один из самых процветающих городов Ирана ¹⁹.

Очевидно, что торговля с Россией была выгодна главным образом среднему классу на севере. Численность и значение среднего класса в Гиляне и Азербайджане заметно возросли, и в конце каджарской эры в Азербайджане средний класс был самым большим как численно, так и в процентном отношении по сравнению с любой другой провинцией Ирана ²⁰. Экономические связи между северным Ираном и царской Россией политически развивали местное население. Крестьяне на севере, даже в нищем северном Курдистане, были грамотнее своих южных собратьев, и северные купцы часто посылали детей в царские университеты для получения образования ²¹.

Культурные контакты расширялись и благодаря трудовым соглашениям. Русские рабочие приходили в Азербайджан и Гилян, а гилянские и азербайджанские рабочие отправлялись в Россию в качестве сезонников. На русских рыбных промыслах в Гиляне было занято 4200 рабочих; 3000 из них были российскими гражданами. В конце кад-

жарской эры 3300 русских трудились на строительстве шоссейных и железных дорог в северном Иране.

Число иранцев, работавших в царской России, было еще более впечатляющим (см. табл. 2.2): по официальным данным за 1905 г., в России тогда работало 62 тыс. иранцев. В 1913 г. 81 971 персидский рабочий был зарегистрирован в Закавказье и, несомненно, значительно большее количество не было зарегистрировано. Нефтяные промыслы в Закавказье нуждались в их дешевом труде; в первом десятилетии XX в. 50% нефтяников в Баку были иранцами, большей частью азербайджанцами, которых объединял с местным населением общий язык. Согласно переписи 1920—1921 гг., в Советском Азербайджане проживало 41 020 иранцев; остальные 159 тыс. иранцев работали в других частях Советской России, главным образом в Туркестане²². Иранские литература и учебные заведения процветали на Кавказе. Иранские купцы, жившие в Баку, открыли в этом городе школы с ускоренным курсом обучения для своих соотечественников, а также основали несколько газет.

Как в царской, так и в Советской России существовало множество иранских революционных групп. Социалисты-революционеры, дашнаки и, самое главное, социал-демократическая партия привлекали к себе многих иранских рабочих и интеллигентов. Социал-демократическая партия Ирана, созданная в Баку, была фактически Коммунистической партией Ирана.

Рабочие возвращались в Иран из Баку (в 1913 г. таких было 65 971²³), обретая новое политическое сознание, результатом чего было появление в Иране левых политических партий. Иранские рабочие не только открыли для себя политические идеологии Запада, они избавились от иерархической, религиозноцентристской политической культуры Ирана. Вначале иранские рабочие сплотились в комитетах, и эти комитеты действовали наперекор всему традиционному расовому и религиозному разделению иранского общества. Армяне, ассирийцы и азербайджанцы объединились с грузинскими рабочими и совместно участвовали в демонстрациях и в политической деятельности. Они впервые ощутили свою силу как класс. На Кавказе иранские рабочие с севера страны обрели радикализм и классовое сознание²⁴.

Новые политические идеи, приходившие из Закавказья, быстро распространялись в северном Иране одновременно с потоком новых изданий. Например, в Гиляне и других провинциях в правление Насер эд-Дин-шаха (1848—1896) дала о себе знать анархистская идеология²⁵. Рабочие, возвращавшиеся из России и зараженные революционным духом, приносили пропагандистские материалы;

Таблица 2.2

Торговля Ирана с Россией
и поездки иранцев в Закавказье,
отдельные годы

Год	Число иранцев	Торг вля, тыс. руз.
1850	...	4 707
1852	4 852	...
1860	...	4 857
1870	...	5 965
1880	...	10 973
1890	...	12 679
1891	15 615	...
1892	16 488	...
1893	15 906	...
1894	17 373	...
1896	19 939	...
1897	22 861	...
1898	26 355	...
1899	29 735	...
1900	16 627	...
1901	22 776	36 392
1902	27 570	...
1903	32 866	...
1904	59 121	...
1905	...	70 530

Для многих лет сведения отсутствуют. Цифры взяты из следующих источников: *Адамият Ф.* Ферке демокрасие эджтемай, с. 15; *Чакери Х., ред.* Аснаде тарихи. Т. 8, с. 58—59; *Гасеми Ф.* Сандикализм дар Иран, с. 38—39; *Равазини Ш.* Sowjetrepublik Gilan, с. 124.

русскую революционную газету «Искра» начали посылать в Иран в 1901 г.²⁶ Во время иранской Конституционной революции заметную роль в Азербайджане и Гиляне играла радикальная интеллигенция, многие черты политической философии которой были заимствованы из России.

В южном Иране британская торговая гегемония также вела к развитию культурных контактов. Однако поскольку британская меркантилистская политика активно препятствовала развитию местной промышленности, англичане не основывали на юге фабрик и не поощряли их создание; отсутствовала (по очевидным географическим причинам) и миграция иранских рабочих между иранскими и британскими промышленными центрами. Поэтому культурное влияние Англии было ограничено элитарным кругом купцов и вождей племен, с которыми англичане поддерживали экономические

или политические отношения, и армянами, среди которых британским миссионерам было позволено проповедовать. Таким образом, русское культурное влияние на севере было несравнимо с британским на юге.

Начало реформаторского движения

Мирза Таги-хан, именовавшийся также Амир Кабир (Великий эмир), премьер-министр Ирана в 1848—1851 гг., понимал необходимость реформ во внутренней и внешней политике. Сын повара в семье Фарахани в Тебризе, он был взят сначала ко двору Аббас-мирзы, затем его сына Мохаммед-мирзы и, в конце концов, ко двору Насер эд-Дина (позднее ставшего шахом). Побывав в составе дипломатических миссий в России и Османской империи, Таги, бегло говоривший по-русски, был потрясен контрастом между прогрессом Европы и отсталостью Ирана. Став премьером, он укрепил свою тесную связь с династией традиционным для Ирана способом, женившись на сестре Насер эд-Дин-шаха.

Понимая опасность, которую балансирование между Великобританией и Россией создает для суверенитета Ирана, Таги избрал новую политику, которая позднее стала известна как политика пегативного равновесия: он отказался предоставлять концессии как на юге, так и на севере; запретил иностранным гражданам приобретать в Иране землю; существенно ограничил влияние России на Каспийском море и Англии в Персидском заливе. Он заменил всех губернаторов, выказывавших пристрастие и к Англии, и к царской России, и запретил шаху встречаться с иностранными дипломатами в свое отсутствие²⁷.

Таги-хан предпринял также шаги для усиления внутренней политики Ирана, утвердив власть центрального правительства и установив военные посты на торговых путях. Эти действия вызвали множество мятежей, в том числе бабидов в Азербайджане, Мазендеране и Гиляне, и антицентралистские восстания племен в Хорасане, Белуджистане, Фарсе, Каспийском регионе и на побережье Персидского залива. Таги подавил все эти выступления.

Официальный титул Таги-хана был Амир Низам («князь порядка», главнокомандующий), да и сам он ощущал себя прежде всего военным. Он взял на себя контроль над армией; стремясь подорвать сепаратизм, он назначал профессиональных военных командовать вооруженными силами в провинциях, вместо того чтобы полагаться на традиционную для Каджаров сеть местных ханов. Он сформировал гарнизон Тегерана из подразделений, набранных во всех провин-

циях Ирана. Он также попытался ввести систему единого обучения и регулярной выплаты жалованья офицерам, унтер-офицерам и рядовым, создав для этой цели специальный финансовый аппарат. Таги-хан поощрял развитие образования как внутри Ирана, так и за его пределами, особенно в военной сфере и в области промышленной технологии. Он основал Дар оль-Фонун (Политехническую школу), рассчитывая, что она станет военной академией. Консультанты для этой школы прибыли из Франции и Австро-Венгрии, стран, не испытывавших традиционного интереса к Ирану²⁸. Таги-хан основал первую иранскую газету — «Вагаеэ этте-фагис» («Важные события») и руководил созданием первой в Иране современной почтовой службы. Он поддерживал народное здравоохранение, явился инициатором вакцинации против оспы в Тегеране и распорядился о проведении первой переписи населения столицы.

Таги-хан придавал большое значение развитию иранской экономики. Он предоставил финансовую помощь крестьянам, чтобы увеличить производство продукции для внутреннего потребления, и освободил крестьян Хузестана и Мазендерана от уплаты налогов, побудив их вкладывать средства в производство сахара. Он способствовал введению покровительственных тарифов и выделению субсидий для «младенческой» промышленности, особенно для сухожных мануфактур, и поощрял их владельцев конкурировать с европейскими производителями точно так же, как с любыми другими. Чтобы одеть свою армию, он открыл 15 фабрик, большинство которых находилось в Азербайджане²⁹. Таги также сбалансировал национальный бюджет, подчинив финансы провинций централизованной администрации под своим контролем.

Находясь под впечатлением проведенных в его время турецких административных реформ, Таги-хан основал Диван-хане (Дом правительства) в попытке централизовать управление государством. В политической сфере он обуздал nepотизм и коррупцию. Он ограничил вмешательство шахи-матери в дела правительства (как явствует из перечисленных выше реформ), а также финансовые и властные полномочия местных ханов.

Программы Таги-хана, как и планы Аббас-мирзы, осуществлялись с осторожностью, диктуемой отношением к ним духовенства. В Дар оль-Фонуне, например, выполнение религиозных ритуалов было частью дневного распорядка студентов³⁰. В военном деле, культуре и экономике, как и во внешней политике, главной целью Таги-хана были национальное единство и независимость. Хотя частичные реформы Таги-хана не изменили государственный строй или характер экономики Ирана, они сделали старые структуры бо-

лее эффективными. Шахиня-мать, двор, высшее духовенство и сам шах все больше опасались роста его власти. В 1851 г. Таги-хан был смещен со своего поста и убит.

Во второй половине XIX столетия политике позитивного равновесия в отношениях с Англией и Россией соответствовала сбалансированная политика внутри страны: шах назначил своего старшего сына, пробритански настроенного Масуда Мирзу Зель ос-Султана правителем Исфахана и Фарса в противовес присутствию прорусски настроенного наследного принца Мозаффар эд-Дин-мирзы в Азербайджане³¹. Из-за все возраставших уступок совокупный внешнеторговый дефицит увеличивался (см. табл. 2.3). Новая серия концесий, полученных британскими и российскими подданными, включала, что особенно важно, концессии, предоставленные британцу Уильяму Ноксу д'Арси (на нефть в Южном Иране) и в годы первой мировой войны прусзину Акакию Хоштария (на нефть в северных провинциях). В 1879 г. Насер эд-Дин-шах сформировал и передал под командование русских офицеров казачью бригаду; на десятилетия она стала единственным надежным соединением в иранской армии. Англичане ответили на это вводом индийских войск для охраны своих дипломатических миссий³².

Таблица 2.3

Внешняя торговля Ирана
в 1900—1922 гг., млн. риалов

Годы	Импорт	Экспорт	Дефицит
1900—1901	225,4	147,3	108,1
1905—1906	386,5	293,1	93,4
1910—1911	484,5	375,4	109,1
1913—1914	617,2	455,9	191,3
1916—1917	494,8	433,9	60,9
1918—1919	476,3	270,9	205,4
1919—1920	529,0	309,0	220,0
1921—1922	609,7	179,4	430,3

Размеры экспорта в 1918—1919 гг. и в последующие годы не включают доходы от нефти. Данные взяты из: *Чаке-ри Х., ред.* Аснаде тарихи. Т. 8, с. 52, 185; *Султанзаде.* Персия. М., 1924, с. 50.

После путешествия по Европе в конце 1870-х годов Насер эд-Дин попытался вовлечь Германию в качестве третьей силы в политические и экономические отношения Ирана с другими державами. Военные успехи Отто фон Бисмарка и прусский стиль управления произвели большое впечатление

на каджарского шаха, и Насер эд-Дин решил попросить германские фирмы заняться железнодорожным строительством и развитием судоходства на юге. Противодействие Англии положило конец этому плану³³.

Насер эд-Дин был самым решительным правителем в династии Каджаров. Потрясенный убийством царя Александра II, он резко ограничил путешествия в Европу и запретил представителям либеральной политической мысли преподавать в Дар оль-Фонуне. Его интерес к Европе не распространялся на сферы культуры и политики. Авторитарный стиль правления царя Александра III укрепил Насер эд-Дина в решении не делегировать никому власть и не делиться ею³⁴. Когда шах учредил министерства по европейскому образцу, министры должны были обо всем докладывать ему, и он выносил окончательное решение. Шах натравливал друг на друга министров и губернаторов, чтобы предотвратить любую возможность появления человека, способного бросить ему вызов. Желая укрепить монархию, шах препятствовал усилению высшей бюрократии и армии. Неудивительно, что это умышленное стремление сохранить немощность администрации в конце концов ослабило монархию, когда во время Конституционной революции она столкнулась с организованной оппозицией³⁵.

После падения Таги-хана реформаторское движение лишилось поддержки властей. Реформаторы, хотя и появлялись, оказывали слабое влияние на правительство, если вообще имели его. Самыми заметными иранскими реформаторами во второй половине XIX столетия были сейид Джамаль эд-Дин аль-Афгани и мирза Мальком-хан. Джамаль эд-Дин был необычным, даже таинственным реформатором, способствовавшим распространению национализма на всем Среднем Востоке. Он родился в Асадабаде, возле Хамадана, учился в файзие, теологической школе в Казвине. Там он примкнул к секте шейхитов и воспринял шейхитскую и бабидскую ереси.

Шейхиты, члены отколовшейся шиитской секты, возникшей в 1810-х годах, верили, что Бог дал каждому поколению Истинного шиита, или Баба («баб» — «дверь», «врата»), через которого верующий может общаться со скрытым (двенадцатым) имамом и который возглавит мусульманскую общину и установит подлинную религиозную и социальную справедливость. Бабиды пошли за сейидом Али Мохаммедом Ширази, который объявил, что он и есть Баб.

Баб выступал за социальные и экономические реформы (включая легализацию ростовщичества и гарантированную законом защиту прав торговцев), эмансипацию жепшии и ликвидацию коррупции и безнравственности. Бабизм пропо-

ведовал согласие между религией и наукой и создал идеологический базис для восстания 1848—1850 гг. в северном Иране, в том числе в азербайджанских городах Зенджане и Тебризе, где влияние шейхитов было велико. Восстание получило массовую поддержку в городах и прилегающих к ним районах, где были популярны антифеодальные аспекты бабидской доктрины. После того как восстание было потоплено в крови, ветвь движения во главе с Бахауллой, ставшим преемником Баба, отказалась от насилия и стала проповедовать духовное единство человечества, продолжая в то же время пропагандировать необходимость социальной эволюции. Последователи этого вероучения стали известны как бахаиты. Другая ветвь — секта азали, во главе с братом Бахауллы, Азалом, — продолжала проповедовать насилие, но была загнана в подполье³⁶. Шейхизм и бабизм придавали особое значение роли социального и научного прогресса в истории и роли экономики в общественных отношениях. Эта концепция прогресса, по-видимому, оказала большое влияние на Джамаль эд-Дина.

Покинув Иран (по-видимому, из-за доктринальной полемики с шиитскими иерархами), Джамаль эд-Дин пустился в странствия. Вначале он отправился в Индию, где, вероятно, был свидетелем восстания сипаев в 1857 г., затем в Афганистан, Турцию, Египет, Ирак и, в конце жизни, во Францию, Россию и Англию. Во время своих путешествий он принял имя «аль-Афгани», объявив тем самым о своем афганском происхождении, чтобы духовенство в суннитских странах, которые он посещал, не относилось с пренебрежением к его шиитскому образованию. Где бы Джамаль эд-Дин ни находился после своей поездки в Индию, он проповедовал необходимость политических реформ и усвоения западной технологии. Целью его жизни, как он писал, было «пробудить в любой мусульманской стране стремление к силе и лидерству, с тем чтобы исламская община могла догнать цивилизованные нации мира»³⁷. Джамаль эд-Дин был интеллектуальным отцом панисламистского движения; несмотря на то что он осознал огромную привлекательность национализма, он сосредоточил свое внимание в первую очередь на исламе и на концепции исламской уммы, общины, как идеологической базы антиимпериалистического движения. С этой целью Джамаль эд-Дин попытался уговорить правителей Ирана, Турции и Египта реформировать свои правительства. Когда они не обратили внимания на его совет, он стал добиваться ограничения абсолютной власти монархов. «Мудрейшие улама», внушал он, должны надзирать за осуществлением исламского закона и обуздывать власть коррумпированных светских правителей³⁸.

В Иране, до своего разрыва с шахом, Джамаль эд-Дин вошел в состав шахского консультативного совета и побуждал Насер эд-Дина к реформам, в том числе к изменениям в своде законов. Шах, напуганный ограничениями, которые эти перемены налагали на власть монарха, выслал его из страны. Впоследствии Джамаль эд-Дин вернулся в Иран и проповедовал революционные идеи у гробницы святого недалеко от Тегерана; особенно резко он критиковал распутство шаха³⁹ и даже оправдывал его убийство.

В 1891 г. Джамаль эд-Дин находился в Лондоне одновременно с Мальком-ханом, и они наладили эффективное литературное сотрудничество. Мальком-хан был сыном богатого армянского купца из Исфахана, ратовавшего за реформы и находившегося под влиянием программы Таги-хана. Мальком-хан перешел в ислам. Он учился во Франции, где стал горячим сторонником западных научных и политических концепций. Он преподавал инженерное дело и географию в Дар оль-Фонун и основал в Тегеране Дом забвения по образцу созданного масонами. Став советником шаха, он поддерживал продажу государственной земли крестьянам. Реформы, к которым он побуждал шаха, его связи с масонами, его предложение учредить государственную лотерею и его армянское происхождение раздражали уламу, и они сговорились, что он будет отправлен в Англию в качестве посла. После 1889 г. Мальком-хан полностью порвал с шахом⁴⁰.

Находясь в Лондоне, Мальком-хан написал книгу («Иранская политика»), в которой выступил за ограничение шахского деспотизма и за принятие конституции, предусматривающей разделение властей. Он предложил разработать гражданский кодекс для поощрения экономики и культурного прогресса. Вместе с Джамаль эд-Дином Мальком-хан стал выпускать газету, дав ей название «Канун» («Закон»), слово, которое шах ненавидел. В этом издании сочетались панисламизм Джамаль эд-Дина и конституционализм Мальком-хана; в одной из статей предлагалось, чтобы моджтахеды, богословы, возглавили массы и создали национальный парламент при сохранении монархии. «Улама должны привести в движение массы, чтобы те сместили коррумпированные власти. Однако позиции монарха должны быть сохранены... Люди образованные, обладающие большим опытом, вожди и моджтахеды должны прибыть из всех провинций страны, чтобы сформировать великий национальный парламент»⁴¹.

В то же время Джамаль эд-Дин сохранил связи с иранской шиитской иерархией. Трения между духовенством и шахом возникли уже тогда, когда шах назначил своего зятя

имам джоме, т. е. руководителем пятничной молитвы, в Тегеране. Народ отказался признать религиозный авторитет шахского ставленника и продолжал подчиняться духовным лицам, которых назначили аятоллы⁴². Джамаль эд-Дин искусно использовал этот разлад: в 1891 г. он написал письма улама, в первую очередь великим аятоллам в Месопотамии, призвав их осудить предоставление шахом концессий другим государствам. Последний случай — передача британской компании исключительных прав на продажу и экспорт табака — стал под влиянием Джамаль эд-Дина поводом для издания великими аятоллами фетвы, религиозной прокламации, которая вызвала массовую оппозицию этой концессии. Табак подвергся бойкоту на всей территории страны — от шахского гарема до самой отдаленной деревни. Улама, несомненно, обладали могуществом и налаженной системой связи, которых не хватало шаху. Наиболее активно поддерживал этот бойкот Азербайджан (особенно Тебриз, где многие купцы понесли убытки из-за концессии)⁴³. Вскоре шах подчинился давлению и аннулировал концессию. В этом эпизоде ярко проявилось могущество религии как силы, способной мобилизовать в массах чувство ненависти к иностранцам.

Керзон отмечал: «В Персии при любых общественных беспорядках усилению реакции всегда способствовали ретрограды и духовенство... Здесь уже широко распространилось недовольство политикой предоставления концессий иностранцам, которую шаха недавно уговорили начать, и последнее успешное выступление против табачной корпорации было вызвано движением, которое более сильное правительство могло бы легко подавить. Муллы открыто читали проповеди, направленные против европейцев»⁴⁴.

После табачного бойкота общественное недовольство действиями властей не утихло. Даже в шахском окружении британский посланник обнаружил серьезное недовольство недостатком безопасности и справедливости в стране. Посланник предсказывал, что народное восстание неминуемо, если шах не осуществит решительные социальные и политические реформы⁴⁵.

В 1896 г. Насер эд-Дин-шах был убит. Убийца, мирза Реза Кермаши, был последователем Джамаль эд-Дина, на него оказал влияние также русский нигилизм⁴⁶. Сын Насер эд-Дина, Мозаффар эд-Дин (1896—1906), был слабым лидером, и роль монарха в государстве уменьшилась. Если при сильной личности монархия была (относительно) сильна, то при слабой она была очень слаба. При Мозаффар эд-Дине обострилось соперничество России и Англии за концессии, что увеличило приток денег, необходимых для монарших

путешествий в Европу. Тем временем движение за реформы, менее стесненное, чем при Насер эд-Дине, заговорило о себе полным голосом.

В первые годы XX столетия возникло множество организаций, выступавших за реформы. Поначалу большинство их интересовалось в основном образованием. Лидеры реформаторов, в том числе прогрессивно настроенный мулла Мирза Насролла Малек оль-Мотакаллемин («Царь ораторов») в Тегеране и Мирза Мохаммед Али-хан Тарбият («Образование») в Тебризе, основали педагогические журналы, общества, школы и библиотеки. Некоторые из этих новых школ, включая созданную Хаджи Мирзой Яхьей Доулатабади, специалистом в области сельского хозяйства и купцом, происходившим из духовной семьи (позднее основателем Партии умеренных), имели религиозное направление. Остальные, в том числе основанная Мирзой Хасаном Ромидие, управлявшим азербайджанскими школами в Закавказье, носили более светский характер⁴⁷.

Из обществ, посвятивших свою деятельность образованию, выросло немало политических организаций. Революционный комитет, созданный в 1904 г. в Тегеране группой интеллигентов во главе с оль-Мотакаллемином, призывал к формированию светского правительства и к религиозной терпимости. В состав комитета входили Доулатабади, сторонник светской школы проповедник Джамаль эд-Дин Исфাহани и братья Искандари, Яхья Мирза и Солейман Мирза. Семье Искандари (возводившей свое происхождение к каджарским принцам), открытой для западной политической философии, суждено было сыграть огромную роль в истории иранского левого движения⁴⁸.

Другая реформистская организация, «Тайное общество», основанное в Тегеране в 1905 г., рекрутировала своих членов не из среды вестернизированной интеллигенции, а из традиционного религиозного среднего класса. Одним из основателей был мулла Назем оль-Эслам Кермани — будущий историк Конституционной революции. В число основателей входили также аятоллы сейид Абдолла Бехбехани и Саид Мохаммед Табатабаи, главные религиозные лидеры в Тегеране; оба они использовали свое немалое влияние на базар и стали ключевыми фигурами в эпоху Конституционной революции и в последовавший за нею период. Требования, выдвигавшиеся обществом, включали создание национального кодекса правосудия («Дома справедливости»), имеющего целью унифицировать законы и их применение, выработку справедливой налоговой системы, действующей на всей территории Ирана, развитие экономики и системы образования, применение религиозного закона⁴⁹.

Мощный вызов, брошенный британскому правлению в англо-бурской войне, и последовавшая за этим победа Японии в русско-японской войне 1905 г. вызвали в Иране интеллектуальную и политическую бурю. Мысль о том, что страна, еще недавно отсталая, может победить в столкновении со значительно более крупным, лучше организованным европейским государством, была чрезвычайно привлекательна. Иранская литература изобиловала восхвалениями сильного централизованного правительства Японии, ее мощных вооруженных сил и ее конституционного строя. Поразительной чертой этой литературы был упор на роль лидеров Трансвааля и Японии как символов достижений их стран. Годы спустя конституционное движение найдет свой собственный символ — в лице полковника Реза-хана из казачьей бригады⁵⁰.

Конституционная революция в России в 1905 г., явившаяся в значительной степени реакцией на русско-японскую войну, произвела еще большее воздействие: сведения о событиях в России и российские политические идеи быстро распространились в Иране. Стало известно о «кровавом воскресенье», когда русское духовенство помогло мобилизовать массы, и муллы убеждали не следовать примеру русского отца Галова и не становиться проводниками социального прогресса. Сеяли недовольство книги и статьи, рассказывавшие о свержении французской монархии; Дантон и Робеспьер стали символами победившей революции. Переводилась и широко расходилась нигилистская и другая радикальная литература⁵¹.

Отличительной чертой периода, наступившего после 1905 г., было появление повсюду в стране множества газет и журналов, большинство которых имели политическую или социальную направленность: более 150 издавалось в Тегеране, 50 — в Тебризе, около 15 — в Гиляне. Подавляющее большинство изданий приходилось на северные провинции, включая Тегеран; наиболее горячую поддержку Конституционной революции оказывала, как правило, тебризская пресса. Ведущий азербайджанский поэт Али Акбар Сабери Тебризи писал зажигательные стихи о необходимости конституции; вдохновенная азербайджанская литература, в свою очередь, оказывала влияние на персидских писателей⁵².

Лингвистическая и культурная близость Азербайджана с Турцией и Кавказом делала Азербайджан центром усвоения западного политического и литературного влияния. Политическое брожение в Турции и России содействовало развитию азербайджанской политической литературы. Печать конституционалистов по всей стране находилась под влиянием азербайджанской социалистической газеты «Мол-

ла Насреддин» (она была названа по имени комического персонажа иранских народных легенд), издававшейся на Кавказе с 1906 по 1931 г.; она была антифеодальной и яростно антиклерикальной, выступала как против панисламизма, так и против пантюркизма⁵³.

Выдающимся примером воздействия политического брожения в России и подъема Японии на иранских интеллигентов в начале XX столетия была деятельность Абдуррахима Талибов-и Тебризи. Сын азербайджанского купца, Талибов писал о Таги-хане и его реформах в красочных выражениях. Талибов ярко отражал секуляризм азербайджанской интеллигенции; он не раз бывал в Закавказье, особенно в Тбилиси, и прогресс России поразил его воображение; он изучал философию, приобщался к новейшим достижениям науки и выработал материалистический взгляд на мир. Как и на других иранцев, писавших после 1905 г., на Талибова произвело глубокое впечатление превращение Японии в мировую державу. Он связывал подъем Японии с ее конституцией, которая дала нации сильное центральное правительство. По мнению Талибова, сильные правители, такие, как император, были необходимы для стран Востока. Пробуждающийся на Востоке национализм может освободить восточные страны от эксплуатации со стороны Запада⁵⁴. В его работах критиковалась политическая и экономическая слабость иранских правительств, приведшая Иран к экономической зависимости и политическому бессилию⁵⁵; он подчеркивал необходимость создания сильного центрального правительства с сильными местной администрацией и армией: «Иран должен быть неделимой страной, единой нацией с общей религией»⁵⁶. Такое правительство должно сбалансировать бюджет и развивать промышленность. Талибов считал, что европейскую науку и промышленность необходимо приспособить к иранским условиям. Власть абсолютного монарха, утверждал он, должна быть заменена властью закона. Став за время пребывания в России сторонником секуляризма, Талибов относился к улама как к реакционной социальной силе. Он понял, что исламский закон неуместен в современном обществе.

Первый иранец, испытавший глубокое влияние социалистических идей, Талибов, в отличие от других реформаторов, живших на рубеже двух столетий, выступал за радикальное изменение социальных структур; правительство, утверждал он, обязано вмешиваться в экономику, чтобы уменьшить пропасть, разделяющую классы. Он предлагал полностью уничтожить феодальную систему путем радикальной, проводимой государством аграрной реформы, которая должна обеспечить перераспределение земли в пользу кре-

стьян⁵⁷. Произведения Талибова (все они были написаны на фарси, а не на азербайджанском языке) жадно читались иранскими рабочими на Кавказе и, будучи переправлены через границу, в Азербайджане.

Конституционная революция

В ходе иранской Конституционной революции возникло то тесное переплетение внешней и внутренней политики, которое сыграло столь важную роль в истории Ирана XX столетия. Корни революции лежали как внутри страны, так и вне ее; в свою очередь, она оказала сильнейшее воздействие как на внутривнутриполитическую ситуацию в Иране, так и на его положение в мире. Относительно нетрудно разглядеть ее причины, обусловленные внешней политикой страны. Внешнеполитический курс Мозаффар эд-Дина был более прорусским, чем при его отце, и его опора на династию Романовых ради получения займов тревожила англичан. Стремясь ослабить русское влияние в Иране, Великобритания предоставляла финансовую и политическую поддержку антикаджарскому, реформистски настроенному духовенству⁵⁸.

Внутренние политические и социальные факторы, вызвавшие Конституционную революцию, более сложны. В целом можно сказать, что революцию начал традиционный средний класс базара, но решающее влияние на ее течение оказали остальные классы. Базари, тесно связанные с духовенством, имели, как было отмечено выше, основательные причины желать реформ. Во время русско-японской войны резко подскочили цены на сахар, что побудило принадлежавшего к шахскому двору губернатора Тегерана усилить контроль над ценами; некоторые базари были подвергнуты телесному наказанию. Попытка правительства ограничить экономическое могущество базара добавилась к длинному списку нанесенных традиционному среднему классу обид⁵⁹, что превратило его в наиболее влиятельную силу в Первом меджлисе и в Конституционной революции в целом (см. табл. 2.4). Узы, связывавшие базари и духовенство, сделали их влияние решающим.

Высший и низший классы в общем были более консервативны, чем средние классы; в начале революции они твердо выступали против конституции. Мохаммед Таги Бахар объяснял это следующим образом: «В начале конституционной эры в Иране существовали две группировки: машрутика и мостабед („конституционалисты“ и „антиконституционалисты“) ... Высший класс, аристократы, и третье сословие, массы, были мостабедами; они называли конституционалистов „бого-

противными еретиками и анархистами“. Конституционалисты, меньшие числом, но образованные и интеллигентные, принадлежали ко второму, среднему классу. Они клеймили мостабедов как „невежественных угнетателей, реакционеров и эксплуататоров“. Таким образом, меньшинство народа было прогрессивно и революционно, а большинство — реакционно; но поскольку большинство улама также поддержали Конституционную революцию... прогрессивные силы одержали победу над силами реакции»⁶⁰. Таким образом, низшие классы, первоначально бывшие союзниками контрреволюционных высших классов, часто использовались проконституционным духовенством для поддержки революции.

В 1905—1906 гг. прошла серия забастовок и бунтов, инициатором которых было духовенство (как было отмечено выше, при финансовой и политической поддержке англичан). В самой важной забастовке, летом 1906 г., приняли участие духовенство, студенты-теологи и почти все гильдии базара. Все объединились в этой забастовке; комитет, состоявший из старейшин базарных гильдий, собирал у богатых купцов деньги для забастовщиков, а студенты Дар оль-Фонун читали лекции о преимуществах республиканской формы правления⁶¹. Забастовщики нашли убежище в саду британского посольства, парализовав в стране судебное производство и торговлю. Они требовали учреждения «Дома справедливости» (Адалят-хане); воспользовавшись тем, что революционное движение получило импульс, светские реформаторы потребовали введения конституции и созыва парламента Мозаффар эд-Дин вынужден был удовлетворить требования.

Конституция, поспешно написанная получившими европейское образование придворными по образцу бельгийской, ограничивала шахскую власть и обеспечивала создание национального меджлиса, парламента, который должен был руководить государственными делами. Кабинет министров был ответствен перед парламентом, а не перед шахом; шах не имел права распускать парламент. Конституция сделала фарси официальным языком центральной и провинциальной администрации, а шиитский ислам — официальной религией. Она запрещала представителям религиозных меньшинств занимать министерские посты и (вначале) места в парламенте и провозглашала неприкосновенность частной собственности. Конституция включала важную статью 24, предоставлявшую меджлису контроль над национальными ресурсами. Эта статья предусматривала, что все концессии или соглашения, в которых участвуют иностранные граждане или государства, должны ратифицироваться меджлисом. Появившись как реакция на раздаривание концессий, результатом чего явилась экономическая и политическая деграда-

ция Ирана, статья 24 стала главным фактором, определявшим внешнюю политику Ирана в последующие годы⁶².

Выборы в парламент были не прямыми: они проводились через местные энджумены, советы; закон о выборах был классово ориентирован и явно благосклонен к Тегерану. Депутаты должны были принадлежать к одной из семи классовых группировок: каджарским принцам, нобилитету, улама, торговцам базара, гильдейскому купечеству, земельным собственникам, фермерам-земледельцам — и обязательно владеть собственностью. Они должны были уметь бегло говорить, читать и писать на фарси. (Эти дискриминационные условия были направлены против кандидатов от Азербайджана.) За Тегераном было закреплено 60 мест; многонаселенные Хорасан и Азербайджан получили только по 12 мест. Это непропорциональное распределение было явно сделано в пользу столицы⁶³. Более того, меджлису было разрешено собраться сразу же по завершении выборов в Тегеране, не дожидаясь, пока провинциальные депутаты будут избраны или займут свои места. Этот элитарный и тегераноцентристский закон о выборах сыграл важную роль в последующих политических кризисах.

Конституция предусматривала также созыв сената, или палаты айанов (нобилей). Высшая палата, половину членов которой назначал шах, должна была усилить влияние аристократии и шаха на правительство; социал-демократы в то время препятствовали ее созданию⁶⁴. Конституция также оговаривала, что премьер-министр и его кабинет должны утверждаться меджлисом, но не устанавливала, кто будет фактически назначать премьера — монарх или меджлис. В первые годы после принятия конституции предпочтение, как правило, отдавалось меджлису; шах лишь утверждал предложенного меджлисом кандидата. Позднее шахи отменяли эту процедуру всякий раз, когда чувствовали себя достаточно сильными (или грозными), чтобы сделать это.

Придворные масоны помогли убедить Мозаффар эд-Дина утвердить новую конституцию. Ахмед Кавам ос-Салтане, в то время секретарь наследного принца, жившего в Тебризе, вместе с другими масонами, получившими французское образование, уговаривал шаха поддержать конституцию. Иранское масонство, в первое время включавшее лишь аристократов и богатых купцов, связанных с британскими или французскими масонами, оказалось в центре движения за умеренные реформы по европейскому образцу⁶⁵.

Первый меджлис собрался в октябре 1906 г. Под давлением азербайджанской делегации в меджлисе и тебризского провинциального энджумена была принята поправка к конституции, разрешавшая провинциям вести собственные ад-

министративные и финансовые дела через провинциальные и местные ассамблеи. Другая поправка (принятая под давлением Тебриза, несмотря на сильную оппозицию улама) признавала равенство прав религиозных меньшинств перед законом и разрешала каждому меньшинству иметь видимость представительства в меджлисе ⁶⁶.

После того как в конституцию была внесена поправка, вводившая местную административную автономию, возникла неписаная традиция: когда центральное правительство назначало губернатора провинции, он, прежде чем занять свой пост, должен был быть утвержден провинциальным энджуменом. Такая практика, распространившаяся по всей стране, но особенно часто применявшаяся в Азербайджане, была впервые введена в обиход азербайджанским энджуменом. Пренебрежение тегеранского правительства к этой традиции вызвало недовольство в Азербайджане и остальных провинциях после второй мировой войны ⁶⁷.

Таблица 2.4

Классовый состав депутатов первого меджлиса, %

	Депутаты	Сенаторы
Землевладельцы (включая духовенство)	21	18
Торговцы базара и гильдейские купцы	37	29
Государственные служащие	16	19
Духовенство (не имеющее земельной собственности)	17	25
Служащие, занятые на частных предприятиях	4	3
Специалисты, работающие на себя	5	6
Низшие классы:	0	0

Источник: *Шоджаи* З. Намаяндеган, с. 176, 250.

На юге энджумены появились в течение и после русской революции 1905 г.; они были иранскими двойниками советов. В Тебризе, тесно связанном с Кавказом, находился первый и самый радикальный энджумен страны ⁶⁸. Во время иранской Конституционной революции энджумены стали важными политическими центрами; сэр Перси Сайкс назвал их «становым хребтом Конституционной революции» ⁶⁹. Энджумены также отражали раздробленность иранской политической жизни; они во множестве появились в большинстве городов. Некоторые из них, те, что позднее превратились в гильдии и профсоюзы, были профессиональными ассоциациями; прочие состояли из представителей определенных этно-

религиозных групп, таких, как армяне, зороастрийцы и евреи. Энджумен, основанный в Тегеране семьей Искандари (несмотря на яростное сопротивление духовенства), был чисто женским. Еще один тегеранский энджумен, ставший центром политических интриг, направленных против Конституционной революции, и возглавлявшийся духовными лицами, именовался «Анджомане Мохаммади» («Энджумси Мухаммеда»). В Бендер-Ленге (на побережье Персидского залива) существовали шиитский и суннитский энджумены. Провинциальный энджумен в Реште был первым, принимавшим в состав своих членов представителей всех конфессий; было объявлено, что армяне, евреи и представители прочих религиозных меньшинств имеют те же права, что и остальные иранцы. В одном только Тегеране во время Конституционной революции существовало 140 энджуменов, в том числе «Анджомане Каджарийе» для каджарских принцев, который поддерживал шаха против конституционалистов. Деятельность выступавших в поддержку конституции тегеранских энджуменов координировал Комитет энгелябе мелли (Национальный революционный комитет)⁷⁰.

Отделения Социал-демократической партии в Реште и Энзели основали крестьянский «Аббаси анджоман», который выступал за то, чтобы крестьяне не выплачивали помещикам их часть урожая и даже изгоняли земельных собственников. В одном небольшом районе в Гиляне крестьяне по собственной инициативе сделали попытку пойти еще дальше и избрали второстепенного члена гильдейского энджумена своим «королем». Он вовлек крестьян в восстание, подобное тому, какие происходили в средневековой Европе, когда крестьяне отбирали помещичью собственность⁷¹. В ответ гиланские помещики создали «Анджомане маллакин» («Помещичий энджумен»); он обратился к конституционалистам-муллам в парламенте с просьбой остановить восстание; Табатабаи наставлял крестьян, чтобы они соблюдали исламский закон и немедленно выплатили помещикам их долю. Восстание потерпело поражение в результате противодействия религиозных кругов, репрессий государства и питаемого рештскими социал-демократами страха перед вторжением царских войск⁷².

В Тебризе действовали как религиозные, так и светские энджумены. В числе первых были «Анджомане исламийе» («Исламский энджумен») и тесно примыкавший к нему «Фотоват анджоман» («Энджумен великодушия»), состоявший из помещиков, которые поддерживали наследного принца Мохаммеда Али-мирзу. Самым известным светским энджуменом был «Анджомане эйялатийе Азербайджан» («Провинциальный энджумен Азербайджана»). Как о том свиде-

тельству его воздействие на ход Конституционной революции, он был самым влиятельным в Иране; в его составе преобладали купцы и ремесленники городского базара⁷³.

Власть энджуменов встревожила и меджлис, и шаха, так как ни тот, ни другой не одобряли провинциальную автономию. Азербайджанский провинциальный энджумен присвоил себе немало правительственных функций еще в то время, когда Мохаммед Али был наследным принцем, имевшим резиденцию в Тебризе; он создал современные полицейские силы и учредил светский суд по европейскому образцу, ввел контроль над ценами на основные продукты, осуществил конфискацию и перераспределение собственности спекулянтов. Он изгнал монархически настроенных мулл и сформировал вооруженную гвардию из моджахедов («борцов за святое дело») и федаев («жертвующих собой за святое дело») для защиты города от антиконституционалистов, сгруппировавшихся вокруг принца. (Так же именовались вооруженные добровольцы — члены Иранской социал-демократической партии, эффективно контролировавшей энджуменов.) В числе моджахедов и федаев были рабочие, бедняки горожане, мелкие буржуа, немногие крестьяне⁷⁴.

Большое воздействие на ход Конституционной революции оказало отделение Российской социал-демократической партии, созданное в 1904 г. в Баку; это была многонациональная социал-демократическая мусульманская ассоциация «Гуммет» («Власть»), основанная Нариманом Наримановым, врачом и драматургом, выходцем из Иранского Азербайджана⁷⁵. Позднее «Гуммет» вошла в состав российской большевистской партии. В то же время она явилась предтечей другой созданной Наримановым в Баку в 1904 г. организации, больше предназначенной для иранцев. Это была «Джамияте эджтемаюн амиюн», или Социал-демократическая партия Ирана (СДП-И; букв. — Социалистическая народная партия)⁷⁶.

Основатели СДП-И были иранскими эмигрантами, принимавшими активное участие в работе Российской социал-демократической партии, которая осуществляла широкую пропагандистскую и просветительскую деятельность среди рабочих. Важную организующую роль играл Иосиф Сталин; помощь оказывал и азербайджанский (с Кавказа) большевик М. Азизбеков. Под руководством Сталина и в сотрудничестве с бакинскими социал-демократами иранцы широко участвовали в рабочих забастовках в Армении и Закавказье во время русской революции 1905—1906 гг.⁷⁷ Основатели СДП-И считали экономику базисом общества: партия провозгласила себя «партией рабочих и крестьян»⁷⁸. Как и у других социал-демократических партий, организаци-

онная структура СДП-И основывалась на демократическом централизме и парламентской деятельности.

Платформа Социал-демократической партии включала формирование сильного центрального правительства, создание национальной армии, разделение политики и религии, принятие мер для совершенствования иранской экономики и введение обязательного обучения для всех, в том числе для женщин. Согласно платформе, все иранцы независимо от их религиозного, этнического или национального происхождения обладают равными политическими правами, включая право на забастовку⁷⁹. Упор на централизацию, сделанный СДП-И, объясняет, почему все ее публикации, касавшиеся организационных проблем, в том числе вышедшие в Азербайджане, Гиляне и Хорасане, были написаны на обычном фарси. Разногласия по вопросу о создании централизованного правительства, что предусматривало ограничение местной автономии, сохранились (как и разногласия по вопросу о централизованной организации) впоследствии в Персидской коммунистической партии и в Туде, а также оказали влияние на политику Национального фронта⁸⁰.

Нариманов послал Хайдар-хана Аму-оглы, инженера-азербайджанца, ставшего на Кавказе другом Сталина, в Иран для создания сети партийных ячеек. Деятельность Хайдара в Хорасане ничего не дала: религиозные власти объявили еретическим его желание провести электричество к гробнице имама Резы, но его усилия в Тегеране были более успешными⁸¹. Широкое распространение энджуменов облегчило Хайдар-хану создание первой ячейки СДП-И в азербайджанском энджумене в Тегеране (за нею вскоре последовали ячейки в Тебризе, Реште, Энзели и Мешхеде) с помощью Сеида Хасана Тагизаде, влиятельного лидера азербайджанского энджумена. Тагизаде был азербайджанский интеллигент из Тебриза, воспитанный на идеях ислама и тесно связанный с базаром; он исповедовал идеи шейхитов и был связан с группой Тарбията. Он возглавил Национальный революционный комитет и стал партийным лидером в Первом и Втором меджлисе.

Другие лица, позднее занявшие видное положение, появились в СДП-И во время Конституционной революции. Сеид Мохаммед Шабистари из Азербайджана был владельцем газеты «Иране ноу» («Новый Иран»), органа СДП-И в Тегеране. Его семья принимала активное участие в издании левой прессы вплоть до азербайджанской революции 1945—1946 гг.⁸² Поэт Мохаммед Таги (Малек ош-Шоара) Бахар возглавлял отделение СДП-И в Мешхеде, где партия встретила сильную оппозицию духовенства с самого своего основания, и издавал там ее газету⁸³. В Гиляне партию воз-

главлял Хосейн Джовдат, впоследствии участник Гилянской революции.

Азербайджанцы сохраняли свое влияние в СДП-И. Больше половины первоначальных членов ее руководства, включая председателя, тебризского писателя Махмуд Махмуда, были азербайджанцами⁸⁴. Наиболее влиятельным отделением СДП-И было тебризское; его исполнительный комитет именовался «Марказе гейби», т. е. «Секретный центр». Центр возглавлял азербайджанский купец Хадж Али Карбалайи, по прозвищу «Месье» (в персидском произношении «Мусио») из-за его интереса к истории Французской революции. Остальные одиннадцать членов были, как и Карбалайи, иранскими купцами, которые не раз посещали Россию. Через своих представителей в провинциальном азербайджанском энджумене в Тебризе центр контролировал этот орган власти. Выходившая в Тебризе на фарси партийная газета, носившая название «Шаффаг» («Вечерняя заря»), была самой неуловимой из всех изданий СДП-И⁸⁵.

Следуя опыту российской социал-демократии, СДП-И пыталась убедить рабочих в важности коллективных действий. В 1906 г. руководимый партией энджумен тегеранских типографских рабочих превратился в профессиональный союз. Этот профсоюз издавал газету «Эттефаге каргаран» («Единство рабочих»), которая защищала, среди прочего, забастовки по европейскому образцу. В 1910 г. под руководством социал-демократов печатники провели успешную стачку, добившись увеличения заработной платы и улучшения условий труда. Таможенники, почтовые и телеграфные служащие Тебриза, возможно также под влиянием социал-демократов, провели забастовку в знак солидарности⁸⁶. Таким образом, СДП-И положила начало рабочему движению в Иране.

Партия умеренных «Этедалиюн амиюн» (букв. «Народная умеренная партия») опиралась на более консервативную идеологию. Партию возглавляли Доулатабади и аятоллы Бехбехани и Табатабаи; в ее состав входили землевладельцы, базари, представители духовенства и вожди племен со всей страны. В то время как энджумены, эволюционировавшие в профсоюзы, примкнули к социал-демократам, энджумены, созданные гильдиями базара, поддерживали умеренных⁸⁷. Платформа умеренных была реакцией на программу социал-демократов. Она нападала на социал-демократов за их антирелигиозные взгляды и поддерживала религию, частную собственность и реформистское конституционное правитель⁸⁸.

Через несколько лет в Партии умеренных возникли два отчетливо выраженных крыла. Одно, возглавлявшееся ая-

толлой Сеидом Хасаном Модарресом, было более религиозным и консервативным. Другое крыло, руководимое Доула-табади и Мирзой Али Акбар-ханом Дехкода, виднейшим иранским прозаиком, происходившим из Казвина, города, где говорили преимущественно по-азербайджански, было более либеральным и секулярным. Дехкода, изучавший работы французского социалиста Жана Жореса, вместе с азербайджанцем Мирзой Касим-ханом издавал радикальную антиклерикальную газету «Сури Исрафил» («Труба Гавриила») ⁸⁹. В своей публицистике «Сури Исрафил» находилась под влиянием Мальком-хана, а в сатирических статьях — «Моллы Насреддина» ⁹⁰.

Борьба между религией и секуляризмом

Первый меджлис попытался принять законодательство, предусматривавшее создание сильной армии, сбалансировать бюджет и ограничить власть шаха. Когда Мозаффар эд-Дин в 1907 г. умер, последний вопрос приобрел особую важность, так как новый шах, Мохаммед Али, упорно противился тому, чтобы отказаться от контроля над армией и казной.

Первый меджлис принял светский юридический кодекс, сочетавший французские юридические концепции и традиционный исламский закон. Он прошел через парламент, несмотря на яростное сопротивление представителей духовенства, но никогда по-настоящему не применялся. Это законодательство представляло собой угрозу для духовенства, которое значительную часть своих средств к жизни и социального могущества черпало из монопольной власти над правосудием. Хотя либералы сумели сломить оппозицию духовенства в стенах парламента, они не смогли одержать над ним победу в обществе; народные массы и базари продолжали обращаться к духовенству по всем юридическим вопросам. Наиболее резкой критике представители духовенства в меджлисе подвергали «радикальную» деятельность тебризского энджумена ⁹¹. Мохаммед Али-шах использовал противоборство религиозных и светских концепций в меджлисе к своей собственной выгоде. Человек крайне религиозный, он вскоре убедил многих представителей духовенства — самым известным среди них был шейх Фазлолла Нури — отойти от программы конституционалистов.

Однако в политическом отношении духовенство было далеко не монолитно. Бехбехани и Табатабаи продолжали поддерживать конституцию. Разгоревшаяся в тот период среди духовенства интеллектуальная полемика по поводу конституции, особенно по вопросу о законности решений, прини-

мавшихся светскими ассамблеями, породила интереснейшую литературу. Аятолла Мохаммед Хосейн На'ини, ученик аятоллы Ширази, подстрекавшего к проведению табачного бойкота, провозгласил, что конституционное правительство является лучшей формой исполнительной власти в отсутствие скрытого (двенадцатого) имама; На'ини заявил, что правительство должно приносить пользу народным массам⁹². Секуляризм, явно преобладавший среди конституционалистов, особенно в находившихся под влиянием социал-демократов северных энджуменах, угрожал религиозному истеблишменту. Группа духовных лиц ответила На'ини, что шиитский закон не допускает, чтобы правительство консультировалось с мирянами (это противоречило шиитским богословским принципам), и что конституционное правительство — это инспирированная Западом ересь. Нападкам со стороны духовных лиц подверглась азербайджанская делегация. Талибов, заочно избранный в меджлис тебризским купеческим энджуменом, был главной мишенью для консервативных мулл, которые называли написанные им произведения еретическими и бабидскими. Сильная оппозиция со стороны улама (даже тех, кто выступал за конституцию) заставила Талибова отказаться от депутатского мандата⁹³. Более консервативные улама поддержали Мохаммеда Али-шаха в его стремлении установить контроль над военным министерством, главой которого он назначил своего дядю (и тестя). Шах настойчиво требовал, чтобы министры докладывали обо всем ему, а не парламенту и выполняли его приказания.

Шах сместил либерального премьер-министра Мошира од-Доуле, заменив его архиконсервативным Амин ос-Султаном, занимавшим пост премьер-министра более десяти лет при Насер эд-Дин-шахе и в течение нескольких лет при Мозаффар эд-Дине. Амин ос-Султан был известен как сторонник сильного автократического правительства. Конституционалисты были возмущены тем, что он в свое время предоставил много концессий европейским державам, в том числе в 1891 г. табачную концессию, и только что дал концессию д'Арси. После своего недавнего визита в Японию Амин ос-Султан пришел к выводу, что реформы необходимы и что осуществить их способно лишь автократическое правительство. В отличие от многих представителей иранской интеллигенции Амин ос-Султан понимал, что не конституция, а автократическое правительство Японии сделало эту страну могущественным государством.

Прибыв на царской канонерской лодке в Энзели, Амин ос-Султан натолкнулся на враждебность энджумена города-порта; холодный прием встретил его и в тегеранском парламенте. Шах назначил его премьером без консультации

с меджлисом, и он так и не получил вотума доверия⁹⁴. Он попытался добиться у Англии и России займов для личных потребностей шаха, снова не проконсультировавшись с меджлисом. Поскольку доплата дополнительным обеспечением для русского займа должна была (как это традиционно практиковалось) служить частью ресурсов северного Ирана, в первую очередь Азербайджана, провинциальный энджумен Азербайджана и азербайджанская делегация в меджлисе выступили против Амин ос-Султана как премьера. После этого Амин ос-Султан решил подавить конституционное движение в Азербайджане. Он приказал губернатору провинции (уже утвержденному местным энджуменом) принять более жесткие меры против конституционалистов. В Тегеране он поддержал Фазлоллу Нури и его концепцию машруйе, религиозного правительства, направленную против секуляристов.

Социал-демократы были встревожены деятельностью Амин ос-Султана. Тебризский федай из руководимого Хайдар-ханом азербайджанского энджумена в Тегеране, в котором доминировали социал-демократы, убил его. Устранение Амин ос-Султана сорвало с шаха маску конституционного правителя и открыто отвело ему роль смертельного врага конституции. Хайдар объявил, что необходимо уничтожить самого шаха, для того чтобы «пробудить массы». Неудачная попытка убить шаха, также организованная Хайдаром, радикализировала настроения либеральной интеллигенции и направила ее против шаха; однако это не принесло ни социал-демократам, ни конституционному движению поддержки масс⁹⁵.

Тем временем международная обстановка изменялась к невыгоде конституционалистов, если не прямо в пользу шаха. Превращение Германии в мировую державу и широкое распространение в северном Иране радикальных идей, грозивших переброситься в Индию, убедили Англию, что необходим компромисс с Россией относительно Ирана. Вот почему Англия предложила печально известный договор 1907 г. Этот договор делил Иран на две сферы влияния: Россия обретала гегемонию на севере, а Англия — на юге (между этими регионами находились нейтральные территории).

Российский министр иностранных дел А. П. Извольский оценил предложенный Великобританией договор как попытку «заручиться поддержкой России в качестве жандарма, чтобы помочь сохранить порядок среди азиатских народов» и предотвратить появление германского флота «у берегов Персидского залива» как результат распространения конституционных идей⁹⁶. Британский министр иностранных дел сэръ Эдуард Грей — «архитектор» этого договора — объяснял,

что в результате соглашения «мы освобождаемся от опасений, которые часто волновали британское правительство; постоянный источник трений и возможная причина войны устранены»⁹⁷. Царь желал компромисса после унижающего поражения в войне с Японией и последовавшей за ней смуты, вызванной русской революцией 1905 г.

Заключение договора 1907 г. было частью долговременной британской политики: не в последний раз Великобритания стремилась достичь взаимопонимания с Россией, чтобы уберечь свои интересы в южном Иране. Тема усиливающейся Германии, побуждающая к более тесным отношениям между Англией и Россией, будет повторяться. После подписания договора 1907 г. Англия перестала поддерживать конституцию; противодействие, которое оказывала конституционалистам Россия, превратилось в ненависть⁹⁸.

Шах решил, что новая международная обстановка сложилась в его пользу. Он обратился к религиозным авторитетам, поддерживавшим его, прежде всего к аятолле Нури, с призывом поднять городскую бедноту и крестьянские массы против революции. Аятолла поносил конституционалистов в своих статьях, фетвах и проповедях; Нури и духовные лица — его последователи клеймили революционеров как «бабидов» и еретиков. Эффект, производившийся этой пропагандой среди чрезвычайно религиозных низших классов как в городе, так и в деревне, особенно в Азербайджане, был огромен⁹⁹.

В декабре 1907 г. шах попытался осуществить контрреволюционный переворот; этому помешало противодействие сети революционных энджуменов. После того как шах передал в парламент ультиматум, требуя, чтобы некоторые писатели и ораторы, нашедшие прибежище в меджлисе, в том числе Малек оль-Мотакаллемин и Джахангир-хан (издатель «Сури Исрафил»), и азербайджанская делегация в полном составе подчинились ему, энджумены продемонстрировали свою истинную силу. В Тегеране энджумены, поддерживавшие конституцию, создали вооруженную стражу для охраны парламента (здесь опять отличился тегеранский азербайджанский энджумен), а энджумены в Тебризе и Казвине мобилизовали моджахедов и федаев и немедленно направили их в Тегеран.

Шах отступил; конституционалисты требовали его смещения. Англия и Россия были против свержения шаха. Попытка социал-демократов устроить покушение на него, организованная Хайдар-ханом в феврале 1908 г., убедила шаха, что его жизнь зависит от того, сумеет ли он подавить конституционное движение, и уничтожила всякую возможность компромисса между ним и меджлисом. Конституционалисты,

в свою очередь, были убеждены, что их собственная жизнь зависит от устранения шаха¹⁰⁰.

В июне 1908 г. Мохаммед Али-шах собрал с помощью Нури в Тегеране множество крестьян, городской бедноты и лути (знаменитых убийц, великолепно владевших ножом), чтобы создать атмосферу враждебности к конституции. Шах умышленно разжигал национальную ненависть между персами и азербайджанцами, жившими в Тегеране. По его подстрекательству Нури раздувал традиционную неприязнь мусульманской общины к христианам-армянам, назвав «неисламской» идею религиозного равенства. 23 июня возглавлявшаяся русскими офицерами казачья бригада подвергла бомбардировке парламент, а собравшиеся толпы народа помогли казакам окружить конституционалистов и разграбить выступавшие в поддержку конституции энджумены, включая азербайджанский. Толпа распевала: «Мы — народ Мухаммеда. Мы — народ Корана. Мы не желаем конституции (машруте), нам нужен религиозный закон (машруйе). Мы хотим религию Мухаммеда; мы не хотим конституции». По всей стране конституционные энджумены были разогнаны¹⁰¹. Реакция временно победила.

В то время как Нури поддержал шаха, другие уламы выступили против его автократической власти. Улама Неджефа, ставшего тогда центром шиизма, направили шаху телеграмму, в которой называли его «притеснителем, который находится в состоянии войны с имаме заман (скрытым имамом)». Коран, заявили улама, не защищает притеснителей; «сейчас ты победил, но тебе не удастся побеждать вечно». Позднее улама Неджефа предписали народным массам не платить налогов монарху-угнетателю¹⁰². В Тебризе Исламский энджумен, открыто поддерживавшийся царской Россией, послал шаху телеграмму, требуя немедленно запретить деятельность «еретического» азербайджанского провинциального энджумена и остальных конституционалистов¹⁰³. Продолжая традиционную политику Каджаров, Мохаммед Али поднял против конституционных энджуменов в Азербайджане соседние курдские и шахсевенские племена, и почти весь Тебриз был захвачен ими.

Революционные отряды тебризского провинциального энджумена во главе с харизматическим лидером Саттар-ханом в этих, казалось бы, безнадежных обстоятельствах сумели радикально изменить ход событий. Саттар, родом из крестьянской семьи, был знаменитым лути из шейхитского района Амирхиз. Его уже сравнивали в народной поэзии с азербайджанским народным героем Кёроглу (жившим в середине XVII столетия), так как он руководил скоротечным крестьянским восстанием против угнетателей-помещиков в

отдаленных районах Азербайджана. Недолгое время он работал на нефтепромыслах Баку, где примкнул к иранскому социалистическому движению (хотя никогда не входил в его состав). По возвращении в Иран Саттар возглавил отряд моджахедов, подчинявшийся тебризскому энджумену. Когда в первые дни Конституционной революции Тебриз столкнулся с нехваткой продовольствия, он возглавил марш за зерном, заложенным в силосные ямы, и раздал его населению. Всегда защищая бедняков от богатых, он напоминал Робин Гуда¹⁰⁴. Вместе со своим товарищем, шейхитом лути Багир-ханом, Саттар-хан, которого Ленин назвал «персидским Пугачевым», мобилизовал оставшихся моджахедов и атаковал Исламский энджумен, центр роялистов Тебриза. Город был захвачен от имени азербайджанского провинциального энджумена; красное знамя, символ этого энджумена, взвилось над Тебризом вместо иранского флага. В телеграмме, посланной во все крупные города Ирана, азербайджанский провинциальный энджумен объявил, что «миллети Азербайджан», «азербайджанская нация», отказалась признать сюзеренитет Мохаммеда Али-шаха. Провинциальный энджумен провозгласил Тебриз временной столицей Ирана, а себя — временным медресом. Впервые азербайджанцы всенародно были названы нацией¹⁰⁵. Власть, которую провинциальный энджумен обрел над Тебризом, была даже более всеобъемлющей, чем в дни, предшествовавшие вступлению Мохаммеда Али на престол. Энджумен распределял продовольствие, контролировал цены, создал добровольные полицейские силы и основал ad hoc революционные суды. Он также направил конституционалистских пропагандистов во главе с Хайдар-ханом в сельские местности; впрочем, их деятельность оказалась не очень успешной¹⁰⁶.

Самая главная газета, издававшаяся в Тебризе в этот период, называлась «Азербайджан»; она выходила на двух языках (персидском и азербайджанском); издателем ее был азербайджанский мохаджер, друг Саттар-хана. Проникнутый сатирическим духом и горячо поддерживавший конституцию, «Азербайджан» целиком выражал точку зрения провинциального энджумена и Саттар-хана. Выходившая на персидском языке газета «Моджахед» была органом социал-демократических борцов города. Народная литература, восхвалявшая роль Азербайджана в истории Ирана, наводнила революционный Тебриз. Азербайджан называли «отчизной», прославляли добродетели «азербайджанского народа». Азербайджанская газета «Ана дили» («Родной язык») подчеркивала важность местного языка и культуры. Азербайджанские газеты печатали вдохновенные поэмы Сабери Тебризи, эти гимны в честь Тебриза¹⁰⁷.

Враги революции, в первую очередь помещики, были терроризированы. Энджумены угрожали взять в качестве заложников семьи азербайджанских солдат, поддерживавших Мохаммеда Али, и конфисковать их имущество; богатые тебризцы, поддерживавшие Мохаммеда Али-шаха, были уже взяты заложниками. Исламский энджумен и его газета «Молла аму» («Дядя мулла») были разогнаны, члены взаимодействиявавшего с ними «Фотоват энджумена» были арестованы или изгнаны провинциальным энджуменом, а их собственность конфискована¹⁰⁸.

Несмотря на антиконституционную позицию, занятую Исламским энджуменом, разногласия между конституционалистами и антиконституционалистами символизировали не просто борьбу между религиозными и секулярными силами. Немало представителей духовенства поддерживали конституцию, хотя часто критиковали социал-демократов и обычно действовали совместно с Партией умеренных. Шейх оль-ислам, пользовавшийся большим уважением лидер шейхитской секты Азербайджана, продолжал поддерживать революцию. Выступавшие в поддержку конституции представители духовенства, такие, как шейх оль-ислам и лидер социал-демократов шейх Мохаммед Хиабани, в решающей степени способствовали мобилизации народных масс¹⁰⁹.

Между тем социал-демократы стремились найти как можно больше светских каналов, чтобы умножить и укрепить антироялистские силы. По просьбе провинциального энджумена социал-демократический комитет на Кавказе направил более 400 бойцов в Тебриз в помощь конституционалистам. Эти бойцы с Кавказа, в том числе грузинские и русские большевики, социалисты-революционеры, а также дашнаки, преподавали бесценные уроки в области производства оружия и тактики уличной борьбы. Иранские рабочие, во время пребывания на Кавказе принимавшие участие в политической деятельности, также заразили Тебриз воинствующим радикализмом. В письмах, адресованных Карлу Каутскому и Георгию Плеханову, кавказские социалисты спрашивали, разумен ли союз с буржуазными националистами. Каутский посоветовал им объединиться с буржуазными демократическими силами, так как в Иране отсутствовал пролетариат. Кавказские социалисты, по-видимому, последовали этому совету¹¹⁰.

Чтобы уменьшить давление роялистов на Тебриз, социал-демократический комитет на Кавказе направил в Гилян Серго Орджоникидзе и дашнака Ефрем-хана. Гилян (главным образом Решт и Энзели) стал вторым по значению центром Конституционной революции. Социал-демократы при содействии местных конституционалистов, в том числе при-

надлежавшего к умеренным Кучек-хана, создали военный комитет, названный в честь Саттар-хана Комитетом Саттара. Комитет казнил губернатора Гиляна и многих мулл-антиконституционалистов и восстановил деятельность гилянского провинциального энджумена. Социал-демократы Гиляна проявляли открытую враждебность к высшим классам, их тревожила даже деятельность поддерживавшего конституцию помещика Сепакдаре Решти. Умеренные члены комитета, включая Кучека, не желали изменения социального статус-кво; они старались прекратить дискуссию о социальной революции. Эта противоположность мнений относительно революционных методов будет характерна и для Гилянской революции ¹¹¹.

Орджоникидзе, Ефрем и Хайдар создали в Гиляне конституционную армию; она была усилена вошедшими в ее состав азербайджанскими моджахедами. Армия двинулась на Тегеран и соединилась с силами бахтиар, отправившимися из Исфахана. 13 июля 1909 г. обе армии захватили город и свергли Мохаммеда Али-шаха. Совет, состоявший из помещиков и вождей племен, включая Сепакдара из Гиляна, Сардара Асада и других бахтиарских вождей, принял на себя временную власть до тех пор, пока Ахмед, тринадцатилетний сын Мохаммеда Али, не займет трон.

Тем временем гилянская армия, в которой преобладали социал-демократы, заняла Ардебиль, торговый центр Азербайджана. Подразделением, оставленным в консервативном, религиозном городе, командовал моджахед, азербайджанский социал-демократ с Кавказа. Он конфисковал имущество богачей и казнил муллу, надзиравшего за мусульманской святыею; эти акции побудили провинциальный энджумен в Тебризе послать туда Саттар-хана, чтобы предотвратить социальную революцию. Саттар, обеспокоенный антирелигиозными действиями кавказцев, разоружил их и изгнал из Ардебиля ¹¹².

В Тегеране были созданы революционные суды, и аятолла Нури был казнен по приговору суда, возглавлявшегося социалистом-армянином. Впервые в шиитском Иране было казнено духовное лицо. Улама Неджефа, поддерживавшие конституцию, одобрили приговор; суд добивался этого одобрения, чтобы «предотвратить восстание народных масс» ¹¹³.

Во Втором меджлисе, собравшемся вскоре после захвата столицы, разногласия между социал-демократами и умеренными усилились. Чтобы не раздражать консервативное общественное мнение, социал-демократы переименовали свою организацию в Демократическую партию ¹¹⁴. Демократы продолжали добиваться отказа от имущественного ценза при выборах в меджлис, выступали за большее представи-

тельство для религиозных меньшинств и за увеличение числа мест в парламенте для провинций.

Умеренные присоединились к конституционалистски настроенным помещикам и вождям племен, включая Сепакхадра и Сардара Асада, которые были напуганы враждебностью демократов к частной собственности. Пробритански настроенный регент, Насер оль-Мольк, также присоединился к Партии умеренных. Согласно Бахару, все главные духовные лица примкнули к умеренным; поддержали их и базари.

Разногласия между умеренными и демократами во Втором меджлисе были столь остры, что религиозные умеренные клеймили всю Демократическую партию как еретическую и анархистскую. В свою очередь, демократы называли умеренных «невежественными реакционерами» и «капиталистами» и советовали «истребить реакционный класс». Главной мишенью демократов были муллы¹¹⁵. В 1910 г. аятолла Бехбехани, выдающийся пробритански настроенный лидер Партии умеренных, был убит феодалами Хайдар-хана, несомненно по приказу Центрального комитета Демократической партии. Умеренные убили более радикальных членов Демократической партии, в первую очередь феодалов-азербайджанцев, и угрожали жизни Тагизаде¹¹⁶.

Когда принадлежавший к Демократической партии Мостоуфи оль-Мамалек стал премьером, вражда вспыхнула с новой силой. Саттар и Багир-хан, находившиеся в то время в Тегеране, поддержали умеренных. Хайдар и азербайджанцы с Кавказа заняли сторону сформированного из демократов правительства Мостоуфи. Ефрем был теперь главой тегеранской полиции; руководимые им дашнаки выступили на стороне Хайдара и его азербайджанских мохаджеров с Кавказа. Не в последний раз иранские революционеры, в том числе революционеры из Иранского Азербайджана, объединялись с азербайджанскими мохаджерами¹¹⁷.

В кровавом столкновении, вспыхнувшем в 1910 г. в саду Атабека в Тегеране, умеренные потерпели поражение. Несмотря на временную победу демократов, альянс духовенства и базара вскоре сверг правительство Мостоуфи. Улама Неджефа вмешались в события на стороне умеренных и потребовали изгнания нескольких демократов, включая Тагизаде. Базары в Тегеране и других крупных городах закрылись в поддержку позиции, занятой улама; торговля в Иране замерла. Хайдар-хан и несколько других мохаджеров покинули Иран, боясь за свою жизнь. Место Мостоуфи занял принадлежавший к умеренным Сепакхадра¹¹⁸.

Политические противоречия отразились и на внешней политике. Хотя большинство членов обеих партий желали сохранить и укрепить независимость Ирана, их неспособ-

ность действовать в согласии не позволяла им это делать. Второй меджлис продолжил поиски третьей силы. В попытке ограничить британское и русское влияние на национальную политику и экономику меджлис пригласил экономиста из Соединенных Штатов В. Моргана Шустера в качестве министра финансов и предоставил ему практически неограниченные полномочия для реформирования иранских финансов. Шустер создал ядро того, что позднее превратилось в иранских жандармов — сельские силы безопасности, предназначенные для взимания налогов. Рьяно проводившийся ими сбор налогов и таможенных пошлин как на севере, так и на юге вызвал ненависть к Шустеру у крупных помещиков, вождей племен и шахского двора, а также Англии и России.

В ноябре 1911 г. русские оккупировали Решт и Энзели; они вручили регенту ультиматум, потребовав увольнения Шустера и обещания не приглашать иностранных советников без обоюдного согласия Великобритании и России. Этот ультиматум был предложен британским министерством иностранных дел; Англия ввела свои войска на юг в октябре. Принятие Ираном этого ультиматума означало бы, в сущности, признание законности англо-русского договора 1907 г. Военное вторжение двух держав и ультиматум усилили трения между демократами и умеренными. Демократы твердо поддержали Шустера. Под руководством Солейман-мирзы Искандари, в то время генерального секретаря Демократической партии, комитеты обороны во всех городах севера сражались против царских войск; Хиабани произнес в меджлисе вызывающую речь, в которой назвал Шустера символом иранской независимости¹¹⁹. Умеренные не выступили открыто против Шустера; но большинство их не оказало ему активной поддержки. Многие умеренные депутаты, в том числе аятолла Модаррес, отсутствовали во время обсуждения ультиматума. Множество членов Партии умеренных, включая бахтиарских ханов и Сепакдара из Гиляна, почувствовали угрозу своим доходам из-за начатого Шустером скрупулезного взимания налогов.

Демократическая партия и тегеранский женский энджумен убеждали меджлис не принимать ультиматум. Члены женского энджумена, вооруженные пистолетами, пригрозили застрелить любого депутата, проголосовавшего за это. Неудивительно, что парламент проголосовал за отклонение ультиматума. Регент и премьер-министр, принадлежавшие к умеренным, отреагировали на это решение закрытием меджлиса. Многие демократы были по приказу регента арестованы; газеты партии были закрыты¹²⁰.

Шустер покинул Иран. Конституционалисты потерпели

неудачу в попытке добиться политической и экономической независимости — или хотя бы внутренней безопасности. Внутриполитические разногласия и давление извне были главными факторами, обусловившими неуспех первой попытки создать в Иране конституционное правление. К началу первой мировой войны Россия и Англия совместно осуществляли контроль над Ираном. В Тебризе царское правительство собирало в свою пользу налоги в качестве компенсации за один из предоставленных династии Каджаров и не выплаченных ею займов. На юге англичане с той же целью взимали таможенные пошлины. Последствия провала конституционного движения были убедительно продемонстрированы в годы первой мировой войны, когда Россия и Англия, проигнорировав провозглашенный Ираном нейтралитет, оккупировали страну¹²¹.

То, что не произошло при Каджарах и в конституционную эру, возможно столь же важно, как и то, что случилось: страна не прошла через капиталистическую стадию развития, а это оказало огромное влияние на идеологию и стратегию левых в Иране; меджлис, созданный в конституционную эру, из-за внутренних разногласий и внешнего давления оказался неспособен управлять страной. Впоследствии недостаточная дееспособность правительств сделала для многих групп в Иране приемлемой диктатуру Реза-хана.

В дополнение к этническим, религиозным и языковым противоречиям, господствовавшим при Каджарах, конституционная эра добавила новые — между светскими и религиозными силами, между реформаторами и сторонниками сохранения статус-кво; этим новым идеологическим разногласиям суждено было сохраниться надолго.

Оставленное Каджарами внешнеполитическое наследство, нашедшее наиболее яркое выражение в договоре 1907 г., вызвало переворот в умах иранских националистов. Поскольку результатом проводившейся Каджарами политики позитивного равновесия явился де-факто политический и экономический раздел Ирана между великими державами, принципом многих иранских националистов стала концепция негативного равновесия. Альтернативной политикой, избранной националистами, была политика третьей силы, спорадически проводившаяся Каджарами. Даже в конце 1980-х годов иранское правительство использовало оба эти подхода.

ВЛИЯНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Два врага, находящиеся на противоположных сторонах, накидывают человеку на шею веревку и стараются задушить его. Несчастный отбивается. Внезапно один из двух врагов отпускает свой конец веревки, заявляя: «Эй, бедняга, я твой брат!» И жертва оживает. Человеком, отпустившим свой конец веревки, был Ленин.

Выступление Мохаммеда Таги (Малек ош-Шоара) Бахара в поддержку Иранской демократической партии (конец 1917 г.)

Святой долг любого правоверного мусульманина — оказывать сопротивление иностранцам и их марионеткам на местах и стремиться создать республику, основанную на принципах социализма и ислама, во всех провинциях Ирана и освободить труженников от эксплуататоров.

Декларация Кучек-хана (1919 г.)

Политические проблемы, возникшие в период первой мировой войны и в годы русской революции, вплоть до нынешнего дня способствовали развитию иранских политических идеологий. Некоторые из этих проблем, например внешнеполитическое равновесие, сохранились со времен правления Каджаров и конституционной эры. Прочие, особенно конфликт между автономизмом и централизмом, были результатом международной смуты, вызванной первой мировой войной. Взаимодействие внешних и внутренних факторов подготовило почву для создания в 1920—1921 гг. Гилянской республики, а позднее — для диктатуры Реза-хана.

После того как политика третьей силы, выразившаяся в деятельности Шустера, потерпела неудачу, иранские националисты стали рассматривать в качестве возможной третьей силы Германию. Больше всего иранским демократам нравились сильное централизованное правительство Германии, его секуляризм и его социальные программы, направленные на улучшение жизни народа. Антибританская и антирусская внешняя политика Германии также послужила для демократов побудительной причиной, чтобы начать переговоры. Тагизаде отправился в Берлин и установил контакт с германской Социалистической партией. Там он стал издавать на персидском языке газету «Каве» — по имени легендарного

иранского кузнеца. «Каве» постоянно убеждала Англию и Россию прекратить вмешательство в дела Ирана¹.

Германское экономическое и политическое влияние в Иране заметно возросло в годы, предшествовавшие первой мировой войне². Следует напомнить, что, как отмечалось в предыдущей главе, угроза появления Германии на Среднем Востоке в качестве реальной силы вызвала создание русско-британского союза, воплощенного в договоре 1907 г. В первые же месяцы войны германские агенты, в их числе знаменитый Вассмус, наводнили южный Иран, завоевывая народную поддержку и разрушая британские линии снабжения. При этом Вассмус опирался на кашкайцев — многолетних врагов пробритански настроенных племен хамсе и арабов Хузестана. Эта деятельность вынудила англичан оставить несколько южных городов³.

В то время как Германия продолжала операции против Англии в южном Иране и устанавливала контакты с демократами, мусульманская союзница Германии, Турция, действовала против России в северном Иране и завязывала отношения с умеренными. В августе 1914 г. Турция вторглась в Азербайджан, мотивировав это присутствием там царской армии. Население региона и раньше враждебно относилось к царским войскам; апелляция турок к движению «Эттехаде эслам» («Единство ислама») привлекла к ним сердца многих представителей низших классов⁴.

Между тем иранское правительство провозгласило нейтралитет. Однако присутствие иностранных армий делало этот официальный нейтралитет нелепым с точки зрения как иранских государственных деятелей, так и оккупирующих держав. В 1915 г. правительство, возглавлявшееся демократом Мостоуфи, подписало секретный договор с Германией, предусматривавший вступление Ирана в войну на ее стороне в обмен на материальную и политическую помощь. В ответ на это Россия и Англия оказали военное и политическое давление на иранское правительство, что вызвало его падение. Вскоре вместо него был сформирован новый, более покорный кабинет во главе с Сепакдаром, принадлежавшим к Партии умеренных⁵.

Демократы и некоторые лидеры умеренных, в том числе Модаррес, создали параллельное правительство в Куме. Это правительство, именовавшееся «Доулат моваккате мохаджер» («Временное эмигрантское правительство»), подписало другой договор с Германией. Эмигрантское правительство сформировало также Комитет национальной обороны. Модаррес участвовал в деятельности этого комитета, однако главными его организаторами были демократы, включая Солеймана Искандари⁶. Получивший образование в Германии

азербайджанский демократ полковник Мохаммед Таги Песьян руководил вооруженными силами комитета. Офицерские должности занимали по преимуществу азербайджанские жандармы из среднего класса, находившиеся под влиянием идеологии демократов. Солдаты — крестьяне и члены племени оказались более восприимчивы к религиозному национализму Модарреса и Партии умеренных. Это классовое разделение, сочетавшееся с идеологической несовместимостью, уменьшало боеспособность армии.

Войска Антанты вынудили эмигрантское правительство перебраться в Керманшах, где оно в конце концов распалось. К внешнему давлению добавились противоречия между демократами и умеренными. Это недолговечное правительство было измучено идеологическими разногласиями. Споры между сторонниками секуляризма и защитниками религии еще более отдалили друг от друга демократов и умеренных. Poleмика между Солейманом Искандари и Модарресом по поводу секуляризма и религии переросла в глубокое личное соперничество, облегчившее возвышение Реза-хана⁷.

Международная обстановка была также неблагоприятна к иранской независимости: Константинопольское соглашение, заключенное в 1915 г. между Россией и Англией, подтвердило раздел Ирана на сферы влияния, определенные договором 1907 г.; между двумя державами были предварительно поделены и нейтральные зоны. В июне 1916 г. правительство умеренных, возглавлявшееся Сепакдаром, подписало договор с Англией и Россией, превративший Иран в их протекторат; Англия и Россия уполномочивались на создание 22-тысячной армии, офицерами в которой должны были быть их собственные граждане. Этот договор, хотя и никогда не ратифицированный парламентом, фактически подтверждал договор 1907 г.⁸ Правительство Сепакдара вело также переговоры о соглашении, гарантирующем предоставление российскому гражданину А. М. Хоштария нефтяной концессии в северном Иране; пробритански настроенный министр иностранных дел Восуг од-Доуле завершил переговоры, однако это соглашение, подобно договору 1916 г., никогда не было ратифицировано меджлисом, как того требовала конституция⁹.

Сразу же после того как был подписан договор 1916 г., сэр Перси Сайкс начал набор в 11-тысячную армию, в которой командные должности занимали британские офицеры; эти силы получили название «Южноперсидские стрелки». Теперь Англия оккупировала (или снова оккупировала) весь южный Иран¹⁰.

В результате полного крушения власти тегеранского правительства вновь возник этнический антагонизм. В северном

Курдистане и Азербайджане курдские племена воевали друг с другом, а также с азербайджанцами и христианами-ассирийцами; серьезные столкновения происходили между азербайджанцами и армянами. Шахсевены, традиционный инструмент шахской власти в Азербайджане, нападали на азербайджанцев, отказывавшихся подчиняться губернатору, назначенному тегеранским правительством¹¹.

Русская революция, разразившаяся в марте 1917 г., возродила надежды иранских националистов на достижение их страной суверенитета. Второе русское временное правительство во главе с Александром Керенским не аннулировало договоры 1907 и 1915 гг., но приказало русским войскам покинуть Иран. Эти войска, уже в основном настроенные большевистски, прекратили выполнять функции оккупационных сил, но трудности, связанные с транспортировкой и снабжением, замедляли их вывод¹².

Первая русская революция 1917 г., подобно русской революции 1905 г., способствовала увеличению в Иране числа советов и подобных им учреждений. В Гиляне и Азербайджане русские солдаты создавали советы и комитеты в сотрудничестве с местным населением. В Гиляне большевистский совет Энзели, состоявший из местных демократов и русских матросов, управлял всем этим портовым городом; Рештский совет обладал меньшей властью, чем его собрат в Энзели. В Тебризе комитет из русских солдат и азербайджанских социал-демократов, возглавлявшийся солдатом-азербайджанцем, был создан для контроля над эвакуацией русских войск¹³.

В северном Иране советы поощряли восстановление местного самоуправления. В отсутствие в Иране центрального комитета (все прежние лидеры либо находились в изгнании, либо скрывались) провинциальный комитет Демократической партии провозгласил себя провинциальным комитетом Демократической партии Азербайджана. Хиабани, бывший членом провинциального энджумена во время Конституционной революции, возглавил эту ветвь Демократической партии. В качестве духовного лица Хиабани мог поддерживать связь с базари и представителями низших классов более эффективно, чем большинство демократов.

Провинциальный комитет имел большой список жалоб, обращенных к тому, что еще оставалось от тегеранского правительства, которое во время первой мировой войны оказалось не в состоянии защитить Азербайджан как в военном, так и в экономическом отношении от враждебных держав и курдских племен. Кроме того, Азербайджан абсолютно не был представлен в не действовавшем тогда Третьем меджлисе¹⁴. Провинциальный комитет Демократической

партии призвал к созыву меджлиса с участием представителей от Азербайджана и потребовал немедленного создания местных и провинциального энджуменов для управления внутренними делами провинции и обеспечения безопасности региона. Комитет не проповедовал сепаратизм; он заявил, что «Азербайджан является неотъемлемой частью Ирана», и потребовал формирования «нового правительства, которое более внимательно относилось бы к нуждам провинций (особенно Азербайджана) и которое избежало бы доминирования Англии и южноиранских ханов». Комитет настаивал на том, чтобы пробритански настроенный Восуг был смещен со своего поста. Комитет боялся, что вследствие господства Англии на юге предпочтительнее будет оказываться южным провинциям¹⁵.

Давление, оказывавшееся комитетом на местное правительство, и его обещание (частично выполненное) обеспечить внутреннюю безопасность принесли ему поддержку не только интеллигенции, но и всех слоев местного базара и улама¹⁶. Новый азербайджанский провинциальный энджумен так никогда в сущности и не был создан, но вакуум власти заполнил азербайджанский комитет Демократической партии. Комитет изгнал губернатора провинции и отказался признать двух других губернаторов, посланных тегеранским правительством, в том числе единоутробного брата Восуга, Кавама¹⁷.

В Курдистане сразу же после первой русской революции 1917 г. также возникло движение за автономию. В Сенендедже группа представителей беднейших слоев базари создала партию, названную ими «социал-демократической». Эта партия находилась под влиянием демократов. Она захватила контроль над Сенендеджем и раздала зерно со складов, принадлежавших земельным магнатам. Тегеранское правительство, вожди племен и духовенство объединенными силами подавили это недолговечное движение¹⁸. И в Гиляне, как будет более подробно рассказано ниже, дженгелийское движение уже выполняло многие функции правительства. Газета этого движения, «Дженгель», выражала оптимизм по поводу влияния, оказанного русской революцией на Иран¹⁹.

Дженгелийское движение

В первое время на дженгелийское движение огромное влияние оказала личность Мирзы Кучек-хана. Кучек был сыном гилянского чиновника. Его политические взгляды в значительной степени сформировались в результате занятий теологией. Все источники, даже враждебно относившийся к

нему Л. Ч. Денстервилль²⁰, описывают Кучека как глубоко религиозного и националистически настроенного идеалиста, чьей целью было освободить Иран от иностранных интервентов и коррумпированного правительства. Как отмечено в гл. 2, Кучек был активным участником Конституционной революции в качестве члена Партии умеренных. За исключением нескольких недель, проведенных им на Кавказе²¹, все годы между Конституционной революцией и первой мировой войной он прожил в Тегеране. Когда началась война, он вернулся в родной Гилян, надеясь превратить его в базу нового национального движения.

В 1915 г. Кучек создал движение «Дженгель». Это имя оно получило по названию гилянских джунглей, служивших убежищем для повстанцев. В движении участвовали торговцы, крестьяне, мелкие собственники, представители интеллигенции и ремесленники, имевшие весьма смутное представление как о военной стратегии, так и о международных отношениях.

Дженгелийцы получили в Гиляне широкую народную поддержку, особенно среди крестьян; однако иранский историк Хосрой Чакери указывает, что, «несмотря на всем известную поддержку, оказывавшуюся ему (Кучеку.— Пер.) народом, он не защищал, по крайней мере вначале, лишенное собственности и наиболее эксплуатируемое крестьянство»²². Это объяснялось тем, что Кучек по существу был консервативен и религиозен. Его основными целями были завоевание независимости страны и искоренение коррупции в системе управления. Его дженгелийцы использовали тактику партизанской борьбы, чтобы изгнать иностранные войска из Ирана и добиться административной автономии для Гиляна²³.

Крестьянство, основная сила, на которую опирался Кучек, враждебно относилось к центральному правительству. Губернаторы провинций и крупные землевладельцы, поддерживаемые центральным правительством, обращались с крестьянами жестоко, заставляли их тяжело трудиться и ничего не давая взамен, т. е. действовали почти так же, как помещики в средневековой Европе²⁴. Вторжение царских войск кристаллизовало национальные чувства гилянских крестьян, в то время как аппарат центрального правительства в Гиляне полностью развалился. Его остатки часто действовали совместно с русскими, вымогая у крестьян налоги и заставляя их сотрудничать с царскими оккупационными властями. Русские назначили местных чиновников, в том числе начальников полиции, прославившихся жестокостью и алчностью. Ради облегчения военных перевозок и снабжения (русские войска использовали свое пребывание в Гиляне, чтобы за-

медлить продвижение турок) царские власти поддерживали нескольких могущественных ханов, которые должны были обеспечить им лояльность местных крестьян²⁵.

Сначала дженгелийское движение было направлено против всех иностранных интервентов в Гиляне и в Иране в целом. Национализм дженгелийцев и предложенная ими защита от анархии и грабежей, осуществлявшихся иностранными армиями, принесли им огромную популярность среди крестьян; чтобы усилить эту поддержку, Кучек ввел контроль над арендной платой, основанный на исламских законах, что несколько улучшило положение крестьян. В то же время помещики получили гарантии, что могут взимать хотя бы эту сниженную арендную плату. Так, защищая крестьян и помещиков друг от друга, Кучек сохранил социальный статус-кво и добился лояльности представителей обоих классов для своего антииностранного движения²⁶. Дженгелийцы образовали нечто вроде параллельного правительства, заполнив тем самым вакуум власти, образовавшийся в годы войны; они создали свой собственный военный и административный аппарат, в котором служили популярные гиланцы. Они провели дороги и открыли школы для сельской бедноты²⁷.

Движение Кучека было связано с «Эттехаде эслам» — субсидированным Турцией панисламским движением, которое стремилось покончить с иностранным господством в мусульманских государствах Среднего Востока. При посредстве «Эттехаде эслам» турки снабжали дженгелийцев оружием для борьбы против русских и британских войск. Здесь наблюдалась явная общность интересов: обе стороны желали поддержать ислам и изгнать иностранные силы из Ирана²⁸. Связь с «Эттехаде эслам» свидетельствовала как о религиозных воззрениях Кучека, так и о его готовности принять иностранную помощь против России и Англии. Дженгелийцы с одобрением восприняли Октябрьскую революцию в России²⁹. Она с новой силой сосредоточила их энергию на борьбе против англичан, которые прибыли на север в попытке заполнить вакуум, образовавшийся после ухода русских войск.

Между тем в Тегеране Мохаммед Таги Бахар и 18 других демократов сформировали новый Центральный комитет, который придерживался прежней позиции Демократической партии, заключавшейся в необходимости формирования сильного центрального правительства и создания мощной национальной армии. Тегеранский Центральный комитет приветствовал призыв азербайджанских демократов к созданию провинциальных энджуменов, но в то же самое время предложил, чтобы правительство доказало свою власть от-

правкой войск в провинции³⁰. Тегеранский комитет был ядром того, что вскоре стало известно как фракция «Ташкилати» («Организационная») Демократической партии. Организаторская и издательская деятельность «Ташкилати» была сосредоточена в Тегеране³¹. Бахар следующим образом резюмировал отношение «Ташкилати» к положению провинций: «Существование сильного центрального правительства значительно более важно, чем существование любого реформаторского провинциального движения; последнее представляет опасность для независимости и территориальной целостности Ирана. Существование сильного объединенного центрального правительства абсолютно необходимо для национального выживания Ирана»³².

Чередование слабых правительств в Тегеране побудило фракцию «Ташкилати» попросить лидера дженгелийцев Кучека двинуться на Тегеран и сформировать сильное центральное правительство. Дженгелийцы отказались, заявив, что их важнейшей задачей является завоевание местной автономии и проведение реформ. Эта узость интересов обратила «Ташкилати» против северных автономистских движений³³. «Ноу Бахар» («Новая весна»), выходящий на персидском языке под редакцией Бахара печатный орган «Ташкилати», осудил северный автономизм: «Наши товарищи в Азербайджане и Дженгеле (Гиляне) просят сформировать в Тегеране правительство во главе с демократами. Если такое правительство будет создано нашей партией, неясно, будут ли эти провинции подчиняться ему... Демократическая партия и ее отделения сделают все возможное, чтобы усилить центральное правительство. Если азербайджанцы и дженгелийцы являются нашими соотечественниками, они должны подчиниться решениям, принятым демократами (Центральным комитетом) в Тегеране, и не критиковать центральное правительство или действовать таким образом, что это может ослабить его... Сильное правительство — это неременная предпосылка для реформ и изменений, которые должны произойти в нашей стране»³⁴.

В 1917 г. «Ташкилати» поддержала усилия первого правительства Восуга, направленные на то, чтобы подтвердить власть Тегерана над провинциями, включая Гилян и Азербайджан³⁵.

Другая политическая фракция, возглавленная демократом Сеидом Мохаммедом Камарайи, стала известна как «Зедде-Ташкилати», т. е. «Антиорганизационная». Эта группа, включавшая как умеренных, так и демократов, утверждала, что централизация нежелательна для любой партийной организации и для национального правительства. Согласно «Зедде-Ташкилати», жесткая партийная доктрина не

позволит расцвести плюрализму идеологий; более того, она лишит местные партийные организации инициативы, что в действительности и произошло в годы первой мировой войны. Централизованная организация сделает партию уязвимой перед личными интересами членов центрального комитета и перед иностранными государствами. Главными гарантами национального суверенитета являются местные правительства. Придерживаясь этой философии, группа «Зедде-Ташкилати» поддержала автономистские движения в Азербайджане и Гиляне³⁶. Летом 1917 г. на международном социалистическом конгрессе в Стокгольме члены прежнего Центрального комитета, находившиеся тогда в изгнании, поддержали фракцию «Ташкилати». Тагизаде произнес речь, в которой призвал российское и британское правительства аннулировать договор 1907 г. и вывести свои войска из Ирана³⁷.

Молодые левые демократы образовали третью группу, не согласную с первыми двумя. Эта группа, именовавшаяся «Комитет моджазат» («Комитет возмездия»), состояла в основном из нигилистически настроенных азербайджанцев, которые находились под сильным воздействием большевистской революции.

Лидером «Комитета возмездия» был азербайджанец Эхсанолла-хан Достдар («Друг»), учившийся в Париже и испытавший там влияние анархизма. Он занимал офицерскую должность в вооруженных силах эмигрантского правительства, которыми командовал Песьян. Межпартийная борьба в эмигрантском правительстве и в его вооруженных силах привела его к убеждению, что никакое идеологическое примирение между умеренными и демократами невозможно; ему пришлось избрать третий путь. «Комитет возмездия» отказался от всякого участия в деятельности правительства и начал осуществлять программу политических убийств. Большинство его жертв составляли бывшие члены уже не функционировавшей Партии умеренных. Эхсанолла убил приверженца Восуга Мирзу Мохсени Моджтахеда — зятя видного, пробритански настроенного тегеранского моджтахеда аятоллы Бехбехани³⁸.

«Организационно-антиорганизационная» полемика временно ослабла к концу 1918 г., когда турецкие оккупационные войска распустили Азербайджанский провинциальный комитет. Разгон комитета устранил многое из того, что первоначально составляло основу разногласий. Хиабани, во многом виновник конфликта, был выслан турками. Он (вместе с остальными членами комитета) критиковал панисламизм, поддерживавшийся турками. Провинциальный комитет и вообще городское население отрицательно относились к

пантуранизму; Хиабани в свое время приказал всю административную и академическую документацию вести на персидском языке, чтобы турки не использовали пантуранизм в качестве предлога для аннексии Иранского Азербайджана. Шииты-азербайджанцы желали автономии, а вовсе не включения в суннитскую Турецкую империю³⁹.

Тем временем англичане оккупировали большую часть Гиляна, заменяя царские власти своими собственными и сотрудничая с гилянскими ханами, которые поддерживали Восуга. Это обратило против них националистические чувства, разбуженные в народе Кучеком. Летом 1918 г. партизаны Кучека атаковали силы Денстервилля на их пути к Баку. В том же году дженгелийцы арестовали офицера британской разведывательной службы капитана Ноэля вместе с британским консулом в Реште в отместку за арест англичанами лидера Демократической партии Солеймана Мирзы Искандари. Позднее дженгелийцы обменяли Ноэля и консула на Искандари⁴⁰. Последняя акция иллюстрирует солидарность дженгелийцев с другими националистическими группировками в Иране.

Дженгелийцы все больше считали тегеранское правительство британской марионеткой и не одобряли занятую Тегераном антисоветскую позицию. Газета «Дженгель» так комментировала отказ тегеранского правительства признать советского эмиссара Карла Бравина: «Если бы британское правительство пожелало признать Бравина, он был бы уже признан»⁴¹. В попытке уменьшить гигантскую власть Англии в Иране Ахмед-шах негласно поддерживал дженгелийское движение. Он тайно попросил Кучека завязать сношения с Советами на Кавказе, надеясь таким образом восстановить политическое равновесие, которое определяло положение Ирана до первой мировой войны. Восстановление равновесия должно было дать каджарскому монарху возможность политического маневрирования, что позволило бы ему сохранить династию⁴². Националистически настроенный аятолла Модаррес также поддерживал дженгелийцев, а Демократическая партия выражала надежду, что дженгелийцы улучшат политическую ситуацию на всей территории Ирана⁴³.

Договор 1919 г., формально санкционировавший укрепление власти Англии в Иране, усилил и враждебность Кучека к тегеранскому правительству: договор угрожал благополучию всех его сторонников. Гилянские землевладельцы, купцы и крестьяне зависели от торговли с Россией, а этот договор мог их лишить доходов в обозримом будущем⁴⁴. Кучек все более и более рассматривал Советы как потенциального союзника в борьбе против британской оккупации, угрожавшей свободе и благосостоянию Ирана.

В этой обстановке в Гиляне образовалась новая коалиция. Левый демократ Эхсанолла превратился в самостоятельную политическую силу. В радикально настроенном Энзели он создал вооруженный отряд из портовых рабочих. Эхсанолла и его боевые силы соединились с отделением Демократической партии в Реште, руководимым Хосейном Джовдатом. Союз с прекрасно организованными демократами обеспечил Эхсанолле среди дженгелийцев больше влияния, чем он мог бы иметь в ином случае⁴⁵. Неясно, когда он примкнул к дженгелийцам, но после заключения договора 1919 г. его экстремистские планы получили некоторую поддержку среди участников гилянского движения. Курдский лидер Халу Курбан, который подчинялся эмигрантскому правительству и возглавлял соплеменников в борьбе против войск Антанты в южном Курдистане, двинул в Гилян смешанные силы курдов и луров⁴⁶. Последователи Халу Курбана и Эхсаноллы встревожили местных консерваторов своим радикализмом и расовой непохожестью.

Однако, казалось, радикализм на время получил мощный импульс в Гиляне. В начале 1920 г. дженгелийские лидеры (по-видимому, в отсутствие Кучека) собрались в Касма на «конгресс», который принял социалистическую программу из девяти пунктов. Программа включала: формирование правительства большинства, избранного народными представителями; отмену всякой дискриминации, основанной на принадлежности к той или иной расе или религии, ликвидацию аристократических привилегий и званий; свободу мнений, слова, собраний, печати и труда. Она требовала равенства полов перед законом и «отделения религии от политической и экономической жизни». Программа Касма провозгласила, что «частная собственность на землю должна быть разрешена при условии... что получаемая продукция будет оставаться в распоряжении самого производителя». Она требовала заменить косвенные налоги прямым прогрессивным налогом, основать новые фабрики и ввести обязательный восьмичасовой рабочий день⁴⁷.

Сходство между этой программой и первоначальной программой социал-демократов, охарактеризованной в гл. 2, очевидно. Акцент на национальном и религиозном равенстве, например, был точным повторением программы социал-демократов 1911 г.⁴⁸ Некоторые элементы этой платформы — в частности, расовое и религиозное равенство — были включены в первую декларацию Гилянской советской республики⁴⁹.

Кажется маловероятным, чтобы Кучек, человек глубоко религиозный, присутствовал на этом конгрессе или одобрил программу Касма; Эхсанолла писал, что «мирза Кучек никогда не соглашался с ослаблением власти духовенства» в

результате отделения государства от религиозной иерархии⁵⁰. Со своей стороны, Эхсанолла отмечал, что причиной, заставившей его присоединиться к дженгелийцам, было желание продолжать борьбу, которую он начал в «Комитете возмездия»: «Агитировать народ против иностранной интервенции в Иране, против капитализма, аристократии, монархии и... религиозного истребления. Одной из моих главных целей было основать республику»⁵¹. Эта цитата иллюстрирует расхождения между секуляристски настроенными и религиозными дженгелийцами на ранней стадии движения. Высадка советских войск увеличила эти разногласия. Неудивительно, что правительство Восуга усилило давление на дженгелийцев в этот период локальных мятежей и в конце 1919 г. направило войска в Гилян, чтобы разбить силы Кучека. Дженгелийцы были рассеяны, и даже Кучек согласился на временное прекращение огня. Большинство наблюдателей полагали, что дженгелийскому движению пришел конец; однако, как будет показано в следующих главах, они ошибались.

Договор 1919 г.

Большевистская революция, происшедшая в ноябре 1917 г., оказала куда большее воздействие на Иран, чем Февральская революция. Революционная внешняя политика большевиков, которые в одностороннем порядке отказались от прежних капитуляций и неравноправных договоров, заключенных царским правительством, омолодила иранский национализм.

5 декабря 1917 г. В. И. Ленин и Иосиф Сталин (ставший народным комиссаром по делам национальностей) опубликовали в «Правде» открытое письмо «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», провозгласив, что «договор о разделе Персии порван и уничтожен. Как только прекратятся военные действия, войска будут выведены из Персии и персы обеспечат себе право свободно определять свою собственную судьбу... Ждать порабощения следует не от России и ее революционного правительства, а от европейских империалистических разбойников»⁵².

И «организационные», и «антиорганизационные» демократы приветствовали это новое подтверждение иранской независимости. 14 января 1918 г. Лев Троцкий, занимавший тогда пост народного комиссара по иностранным делам, повторил это обращение и пообещал, что все русские войска будут выведены из Ирана так скоро, как это окажется возможным. Троцкий добавил, что Советское правительство по-

старается убедить Англию и Турцию также вывести свои войска⁵³.

Карл Бравин, первый советский эмиссар, направленный в Иран, прибыл в Тегеран в июне 1918 г., чтобы продолжить новый курс дипломатии, начатый открытым письмом 1917 г. Демократы горячо приветствовали антиимпериалистическую миссию Бравина и организовали для него массовые встречи, на которых он разъяснял советскую политику в отношении Ирана⁵⁴. Цель Советов в тот период состояла в том, чтобы предотвратить установление другой державой гегемонии в Иране. Независимость Ирана должна была воспрепятствовать тому, чтобы страна превратилась в антисоветскую базу.

Однако англичане увидели благоприятную возможность воспользоваться прекращением русского присутствия, чтобы установить свою собственную гегемонию. Кроме того, турецкие войска в 1918 г. все еще не были выведены из Азербайджана, и хаос на Кавказе и в Иране делал вполне вероятным турецкое вторжение в остальную часть страны⁵⁵. По этим причинам англичане начали серию военных акций в северном Иране и на Кавказе. «Денстерфорс» Лайонеля Чарлза Денстервилля двинулись к богатому нефтью Баку, надеясь завладеть им и не отдать ни туркам, ни большевикам. По дороге силы Денстервилля разогнали совет в Энзели и превратили этот город в базу для нападения на Советскую Россию. Достигнув Баку, Денстервилль помог свергнуть тамошнее советское правительство и передал двадцать шесть бакинских комиссаров контрреволюционным силам, которые тут же расстреляли их. Тем временем британский флот стал доминировать на Каспийском море⁵⁶.

Правительство в Тегеране под британским нажимом перестало относиться к Советам дружески. Несмотря на сделанные Советами предложения аннулировать все неравноправные договоры и концессии, правительство Восуга отказалось признать легитимность Советского правительства или его эмиссаров Бравина и В. И. Коломийцева. Министр иностранных дел Носрет од-Доуле Фируз разрешил царскому посольству продолжать свою деятельность. Осенью 1918 г. Коломийцев (по-видимому, по подстрекательству англичан) был арестован иранскими войсками в Мазендеране и передан русским белоказакам для казни⁵⁷. Неудивительно, что Советы стали считать иранское правительство инструментом направленной против них британской политики.

9 августа 1919 г. Великобритания попыталась узаконить свою политическую гегемонию в Иране путем подписания договора с правительством Восуга. Заключение договора им удалось добиться в результате тайных переговоров с Восугом и Фирузом, чья «репутация в смысле честности,— по

свидетельству британского финансового служащего Джеймса Бальфура, — даже в Персии не могла считаться чересчур высокой»⁵⁸. Тем не менее обвинение их во взяточничестве и по сей день требует доказательств⁵⁹.

Лорд Керзон, исполнявший обязанности министра иностранных дел, пока Артур Бальфур присутствовал на Парижской мирной конференции, был главным архитектором договора 1919 г. Это была часть лелеемой им всю жизнь мечты создать пояс вассальных государств между Россией и Британской Индией. Предоставив желанную возможность для осуществления долгосрочных планов Керзона, русская революция в то же время, по мнению британского государственного деятеля, требовала предпринять действия для предотвращения экспансии революционного коммунизма.

Великобритания ощущала военный, экономический и политический вакуум, оставленный революцией. В обмен на крупный заем Англия добилась контроля над иранской армией, финансами и таможенными тарифами. Она попыталась установить протекторат не только над Ираном, но и над бывшими российскими территориями в Центральной Азии и на Кавказе⁶⁰.

Хотя этот договор так никогда и не был ратифицирован, некоторые из его условий были реализованы. Была образована смешанная ирано-британская комиссия во главе с британским офицером для создания объединенной иранской армии, британские советники были прикомандированы к министерству финансов. Через месяц после подписания договора Фируз закрыл иранское посольство в Петрограде. Британские войска арестовали всех советских должностных лиц в Иране⁶¹.

Советы заклеили договор в самых резких выражениях. Поскольку тегеранское правительство в полной мере стало жертвой британского влияния, Советы обратили свои предостережения непосредственно к народу. 28 августа 1919 г. Георгий Васильевич Чичерин, советский народный комиссар по иностранным делам, сделал следующее заявление: «Ныне, когда победоносные, но жестокие англичане душат Персию и хотят надеть на нее свое ярмо, Совет рабочих и крестьян Российской Республики категорически заявляет, что он не признает англо-персидское соглашение, которое приведет персов к рабству... Совет... считает это непрочное соглашение клочком бумаги, не имеющим законной силы»⁶².

В это же время дипломаты Соединенных Штатов и Франции, менее обеспокоенные, чем их советские коллеги, выразили протест по поводу того, что ни с ними, на Парижской мирной конференции, ни с только что оперившейся Лигой Наций не проконсультивались. Государственный секре-

тарь США Роберт Лансинг был разозлен, как он заявил, «тайными переговорами, целью которых было добиться по крайней мере экономического контроля» над Ираном⁶³. Это было началом длящегося десятилетия англо-американского соперничества на Среднем Востоке⁶⁴. Иностранцы наблюдатели и иранцы одинаково были поражены, причем не только самим фактом подписания договора, но и попытками кабинета Восуга жульническим образом провести выборы в меджлис, чтобы гарантировать его ратификацию. Посланник Соединенных Штатов в Тегеране был уверен, что народ заставили отказаться от демонстраций лишь военное положение, контроль над прессой и присутствие британской армии⁶⁵.

Договор 1919 г. возродил временно утихшие разногласия между «Организационной» и «Антиорганизационной» фракциями Демократической партии. «Ташкилати» увидела в нем средство для достижения своих целей; однако, по мнению «Зедде-Ташкилати», договор показал, насколько тегеранское правительство оказалось непредставительным и уязвимым перед иностранным давлением. «Зедде-Ташкилати» выступала за укрепление связей с Советской Россией, с тем чтобы восстановить равновесие во внешней политике Ирана и не допустить выполнения договора. Принадлежавший ранее к умеренным, Мосаддык присоединился к «Зедде-Ташкилати» вследствие ее оппозиции односторонней внешней политике Восуга; ее настойчивые требования сохранить слабую организационную структуру оказали сильное влияние на Мосаддыка и привели после азербайджанского кризиса 1945—1946 гг. к созданию Национального фронта⁶⁶.

«Ташкилати» поддержала попытки Восуга ускорить выборы в парламент, тогда как оппозиция делала все возможное для предотвращения созыва меджлиса, который, вне всякого сомнения, придал бы договору силу закона. Расхождения между двумя фракциями были настолько велики, что Демократическая партия так никогда не оправилась⁶⁷. Купцы в Гиляне и Азербайджане были обеспокоены вмешательством договора в международную торговлю и прекращением торговли с Россией, а также содержащимися в нем пунктами, предусматривавшими централизацию страны⁶⁸.

В северном Иране, все еще слабо контролировавшемся тегеранским правительством, оппозиция договору была чрезвычайно сильна. В Тебризе, где Хиабани и провинциальный комитет Демократической партии (состоявший из представителей «Антиорганизационной» фракции) вернули себе власть, азербайджанские демократы получили на выборах в меджлис все места, предназначавшиеся провинции. Неудивительно, что Восуг оттягивал созыв парламента до тех пор,

пока эти громкоголосые противники договора были предполагаемыми делегатами. Провинциальный комитет нашел основательную поддержку у местных базари. Комитет, ныне именовавший себя Демократической партией Азербайджана, не признавал законность договора, власть правительства Восуга или желательность централизованной власти; он даже отказался признать полномочия нового губернатора, назначенного Восугом⁶⁹. Эти события предшествовали второму восстанию Хиабани, вспыхнувшему в 1920 г.

Восстание Хиабани в Тебризе

О первых годах деятельности Хиабани сказано в предыдущих главах. Во время Конституционной революции Хиабани был активным членом Демократической партии, открытым и активным противником иностранного экономического и политического господства в Иране. После войны Хиабани и его собратья демократы возвратились в свою провинцию и основали Демократическую партию Азербайджана (Ферке демократи Азербайджан, ДПА). Официальным печатным органом ДПА была выходившая на азербайджанском и персидском языках газета «Таджаддод» («Прогресс»). В этой газете ДПА атаковала в своих статьях Англию, главным образом за ее жестокое правление на юге; подобно дженгелийцам, члены ДПА возмущались договором 1919 г. В апреле 1920 г. Хиабани возглавил восстание против правительства Восуга и захватил контроль над органами государственного управления в Азербайджане. Он создал комитет, именовавшийся «Хеяти эджтеман» («Общественная комиссия»), целиком состоявший из азербайджанских демократов и взявший на себя функции провинциального аппарата управления.

«Общественная комиссия» провозгласила четыре цели, во имя которых она захватила власть в Тебризе: прекратить «хищническую деятельность иностранных империалистов»; «изгнать назначенных государством должностных лиц из Иранского Азербайджана» и заменить их чиновниками, приемлемыми для азербайджанского населения; ввести конституцию в действие; «бороться за мир и демократию, против империалистов и персидских реакционеров»⁷⁰. Демократы призвали созвать провинциальные советы, как это было предусмотрено конституцией. Хиабани выражал недовольство тем, что Азербайджан, несмотря на вклад, внесенный им в Конституционную революцию, не получил своей доли ни в отношении представительства в парламенте, ни в бюджетных ассигнованиях⁷¹.

Хиабани стремился создать в стране «сильную, устойчивую демократическую власть»⁷². Создание внутренней стабильности в Азербайджане и на всей территории Ирана и восстановление торговли с Россией должны были укрепить экономическое положение азербайджанских купцов. Между тем договор 1919 г. должен был установить британский контроль над иранской торговлей и свести до минимума шансы на возобновление торгового обмена с Россией⁷³.

Хиабани старался добиться максимальной поддержки как от беднейших слоев города, так и от торговой буржуазии. Он установил твердые цены на продовольствие; попытался ввести подоходный налог, который должен был заменить все прочие, более несправедливые налоги; он также создал систему образования для тебризцев-бедняков, в том числе для девушек. Чтобы привлечь на свою сторону крестьян, он роздал им государственные земли (но не частные владения)⁷⁴.

23 июня 1920 г. Хиабани созвал в Тебризе региональную конференцию ДПА. Полные энтузиазма делегаты приняли решение переименовать Азербайджан в «Азадистан», «Страну свободы». На базе «Общественной комиссии» они сформировали национальное правительство. До тех пор пока не будет создан демократический Иран, в котором Азербайджану будет гарантирована автономия, это национальное правительство должно было рассматриваться как единственное законное иранское правительство. Однако действовал Хиабани против центрального правительства нерешительно. Он объяснял: «Мы хотели, чтобы [те, кто нас поддерживает], привыкали подчиняться национальной власти постепенно и без страха»⁷⁵; по этой причине он старался ограничить военные столкновения с тегеранским правительством.

Фракция ДПА, возглавлявшаяся Ахмедом Кесрави, который впоследствии стал знаменитым азербайджанским историком, критиковала Хиабани за его нерешительность и явный регионализм. Эта фракция, именовавшаяся «Тангидион» («Критики»), на конференции была исключена из ДПА⁷⁶. Другая фракция, левые, основала самостоятельную партию — «Хезбе Аксариион» («Партия большинства»), пытаясь подражать русской большевистской партии. Это самозванное большинство, воодушевленное созданием в мае 1920 г. Гилянской советской республики, пожелало достичь поставленных Хиабани целей с помощью общенародного вооруженного восстания. Первым делом левые попытались в сотрудничестве с германским консулом Вустровом, убежденным марксистом, отнять у Хиабани Тебриз. Предупрежденный британскими агентами, Хиабани пресек эту попытку⁷⁷. Частично вследствие конфликта между его национал-реформизмом и революционностью левых Хиабани позднее

отказался от союза с Гилянским советом; попытки коммунистов создать ячейки партии в Азербайджане также постоянно встречали сопротивление действовавшей под его руководством ДПА⁷⁸.

Нерешительность Хиабани как лидера и разногласия в ДПА лишили его движение массовой поддержки. Когда в сентябре 1920 г. на него обрушились силы центрального правительства, его поддержало лишь меньшинство членов ДПА; ни один человек из местного населения не пришел на помощь. Курдское племя шаккак (возглавлявшееся харизматическим вождем Исмаилом Ага Самит Гу, известным как Симко) и племя шахсевен, поддавшись уговорам центрального правительства, присоединились к нападению на национальное правительство в Азербайджане. В этом объединенном нападении нашли отражение национальная вражда между курдами и азербайджанцами и консерватизм шахсевенов. В результате раскола среди лидеров, безуспешной попытки правительства Хиабани добиться массовой поддержки и национальной вражды, являвшейся следствием сегментации иранского общества, восстание было быстро подавлено. Хиабани был убит; однако после второй мировой войны многие азербайджанские демократы (некоторые из них принимали участие в этом восстании) восприняли его наследие как свое собственное⁷⁹.

Иранское коммунистическое движение на Кавказе

Иранские рабочие на Кавказе также приветствовали обе русские революции. После февраля 1917 г. ориентированная на большевиков группа членов СДП-И распространила свою деятельность на Иран и Кавказ. В мае 1917 г. лидеры этой группы, Асадулла Гафар-заде и Бахрам Агаев, основали партию «Адалят» («Справедливость»); ко времени Октябрьской революции почти все иранские рабочие на Кавказе присоединились через нее к большевикам. Делегаты от «Адалят» присутствовали на VI съезде большевистской партии⁸⁰. Радикализация взглядов Гафар-заде и Агасва, явившаяся результатом восприятия ими русской политической идеологии и следствием связи с левыми организациями (такими, как Социал-демократическая партия), была типична для многих иранских рабочих, живших в Баку. Подобно 80% иранских рабочих, трудившихся на Кавказе, Гафар-заде и Агаев были азербайджанцами⁸¹. Оба они приехали в Баку на рубеже столетий, и оба в 1904—1905 гг. вступили в Российскую социал-демократическую партию. Гафар-заде даже помогал в 1903 г. провозить «Искру» в Россию⁸².

Партия «Адалят» отказалась сотрудничать с Социал-демократической партией Ирана (на Кавказе) из-за все усиливавшейся поддержки, которую оказывало последней «реакционное правое крыло буржуазии». По словам одного из ее основателей, Сеида Джафара Джавад-заде, «Адалят» состояла «из рабочих, происходивших из иранских деревень», тогда как СДП-И — «из эмигрантов, принадлежавших к среднему классу»⁸³. «Адалят» была высокоцентрализованной, иерархически организованной партией, во многом напоминавшей российскую большевистскую партию. Эта иерархичность не была жесткой; в партийных рамках существовала реальная возможность для споров по тактическим вопросам⁸⁴.

Новая партия разъяснила свои взгляды в июне 1917 г. в бакинской газете «Наша партия»: «„Адалят“... защищает интересы крестьян, рабочих и мелких ремесленников. Наша партия стремится объединить разрозненные группы в Иране в сильный, высоконравственный союз и ликвидировать всякую политическую дискриминацию немусульман»⁸⁵. Упор на религиозное равенство объяснялся тем, что «Адалят» обращалась к жившим в Иране армянам и ассирийцам. Религиозное и национальное равенство стало частью платформы «Адалят» (а позднее и партии Туде); это заставило многих исламских духовных лиц выступить с самого начала против коммунистического движения в Иране.

В 1919—1920 гг. «Адалят» издавала газету «Хоррият» («Свобода»); ее редактором был Джавад-заде, впоследствии получивший известность под именем Пишевари. Творческие способности и беглое владение русским языком сделали его летописцем и ведущим писателем партии. «Хоррият» пропагандировала рабочее единство и выступала против монархии, аристократии, против власти религии и британского господства над Ираном. (О том, что «Адалят» состояла преимущественно из азербайджанцев, свидетельствует тот факт, что эта газета почти целиком издавалась на азербайджанском языке⁸⁶.) В начале 1920 г. вышла в свет шестнадцатистраничная брошюра (десять страниц — на азербайджанском языке, шесть — на фарси), содержащая платформу «Адалят». В цели партии входили «помощь российскому пролетариату», «усиление национально-освободительного движения, борьба против империализма в Иране и строительство демократии в стране»⁸⁷. Брошюра показывает, до какой степени иранские коммунисты считали Советскую Россию своим главным союзником.

Многие иранские коммунисты, как отмечают современные советские историки, «придерживались крайне левых взглядов, так как их воодушевляла страстная надежда, что они

ь своем родном Иране смогут соревноваться с российским опытом социалистической революции»⁸⁸. В марте 1920 г. ведущий иранский коммунистический теоретик, армянин Аветис Султанзаде, писал, что Иран «должен быть и будет первой страной на Востоке, которая поднимет красное знамя социальной революции на обломках шахского трона»⁸⁹. В соответствии с его марксистским политэкономическим анализом, базировавшимся в основном на ленинской теории империализма, ситуация в Иране в то время весьма напоминала положение в царской России перед Октябрьской революцией. Хотя Султанзаде был даровитым теоретиком марксизма⁹⁰, его анализ был всегда окрашен энтузиазмом по поводу немедленной социальной революции в Иране.

Перед высадкой советских войск в Энзели, состоявшейся в мае 1920 г., «Адалят» старалась создать в Иране, прежде всего в Азербайджане, местные партийные организации. Партия пыталась также установить отношения с Кучек-ханом в Гиляне; Гафар-заде, первый генеральный секретарь «Адалят», был убит своим личным врагом во время выполнения этой миссии⁹¹; на этом посту ему наследовал Пишварари. Лишь после высадки советских войск «Адалят» создала недолговечный объединенный фронт с дженгелийцами.

Дженгелийское движение проявило себя в качестве мощной политической силы, базировавшейся на поддержке местного крестьянства и многих представителей различных классов, придерживавшихся самых разных политических убеждений. Оно было крайне националистическим и реформистским. В целом движение благосклонно относилось к революционной России как к потенциальному союзнику против Англии. Однако стратегия и идеология дженгелийцев никогда не были точно определены. Ослаблявшая движение фракционная борьба объяснялась как личной завистью, так и несходством политических взглядов: Кучек и правые дженгелийцы были националистами-реформаторами, во время Конституционной революции они большей частью были членами Партии умеренных. Эхсанолла и члены «Адалят» на Кавказе были революционными социалистами, принадлежавшими к левому крылу Демократической партии. Эта фракционность не позволила движению добиться своих целей, состоявших в том, чтобы изгнать англичан и реформировать страну.

Движение во главе с Хиабани, ставившее перед собой почти те же цели, потерпело неудачу по аналогичным (хотя и не по идентичным) причинам. Несмотря на прогрессивность своей программы, азербайджанское правительство действовало нерешительно и не было единым из-за фракционности в самой ДПА. Хиабани не сумел даже добиться та-

кого уровня массовой поддержки, какую Кучек получил в Гиляне; вот почему автономистское движение в Азербайджане было подавлено с большей легкостью.

Осуществленное русской революцией разрушение традиционного для Ирана равновесия немедленно оказало воздействие на внутреннюю политику страны. Не только националистическая интеллигенция, но и базари с их экономическим и политическим могуществом, а также духовенство ощутили угрозу, которую представлял собой договор 1919 г. Политические разногласия, которые наиболее ярко проявились в тот период и которые сами были результатом взаимодействия внешней и внутренней политики, вылились в споры между теми, кто поддерживал сильное центральное правительство, и теми, кто выступал за местную автономию. Этот спор, раскалывающий как правых иранских политических деятелей, так и левых, продолжается до наших дней. И ему будет отведена важная роль в следующих главах.

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА: АНГЛИЯ, СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ В ИРАНЕ

Советское правительство будет поддерживать национально-освободительное движение Кучек-хана против британской оккупации и находящегося под английским контролем правительства в Тегеране... Однако мы не будем поддерживать классовую борьбу, которая может ослабить национально-освободительное движение.

Лев Михайлович Карахан, заместитель народного комиссара по иностранным делам (23 мая 1920 г.)

Цель нашей республики состоит в том, чтобы подтвердить экономическую и политическую независимость нашей страны и восстановить честь ислама.

Кучек-хан (4 июня 1920 г.)

Весной 1920 г. русская белая армия под командованием Деникина отступила на юг, к Каспийскому морю. В апреле 1920 г. Баку был захвачен советскими войсками, и часть деникинского флота нашла убежище в оккупированном англичанами Энзели. Ленин, Чичерин и Троцкий были едины во мнении, что все побережье Каспия должно быть очищено от белых¹. Каспийские нефтяные промыслы были главными советскими источниками нефти; «Разве Советская Россия не так нуждается в Баку, как человек — в воздухе?» — задавал риторический вопрос Орджоникидзе. Советы, естественно, желали укрепить этот район, учитывая возможную экспансию англичан. В середине 1920 г. русская гражданская война приближалась к концу, что дало Советам возможность уделить этому району больше внимания и перебросить туда дополнительные силы.

Побудительной причиной для высадки в мае 1920 г. десанта в Энзели было для Советов также то обстоятельство, что после заключения договора 1919 г. они рассматривали Иран как британскую марионетку. По словам известного политического деятеля Мехдикули Хедаята, советские официальные лица заявили ему, что главной целью высадки в Энзели было добиться отмены договора². 9 мая, за девять дней до вы-

садки, советское правительство послало телеграмму иранскому правительству, в которой предупредило, что если иранцы не «заставят британские войска покинуть иранскую территорию.... Советы усилят свои сухопутные войска в Иране»⁴.

За высадкой советских войск стояли как идеологические, так и прагматические соображения. В этот ранний, полный энтузиазма период революции идеология была важным фактором советской внешней политики. Маркс и Энгельс в свое время отмечали возможность антибританской революции на Востоке, особенно в Индии: одним средством избавления Индии от ее английских угнетателей могла стать борьба за национальное освобождение; другим средством, которое Маркс предпочитал, могла быть пролетарская революция в Великобритании⁵.

Ленин предназначил Востоку более важную роль в мировой революции. В написанной в 1916 г. брошюре «Империализм, как высшая стадия капитализма» он провозгласил, что поскольку империализм порождает интернациональный классовый конфликт, натравливая угнетенные нации против эксплуататорских, капиталистических наций, «национальные войны против империализма» становятся неизбежны⁶. Эти войны, был убежден Ленин, лишат капиталистические страны предохранительного клапана, который обеспечил им империализм. Это, в свою очередь, еще более усилит классовые противоречия на Западе и, таким образом, приведет к пролетарской революции в капиталистическом мире. Вследствие этой взаимосвязи, писал он, «социалисты... должны оказывать решительную поддержку более революционным элементам в буржуазно-демократических движениях, борющихся в этих странах за национальное освобождение»⁷. В случаях, подобных восстанию в Гиляне, Ленин мог подтверждать этот тезис, поддерживая некоммунистическое, национальное революционное движение.

После Октябрьской революции национальный и колониальный вопросы перестали быть чисто теоретическими и превратились в острейшие проблемы международной политики. Поскольку революция на Западе становилась все менее вероятной, антиимпериалистические движения на Востоке приобретали все большее значение с точки зрения стратегии и тактики. Различия во взглядах на этот вопрос в Коммунистическом Интернационале объясняют многие колебания в советской внешней политике во время гилянских событий.

В статье, опубликованной 24 ноября 1918 г., Сталин еще раз подчеркнул значение Востока для мировой революции, изложив идеи «Империализма...» в более сильных выражениях, чем Ленин: «Долг коммунистов — вмешаться в расту-

шее на Востоке стихийное движение и развивать его дальше, в сознательную борьбу против империализма»⁸. Занимаемый Сталиным пост народного комиссара по делам национальностей заставил его чутко реагировать на появившиеся возможности. Большинство советских лидеров, находившихся под влиянием марксистской идеологии, были убеждены, что революция на Востоке будет необычайно трудным делом. Восток еще не достиг капиталистической стадии развития, являвшейся предпосылкой социалистической революции. Основная дискуссия на II конгрессе Третьего Интернационала, проходившем в июле и августе 1920 г., когда события в Гиляне достигли критической точки, развернулась вокруг вопроса о том, как оценивать национально-освободительные движения и какую политику Коминтерн должен проводить по отношению к этим движениям.

Согласно диалектической концепции Ленина, национально-освободительные движения должны бороться с империализмом, что непременно приведет к революции на Западе, которая, в свою очередь, обязательно внесет социальное и классовое содержание в национальные революции на Востоке. Ленин поддерживал союз с «национально-революционными» или «буржуазно-демократическими» движениями в отсталых восточных странах. Эта стратегия базировалась на двух предположениях: во-первых, на том, что союз с буржуазией в странах Востока тактически необходим для создания условий для возможной социальной революции; во-вторых, на том, что пролетариат на Востоке еще слишком слаб, чтобы быть революционным на этой стадии⁹.

Султанзаде, ведущий иранский коммунистический теоретик, был с этим не согласен. Он настойчиво утверждал, что данный тезис неприменим к таким странам, как Персия, «где движение существует уже в течение десяти лет или более», считая со времени Конституционной революции. Султанзаде доказывал, что в таких странах необходимо «создать чисто коммунистическое движение в противоположность буржуазно-демократическому»¹⁰. Так, Султанзаде был категорически против сотрудничества с «национальными буржуазными» освободительными движениями. Поскольку он был ведущей фигурой во время гилянских событий, его взгляды оказали прямое воздействие на политику Персидской коммунистической партии по отношению к Кучек-хану.

Сам Ленин оставлял большие возможности для маневрирования. Он проводил различие между «реформистской» и «революционной» буржуазией, указывая, что с первой надо бороться, а вторую — поддерживать. Прочие нерешенные вопросы в ленинских тезисах вызвали разногласия среди иранских коммунистов. Выступая за временный союз с

«буржуазно-демократическими» элементами, Ленин в то же время указывал на необходимость «борьбы против духовенства и прочих реакционных и средневековых элементов в отсталых странах, чтобы драться с панисламизмом»¹¹. Неудивительно, что это мнение заставило иранских коммунистов колебаться перед выбором — следует ли им или не следует заключать союз с Кучек-ханом. Кучек был вождем «буржуазно-демократической» революции; но в то же время он был духовным лицом с панисламистской закваской. Поэтому в течение лета 1920 г. советское руководство оказывало Кучеку в лучшем случае осторожную поддержку.

Гилянские и азербайджанские помещики и вожди племен, выступавшие против тегеранского правительства, предложили Советам заключить союз. Советы отклонили это предложение, так как предполагаемые союзники явно были членами той самой «феодальной» и «средневековой» иерархии, которую коммунисты стремились уничтожить¹². И с идеологической, и с практической точки зрения движение Кучека больше устраивало Советы; они воспринимали его как истинно национального революционера, имеющего огромную поддержку среди городских и сельских масс. Поэтому поддержка, оказываемая его движению, была и «идеологически корректной», и прагматичной.

30 апреля 1920 г. Ленкоранский комитет Коммунистической партии Советского Азербайджана направил Кучеку письмо, иллюстрирующее эту взаимосвязь идеологии и прагматизма: «Единственным человеком, отважившимся поднять красный флаг против Англии, были Вы!.. Вы — человек, призванный освободить благородный угнетенный персидский народ от иностранного ярма... До тех пор пока персидский народ желает этого, мы будем оказывать поддержку своим персидским братьям и помогать им в изгнании англичан из Персии»¹³. Таким образом, Советы избрали Кучека своим союзником в борьбе против англичан.

18 мая 1920 г. крупные советские военно-морские силы под командованием Федора Раскольниковы прибыли в Энзели. Советский флот атаковал денкикинские корабли и британские позиции на суше, но воздержался от нападения на иранские гражданские объекты. Это вызвало благоприятную реакцию местного населения. Толпа в порту Энзели с энтузиазмом скандировала: «Да здравствует Иран! Да здравствует Советская Россия! Смерть Англии! Смерть Восугу од-Доуле и предателям!» Даже в Реште, городе более консервативном, чем Энзели, сведения о прибытии советского флота и уходе англичан были восприняты с облегчением¹⁴.

К тому времени политические разногласия среди дженгелийских лидеров усилились. Накануне высадки советских

войск Эхсанолла и Кучек разошлись во мнениях по серьезным политическим вопросам. Кучека интересовало, насколько совпадают его цели и цели Советов; Эхсаноллу это не беспокоило. Многие годы спустя он писал в своих мемуарах: «В то утро, когда большевики высадились, Кучек хан приступил к утренней молитве и попросил меня присоединиться к нему хотя бы в связи с прибытием наших друзей. Я сказал ему: „До нынешнего дня я не молился, и я советую вам, если вы хотите дружить с большевиками, отказаться от религии“»¹⁵. Этот идеологический раскол усилился из-за серьезных тактических разногласий: Эхсанолла обвинил Кучека в желании ограничить дженгелийское движение Гиляном. Радикал-азербайджанец, желавший захватить Тегеран, призывал Кучека отбросить свои националистические тенденции, чтобы «не совершить преступления против мировой революции»¹⁶.

В то время как социалист Эхсанолла протестовал против национализма Кучека, лидеры националистов, прибывшие из Тегерана, убеждали Кучека заключить союз с Советами. Такой союз, по их мнению, был необходим, чтобы покончить с британским господством в Иране, формально закрепленным договором 1919 г. По словам племянника Кучека, Исмаила Дженгели, доводы националистов убедили Кучека в том, что он должен стремиться к союзу с Советами¹⁷. 21 мая семь лидеров дженгелийцев (исключая Эхсаноллу) встретились с Раскольниковым и Орджоникидзе на советском корабле «Курск». Кроме того, там присутствовали члены бакинского комитета «Адалят». Во время переговоров Кучек настаивал на запрещении всякой коммунистической пропаганды «на некоторое время, так как [в стране, народ которой испытывает националистические и религиозные чувства], подобная пропаганда неминуемо нанесет вред делу революции». Он также просил оставить неприкосновенной частную собственность¹⁸.

Члены «Адалят» возражали против требований Кучека, но Раскольников и Орджоникидзе согласились с ними. Окончательное соглашение предусматривало также создание временного республиканского правительства, невмешательство Советов и свободные выборы правительства учредительным собранием после захвата Тегерана. В соглашении оговаривалось, что никакие дополнительные советские воинские контингенты не придут в Иран без санкции правительства Кучека и что это «Иранская республика» возьмет на себя содержание советских войск, уже находящихся в Иране. В нем содержалось обещание Советов отказаться от всех заключенных при царском режиме концессионных договоров, а также возвратить Иранской республике в Реште

принадлежащие иранским купцам в Баку товары, конфискованные во время революции. Кроме того, Кучек должен был бесплатно получать от Советов оружие¹⁹. Эти условия представлялись Кучеку более чем великодушными; он отказался придать свосму движению «социальное содержание», чего добивалась «Адалят», однако ему была обещана значительная поддержка Советов.

Л. М. Карахан, заместитель народного комиссара по иностранным делам, согласился с Орджоникидзе и Раскольниковым, считавшими, что «социальная революция» не будет иметь успеха в Иране. В секретной инструкции от 23 мая 1920 г. он писал им, что необходимо «сплотить Кучек-хана, коммунистов и прочие демократические группы против Англии». Пролетариат, крестьянство, буржуазия, демократы и коммунисты должны объединиться в этой борьбе. Применение советских принципов в Иране, писал Карахан, только ослабит «борьбу Ирана за освобождение». Поэтому он одобрил создание иранского политического единого фронта для установления буржуазной демократии, но одновременно предостерег против мнения, будто весь Иран с энтузиазмом примет все то, что Советы получили на севере²⁰.

Троцкий был еще более осторожен. В качестве народного комиссара по военным делам он был занят русско-польской войной. Продвинувшись в глубь русской территории, поляки весной 1920 г. заняли Киев, и Троцкий опасался открытия второго фронта на Востоке. 26 мая он послал Раскольникову телеграмму, предостерегая его против вмешательства во внутренние дела Ирана под советским флагом и против использования советских войск в Иране. Следует сообщить Кучеку, писал Троцкий, что Россия не может открыто поддерживать его революцию вследствие провозглашенного Советами нейтралитета и полученных от тегеранского правительства заверений в дружбе. Никакая помощь не должна быть предоставлена от имени Азербайджанской Советской республики. Троцкий также инструктировал Раскольникова, чтобы тот «дал англичанам понять, что у нас нет намерения нападать на них на Востоке, особенно в Персии»²¹.

Гилянская республика

В то время как некоторые советские лидеры весьма сдержанно отнеслись к Кучеку, сам он, по-видимому, решил, что поддержка со стороны Советов стоит многого. 4 июня 1920 г. Кучек и Эхсанолла провозгласили создание «Иранской Социалистической Советской Республики» в Реште. Состоявшая из четырех пунктов правительственная програм-

ма отражала перадикальный реформизм Кучека: иранская монархия упразднена и установлена республика; частные лица и их собственность должны быть защищены; все неравноправные соглашения и договоры, заключенные иранским правительством с другими государствами, должны быть аннулированы (явный намек на договор 1919 г.). Заключительный пункт провозглашал равенство всех человеческих рас и защиту ислама как священный долг каждого²².

Состав правительства, подобно его программе, свидетельствовал о влиянии консерватизма Кучека. Хотя члены его кабинета именовались по советскому образцу «комиссарами», ни один из всех девяти не принадлежал к «Адалят» и шестеро входили в «Эттехаде эслам». Религиозный консерватизм гилянскогo Совета еще ярче отразился в декларации, опубликованной через несколько дней после установления республики: в ней предписывалось «народу и [гилянской] Красной армии уважать религиозные принципы и традиции страны» и не совершать религиозные преступления под страхом сурового наказания. Все члены правительства, за исключением Хадж Мохаммеда Джафара Кангавари, занимавшего пост комиссара путей сообщения, были уроженцами гилянцами. Население Гиляна восторженно приветствовало это туземное консервативное правительство; особенно горячую поддержку оказали ему торговцы²³.

Кучек надеялся добиться благосклонности руководителей Советской России, когда назвал свое правительство «Советом», подчеркнув тем самым их общие цели. Сразу же после провозглашения республики он отправил Ленину телеграмму, обратив его «внимание на тот факт», что «персидские угнетатели, английские торговцы и дипломаты, поддерживаемые английскими войсками», эксплуатировали Иран. Кучек продолжал красноречиво просить о поддержке: «Мы надеемся на помощь со стороны свободного русского народа, которая может оказаться необходимой для установления Персидской Социалистической Советской Республики. Помня, что все народы, освободившиеся от ига диктатуры и капитализма, должны быть объединены в братский союз, я прошу вас осознать чувства иранцев, которые освободились от столетнего ига, с тем чтобы этот священный революционный союз привел нас к окончательной победе»²⁴. Здесь явно ощущаются опасения Кучека, как бы союз с Советами вопреки его ожиданиям не радикализировал движение.

Однако относительно консервативный курс правительства Кучека встретил сопротивление. 6 июня партия «Адалят» объявила в «Дженгель» о своем намерении свергнуть империалистическое господство, конфисковать все иностранные предприятия и все крупные земельные владения для рас-

пределаения их среди крестьян и солдат революционной армии. Иран, заявила «Адалят», должен заключить союз с Советской Россией и всемирной революционной армией²⁵. В день провозглашения республики Эхсанолла произнес речь, отражавшую его собственный радикализм: «Наш дорогой уважаемый товарищ Кучек-хан, вождь революции, собравший всех тружеников под красным флагом Ирана, поведет нас на Индию»²⁶. Стремясь пробудить у иранцев национальные чувства, Эхсанолла и партия «Адалят» воспользовались именем Маздака, доисламского персидского пророка с социалистическими тенденциями. Вместо того чтобы дать положительный эффект, это оскорбило религиозные чувства мусульман-гилянцев. Горячие призывы Эхсаноллы добиться эмансипации женщин также вызвали оппозицию среди консервативного религиозного населения²⁷.

«Адалят» образовала единый фронт с Кучеком. Параллельно с комиссариатом Кучека возник революционный комитет, так и именовавшийся «Ревком». Эта аббревиатура представляла собой иностранное слово, что свидетельствовало о мощном влиянии чужеземных элементов. Кучек был номинальным главой комитета; в его состав входили также лидер «Адалят» Камран Агаев, левый дженгелиец Эхсанолла и два представителя русской советской армии²⁸. Существование Ревкома свидетельствовало о появлении двух центров власти. Радикальные чужеземные революционеры, в основном из Советского Азербайджана, были прикомандированы в качестве советников к различным подразделениям правительства Кучека. Влияние Ревкома наиболее ощутимо проявлялось в армии; в то время как Кучек занимал пост военного комиссара, Эхсанолла был фактическим командующим гиланской Красной армии²⁹.

Участвуя в гиланском советском правительстве, «Адалят» утвердилась в Иране. Как было сказано в предыдущей главе, «Адалят» была основана в Баку левым крылом демократов. Установление связей с Демократической партией сделало членов «Адалят» восприимчивыми к взглядам Эхсаноллы, и, подобно демократам до них, они обнаружили, что Энзели — самый восприимчивый к новым идеям город Гиляна³⁰. Программа и политика «Адалят» всегда были более радикальными, чем таковые у Кучека, демократов или любой другой политической силы в Иране.

В течение нескольких недель, когда Орджоникидзе и Раскольников находились в Энзели, активность и пропагандистская деятельность «Адалят» были умеренными. Выступая за определенное перераспределение земли и за другие антикапиталистические мероприятия, она продолжала быть союзницей националистического правительства Кучека. В

тот короткий период «Адалят» признавала, что борьба за национальное освобождение имеет приоритет перед классово-вой борьбой; когда же Орджоникидзе и Раскольников покинули Энзели, «Адалят» оставила свою сдержанность. Она создала свою собственную вооруженную молодежную лигу — Коммунистическую молодежную лигу Ирана — и развернула среди населения городов пропаганду в пользу азербайджанского языка — родного для большинства членов партии. Она также начала издавать три газеты, все двуязычные, на персидском и русском языках. Лингвистическая чужеродность и политический радикализм этой пропаганды оттолкнули от них гилянцев.

Возрастающий радикализм преобладал на первом конгрессе «Адалят», состоявшемся на иранской территории, в Энзели, 23 июля 1920 г. Почти все его участники были иранскими азербайджанцами и армянами, работавшими в Туркестане и на Кавказе; очень немногие говорили на фарси. В числе их был радикально настроенный армянин Султанзаде³¹. «Адалят» изменила свое название на «Ферке коммунисте Иран», т. е. «Коммунистическая партия Ирана»³²; на Западе она именовалась «Персидской коммунистической партией» (ПКП). Конгресс принял следующие резолюции: вместе с Советской Россией бороться против мирового капитализма и поддерживать все элементы в Иране, выступающие против англичан и шахского правительства. «В то же время, — говорилось в одной из резолюций, — мы не должны забывать о том, что нам необходимо сохранять свою организационную независимость и укреплять ее... с тем чтобы с началом классовой борьбы за завоевание политической власти и земли мы смогли возглавить пролетариат и крестьянство»³³. Эта непреклонная решимость не сотрудничать с «национальной буржуазией», естественно, имела негативные последствия для единого фронта с Кучеком. Для Ленина главной целью союза было изгнание англичан из Ирана; национально-освободительная война, подобная той, какую вел Кучек, представляла собой желательное средство для достижения этой цели. Однако ПКП не терпелось победить в классовой войне; ей было недостаточно поражения англичан и завоевания национальной независимости. ПКП использовала более бескомпромиссные разделы ленинских тезисов, чтобы оправдать свои будущие действия против Кучека.

С главным кризисом новое, советское правительство столкнулось в Реште. Служащие Шахиншахского банка и оставшийся в Реште финансовый аппарат тегеранского правительства покинули город, когда была провозглашена советская республика. Новое правительство, вынужденное

содержать большую и все возрастающую по численности армию, лишилось денежных фондов и не имело опытного бюрократического или административного персонала. Комиссариат Кучека образовал комиссии для сбора «военного налога» с населения Гиляна. Коммунисты, обильно представленные в этих комиссиях, добывали деньги силой, отталкивая тем самым от новой власти и торговцев, и простых людей, почти каждый из которых должен был платить этот налог³⁴. Кучек, как обычно, рекомендовал проявлять большую умеренность.

Вопрос о налоге, а также развернутая Коммунистической партией антирелигиозная пропаганда усилили трения между правым крылом дженгелийцев и ПКП. Еще больше отдалила комиссариат Кучека от ПКП его неудача в стремлении придерживаться соглашения, подписанного Кучеком с Орджоникидзе. Эзели не подчинялся администрации Кучека, оставаясь в руках ПКП. Радикалы сохранили также бывшие царские концессии; не передана была Кучеку и собственность иранских купцов в Баку, конфискованная во время русской гражданской войны. Кучек видел в явной неспособности Советского Азербайджана соблюдать это соглашение открытую попытку подкопаться под его правительство; отношения между Рештом и Баку были в лучшем случае корректными.

Кроме того, в нарушение условий соглашения, подписанного Кучеком на «Курске», ПКП внедрилась в правительственный аппарат и стала вмешиваться в его деятельность (например, в деятельность описанных выше налоговых комиссий). ПКП включила значительное число грузин, армян и азербайджанских мохаджеров в гилянскую Красную армию и повысила ранг курдских военнослужащих, лояльных радикалу Халу Курбану. Эти акции создали трения как между консерваторами и радикалами в армии, так и между консервативными моджахедами Кучека, составлявшими часть армии, и независимой Коммунистической молодежной лигой. Отношения между курдами и азербайджанцами в Красной армии были натянутыми³⁵. Консервативные элементы вместе с большинством остальных гилянцев были встревожены как чужеземным происхождением, так и радикализмом большинства коммунистов. Духовенство и особенно базари были напуганы возможностью превращения революции в социалистическую³⁶. Внезапное возвышение азербайджанцев и курдов, грозившее нарушить однородность гилянского общества, явно снизило энтузиазм населения по отношению к революции. Все эти идеологические и тактические различия проявились в *coup d'état* 31 июля. Это, в свою очередь, было началом конца гилянской революции.

Нефть и политика: Англия и США

Международная обстановка, в условиях которой была создана Гилянская советская республика, оказала решающее воздействие на ее судьбу и на последующие политические события в Иране. В свою очередь, Гилянская революция существенным образом повлияла на международные дела. После того как советские войска высадились в Гиляне, тегеранское правительство, возглавлявшееся Восугом, апеллировало к Лиге Наций. Лига рекомендовала Ирану вступить в прямые переговоры с Советским правительством³⁷. В действительности к тому времени Восуг уже находился в переписке с советскими властями. Он поручил своему министру иностранных дел принцу Носрет од-Доуле Фирузу встретиться с Красным, советским эмиссаром в Лондоне, и проинформировать его о том, что, до тех пор пока советские войска остаются на иранской земле, невозможны ни переговоры с советским правительством, ни его признание. Восуг сообщил эту точку зрения Чичерину³⁸. Чичерин выразил надежду на укрепление экономических связей и на создание более сердечных отношений между двумя странами. Он повторил советскую точку зрения, в соответствии с которой высадка в Энзели была необходима для изгнания русской белой армии из этого района³⁹.

Обращения Восуга не склонили Советы к выводу войск. Хотя Иран по-прежнему был оккупирован англичанами и Корпус южноперсидских стрелков все еще находился под британским контролем, англичане и Восуг были не в состоянии изгнать советские войска или подавить восстание в северном Иране⁴⁰. Неспособность Восуга убедить Советы вывести войска усилила неустойчивость его администрации; в июне 1920 г. правительство пало.

Новым премьер-министром стал Мошир од-Доуле, который впоследствии, в пехлевийскую эру, носил имя Хасан Пирния. Пирния, чья семья поддерживала Конституционную революцию, был очень популярен среди иранских националистов. Он тут же увеличил свою популярность, объявив, что договор 1919 г. не имеет силы, если только он, что маловероятно, не будет ратифицирован парламентом. Дабы гарантировать, что этого не произойдет, он отложил созыв Четвертого меджлиса и уволил большинство британских советников, которые занимали свои посты в Иране на основании договора 1919 г.⁴¹ Он также попытался возобновить традиционную иранскую политику равновесия путем установления дипломатических отношений с Советской Россией; он надеялся, что восстановление прежних связей, с одной стороны, позволит сохранить независимость Ирана и спасти

его от гибели из-за господствующего британского влияния, а с другой — поможет ускорить вывод советских войск из Гиляна. То обстоятельство, что своим посланцем он избрал Али Ансари, именовавшегося также Мошавер оль-Мамалек, было четким сигналом для Советов: Ансари был известен своими антибританскими настроениями и враждебностью к договору 1919 г.; хорошо известна была и откровенная неприязнь к нему Керзона⁴².

Британское правительство было встревожено таким развитием событий. Оно выразило протест по поводу желания Пирния вступить в переговоры с советским правительством, «так как это подразумевает политическое признание, на которое само правительство Его Величества еще не согласилось»⁴³. Англия продолжала оказывать давление на Пирния, чтобы заставить его добиться ратификации договора 1919 г.; Керзон угрожал прекратить всю военную и финансовую помощь иранскому правительству, если это не будет сделано⁴⁴. Одновременно англичане пытались установить контроль над иранской армией, самым обученным соединением которой была казачья бригада, находившаяся в основном под командованием белых офицеров, которым, по разным причинам, англичане не доверяли.

1 ноября 1920 г. генерал Эдмунд Айронсайд, командующий британскими войсками в Иране, уговорил Ахмед-шаха уволить командира бригады белого офицера Старосельского и всех остальных русских офицеров. В знак протеста Пирния подал в отставку, не достигнув соглашения с Советами и не добившись успеха в попытке ограничить британское господство⁴⁵. Его место занял пробританский деятель Сепадаре Решти, считавшийся слабым и нерешительным политиком⁴⁶.

Англичане вооружили крайне консервативных шахсеевцов, населявших пограничный район между Гилянсом и Азербайджаном, с тем чтобы они сражались с войсками Гилянского совета, и вознамерились вернуть им прежнюю роль «защитников ислама от русского великана-людоеда»⁴⁷. На тот случай, если бы эта тактика не привела к уходу Советов из северного Ирана или Гилянский совет захватил Тегеран, англичане подготовили альтернативный план. В Иран был послан офицер разведки капитан Ноэль с заданием основать Южноперсидскую конфедерацию, главную роль в которой играли бы южные племена, такие, как бахтиары. Создание советского правительства на севере, писал Ноэль, «освободило нам руки для проведения соответствующих акций на юге»⁴⁸. Этот британский план на случай непредвиденных обстоятельств был разработан Керзоном в 1892 г.⁴⁹

Много написано, особенно иранцами, о том, что госу-

дарственный переворот, осуществленный Реза-ханом и Сеидом Зия 21 февраля 1921 г., имел целью, подобно плану Керзона, защиту британских интересов в Иране. Можно опираться относительно размеров влияния, которое британское правительство оказало на события, последовавшие за переворотом. Однако ясно, что перед переворотом британские агенты в Иране искали средства для выполнения условий договора 1919 г. и предотвращения распада страны, который мог облегчить переход власти в руки коммунистов. Генерал Айронсайд, несомненно, содействовал росту могущества Реза-хана. Айронсайд был убежден, что сильная военная диктатура решит все британские военные проблемы в Иране. Он представил Реза-хана, честолюбивого казачьего полковника, завоевавшего известность участием в подавлении центральным правительством Гилянского совета, Сеиду Зия, англофилу, редактору антикоммунистической газеты, твердо поддерживавшему договор 1919 г. Казаки Реза-хана захватили Тегеран, свергли правительство Сепакдара и заставили Ахмед-шаха назначить Сеида Зия премьер-министром, а Реза-хана — командующим вооруженными силами. Норман, глава британской дипломатической миссии в Тегеране, посоветовал сопротивлявшемуся шаху выполнить названные требования⁵⁰. Это обстоятельство послужило причиной широко распространенного среди иранцев мнения, что Реза-хана привела к власти Великобритания; это мнение стало причиной его непопулярности в годы его правления⁵¹.

Правительство Сеида Зия немедленно объявило, что договор 1919 г. не имеет силы. Иранский народ отказал бы в доверии любому правительству, которое поддержало бы договор, а Советы заявили, что ни при каких обстоятельствах не признают его законность⁵². Норман писал: «Персидское правительство не в состоянии работать, и отношения между двумя странами не могут стать нормальными до тех пор, пока [договор] не будет отменен, по крайней мере номинально». По его словам, Сеид Зия сказал ему, что, для того чтобы устранить существующую ныне враждебность русского Советского правительства, крайне необходимо, чтобы пробританский характер новой администрации был пока как можно сильнее замаскирован. В заключение он сказал, что если Великобритания желает сохранить здесь свои позиции, она должна пожертвовать призраком ради реальности, держаться в тени и помогать Персии эффективно, но незаметно⁵³. Сеид Зия планировал пригласить британских советников в министерство финансов и в армию⁵⁴. Не вызывает сомнений, что англичане рассматривали правительство Сеида Зия как средство сохранения своих экономических и политических интересов в Иране — тех самых интересов, кото-

рые они намеревались обеспечить договором 1919 г. и своими планами на случай непредвиденных обстоятельств.

26 февраля, не пробыв и недели на посту премьер-министра, Сеид Зия подписал ирано-советский договор 1921 г., условия которого были уже согласованы во время переговоров с правительством Пирния. Договор отменял все экономические привилегии, концессии и капитуляции, полученные царской Россией и ее гражданами, и предоставлял Ирану право осуществлять судоходство на Каспийском море. Самые существенные статьи (5, 6 и 13) давали Советам важные военные и экономические гарантии: статья 5 предписывала обеим сторонам запретить формирование на своей территории «любых организаций или групп... ставящих своей целью вовлечение в акты враждебности» друг против друга; статья 6 разрешала Советам вводить войска в Иран в случае, если там находятся войска третьей страны, враждебно относящейся к Советам, и иранское правительство не в состоянии устранить эту угрозу; в ст. 13 иранское правительство обещало не передавать третьему государству концессии, ранее предоставленные царской России и ныне возвращенные Ирану⁵⁵.

Ахмед-шах боялся, что Сеид Зия намеревается лишить его трона. Чтобы защитить себя от честолюбивого премьер-министра, он вступил в союз с Реза-ханом, прибавившим к должности командующего вооруженными силами пост военного министра. Советы считали Сеида Зия британской марионеткой, несмотря на подписание договора и на его первую правительственную декларацию, в которой говорилось, что он желает провести в стране реформы и улучшить отношения с Советской Россией⁵⁶. Они рассматривали Сеида Зия как помеху на пути достижения сердечных ирано-советских отношений в целом и вывода британских войск в частности и дали ясно понять, что вывод советских войск станет возможным лишь после эвакуации английских сил. Первый официально признанный советский посол в Иране, Ф. А. Ротштейн, поддерживал Ахмед-шаха в намерении выгнать Сеида Зия⁵⁷.

Взаимодействие этих внутри- и внешнеполитических факторов вынудило Сеида Зия подать в отставку. Он удалился в изгнание и не возвращался в Иран до сентября 1943 г. 4 июня 1921 г. он был заменен Ахмедом Кавамом ос-Салтане. Хотя Кавам был братом Восуга, он поддерживал Шустера во время его безуспешной миссии в Иране в 1910—1911 гг.; он был известен своей приверженностью Соединенным Штатам. Когда Кавам занял свой пост, шах велел ему не проводить пробританскую политику⁵⁸.

Новый премьер-министр ввел в состав своего кабинета

дсятелей, резко критиковавших Сеида Зия и договор 1919 г., в том числе Мохаммеда Мосаддыка. Вскоре Кавам дал ясно понять, что не намерен сохранять на службе британских военных и финансовых советников, приглашенных Сеидом Зия. Мосаддык, ставший министром финансов, горячо поддержал этот шаг⁵⁹; британские офицеры были непопулярны среди иранцев и нежелательны для Советов. Корпус южно-персидских стрелков был расформирован, когда Кавам отклонил требование англичан, чтобы персидское правительство оплачивало его содержание⁶⁰. С помощью этих акций и установления относительно сердечных отношений с Советской Россией Кавам стремился не только восстановить традиционный иранский курс, основанный на балансировании между своими южным и северным соседями, но и добавить новый элемент, включив третью державу — Соединенные Штаты. 28 июня 1921 г. меджлис уведомил премьера о том, что не следует терять время на приглашение финансовых советников из США. Меджлис также рекомендовал предоставить нефтяную концессию в северных провинциях «некоторым прогрессивным американским компаниям»⁶¹. Кавам энергично проводил ту самую политику, начало которой было положено в последние дни пребывания у власти Пирния. Поскольку Кавам мог ожидать оппозиции со стороны как Советской России, так и Великобритании, он объявил о намерении своего правительства передать эту концессию «Стандард Ойл оф Нью-Джерси» только после вывода советских войск из Гиляна, который последовал в октябре 1921 г.

В тот период, согласно помощнику государственного секретаря США Дирингу, Соединенные Штаты стремились создать повсюду в мире «благоприятные возможности» для всех «на основе равенства»⁶². Поэтому правительство США поддержало инициативу Ирана относительно северной нефти и следующим образом проинструктировало своего посланника в Тегеране: «Правительство Соединенных Штатов глубоко заинтересовано в политике „открытых дверей“ и будет настоятельно требовать соблюдения этого принципа в переговорах с британским и любым другим правительством. Американское правительство придает величайшее значение сохранению... столь благоприятной возможности для американских интересов, поскольку это соответствует интересам всех прочих государств»⁶³.

В конце ноября иранский меджлис принял закон о передаче на 50 лет «Стандард Ойл» концессии на добычу нефти в Азербайджане, Гиляне, Мазендеране, Астрабаде и Хорасане — в пяти иранских провинциях, граничащих с Советской Россией. Чтобы предотвратить любой возможный сговор

между «Стандард Ойл» и британскими компаниями, в ст. 5 было внесено следующее условие: «„Стандард Ойл Компани“ не будет иметь права передавать концессию любому правительству, или компании, или лицу. Кроме того, для участия любой другой фирмы необходимо разрешение меджлиса»⁶⁴.

И Англия, и Советская Россия выразили протест. Согласно британской дипломатической ноте от 25 ноября 1921 г., северная нефть принадлежала Англо-Персидской нефтяной компании, поскольку Хоштария в свое время продал ей свои права на добычу нефти в пяти северных провинциях⁶⁵. Англия явно стремилась защитить свои экономические и политические интересы в Иране. Отвечая на британский протест, иранское правительство заявило, что концессионное соглашение с Хоштария никогда не было ратифицировано меджлисом и что поэтому сделка, заключенная Англо-Персидской нефтяной компанией, не имеет законной силы⁶⁶. Затем Англия вступила в переговоры с Соединенными Штатами. Англичане подтвердили свое «основное соглашение», предусматривавшее проведение политики «открытых дверей», и предложили передать «Стандард Ойл» права на разведку нефти в Месопотамии и Палестине, если она согласится заключить соглашение о партнерстве с Англо-Персидской нефтяной компанией. Они уведомили «Стандард Ойл», что британские интересы в южном Иране помещают американской компании в транспортировке нефти через южные провинции, крайне необходимой для ее экспорта. «Стандард Ойл» вынуждена была согласиться на партнерство, получив взамен права на разведку нефти в других районах Среднего Востока⁶⁷. Иранцы — правительство и общественность — были возмущены таким оборотом дел. Концессия, полученная «Стандард Ойл», была аннулирована, так как ее соглашение о партнерстве с Англо-Персидской нефтяной компанией явно нарушало условия концессионного договора, целью которых было ограничение, а не увеличение экономического и политического могущества Великобритании в Иране.

Позднее иранское правительство вступило в переговоры с другими американскими нефтяными компаниями, в первую очередь с «Синклер». 16 июля 1924 г. комиссия меджлиса по нефти утвердила предоставление компании «Синклер» концессии, территория которой включала четыре северные провинции (кроме Гиляна)⁶⁸. Это соглашение, встретившее активное сопротивление Англии, также постигла неудача: отношения между Ираном и Соединенными Штатами были порваны после таинственного убийства консула США майора Роберта Имбри в 1924 г. Еще до убийства Имбри государственный департамент Соединенных Штатов ограничил

роль своей страны в иранских делах, согласившись «не поощрять попытки персидского правительства натравливать правительство Соединенных Штатов на правительство Его Величества»⁶⁹ и вследствие этого угрожать британским интересам.

Советы возражали против попыток Ирана предоставить концессии на севере и «Стандард Ойл», и компании «Сипклер». В статье, напечатанной в сентябре 1922 г. в «Правде», выражалось беспокойство в связи с тем, что «капиталистический центр на русско-персидской границе» может превратиться в «военную базу для нападения на Россию»⁷⁰. В ноте, направленной в ноябре 1921 г. правительству Кавама, Советы заявили, что предоставление концессии «Стандард Ойл» нарушило договор 1921 г., запрещающий передачу другим странам царских концессий, возвращенных Ирану. Иранский министр иностранных дел ответил, что поскольку концессионное соглашение с Хоштария никогда не было ратифицировано, «документ, находящийся в руках Хоштария, не имеет никакого отношения к договору, заключенному между персидским и российским правительствами»⁷¹. Советы настаивали на своем и продолжали протестовать.

Советская политика и деятельность иранских коммунистов

Уход Советов из Гиляна в октябре 1921 г. был следствием их отказа от тактики, направленной на достижение мировой революции. Их долгосрочная стратегия в этот период все в большей степени основывалась на принципах мирного сосуществования и компромисса с «буржуазными» государствами и группами. В частности, эта по существу оборонительная программа предполагала, что империализм, особенно британский, в странах, граничащих с Советской Россией на юге, должен быть нейтрализован. Советский посол в Иране Ротштейн содействовал пропаганде, делавшей упор не на борьбу за социальную революцию, а на порицании британского присутствия⁷². Подписание ирано-советского договора 1921 г. убедило советских руководителей, что Иран не собирается превратиться в британскую базу; вот почему они первоначально поддерживали центральное националистическое правительство в Тегеране, доминирующее положение в котором занял Реза-хан⁷³.

Ленин рекомендовал, чтобы коммунисты всего мира использовали политические компромиссы с буржуазными элементами: «Политические руководители революционного класса абсолютно бесполезны, если они неспособны „изменить

линию поведения или предложить примирение и компромисс», для того чтобы применить гибкую тактику в явно невыгодной ситуации»⁷⁴. После гиланского эпизода, отмеченного серьезными разногласиями между коммунистами и «буржуазными» революционерами, иранские коммунисты последовали ленинскому совету и создали перед парламентскими выборами блок с социалистами. Две партии совместно основали «Шаврае мутахедеи эттехадие каргаран», Центральный совет объединенных профсоюзов (ЦСОП), который помог создать новые профсоюзы на всей территории Ирана. Глава Социалистической партии Солейман Мирза Искандари при поддержке коммунистов был избран в меджлис и в 1923 г. стал министром просвещения⁷⁵.

Иранская коммунистическая партия, положившая в основу своей программы марксистскую концепцию необходимости исторических стадий развития, поддерживала сильную центральную администрацию и выступала против восстаний в провинциях. Она стремилась объединить Иран против британского империализма⁷⁶. Коммунисты вносили социалистическую идеологию в массы через свои газеты; редактором выходившей в Тегеране газеты «Хакикат» («Правда») — самой многотиражной — был Пишевари⁷⁷. Целью советской политики в то время, как и политики иранских коммунистов, было сохранить Иран в качестве сильного единого государства. Инструкции, направленные Караханом в советское посольство в Иране в ноябре 1922 г., гласили: «Политика Советского Российского правительства в отношении Персии, направленная на усиление политического и экономического могущества персидского правительства, подразумевает отказ от поддержки любой формы сепаратизма в Персии и от борьбы против центрального правительства»⁷⁸.

Таким образом, Советы отвергли британские предложения о том, чтобы Иран был разделен на две сферы влияния, «аналогично тому, как это установлено договором 1907 г.»⁷⁹. Как по идеологическим, так и по стратегическим причинам Советы поддерживали то, что они расценивали как централизованные буржуазные государства на своей южной границе. С идеологической точки зрения такая поддержка была желательна, ибо должна была поставить эти молодые государства на капиталистический путь; с точки зрения стратегии это должно было помочь защитить Советскую Россию, родину социализма, от нападения империалистов.

После вывода советских войск Ротштейн писал Кучеку: «Отделение Гиляна от Ирана пагубно отразится на прогрессе Ирана... Иранской нации невыгодно слабое правительство, существование слабого правительства принесет выгоду лишь чужеземным эксплуататорам. Только сильное цент-

ральное правительство может нейтрализовать империалистические интриги»⁸⁰. Из этого письма явствует, что Кавам и его министр финансов Мосаддык добились успеха в удалении советских войск из Гиляна путем восстановления системы позитивного равновесия между двумя иностранными державами в Иране. Они добивались равновесия и путем восстановления отношений с Советским Союзом, и путем сокращения британского присутствия. Карим Саиджаби следующим образом анализировал эту ситуацию: «Д-р Мосаддык, подобно многим другим иранским националистам того времени, был убежден, что договор 1921 г. ... предотвратит установление британской политической гегемонии в Иране и тем самым сохранит независимость Ирана... Действия д-ра Мосаддыка, направленные на удаление британских офицеров из министерства финансов, были облегчены существованием договора 1921 г.»⁸¹.

После того как британские войска летом 1921 г. покинули Иран, советские силы в соответствии с ирано-советским договором 1921 г. в октябре были выведены из Гиляна. Политика иранского правительства, целью которой было сокращение британского присутствия в Иране, ускорила уход Советов⁸², после чего Кучек вступил с Кавамом в переговоры в надежде добиться административной и военной автономии для Гиляна. Кавам и Реза-хан были категорически против такой автономии, которая, по их мнению, неизбежно должна была привести к ослаблению центральной власти⁸³; диаметрально противоположные взгляды участников сделали переговоры бесплодными. Реза-хан принял на себя командование экспедицией, направленной для разгрома Гилянской республики. В ноябре 1921 г., через месяц после ухода советских войск, Гилянская республика, ослабленная внутренними раздорами (о них будет рассказано в следующей главе), рухнула.

Чтобы обеспечить спокойствие на своих южных границах, Советы в ближайшие недели после заключения договора с Ираном подписали всеобъемлющие договоры с Турцией и Афганистаном. Поддержка лидеров «буржуазных националистов», столь горячо обсуждавшаяся на ранних партийных съездах, теперь стала официальной политикой Советской России. Советские эксперты в Иране тщательно анализировали характер диктатуры Реза-хана, большей частью давая ей высокую оценку. Советский ученый Иранский писал в 1923 г.: «Реза-хан представляет движение, которое трансформирует иранское общество. Существование сильного центрального правительства, поддерживаемого объединенной национальной армией, выведет торговлю, культуру и промышленность Ирана из стадии феодализма»⁸⁴. Молодые го-

сударства на советской южной границе должны «бороться против империализма»⁸⁵ совместно с Советским Союзом. Об «антиимпериалистической» политике Реза-хана Иранский писал следующее: «Иран находился в состоянии полного распада из-за политики англичан и их союзников — реакционных ханов... Чтобы вывести Иран из этого... положения, прогрессивным классам иранского общества необходимо было поддержать национальную военную диктатуру, базирующуюся на национальной армии, что должно было увеличить производительные силы иранской экономики... Торговая и промышленная буржуазия поддержала создание национальной армии и другие реформы Реза-хана, такие, как реформа финансовой администрации, разоружение племен, подавление феодальных вождей племен и эвакуация иностранных войск»⁸⁶.

Примерно в середине 20-х годов Советы и местные коммунистические партии лишились иллюзий в вопросе о поддержке «буржуазно-национальных» лидеров, таких, как Реза-хан, который бросил в тюрьмы множество коммунистов и разгромил партийные организации. В этой ситуации в г. Урмия (Резайе) в Азербайджане тайно собрался второй съезд Персидской коммунистической партии. На этом съезде ПКП настаивала на необходимости защищать Советский Союз как бастион социализма и сохранять солидарность между ПКП и ее социалистической базой.

Главную роль на этом съезде играл Султанзаде, который находился в немилости у ПКП и у международного коммунистического движения из-за своей догматической оппозиции созданию единого фронта с буржуазными элементами во время Гилянской революции. Его ультралевые взгляды здесь снова победили. Их справедливость, казалось, подтвердили последние события: провозглашение в 1926 г. Реза-хана шахом разрушило надежды коммунистов на то, что страна находится на пути превращения в республику. ПКП по-прежнему добивалась предоставления национальным меньшинствам права на автономию, требовала создания сильной национальной республики, управляемой скорее не парламентом, а «народными революционными собраниями». Она призывала к созданию союза солдат, крестьян и рабочих, а также мелкой буржуазии в аграрном революционном движении. Этот союз должен был организоваться в новую партию, Иранскую национальную революционную партию, передовым отрядом которой должна была стать ПКП. Компрадорская буржуазия была охарактеризована как реакционный элемент, вероломно объединившийся с Реза-ханом, которого Султанзаде (и ПКП) назвал агентом британского империализма⁸⁷.

Решения VI конгресса Коминтерна, состоявшегося в Москве во второй половине 1928 г., в момент наибольшего обострения отношений Советского Союза с Западом за весь период между двумя мировыми войнами, были даже более категоричны в вопросе об отказе от союза с буржуазными партиями⁸⁸. Иранские делегаты Султанзаде и Шарги приняли активное участие в дебатах по этому вопросу. Шарги предостерегал конгресс против неразборчивого заключения союзов с буржуазными силами; например, Реза-шах «был представителем персидской реакции, а не представителем персидского национализма и прогресса»⁸⁹. В опубликованном, исправленном, отчете говорилось, что местные коммунистические партии не должны вступать в контакт с «национал-реформистскими» группами, в категорию лидеров которых попали Реза-шах и Ататюрк. Следует заметить, что резолюция VI конгресса никогда напрямую не касалась Ирана, поскольку Реза-хан уничтожил Иранскую коммунистическую партию как реальную силу.

Важной, фактически центральной темой во внешней политике Ирана и в его отношениях с Англией, СССР и Соединенными Штатами стал вопрос о нефтяных концессиях. Нефть, имеющая столь большое экономическое и политическое значение, продолжает играть важнейшую роль во внутренней и внешней политике Ирана и сегодня. Англия в отношениях с Ираном стремилась сохранить свое политическое и экономическое влияние, в первую очередь свои нефтяные интересы, используя разнообразную тактику. Когда иранцы не сумели обеспечить выполнение договора 1919 г., англичане начали подумывать о разделе Ирана, с тем чтобы поставить под свой контроль южную часть страны. В конце концов они покинули своего верного союзника шейха Хазала из Мохаммеры, арабского вождя с Юга, чью автономию они раньше защищали, и стали поддерживать сильное центральное правительство в Тегеране⁹⁰. Перед тем как признать Реза-хана шахом, они выдвинули предварительное условие, согласно которому он признает и будет соблюдать все договоры, заключенные ранее между Ираном и Великобританией⁹¹.

Роль США в иранских делах в то время была более ограниченной. Политика «открытых дверей» явно имела успех (по крайней мере частично), что облегчало Соединенным Штатам экономическое проникновение в Иран, прежде всего защиту американских нефтяных интересов, в то время как Советы были больше заинтересованы в нейтрализации Ирана как потенциальной британской базы. Этим объясняются высадка их войск в Энзели, их оппозиция договору 1919 г. и гарантии, которых они добились заключением договора

1921 г. Их политика, заключающаяся в стремлении свести к нулю британское влияние, объясняет также причину, по которой они вначале поддерживали Реза-хана. Советы полагали, что националистический лидер сможет вывести Иран на капиталистический путь и начать борьбу против британского империализма, а это будет способствовать возможной социалистической трансформации Ирана⁹².

Деятели, определявшие внешнюю политику Ирана в период существования Гилянской советской республики, делали некоторые попытки сбалансировать влияние иностранных держав в Иране. Все премьер-министры настаивали на эвакуации советских войск; Восуг, Сепакдар и Сеид Зия старались добиться этого, проводя одностороннюю пробританскую политику. Пирния и Кавам пытались достичь той же цели созданием ситуации равновесия для иностранных держав в Иране. Поскольку британское влияние было в то время доминирующим, последние два премьера стремились уравновесить его и ввести для этого на иранскую политическую и экономическую арену Советский Союз и Соединенные Штаты. В результате Пирния и Кавам создали кратковременное состояние позитивного равновесия.

Внешняя политика Великобритании, Соединенных Штатов и Советского Союза, а также иранская политика позитивного равновесия оказали влияние на судьбу Гилянской республики и на будущее Ирана. Эти внешнеполитические факторы в сочетании с внутренней ситуацией в Гилянской республике привели к ее гибели и к диктатуре Реза-шаха Пехлеви.

ПАДЕНИЕ ГИЛЯНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: ВЗРЫВ ИЗНУТРИ

Догматическая интерпретация коммунистической идеологии, зависть и подозрительность среди лидеров, религиозный фанатизм и ошибки нового правительства — все это вместе является причиной провала [Гилян-ской революции].

Иранский (1923 г.)

Внешнеполитические обстоятельства, описанные в предыдущей главе, содействовали краху Гилянской республики, но были и другие причины. Решающую роль в кончине революционного режима сыграли внутренние трудности. Отъезд из Энзели советских лидеров Орджоникидзе и Раскольникова немедленно вызвал рост этих внутренних трудностей. С того времени раскол между Кучеком и правыми дженгелийцами, с одной стороны, и Эхсаноллой и большинством членов Персидской коммунистической партии — с другой, стал увеличиваться. Целью Кучека была национальная конституционная революция; Эхсанолла и ПКП желали социальной революции. Это расхождение в целях вызвало опасный антагонизм среди революционных вождей Гиляна.

Точка зрения фракции Эхсаноллы — ПКП, вероятно, лучше всего выражена в работах радикального догматика Султанзаде, который на Энзелийском съезде был избран первым секретарем ПКП. Как явствует из предыдущей главы, Султанзаде не одобрял союза с буржуазией. Поддерживая идею единого фронта с мелкой буржуазией, которую он называл «самым революционным классом в отсталых странах»¹, он категорически выступал против объединения с нею в национальной революции. Султанзаде считал, что национальную революцию можно сократить во времени или вообще перескочить через нее в колониальных и полуколониальных странах, которые благодаря своим экономическим связям с капиталистическими государствами могут прямо перейти к социальной революции. Султанзаде использовал ранний ленинский анализ империализма, чтобы оправдать свою позицию², когда он отказался признать выводы доклада по национальному и колониальному вопросу, который Ленин

представил II конгрессу Третьего Интернационала. Кроме того, Султанзаде заявил, что в некоторых странах, в том числе в Иране, уже произошла буржуазная революция. Поддержка коммунистов, которую Ленин предложил «буржуазно-демократическим движениям... неминуемо приведет массы к контрреволюции. В таких странах мы должны создать чисто коммунистическое движение в противоположность буржуазно-демократическому движению»³. Здесь Султанзаде применил к иранской ситуации ленинские «Апрельские тезисы» (1917 г.), теоретическую базу политики русских большевиков между Февральской и Октябрьской революциями.

Кучек-хан выступил против радикальных аграрных реформ, которых добивалась ПКП. Султанзаде заявил, что Кучек желает «осуществлять буржуазно-демократическую революцию, объединившись с различными ханами, крупными земельными собственниками и феодалами на том основании, что вся нация должна быть единой в борьбе против шаха и англичан. Не надо и доказывать очевидность того, что Коммунистическая партия не могла поддержать такую тактику... Освобождение крестьян с помощью феодальных землевладельцев было иллюзией, с которой партия должна была сражаться со всей серьезностью»⁴.

К этим идеологическим и тактическим разногласиям добавлялось острое личное соперничество между Эхсаноллой и Кучеком. Эхсанолла, левый демократ, испытал в Европе влияние анархизма и хладнокровно относился к терроризму; Кучек, член Партии умеренных, был глубоко религиозным человеком и верил в необходимость сохранения социального статус-кво. Взаимная антипатия этих двух столь непохожих личностей росла в течение всей Гилянской революции, что отражалось на их политических принципах. Летом 1920 г. Кучек, крайне встревоженный тем, что он считал «эксцессами» ПКП, покинул Решт. Между тем в ПКП и среди левых дженгелийцев росло недовольство консерватизмом Кучека.

Левый переворот

Через три дня после произнесенной Султанзаде 28 июля речи, в которой он призвал к немедленной социальной революции, ПКП и левые дженгелийцы совершили *coup d'état*. Иранская Красная армия, контролировавшаяся Эхсаноллой, дала радикалам средство, в котором они нуждались, чтобы свергнуть правительство Кучека и захватить государственную власть. Организацию переворота приписывали Якову Блюмкину и Буду Мдивани, которые в то время находились в Реште (впоследствии оба они стали троцкистами); есте-

ственно, они приветствовали его⁵. Однако не возникает сомнений, что главную роль играла ПКП и что она не следовала приказам, исходившим от советских властей. Кучек никогда не возлагал на Советы ответственность за переворот или за события, которые за ним последовали; он был справедливо убежден, что ПКП действовала вопреки мнению Орджоникидзе и других советских лидеров, советовавших постепенное развитие революции в Иране⁶.

Состав нового правительства отражал союз между левыми дженгелийцами и ПКП. Оно возглавлялось Эхсаноллой и включало трех членов ПКП (табл. 5.1). Один из них, Пишевари, стал министром внутренних дел. Все трое были азербайджаноязычными мохаджерами. Только два министра входили в состав прошлого правительства. Один из них — гилянец Сеид Джафар (Мохсени), другой — курд, бывший левый демократ и личный друг Эхсаноллы. Халу Курбан, командовавший курдской армией, занял пост комиссара по военным делам⁷. Этническое происхождение и радикальные социальные цели членов нового правительства оттолкнули от него местное население. Новое правительство объявило, что гилянская Красная армия должна быть реорганизована «на базе коммунистических принципов», чтобы захватить Тегеран. Оно потребовало «уничтожения капитализма и феодализма» и удовлетворения «потребностей рабочих в городах и деревнях»⁸.

Террор обрушился на врагов нового режима, которых находили и в Гиляне, и за его пределами, поскольку отныне во имя революции велась классовая борьба. Реорганизованная армия использовалась для укрепления позиций нового революционного режима. Революционные лидеры старались централизовать систему управления, организовать и милитаризовать общество. Правительственный аппарат был захвачен членами ПКП (как правило, говорящими по-азербайджански), и все комиссариаты были реорганизованы под контролем Совета. Государственная бюрократия была централизована, влияние ее расширилось, поскольку она взяла на себя большую роль в жизни населения. Был навязан принудительный труд; даже правительственные служащие были обязаны участвовать в общественных работах. В Гиляне господствовала психология осажденных. Были учреждены революционные военные суды; созданные ad hoc революционные трибуналы должны были осуществлять справедливость; воинская повинность была обязательна для всех мужчин в возрасте от 18 до 45 лет; поездки внутри Гиляна и из Гиляна в другие части Ирана были запрещены без разрешения правительства; у городских ворот были выставлены военные посты, чтобы контролировать передвижение людей

Состав «красного» кабинета

Член правительства	Пост	Этническое происхождение	Политическая принадлежность
Эхсанолла-хан	глава государства, комиссар по иностранным делам	азербайджанец	левый демократ, «Комитет возмездия»
Халу Курбан	комиссар по военным делам	курд-шиит	—
Сенд Джафар (Мохсени)	комиссар почт и телеграфа	гилянец	дженгелиец
Джавад-заде (Пишевари)	комиссар внутренних дел	азербайджанец-мохаджер	ПКП
Агазаде	комиссар юстиции	азербайджанец-мохаджер	ПКП
Бахрам Агаев	комиссар общественных работ	азербайджанец с Кавказа, мохаджер	ПКП
Джафар Кангавари	комиссар просвещения	курд-шиит	левый демократ

Источник: Егикян Г. Шоурави, с. 91—93, 149—150, 504; письмо курдского историка Мохаммеда Самади от 21 октября 1988 г.; Фахраи И. Сардаре Джангал, с. 272.

и перевозку продовольствия. Новый режим разработал программу борьбы с неграмотностью и создал ряд просветительских организаций, которые служили каналами политического просвещения масс; основной темой публичных лекций было развитие «классового сознания» у горожан и крестьян; была развернута пропагандистская кампания против буржуазии в целом и против Кучека в частности.

Правительство Эхсаноллы собиралось ввести «военный коммунизм», который провозгласило своей официальной политикой⁹. Оно создало новый административный орган, занимавшийся закупкой хлеба и других товаров, реквизировало здания, рационировало выдачу продовольствия в городах и конфисковало частную собственность, чтобы поддержать армию в войне против тегеранского правительства. Хотя оно конфисковало землю и передало ее крестьянам, а мохаджеры создали крестьянские советы, которые развернули широкую политическую агитацию среди крестьян, осуществлялись изъятие и вывоз продовольствия, семенного зерна и крестьянских лошадей в города, которые считались главной опорой социалистической власти. Зажиточное «среднее крестьянство» страдало от этих антисобственнических акций, в то время как горожане были задавлены непомерными на-

логами. Эти меры не внушили любви к революционерам ни сельскому, ни городскому населению.

Антирелигиозная революционная пропаганда вызвала напряженность в отношениях между революционными лидерами и массами. Во всех городах были закрыты мечети; правительство энергично боролось против ношения женщинами чадры и против других культурно-религиозных традиций. В результате этих акций национальные религиозные деятели выпустили фетву (постановление высшего религиозного авторитета, аналогичное папской булле), в которой объявили «священную войну» красному правительству¹⁰. Устойчивые патриархальные отношения, существовавшие между помещиками и крестьянами, еще более укрепились, когда религиозные деятели осудили частную крестьянскую собственность. Хотя немало крестьян в Гиляне имели собственную землю, крупные землевладельцы оказывали на них огромное политическое влияние. Когда революционеры конфисковали земли богатых помещиков и попытались навязать крестьянам коммунальные порядки, крестьяне твердо отказались от земли, заявив: «Земля принадлежит помещикам. Мы не желаем владеть ею». Советский востоковед М. Павлович писал: «Крестьяне отказывались брать землю, которую коммунисты намеревались конфисковать у помещиков»; иногда они даже потчевали политических агитаторов дубинами и, таким образом, активно сопротивлялись, а не помогали предполагаемой реформе¹¹.

Революционеры устранили традиционных представителей власти, даже казнили некоторых богатейших гилянских помещиков, но не создали никакой альтернативной власти. Это добавило беспорядка в неразбериху, царившую в революционном гилянском обществе.

Отказ от революционной земельной реформы свидетельствовал о том, что крестьян устраивала существовавшая тогда социальная структура. Неомарксист Абрахамиян в своих работах недооценивает силу религии как оплота социальной иерархии; он неадекватно объясняет недостаток классового сознания у крестьян северного Ирана, которых считает (и совершенно справедливо) политически более зрелыми, чем их собратья в любой другой части Ирана¹². Национальное самосознание гилянских крестьян не выработало у них классового сознания, и их безусловная готовность к национальной революции не сделала их предрасположенными к социальной революции. Советские ученые давно признали этот факт. Ирандуст, считавший иранских крестьян в целом не- или контрреволюционными, писал: «Верно... что крестьяне играли активную роль в гилянской революции. Гилянские крестьяне в целом находились на передней линии борьбы в ходе

революции... Однако гилянский крестьянин крайне религиозен... Во второй половине гилянской революции, когда правительство передало помещичью землю крестьянам, гилянские крестьяне отказались взять землю, руководствуясь содержащимися в Коране прямыми установлениями о нерушимости помещичьих прав... Даже после фактически осуществленной передачи они были убеждены, что земля все еще принадлежит помещику»¹³.

Политика правительства Эхсаноллы вызвала отчуждение и гилянской буржуазии, которая вначале поддержала Гилянский совет. Средний класс надеялся, что национальная революция Кучека ликвидирует британское экономическое (и политическое) влияние и в связи с этим укрепит его собственные экономические и социальные позиции. Он также давно мечтал возобновить торговлю с Россией; некоторые купцы надеялись восстановить свои права на собственность, которой они владели в Советском Азербайджане. Революцию Кучека поддерживали даже некоторые помещики, рассчитывавшие увеличить доходы путем возобновления экспорта своего зерна на север: Кучек в отличие от Эхсаноллы и ПКП не угрожал нарушить статус этого класса. Подобно крестьянам, гилянская буржуазия жаждала национальной, а не социальной революции¹⁴. Развернутая красным правительством кампания против капитализма и феодализма разрушила ее надежды. Городской средний класс был терроризирован; деньги и товарные склады были у купцов отняты, и многие были вынуждены бежать. Земельная реформа затронула и буржуазию; 60% гилянских купцов в тот период владели землей¹⁵.

Между тем Кучек скрывался на своей партизанской базе в Фуменате, возглавив вооруженное сопротивление красной республике, получившее значительную поддержку местного населения. Сражаясь против Эхсаноллы, он все еще пытался убедить рештское правительство проводить более умеренную политику, что позволило бы объединить вокруг него все классы, включая земельных собственников. 9 ноября 1920 г. он писал ему: «Я всегда был уверен... что успех национального движения зависит от уровня сознания людей, а не от железа и огня. Хорошо организованная пропаганда, учитывающая национальные традиции, значительно более эффективна, чем радикализм. Люди Востока, в частности иранцы, крайне религиозны и никогда не усвоят экстремистских или авантюристических воззрений»¹⁶.

Кучек предостерегал против классовой революции: «Лучше оставить эти вещи (земельную реформу и уничтожение феодализма.— Авт.) в покое и вместо этого сконцентрировать нашу активность на объединении людей ради изгна-

ния англичан, ликвидации монархии и аннулирования капитуляционных договоров и всех остальных договоров, вредных для Ирана. После этого мы достигнем указанных целей и захватим Тегеран, а затем сможем попытаться постепенно осуществить определенные социальные реформы, принимая во внимание сложившееся к тому времени мнение народа»¹⁷.

Возражения Кучека против социальной революции и его требование заключить союз с земельными собственниками и вождями племен помогают объяснить существование идеологической пропасти между ним и рештским правительством.

Хайдар-хан во главе партийного руководства

В сентябре 1920 г. в Баку состоялся конгресс народов Востока. Бакинский конгресс сделал попытку добиться единства революционных движений в странах Востока. Иранскую делегацию, вторую по численности на конгрессе, возглавляли Султанзаде и Хайдар-хан, чьи разногласия по тактическим вопросам позднее вылились в открытый раскол в ПКП. Эхсанолла, Пишевари и иранский левый демократ майор Аболькасем Лахути также присутствовали на конгрессе¹⁸.

Конгресс был в основном посвящен борьбе против империализма, в первую очередь британского. Значительное место отводилось также вопросам классовой борьбы, столь сильно волновавшим иранских делегатов во главе с Султанзаде. Революционерам советовали сражаться против англичан, ведя одновременно борьбу против капиталистов в их собственных странах. В то время как конгресс рекомендовал ПКП критически проанализировать эксцессы рештского правительства¹⁹, выступления Зиновьева усилили догматическое левачество администрации Эхсаноллы. Бакинский конгресс принял страстные резолюции, направленные против империализма (особенно британского), но не способствовал использованию местного национализма для достижения этой цели. Зиновьев и другие делегаты конгресса нападали на национализм с такой же яростью, с какой они нападали на состоятельные классы Востока²⁰.

Догматический интернационализм, проявившийся на конгрессе народов Востока, заставил Эхсаноллу отказаться от заключения союзов с националистическими (или буржуазными) элементами. Уровень сотрудничества с буржуазией в антиимпериалистической борьбе, эта вечная проблема тактики, вызвал раскол в Персидской коммунистической партии. На состоявшемся в октябре 1920 г., вскоре после кон-

гресса, съезде в Баку ПКП избрала новый Центральный комитет с другом Сталина Хайдаром в качестве секретаря. Султанзаде и Пишевари были сняты со своих постов. На этом собрании присутствовал Сталин²¹.

Новая партия именовала себя «Хезбе Комунисте Иран» или «Адалят», вернув тем самым имя, которое она носила до открытого разрыва с Кучеком. Она приняла новые тезисы, предложенные Хайдаром; в них была рассмотрена социальная и политическая ситуация, сложившаяся в Иране, и тактика, которой «Адалят» должна была придерживаться. Хайдар должным образом оценил позицию кочевых племен и неспособность иранского правительства установить закон и порядок или предотвратить установление иностранного экономического господства, которое, в свою очередь, мешало развитию капитализма. Основываясь на своем анализе, Хайдар поддержал идею объединения крестьян, торговцев, ремесленников, мелкой буржуазии и части средней буржуазии в национально-освободительной революции, руководить которой будет мелкая буржуазия. После ликвидации британского политического и экономического господства революция может постепенно принять классовый характер и повести Иран к коммунизму.

Чтобы достичь этих целей, «Адалят» должна помочь усилить национально-освободительное движение в Иране. Тем временем антибританскую борьбу следует объединить с борьбой, целью которой является ликвидация монархии. В ходе этой двойной борьбы коммунисты должны постепенно внести классовое сознание в названный выше «революционный» класс. «Хотя иранцы не приучены к демократическим формам правления, ПКП должна попытаться, даже при отсутствии пролетарских элементов, постепенно трансформировать государственный аппарат и бюрократию по советскому образцу, проведя предварительно постепенную подготовку такой трансформации»²².

«Адалят» должна сплотить все революционные силы страны вокруг себя «под знаменем национально-освободительного движения против иностранных империалистических сил и против шахского правительства, продавшегося иностранцам... Внося классовое сознание в массы, Коммунистическая партия Ирана должна действовать чрезвычайно осторожно, учитывая религиозные убеждения и предрассудки крестьянских масс и городских тружеников»²³.

Хотя Хайдар был настроен по отношению к буржуазии значительно более примирительно, чем Султанзаде, он был согласен с ним относительно необходимости земельной реформы. Аграрная реформа, писал Хайдар, нужна для того, чтобы вовлечь крестьянские массы в антибританскую борь-

бу. В то время как для Султанзаде земельная реформа была частью классовой революции, для Хайдара она являлась частью национальной буржуазной революции. Султанзаде не верил, что аграрный вопрос может быть решен в рамках буржуазно-демократической революции²⁴.

Хайдар предложил заключить союз с Демократической партией Азербайджана, которая, по его мнению, представляла интересы мелкой буржуазии и интеллигенции, и с Кучеком, которого он называл «прославленным лидером борьбы за национальное освобождение»²⁵. Он даже рекомендовал принять участие в парламентских выборах, чтобы дать партии лучшую политическую платформу. В дополнительной «программе-минимум» Хайдар призывал к формированию в Тегеране временного революционного правительства с участием некоммунистических революционных партий. В этом временном правительстве Коммунистическая партия должна играть ведущую роль: «Коммунистическая партия Ирана отдает себе отчет в том, что достижение названных выше целей и осуществление программы возможно лишь в буржуазно-демократических рамках», — делал вывод Хайдар. Только тогда Иран сможет участвовать в грядущей мировой революции. В условиях отсутствия у иранских крестьян классового сознания и всеподавляющего влияния религии «идея о том, что революция может с самого начала основываться на классовой вражде и проходить под коммунистическим знаменем, абсолютно неверна, несмотря на то что ненависть к иностранцам есть нечто такое, что может объединить все классы (кроме крупных землевладельцев)»²⁶.

Принятие Персидской коммунистической партией тезисов Хайдара означало возвращение к положениям Третьего Интернационала о национально-освободительных движениях в колониальных и полуколониальных странах. Тезисы Хайдара далеко ушли от догматизма ПКП в период руководства Султанзаде. На бакинском конгрессе различия во взглядах между главами двух делегаций были продемонстрированы весьма ярко²⁷. Предложенное Хайдаром практическое применение марксизма-ленинизма было одобрено Советами и ПКП в их отношениях с правительством Реза-хана в то время, когда военный диктатор защищал республиканскую форму правления.

Многие персидские коммунисты вначале выступили против тезисов Хайдар-хана. Фракция Султанзаде, формально исключенная из партии на октябрьском съезде ПКП, утверждала, что тезисы Хайдара «требуют... фактически создания национал-реформистской партии» и вообще не являются коммунистической программой²⁸. Результатом раскола стало существование в течение примерно года после этого двух

самостоятельных коммунистических партий²⁹. Одну, естественно, возглавлял Султанзаде, другую — Хайдар. Фракция Султанзаде продолжала функционировать и соперничала, добиваясь признания, с партией «Адалят» Хайдара. Зиновьев, возглавлявший Коминтерн, продолжал признавать фракцию Султанзаде — Пишевари, несмотря на ее формальное исключение, и поддерживать догматическую политику этой группы. На III конгрессе Коммунистического Интернационала, состоявшемся в июне — июле 1921 г., была представлена (Пишевари) только левая фракция ПКП. Пишевари поддерживал на конгрессе Зиновьева, и такая поддержка, по-видимому, была взаимной³⁰.

В то время как радикальный мечтатель Зиновьев поддерживал Султанзаде, прагматик Сталин оказывал поддержку Хайдару. Комитет Коммунистической партии на Кавказе, поощрявшийся Сталиным и Орджоникидзе, признавал правую фракцию в ПКП, возглавлявшуюся Хайдаром, и помогал ей³¹. Подобно Хайдару, Сталин часто подчеркивал необходимость постепенного выполнения революционных программ и уважения местных обычаев и религии. Существовало прямое сходство между сталинской политикой в отношении Китая и программой Хайдара в Гиляне. Сталин критиковал левых (таких, как Зиновьев) и многих местных коммунистических лидеров (таких, как Султанзаде). Идеологический зародыш борьбы Сталина против Троцкого, Зиновьева и прочих левых догматиков, нашедший в 1926—1929 гг. развитие в дискуссиях относительно методов доведения до конца революции в Китае, а позднее — в годы антифашистской борьбы в Европе, появился во время Гилянской революции, выразившись в поддержке Сталиным единых фронтов. Идеологическая борьба в Персидской коммунистической партии шла параллельно такой же борьбе среди русских большевиков.

При активной поддержке Сталина Хайдар прибыл в Иран и попытался сформировать второй единый фронт между ПКП и Кучеком³². В это время правительство Эхсаноллы, побуждаемое, вероятно, сочетанием внутреннего недовольства и давления извне (со стороны Хайдара и других), отказалось от политики «военного коммунизма». Весной 1921 г. рещтское правительство заменило ее «новой экономической политикой», которая, как и ее двойник в Советском Союзе, ослабила государственный контроль над экономикой. В период новой экономической политики концепциям мировой революции и классовой борьбы перестали придавать особое значение. Было облегчено передвижение людей и товаров, прекращена насильственная реквизиция продовольствия; многие мохаджеры в бюрократическом аппарате были

заменены урожденными иранцами. Классовый террор и антирелигиозная пропаганда были значительно ослаблены, и власти начали даже взывать к религиозным чувствам в борьбе против «врагов ислама». Правительственная пропаганда снова стала отдавать приоритет национализму и борьбе против англичан³³. Хотя во всем этом явно ощущалось влияние Хайдара, склонность копировать советскую политику появилась и у самого Эхсаноллы.

Хайдар пытался сделать более умеренным курс рештского правительства, чтобы вернуть Кучека в альянс. Наконец 8 мая 1921 г., после длившихся месяцы переговоров между Хайдаром, рештским правительством и фракцией Кучека, последний согласился войти в рештское правительство для организации совместных действий против центрального правительства и Великобритании³⁴. По своему составу майский кабинет существенно отличался от красного комиссариата: члены фракции Султанзаде в ПКП были из него убраны; из пяти членов «революционного комитета», руководившего новым правительством, двое (Кучек и Мирза Мохаммади) были из Гиляна и четверо (упомянутые выше плюс Эхсанолла и Халу Курбан) были урожденными иранцами. Хайдар, единственный представитель Коммунистической партии в правительстве, провел значительную часть своей жизни в Иране. (Неясно, где Хайдар родился, но в 1917 г. он был российским гражданином.) Хотя Эхсанолла остался в новом правительстве, Хайдар считал его «авантюристом» и стремился свести к минимуму его власть³⁵.

Стремясь создать для революционной республики прочную социальную базу, Хайдар предпринял искреннюю попытку привлечь крестьянство, крупнейший и важнейший сегмент населения. Чтобы сделать это, необходимо было компенсировать ущерб, который политика предыдущего правительства нанесла популярности Гилянской республики³⁶. Хайдар возглавил только что созданный Крестьянский совет Дженгеля, который занимался ликвидацией неграмотности, улучшением системы здравоохранения и санитарных условий, разъяснял крестьянам новую программу партии. Просветительская деятельность Хайдара в отличие от политики Эхсаноллы не была связана с принуждением. Ставились пьесы, в которых подчеркивалась необходимость борьбы против англичан, хотя в то же время они пытались исподволь внушить рабочим и крестьянам Гиляна классовое сознание. Хайдар создал добровольное «Джамияте сеадате несван» («Общество для опасения женщин»), которое развернуло кампанию по борьбе с неграмотностью и основало специальную женскую газету³⁷. В конце лета 1921 г. появились указания на то, что сельское и городское население

Гиляна благожелательно относится к программе Хайдара ³⁸.

4 августа 1921 г. Хайдар почувствовал себя достаточно уверенно, чтобы провозгласить (снова) Гилян Советской республикой. Хотя она носила прежнее имя, эта Советская республика отличалась от той, которую возглавлял Эхсанолла; и действительно, Эхсанолла был выведен из состава правительства. Радикальное содержание революционной программы Эхсаноллы также было убрано. Новое правительство провозгласило: «Цели революционного комитета включают введение свободы, борьбу против шаха и монархии и борьбу против контрреволюционеров. Одновременно правительство этого комитета считает своим долгом успокоить массы и... остановить эксцессы и фанатизм в системе управления, которые выгодны одним только анархистам» ³⁹.

Кучек стал председателем комиссариата, Халу Курбан — комиссаром по военным делам, Хайдар — комиссаром по иностранным делам. Другой гилянец, Сар Кош, друг Кучека, заменил Эхсаноллу. Трое из пяти членов нового единого фронта были урожденными гилянцами, и руководство в нем захватили «буржуазно-националистические» дженгелийцы Кучека. Курс революции был изменен, она была возвращена в русло национально-освободительного движения в соответствии с политикой Хайдара, контуры которой были намечены на съезде ПКП в октябре 1920 г.

Однако Хайдар настаивал на проведении земельной реформы, в то время как борьба с Тегераном продолжалась. Как мы видели, это был единственный пункт, в котором он был согласен, хотя бы только из тактических соображений, с Султанзаде. Предложенный Хайдаром союз классов в борьбе за национальное освобождение не включал крупных землевладельцев; Кучек, имевший среди них много союзников, доказывал, что их поддержка необходима для достижения национальной независимости, и выступал против земельной реформы на данной ранней стадии национальной борьбы ⁴⁰.

ПКП под руководством Хайдара стремилась распространить свою деятельность за пределы Гиляна. Коммунистический комитет был образован в Тебризе, где совсем недавно была подавлена революция, которую возглавлял Хиабани. До самой своей смерти Хиабани отказывался от союза с красным рештским правительством. Как отмечалось в гл. 3, он был против радикальных социальных перемен, защищаемых ПКП на ранних этапах Гилянской революции, и стремился сохранить автономию Азербайджана ⁴¹. По-видимому, Хайдар пытался сплотить рассеянные обломки Демократической партии Хиабани. Он основал крестьянские комитеты в районах Тебриза, Ардебиля и Сараба ⁴². В то недолгое

время, которое оставалось до подавления Гилянской революции, деятельность Хайдара имела лишь ограниченный успех, но она заложила основы заметной революционной активности в Азербайджане. Майор Лахути, левый демократ, присутствовавший в свое время вместе с Хайдаром и Султанзаде на бакинском конгрессе, через несколько месяцев после крушения решгского правительства возглавил восстание в Тебризе против военной и политической централизации, проводившейся Реза-ханом. Уцелевшие азербайджанские демократы и коммунистические ячейки, созданные Хайдаром в Тебризе, поддержали Лахути. Сообща эти группы господствовали в Тебризе, подобно тому как это делали революционные комитеты в предшествовавшие периоды. После того как войска Реза-хана (поддержанные курдскими племенами) подавили это восстание, Лахути получил убежище в Советском Союзе, где стал играть заметную роль в революционной литературе⁴³.

В последние месяцы Гилянской республики полковник Песьян, известный азербайджанский демократ, возглавил восстание в соседнем Хорасане. Во время первой мировой войны он командовал иранскими войсками, подчинявшимися правительству национальной обороны в Куме и действовавшими против царской армии; и Эхсанолла и Лахути сражались под его началом. Он был известен как своим литературным талантом и гуманностью, так и военными и административными дарованиями. Восстание Песьяна, как и революция Кучека, судя по всему, было направлено против коррупции и доминирования иностранцев в сменявшихся друг друга правительствах в Тегеране. Как в свое время восстанию Хиабани, главную поддержку Песьяну оказала буржуазия его провинции. Он завоевал широкую популярность, отказавшись впустить бахтиарского губернатора, направленного в Мешхед, главный город Хорасана, тегеранским правительством; присутствие крупного контингента бахтиарских войск, сопровождавшего этого губернатора, тревожило местное население. Песьян (подобно Лахути) противодействовал также диктаторским попыткам Реза-хана поставить все вооруженные силы под свое командование.

Вместе с хорасанскими и многими азербайджанскими демократами Песьян создал «Комите меллие Хорасан» — Национальный комитет Хорасана, который, в свою очередь, сформировал хорасанскую армию. Национальный комитет приступил к административным реформам, таким, как регулирование бюджета и увольнение продажных чиновников. Песьян назвал «реакционных аристократов» врагами истинного прогресса и независимости Ирана. Местные коммунисты поддержали правительство Песьяна⁴⁴. Однако Песьян

был настолько занят делами Хорасана, что отверг предложение Эхсаноллы о союзе. Хотя Песьян начал осуществление реформ в жилищном строительстве и системе образования, выгодных для низших классов, он не был революционером социалистического толка и потому был встревожен событиями в Гиляне⁴⁵. Широкое участие азербайджанцев в его правительстве, в свою очередь, обеспокоило мешхедский базар и лишило Песьяна поддержки буржуазии, которой он вначале располагал. После гибели Песьяна в стычке с курдами, поддерживавшими центральное правительство, армия Реза-хана, не встретив серьезного сопротивления, подавила движение хорасанских демократов⁴⁶.

Падение Гилянской республики

После того как в августе 1921 г. Эхсанолла был выведен из состава правительства, он без санкции гилянских властей двинулся на Тегеран. Правительственные войска под командованием майора Фазлолла-хана (будущего генерала Захеда) окружили революционные силы, насчитывавшие 3 тыс. бойцов. Эта беда, естественно, уменьшила доверие к Гилянской Советской республике, так как обнаружила неспособность революционного правительства осуществлять контроль над своей лоскутной армией и выявила слабость единого фронта. Личная зависть, характерная черта иранской политической жизни, проявилась на этот раз в самой опасной форме⁴⁷. Хайдар пал жертвой своего несогласия с Кучеком по поводу земельной реформы. 29 сентября 1921 г. правый дженгелиец, подозревавшийся в том, что он был участником заговора, имевшим целью убийство Кучека, застрелил Хайдара. Затем сторонники Кучека совершили правый переворот, разгромили штаб-квартиру коммунистов в Реште и после тяжелых боев захватили столицу Гиляна⁴⁸. Тем временем консервативные шахсевены обеспечили выполнение фетвы, направленной против Гилянского совета. Они обрушились на все фракции и группировки, существовавшие в Гилянской республике⁴⁹.

Реза-хан и Кавам, хорошо осведомленные о внутренних противоречиях в Гилянском совете, еще более обострили их, вступив в сепаратные переговоры с правыми дженгелийцами. К тому времени, когда из страны были выведены советские войска, т. е. к октябрю 1921 г., расколотый на фракции Гилянский совет потерял свой революционный потенциал; это, в свою очередь, было серьезным фактором в пользу вывода советских войск. В то время как Сталин и Зиновьев (абсолютно по разным причинам) продолжали поддерживать ре-

волюционное движение в Гиляне, Ленин и Чичерин были склонны бросить на произвол судьбы гибнущую республику, чтобы предотвратить хаос в Иране⁵⁰. После вывода советских войск англичане решили покрыть расходы иранской армии, необходимые для разгрома Гилянского совета⁵¹. Кавам, соблазняя Кучека переговорами, которые должны были вызвать тревогу у ПКП, отказался обсуждать выдвинутое им требование местной автономии.

После правого переворота, избавившего Реза-хана от угрозы войны против объединенных сил, еще более сплоченная иранская армия двинулась в Гилян. Левые в ПКП выступали за решительное сопротивление войскам Реза-хана, тогда как правые (прежде их возглавлял Хайдар) возражали, указывая, что продолжительная борьба неминуемо приведет к распаду Ирана⁵². В конце октября 1921 г. Реза-хан занял Решт. За годы революции гилянцы столько пострадали от деятельности Эхсаноллы, что не возражали против появления казаков, которые за несколько лет до этого помогли Кучеку. Почти не получив поддержки населения, Гилянская республика рухнула, а сам Кучек замерз во время бегства. Эхсанолла ушел на корабле из Энзели в Советский Союз. Халу Курбан и его курды-шииты сдались центральному правительству, которое поручило им бороться против курдов-суннитов во главе с Симко в северном Курдистане. Халу Курбан был убит в стычке в 1922 г.⁵³

Революционное правительство пало главным образом вследствие неудачи в попытке объединить население Гиляна под своим руководством. На ранних этапах дженгелийское движение опиралось на «национальный миф» — освобождение Ирана от иностранного господства, что объединило гилянское общество и мобилизовало крестьянство. Правительство Эхсаноллы не отказалось от этого мифа, но присовокупило к нему новые элементы — классовую борьбу и антирелигиозную пропаганду, что оттолкнуло гилянское общество от революционного режима. Вместо того чтобы привлечь массы, антагонистический подход красного правительства привел к отчуждению масс. Эхсанолла и левое крыло ПКП превратили начатую Кучеком национальную «революцию снизу» в «революцию сверху». Догматический радикализм мохаджеров Эхсаноллы не усилил национальный миф Кучека. Появление в Гиляне курдов и мохаджеров из других частей Ирана и с Кавказа вызвало этнический антагонизм, которого в Гиляне прежде не существовало; очевидцы отмечали, что национальные трения привели к отказу гилянцев поддержать программы красного правительства⁵⁴. Радикальные революционеры не смогли оценить важность политической культуры крестьянства. Пробудившиеся религиоз-

ные чувства и ксенофобия были направлены против правительства Эхсаноллы. Хайдар прекрасно понимал необходимость учета социальной роли культуры и религии, когда он пытался сделать более умеренной политику красного правительства и обратить ее к национальным чувствам, которые должны были сплотить дженгелийское движение; однако ему не хватило времени, чтобы вернуть поддержку масс, утраченную красным правительством.

Власти оттолкнули от себя и буржуазию, надеявшуюся вернуть свои позиции в результате возобновления торговли с Россией и изгнания англичан. В то время как и Султанзаде и Хайдар желали заключить временный союз с некоторыми слоями буржуазии, они были категорически не согласны друг с другом в вопросе о том, где пролегает линия раздела между потенциальными союзниками коммунистов и их классовыми врагами. Султанзаде хотел заключить союз лишь с мелкой буржуазией и настойчиво требовал, чтобы коммунистическое руководство ограничилось этим минимальным единым фронтом; Хайдар желал объединения с широкими слоями национальной буржуазии и даже готов был временно отдать лидерство этому классу. Гилянская буржуазия, из опыта деятельности левого крыла ПКП сделавшая вывод, что коммунизм в конечном счете направлен против ее классовых интересов, косо смотрела на союз, предложенный Хайдаром. Можно полагать, что буржуазные реформистские лидеры в Азербайджане и Хорасане имели сходные причины для отказа от единого фронта с рештским правительством. Проблема союза с буржуазией до сих пор вызывает немалый интерес у коммунистических писателей и политических деятелей⁵⁵.

Как и все гилянское общество в революционный период, руководство было расколото. Различия в политических взглядах оно демонстрировало в своей политике: Кучек был гилянцем-конституционалистом, членом Партии умеренных, получившим религиозное образование; Эхсанолла был азербайджанцем, принадлежавшим к левому крылу Демократической партии и находившимся под сильным влиянием доктрин европейского анархизма. Азербайджанцы выделялись своим радикализмом; радикал Пишевари и прагматик Хайдар, как и Эхсанолла и многие члены ПКП, были азербайджанцами. Даже радикальный теоретик армянин Султанзаде родился в Азербайджане. Хайдар, Пишевари и Султанзаде были лично знакомы с вождями русской революции, что подчеркивает размеры влияния, которое Советы оказали на формирование их идеологии и тактики. Хайдар встретился со Сталиным в Александрополе, когда изучал инженерное дело; идеологическое влияние Сталина на тезисы Хайда-

ра, как мы видели, было весьма ощутимым. Кучек придерживался иных политических убеждений; он поддерживал контакты с религиозными панисламистами в Иране и кое-где за его пределами. В отличие от азербайджанцев, воспринявших идеи русского политического окружения, Кучек был реформатором, желавшим освободить Иран от иностранного господства; он рассматривал все экономические классы как потенциальных союзников. Для азербайджанцев и ПКП, даже для Хайдара национальная революция была лишь шагом на пути к социальной революции.

Внутри ПКП существовали два тактических подхода, основывавшихся на различной интерпретации марксизма. Султанзаде и его фракция, левое крыло ПКП, хотели вести классовую борьбу одновременно с борьбой за национальное освобождение. Хайдар и правые в ПКП отдавали приоритет национально-освободительному движению. Эти идеологические противоречия в сочетании с разногласиями между левыми дженгелийцами Эхсаноллы и правыми дженгелийцами Кучека сделали для Гилянского совета невозможным проведение последовательной политики, базирующейся на единой идеологии. Расхождения во взглядах между левым и правым крылом ПКП обострились из-за разногласий (но не были их причиной) между Сталиным и Орджоникидзе, с одной стороны, и Зиновьевым и Мдивани — с другой, внутри советской Коммунистической партии. Эти фракции в Советском Союзе расходились во мнениях относительно методов, которые следует использовать для победы революции в Гиляне, и отсюда каждая из них поддерживала соответствующую сторону в борьбе внутри ПКП.

Как и в Гилянском совете, политический раскол существовал в Азербайджане и Хорасане; частично он был обусловлен классовой идеологией, частично — этническими различиями. Азербайджанские лидеры в Хорасане и Гиляне не были угодны людям, которыми они стремились руководить⁵⁶. Наличие в этих провинциях множества местных лидеров, которые идентифицировались со своей провинцией или этнической группой куда больше, чем с Ираном как единым целым, вызвало отчуждение иранских националистов, которые раньше поддерживали эти движения. Многие лидеры националистов, в первую очередь аятолла Модаррес, в свое время надеялись, что революции, особенно в Гиляне, усилят способность Ирана противостоять иностранному вмешательству⁵⁷. Позднее они поняли, что эти революции представляют угрозу существованию Ирана как государства, и стали враждебны им⁵⁸. В 1946 г. такую же эволюцию испытало отношение Мосаддыка и других лидеров националистов к революциям в Азербайджане и Курдистане.

Необходимо помнить, что народ уже давно отдал дженгелийскому движению первое место; оно не было творением Советов и началось как национальная борьба против иностранного господства. Развал подчиненного центральному правительству государственного аппарата, сочетавшийся с мощной иностранной интервенцией в годы и после первой мировой войны, вызвал националистическую революцию с участием крестьянства. Дженгелийская крестьянская националистическая революция затем нашла союзника в лице Советского Союза. Недостаток времени, политические разногласия и перевороты в Гиляне не позволили создать жизнеспособный административный аппарат. Частично объясняет эту неудачу отсутствие политического опыта у руководства ПКП и у других революционных лидеров.

И все же достижения Гилянского совета не должны быть забыты. Даже правительство Эхсаноллы вылечило несколько серьезных болезней гилянского общества. Безработица была значительно сокращена; началась кампания по борьбе с неграмотностью; была сделана попытка основать национальный банк. Этнические меньшинства, такие, как армяне, получили право использовать родной язык в своих школах. Впервые в иранской истории была сделана попытка провести земельную реформу и создать у крестьян чувство коллективной ответственности. Когда власть находилась в руках Хайдара, правительство развернуло кампанию по борьбе с неграмотностью и улучшению санитарных условий в сельской местности. Также впервые в истории Ирана были созданы крестьянские союзы. Были предприняты попытки улучшить положение женщин. Некоторые культурные и просветительские организации, созданные в тот период, просуществовали десятилетиями⁵⁹, и все это повторится в Азербайджане; кое-что из этого произойдет в 1946 г. и в Курдистане.

Из-за внутреннего развала в Гиляне и в целом в Иране, а также вследствие внешнеполитических обстоятельств, описанных в предыдущей главе, Советский Союз перестал оказывать поддержку Гилянскому совету; продолжать прежний курс означало бы побудить англичан к политическому и территориальному раздроблению Ирана⁶⁰. (Возможно, что аналогичные обстоятельства объясняют эволюцию советской политики по отношению к революционным правительствам в северном Иране в 1946 г.) Гилянский совет пал вскоре после вывода русских войск, продемонстрировав тем самым, что он потерял поддержку масс. Его падение сделало возможным возвышение Реза-хана и узаконило использование армии в качестве вершительницы судеб власти. В течение следующих двадцати лет Иран жил в условиях централизованной военной диктатуры. При Реза-шахе произошло лишь

одно крупное крестьянское восстание (в 1926 г. в Хорасане, под руководством Лахак Хан-и Баванда), и оно было мгновенно разгромлено⁶¹. Северный Иран стал главным объектом военного подавления. То же самое произошло в 1946 г., когда генерал Размара, командовавший иранскими войсками, действовавшими против революционеров в Азербайджане и Курдистане, укрепил собственную власть и власть армии, воспользовавшись плодами своих военных побед.

ПРАВЛЕНИЕ РЕЗА-ШАХА

Когда распад Ирана и слабость правительства достигли такого уровня, что администрация и армия существовали лишь номинально и мы превратились в посмешище для иностранцев... энергичное руководство нашего благородного генерала, командующего нашими вооруженными силами Реза-хана, создало сильную единую национальную армию, которая восстановила независимость Ирана, возвратила власть правительству, подавив в провинциях революции и восстания племен, и реформировала правительственный аппарат. Под руководством Реза-хана наша страна будет наслаждаться внутренней безопасностью, прогрессом и благосостоянием.

256 торговцев и купцов Тегеранского базара
(1922 г., открытое письмо)

Реза-шах истребил в Иране всех воров и бандитов и дал своим соотечественникам понять, что отныне в Иране будет только один вор.

Член британского парламента (1946 г.)

В этой главе будет показана эволюция иранского общества и внешняя политика Ирана при Реза-шахе, а также влияние этой эволюции на настроения в народе, в первую очередь в Азербайджане и Курдистане. Изменения во внутренней и внешней политике будут исследованы на протяжении трех хронологических этапов. На начальном этапе — этапе харизматического лидерства, 1921—1926 гг., Реза повсюду воспринимался как реформатор, добивавшийся модернизации; в промежуточный период, 1926—1934 гг., он избрал более традиционный стиль правления, консолидируя свою власть; и на финальной стадии, 1934—1941 гг., шах, находившийся под влиянием европейского фашизма, усилил централизацию власти и преклонение перед прошлой славой Ирана перенес на самого себя.

Харизматическое лидерство: 1921—1926 гг.

В первые годы восхождения Реза-хана к власти к нему относились как к реформатору, который вернет Ирану гордость, восстановит единство и независимость. Реформистская интеллигенция следовала за ним, считая его стабилизирую-

щей национальной силой. Все классы были измучены братоубийственной Конституционной революцией, мировой войной и восстаниями в Гиляне и в других местах. Аристократы, улама, торговцы, рабочие — все были изнурены годами междоусобной войны и партийными спорами и приветствовали передышку, предложенную харизматическим лидером. После отречения Реза-шаха азербайджанский историк Ахмед Кесрави объяснял, что «существование в Иране множества автономных центров силы, приведшее к абсолютному отсутствию безопасности и фактическому распаду государства, было главной причиной того, что народ Ирана поддержал установление диктатуры»¹. Декларация, изданная Реза-ханом вскоре после осуществленного им в феврале 1921 г. государственного переворота, в некоторой степени объясняет его привлекательность для народа в тот ранний период: «Наша цель состоит в том, чтобы образовать... сильное правительство, которое сможет создать мощную и пользующуюся уважением армию, так как только сильная армия может вывести страну из бедственного положения. Мы хотим сформировать правительство, которое не будет осуществлять дискриминацию гилянцев, тебризцев и керманцев. Мы хотим образовать правительство, которое не станет инструментом иностранной политики»².

Реформистская интеллигенция, в особенности те, кто возглавлял Конституционную революцию, видела в Реза-хане воплощение конституционных идеалов. Годы спустя Хасан Тагизаде, в прошлом видный деятель Демократической партии, разъяснял: «Великий вождь появляется и берет судьбу страны в свои руки», чтобы воплотить в жизнь «очень многие из тех идеалов, о которых ныне покойные националисты первого периода (периода Конституционной революции) когда-то мечтали»³. Широкая поддержка, которую Реза-хан тогда получил от новой интеллигенции, была аналогична поддержке, которую Ататюрк получил в Турции.

Завоеванию Реза-ханом абсолютной власти способствовал и распад обеих ведущих партий — демократов и умеренных. Руководство Демократической партии, оставшееся в Иране после первой мировой войны, разделилось, как было сказано выше, на «организационную» и «антиорганизационную» фракции. «Антиорганизационная» фракция исчезла бесследно, а члены «организационной» фракции уже никогда не возвратили себе первоначальный статус Демократической партии. Партия умеренных также распалась.

Бывшие умеренные и демократы создали две новые партии: Социалистическую и «Эслахталабан», или Реформистскую партию. Их разделяло отношение к русской революции. Социалисты, возглавлявшиеся Солейманом Мирзой Исканда-

ри, выступали за просоветскую внешнюю политику. Реформисты во главе с Модарресом ратовали за более нейтральный курс. Модаррес защищал политику пегативного равновесия, которая проводилась в период Гилянской революции, а впоследствии получила широкую известность при Мосаддыке. Он был откровенный противник роста советского влияния на основе военных статей ирано-советского договора 1921 г., подобно тому как Мосаддык подвергал критике ирано-советское нефтяное соглашение в 1946 г.⁴

Во внутренней политике социалисты, как до них демократы, выступали за эгалитарное светское общество с широким спектром конституционных и экономических прав. Как говорилось в предыдущих главах, после гилянского эпизода социалисты образовали блок с коммунистами. Идеологическое влияние коммунистов на платформу Социалистической партии выражалось в требовании отменить частную собственность. Наибольшую активность социалисты проявляли в северных провинциях, где они поддерживали профсоюзы, созданные коммунистами незадолго до крушения Гилянской революции. В этих профсоюзах доминировали два ветерана Гилянской революции — гилянец Реза Руста и Пишевари. Они убедили уже существовавшие, но неэффективные союзы, такие, как профсоюз учителей, присоединиться к ним и распространили свое влияние на нефтепромыслы юга⁵. В начале 1920-х годов они организовали несколько забастовок, в том числе знаменитую забастовку печатников, протестовавших против цензуры прессы⁶.

Реформисты, многие из которых в прошлом принадлежали к умеренным, были менее радикальны. Сущность предлагаемой ими внутренней политики состояла в проведении постепенной, ограниченной реформы, очень похожей на ту, что в свое время предлагала Партия умеренных. Купцы, аристократы и улама, отвергавшие радикализм и секуляризм программы социалистов (так же как и деятельность коммунистов в Гиляне), поддерживали реформистов. Избирательный закон, поддержанный демократами и принятый Вторым меджлисом, парадоксальным образом принес реформистам большинство в Четвертом меджлисе и солидное меньшинство в Пятом. Этот закон гарантировал всеобщее избирательное право для мужчин независимо от образовательного уровня и социального положения, что позволило ханам и улама объединяться с необразованными низшими классами. Однако реформистам при всем их влиянии в меджлисе недоставало организаций в провинциях⁷.

В Четвертом меджлисе Реза-хан вначале заключил союз с реформистами, которые от этого выиграли, когда Реза поддержал многих политиков, в том числе Кавама и Пир-

ния, которых эта партия также поддерживала. Военный лидер завоевал расположение религиозных масс тем, что вместе со своей казачьей бригадой присутствовал на одной из важнейших шиитских религиозных церемоний, ашуре, и бичевал себя, чтобы выказать свою набожность. Его стали восхвалять улама, обладавшие огромным влиянием не только в Реформистской партии, но и в стране в целом⁸. Внешняя политика Реза-хана, целью которой была защита независимости и нейтралитета Ирана против Советского Союза и Великобритании, также апеллировала к реформистам, настаивавшим на проведении сбалансированного курса. Увеличив военный бюджет, реформисты усилили могущество Реза-хана. Вероятно, из-за собственной слабости они позволили ему объявить во многих провинциях военное положение⁹.

Используя в своих целях связи с реформистами, Реза вступил в союз с социалистами, чтобы убрать с политической арены Кавама и Пирния. Опираясь на этот новый альянс и на восходящую силу, Реза манипулировал выборами в Пятый меджлис и создал работоспособное большинство, состоявшее из социалистов и членов «Таджадод», или Партии прогресса (именовавшейся также Независимой демократической партией). Лидер социалистов Искандари восхвалял Реза-хана и отзывался о нем как о «буржуазном национальном лидере». Как и большинство советских политических деятелей, Искандари одобрял возрождение в Иране национализма, олицетворяемого Реза-ханом, и защищал установление «буржуазно-демократической диктатуры»¹⁰. Программа Партии прогресса, заключившей союз с социалистами, была подчеркнута националистической: она призывала к замене иностранного капитала местным, к замене языков национальных меньшинств на всей территории Ирана персидским языком и к созданию дисциплинированной армии. Члены этой партии были большей частью молодыми людьми, получившими европейское образование; в их числе были Али Акбар Давар, Абдоль Хосейн Теймурташ, Сеид Мохаммед Тадайон. Конституционалист Мохаммед Али Зока оль-Мольк, более известный под именем Форуги, которое он получил в эпоху династии Пехлеви, также был связан с «Таджадод». Эти четверо играли важнейшую роль в правлении Реза-шаха¹¹.

В Пятом меджлисе Реза обеспечил для Мостуфи, сотрудничавшего как с социалистами, так и с Партией прогресса, пост премьер-министра. С несомненной искренностью Реза выступал за создание Иранской республики, где должен был стать президентом. И социалисты, и члены Партии конгресса одобрили эту позицию как шаг на пути к созданию

буржуазного национального государства. Ахмед-шах уже давно уехал в Европу; он настаивал на том, что является «конституционным монархом», и отказывался поддерживать любую политическую фракцию, оппозиционную Реза-хану. Со своей непоколебимой верностью конституционным формам он стал препятствием на пути создания сильного центрального правительства, которого желали многие иранские националисты; последний кадждарский шах лишился в Иране всякой поддержки, которую мог бы получить для спасения свой династии¹². Однако улама были встревожены. Соседняя Турция провозгласила себя республикой, не имеющей официальной религии; в глазах многих республика была нераздельно связана с секуляризмом. В Тегеране перед зданием парламента состоялась демонстрация, участники которой скандировали: «Мы — народ Корана, мы не хотим республики!»¹³.

Модаррес возглавил антиреспубликанские силы и заставил Резу отказаться от надежд на пост премьер-министра. К несчастью, Модарреса отталкивали от социалистов идеологические расхождения и личная неприязнь, зародившиеся еще в годы Конституционной революции и первой мировой войны, когда он был лидером умеренных, а Искандари руководил Демократической партией. Их взгляды на внешнюю политику и на отношения между государством и улама резко различались. Это противостояние дало возможность Резе натравить одну группировку на другую. Раскол в меджлисе не позволил сформировать объединенную оппозицию его все возраставшему стремлению к автократии, и Реза обратил разброд в меджлисе к своей выгоде¹⁴. При поддержке армии, Партии прогресса и Социалистической партии он вернул себе власть.

Уловив перемену в политических настроениях нации, Реза перестал поддерживать республику, согласившись с тем, что республиканская идея противоречит принципам шиитского ислама. В ответ на свой отказ от «идеологии республиканизма» он гарантировал, что выполнит обещание реформистов не защищать династию Кадждаров; этот компромисс открыл перед Реза-ханом путь к основанию своей собственной династии¹⁵. Социалистическая партия и Партия прогресса согласились предоставить ему пост главнокомандующего всеми вооруженными силами. Модаррес и реформисты, считавшие, что смогут контролировать деятельность Резы, санкционировали это назначение, означавшее узурпацию традиционных прерогатив Ахмед-шаха, который, согласно конституции, теоретически все еще оставался командующим иранской армией¹⁶.

В Пятом меджлисе Мосаддык почти в одиночестве про-

тестовал против попыток Резы захватить трон. В 1925 г., во время дискуссии относительно будущего Каджарской династии Мосаддык спросил: «Разве во время Конституционной революции народ проливал кровь ради диктатуры?.. Я согласен с тем, что Реза-хан послужил нашей стране. Однако изменение конституции ей совсем не на пользу». Рост могущества Резы, заявил он, неизбежно приведет к диктатуре, при которой внешняя и внутренняя политика будет определяться без консультации с парламентом¹⁷.

Хотя социалисты и одобряли свержение Каджаров, им совсем не улыбалось появление на иранском престоле династии Пехлеви. Искандари несколько наивно пытался приукрасить монархию Резы, предлагая, чтобы порядок престолонаследия устанавливался на выборной основе: «Хотя я был одним из главных сторонников [Резы] Пехлеви [в благодарность] за услуги, которые он оказал стране, такие, как уничтожение племенного феодализма, создание для нации безопасных условий существования и централизация правительства... основываясь на программе моей партии и моих идеологических убеждениях, я считаю, что право избирать вождя нации принадлежит только народу. Поэтому именно нация должна решать, кто будет наследным принцем и шахом»¹⁸.

Из-за своей оппозиции закону о престолонаследии Искандари вместе с двумя другими социалистами уклонился от участия в работе Учредительного собрания, которое открылось в 1925 г., чтобы «избрать» Резу шахом¹⁹. Вплоть до конца 1941 г., когда в Иран вторглись войска союзников, ни один меджлис не отважился противоречить Реза-шаху.

В годы диктатуры Реза-шаха его программы завоевали ему поддержку как внутри Ирана, так и у великих держав. Он подчеркивал необходимость восстановления былой славы Персии; и персидская литература в период его возвышения отражала это стремление. Знаменитый светский революционный поэт Ареф-и Казвини, в свое время поддерживавший восстание Песьяна²⁰, а затем ставший сторонником Реза-хана, писал: «Дух Сардер Сепеха (титул Реза-хана) возродит эту страну и отведет ее от грани гибели. Пока остаются муллы и Каджары, никто не ведает, какой позор обрушится на страну Кира... Если корона и трон Ануширвана и Джема пользовались хоть каким-то уважением, то этот жалкий король (Ахмед-шах.— Авт.) уничтожил его... Народ всегда был вершителем судеб государства; это тот самый народ, который сделал Ферейдуна и Гобада своими королями»²¹. Это был явный намек на то, что и Реза при шумном одобрении народа был избран, чтобы возродить величие Ирана после периода упадка.

Коронация Реза-шаха дала много примеров того, что народу новый монарх поначалу понравился. Новый правитель еще раз заявил о своей решимости вести страну вперед, уважая ислам, но, несмотря на торжественные клятвы в верности религии, он в подражание Наполеону выхватил корону из рук высокого духовного лица и водрузил ее себе на голову. Так он стал готовить почву для ограничения власти духовенства²².

После того как Реза сам себя короновал, его премьер-министр Форуги произнес речь о славном прошлом Ирана, особенно в сасанидский (доисламский) период. Он сравнил Резу с теми шахами Ирана, которые в свое время вели нацию к славе после периодов упадка: «Ваше величество, иранский народ понимает, что сегодня на престол взошел шах, принадлежащий к чистой иранской расе (Каджары были туркменами.— Авт.)... и под его руководством Иран вновь станет прочным и сильным государством». Он сослался на выполненную в сасанидском стиле корону, выбранную Резой вместо короны Каджаров, как на символ омоложения Ирана²³. Председатель парламента Хасан-хан Эсфандияри с благодарностью отметил, что при Резе страна обрела внутреннюю безопасность. В отличие от Форуги, Эсфандияри указал на привлекательность Резы для различных этнических групп Ирана: «Ваше величество, в этой стране, созданной многими расами и племенами, сельскими жителями и горожанами... народ посылает вам свою благодарность за внутреннюю безопасность, которая установилась за короткий период под вашим руководством». Сельское хозяйство, промышленность и горное дело будут развиваться при столь надежном правительстве, ведущим нацию к процветанию и независимости²⁴. Речь Эсфандияри показывает, почему представители всех классов, и прежде всего честолюбивый средний класс, на этой критической стадии поддержали правительство Резы. Как проницательно объяснял Бахар, «лишившееся иллюзий общество, в первую очередь средний класс, истомившийся без сильного центрального правительства, подготовило и поддержало приход Реза-хана к власти. Средний класс увидел в Реза-хане средство для достижения своих целей»²⁵.

Реза добился успеха в создании внутренней стабильности. После разгрома революций в Гиляне, Хорасане и Азербайджане он в 1922 г. подавил восстание курдских племен, возглавлявшееся Симко, вождем племени шаккак. После первой мировой войны Симко терроризировал азербайджанцев, ассирийцев и армян в западном Азербайджане. Хотя его восстание и являлось отголоском борьбы за курдскую автономию, в первую очередь оно все же было чис-

то племенным делом, задуманным, чтобы усилить его собственную власть²⁶. В свою очередь, Реза использовал разгром локальных восстаний для того, чтобы укрепить свою военную власть: повсюду в провинциях, но главным образом на севере, он разместил гарнизоны. Особенно суровым было военное правление в Курдистане. Чтобы предотвратить новые восстания племен, Реза разоружил наиболее беспокойные племена — луров, белуджей, бахтиар и кашкайцев, а также курдов и насильственно перевел на оседлость многие племена, в прошлом кочевые. Тех вождей, которые не были казнены, перевезли под надзор в Тегеран или иным способом изолировали от их племен²⁷. Большинство иранцев приветствовало меры, направленные на подавление восстаний племен. Даже люди, находившиеся в оппозиции диктатуре Резы (в том числе Модаррес и Мосаддык), одобрили эту политику как главное условие достижения внутренней безопасности страны. Ясно, однако, что жестокость, с которой были подавлены племена, увеличила могущество Резы.

Реза объединил вооруженные силы под своим личным командованием. Казаки, жандармы и полиция вместе с остальными военными формированиями вошли в состав новой национальной иранской армии, получившей единую форму и единый устав. Это освободило армейские соединения от контроля со стороны провинциальных властей и тегеранских политиков и подчинило их Резе. Офицеры, лояльные Резе, отняли власть у губернаторов и взяли в свои руки контроль над выборами, чтобы обеспечить своим сторонникам доминирование в Пятом меджлисе и Учредительном собрании. Мосаддык сложил с себя обязанности губернатора Азербайджана из-за вмешательства в административные дела военных — близких друзей Реза-шаха²⁸. Реза создал раблепно служащую ему военную иерархию. Начав регулярно выплачивать военнослужащим жалованье, он дал армии социальный статус, которым она до той поры никогда не обладала, и сделал ее лояльной себе. Вот почему в годы, предшествовавшие его восшествию на престол, и позднее он мог уверенно опираться на армию²⁹.

Объединив под своим командованием армию, Реза сумел проделать то же самое с правительством. Покорные военной диктатуре провинциальные власти были не в состоянии оспаривать авторитет Резы. Налоговая система и бюджет были поставлены на прочную финансовую основу с помощью миссии США во главе с Артуром Миллсго, которая прибыла в Иран в 1922 г. по инициативе Кавама³⁰. Поддержка, которую Реза получил от двух великих держав, сочеталась с обретенной им поддержкой внутри страны. Представляя себя в виде сильного националистического лидера, который

защитит независимость Ирана от посягательств со стороны любой державы, он рассчитывал вызвать одобрение как Великобритании, так и Советского Союза. Англичане надеялись, что Реза станет эффективным оплотом против коммунизма. Согласно Винсенту Шину, поскольку англичане отныне желали выпутаться из хитросплетений иранской внутренней политики, они были благодарны Резе за укрепление власти иранского правительства. Они молчаливо согласились на реорганизацию иранских финансов, проведенную американским советником Миллспо, на том основании, что это делает иранское правительство более жизнеспособным³¹. Когда в 1924 г. Реза разгромил старого союзника англичан шейха Хазала из Мохаммеры, Советы были убеждены, что Реза превратился в эффективный оплот против империализма и что он ликвидирует британскую гегемонию в Иране. Создание светского национального государства, за которое выступал Реза в союзе с социалистами, убеждало Советы, что он был «националист, враг религиозного фанатизма, враг феодальных ханов и капиталистов и противник британского вмешательства в дела Ирана»³².

Руководствуясь этими соображениями, Англия и Советский Союз соревновались в скорости признания династии Пехлеви. Первыми признали Резу в качестве правителя англичане после решения Пятого меджлиса о низложении Каджаров; Советы последовали их примеру на следующий день³³. Внешняя политика Резы в тот период состояла в том, чтобы сохранять равновесие: в условиях, когда Англия обладала в Иране прочными позициями, это означало усиление поддержки со стороны Советского Союза. Подобно своему будущему аналогу — генералу Размара, Реза сделал несколько символических жестов (включая укрепление сотрудничества с Социалистической партией), чтобы продемонстрировать симпатии к Советскому Союзу. Когда в декабре Учредительное собрание избрало Резу шахом, министерство иностранных дел Ирана поручило британскому послу возглавить дипломатов, поздравлявших монарха по случаю его восшествия на престол; во время коронации в апреле 1926 г. министерство иностранных дел поставило советского посла во главе дипломатического корпуса, поздравлявшего шаха³⁴.

Императорский Иран: ранний период (1926—1934)

После коронации Резы государство стало все больше отождествляться с монархом. В основе его правления лежали традиционализм и патриархальность при полном отсутствии

идеологических схем. Тенденции к рационализации четко проявились уже в первых реформах монарха из династии Пехлеви, однако шах уклонялся от рутинной административной деятельности, поскольку это мешало осуществлению его личной власти. Его верный сторонник генерал Хасан Арфа писал: «Я был далек от верховной власти, но вследствие страстного интереса, которых шах питал к мельчайшим вопросам во всех областях государственной деятельности, особенно в том, что касалось армии, я часто вступал с ним в непосредственный контакт. Моя жизнь, моя работа, мое счастье и беды прямо зависели от него»³⁵. И на самом деле вся страна прямо зависела от Резы; шах не ощущал свое положение настолько надежным, чтобы делиться властью.

Чтобы укрепить свою личную власть, первый монарх из династии Пехлеви низвел парламент и кабинет до роли резиновых штампов. В 1927 г. он запретил Коммунистическую и Социалистическую партии; коммунистические лидеры оказались в тюрьме или были вынуждены бежать за границу. Все остальные партии вскоре распались. Модаррес, Мосаддык, Пирния и прочие видные политические деятели лишились своих мест в меджлисе и отказались от всякого участия в общественной жизни. Каваму, изгнанному из страны по подозрению в заговоре против Резы, было разрешено вернуться в Иран, но он находился под надзором и ему было запрещено заниматься политикой³⁶. Даже Партия прогресса, которая в награду за поддержку, оказанную ею новому шаху, не подверглась притеснениям, была преобразована в «Иран ноу» («Новый Иран»), а позднее — в «Хезбе таракки» («Прогрессивная партия»), в подражание фашистской партии Муссолини и Республиканской партии Ататюрка. Однако в 1932 г. Реза-шах, боясь, что даже эта раболепная группировка может превратиться в центр оппозиции, запретил ее под тем предлогом, что она разжигает «республиканские настроения»³⁷.

Реза-шах все больше не доверял институтам, даже внешне лояльным, считая, что они могут угрожать его положению. Однако он все еще верил людям, которые привели его к власти. Великолепного администратора Давара он сделал министром юстиции, а впоследствии — министром финансов. Он назначил очень близкого ему Теймурташа министром двора, а Тагизаде — послом в Англии. Джафар Кули-хан Сардар Асад, знаменитый бахтиарский хан и сын Хадж Кули-хана Сардара Асада, участвовавшего в Конституционной революции и помогавшего низложить Мохаммеда Али-шаха, стал военным министром. Реза-шах был убежден в их компетентности, и все они внесли важный вклад в формирование внутренней и внешней политики в тот период³⁸.

Экономическая политика, проводившаяся Реза-шахом в это время и позднее, удачно охарактеризована Амином Банини как «стремление к индустриализации, выходящей далеко за рамки экономической целесообразности и проводившейся не ради роста производительности и благосостояния, но как символ престижа и высокого статуса». Это «неразборчивое подражание внешнему блеску западных обществ»³⁹ вызвало появление так называемого национально-го комплекса неполноценности. Вайолет Конолли объясняла в 1935 г.: «Похоже, что для властей в Тегеране создание современной промышленности было свидетельством равенства с более крупными государствами и единственным способом освободить себя и свою страну от комплекса неполноценности, порожденного долгой историей иперции, коррупции и отсталости»⁴⁰.

Как и все остальное в социальной системе в тот период, характер экономической модернизации определялся самим шахом. Частично из-за неверия в возможности частного иранского капитала, частично из-за преклонения перед государственным меркантилизмом Ататюрка Реза-шах сделал правительство вместилищем всех экономических инициатив. Промышленные предприятия, построенные в годы правления Резы, принадлежали либо ему, либо государству.

Государственный контроль над экономикой сделал центром всей коммерческой деятельности Тегеран, что резко ухудшило положение в прочих традиционных торговых центрах Ирана, особенно на севере. До Реза-шаха Тебриз был более значительным коммерческим центром, чем Тегеран, но теперь все стало по-иному. А. С. Эдвардс отмечал, что «ни одно влиятельное лицо... не может вести дела, не живя в Тегеране. Поэтому столица растет и благоденствует, но в основном за счет провинций»⁴¹. Тегеран получил электричество, там появились широкие мощные улицы и множество общественных зданий; улучшений в провинциальных городах было куда меньше. Граждане некогда процветавшего Азербайджана чувствовали себя жестоко обманутыми политикой шаха⁴².

Реза основал в Тегеране монополии — либо контролируемые государством, либо передаваемые находящимся под его покровительством предпринимателям — по производству сахара и чая (1925 г.), опиума (1928 г.), табака (1929 г.) и многих других потребительских товаров. Импорт и экспорт всех этих товаров находились под контролем, и многие из них облагались тяжелыми налогами. Налоги на сахар, табак и чай ухудшили экономическое положение крестьянства, основных потребителей этих продуктов. Многие монополии были отданы королевским фаворитам и очень плохо управ-

лялись, часто со значительными злоупотреблениями; лишь немногие были прибыльны, большинство же их по существу истощали казну⁴³. Были построены фабрики, в том числе по производству сахара и шелка, однако большинство их находилось на землях короны и, как правило, управлялось армейскими офицерами. Так шах использовал для собственного обогащения государственные средства, предназначенные на цели развития⁴⁴.

Реза-шах стремился ограничить иностранный контроль над иранской экономикой. В 1928 г. были отменены еще остававшиеся капитуляции. Иран отстаивал свое право на установление таможенных пошлин, но никогда не вводил протекционистские тарифы для развития своей находившейся в зачаточном состоянии промышленности⁴⁵. В 1930 г. правительственным актом был введен контроль над иностранной валютой. Для того чтобы промышленность могла получать займы по более низким процентным ставкам, чем те, которые существовали на базаре, был основан Национальный банк Ирана, Банке Мелли. Он замышлялся как осязаемый символ финансового единства страны; в отношении денежной эмиссии он заменил собой (британский) Шахиншахский банк. Однако в отличие от традиционных ростовщиков базара Национальный банк предоставлял займы не нуждавшимся в кредите буржуазным предприятиям, а только шаху для осуществления угодных ему проектов, его родственникам и приближенным⁴⁶.

Крупнейшим экономическим проектом в эпоху правления Реза-шаха было строительство Трансиранской железной дороги, связавшей Бендер-Гез на Каспийском море с Бендер-Шахпуром на побережье Персидского залива. Железная дорога, как и остальные шахские экономические программы, была скорее символом национальной гордости и независимости, чем предприятием, принесшим стране реальную выгоду. Реза ежедневно посвящал полчаса этому строительству; он гордился тем, что финансировал его преимущественно за счет налогов на сахар и чай, не прибегая к иностранным займам, которые могли усилить иностранное политическое влияние в Иране. Однако средства, затраченные на сооружение железной дороги, намного превысили приносимые ею доходы. В добавление к налогам на сахар и чай потребовались деньги из военного бюджета⁴⁷. Железнодорожная магистраль Восток — Запад, которая связала бы иранские границы, была бы куда полезнее для экономики страны, чем та, обе конечные станции которой находились на территории Ирана⁴⁸. Строительство линии Север — Юг по сути дела преследовало двойную цель: обогатить шаха и помочь осуществлению его внутренней политики. Али Амини, занимав-

ший в те годы пост премьер-министра, так суммировал эту двойную цель: «Связать шахские имения с мировым рынком и укрепить власть шаха в Иране, особенно на севере. Она (цель.—*Пер.*) является стратегической в том смысле, что в случае возникновения волнений на севере можно будет послать туда войска»⁴⁹. По этой железной дороге продукция прикаспийских провинций транспортировалась на юг на экспорт; к 1940 г. шаху принадлежало в этом регионе по крайней мере 3 млн. акров — большая часть сельскохозяйственных земель Гиляна, Мазендерана и Горгана⁵⁰. Шах оправдывал эту политику, утверждая, что она ослабит «удушение» Россией экономики севера и поможет интегрировать его в иранскую экономику, однако на самом деле она означала перекачивание богатств севера на юг, главным образом в шахские сундуки⁵¹. Поскольку свою военную карьеру Реза-хан частично сделал, руководя подавлением революций на севере, в том числе Гилянской революции, он стремился пресечь в корне любые дальнейшие революции в этом регионе или гипотетическое советское вторжение⁵².

Администрация Реза-шаха широко занималась также строительством шоссеиных дорог. Начиная с 1925 г. ежегодно от 2 млн. до 3 млн. долл. вкладывалось в сооружение магистральных и 17 тыс. миль прочих дорог (как правило, немоощеных). Однако, подобно железной дороге, их экономическая эффективность ограничивалась транспортировкой продуктов из шахских имений⁵³. Они улучшили связь между некоторыми наиболее изолированными городами; но и здесь Реза был больше заинтересован в обеспечении внутренней безопасности, чем в утверждении национальной идентичности.

Шах приобрел свои богатства, в том числе долю в Англо-иранской нефтяной компании (АИНК), а также описанные выше обширные земельные владения путем крупномасштабного грабежа, главным образом смещенных им вождей племен. Согласно Миллспо, в 1926 г. шах «уже получал „подарки“ от деревень» — подарки, явно делавшиеся по принуждению⁵⁴. Шах оправдывал эти бесстыдные поборы ссылкой на необходимость создания в Северном Иране «пояса безопасности», который должен защитить страну от «большевистской угрозы». Как писал впоследствии генерал Арфа, Реза-шах «хотел... убедиться, что крестьяне прилагают усилия для повышения качества и увеличения количества [продукции], чтобы повысить свой жизненный уровень. Он был в состоянии этого добиться, лишь осуществляя прямой строгий надзор, который был бы невозможен, если бы эти земли не принадлежали ему»⁵⁵. Слова Арфа иллюстрируют глубокое убеждение шаха, что любые перемены должны ис-

ходить только от него. Однако на самом деле повышение уровня жизни крестьян на землях, принадлежавших Реза-шаху, было практически неосуществимо; труд, зерно, деньги и лошади были насильственно реквизированы у деревень. Эта феодальная политика усилила нищету крестьян, и без того страдавших от налогов на сахар и чай и от пренебрежения сельским хозяйством в пользу городской промышленности⁵⁶.

Осуществлявшуюся Реза-шахом экономическую модернизацию сопровождали социальные программы. Однако, подобно экономической модернизации, они были рассчитаны на то, чтобы обеспечить безопасность власти, на вершине иерархии которой находился шах. Основой общества, создававшегося шахом, являлась армия: она была орудием достижения внутренней стабильности, а также символом шахской власти и независимости Ирана; она была средством, с помощью которого он завладел тронem, и главным устоем его царствования. На армию расходовалась треть бюджета; но многие шахские модернизаторские экономические программы, финансирувавшиеся по другим статьям бюджета, также были направлены на обеспечение армии транспортом, обмундированием и снаряжением⁵⁷. Вскоре после своего восшествия на престол шах ввел всеобщую воинскую повинность, несмотря на горячие протесты мулл, опасавшихся, что это сделает население менее религиозным⁵⁸. К 1941 г. шах объявил, что может поставить под ружье не менее 400 тыс. человек.

Командирам частей было приказано учить солдат чтению, письму и арифметике. Однако, поскольку к моменту отречения Реза-шаха 90% населения Ирана было неграмотно, ясно, что эта политика не проводилась в жизнь. С простыми солдатами, происходившими главным образом из сельских районов, в течение двух лет их срочной службы плохо обращались, им мало платили. Вместо уважения к государству, которое отныне распоряжалось их жизнями, они испытывали все большее возмущение⁵⁹. Вдобавок к уплате введенных режимом Пехлеви обременительных регрессивных налогов мужчины были вынуждены оставлять свои поля и семьи на два года; сельские жители трепетали от страха при появлении людей из ведомства, отвечавшего за призыв в армию⁶⁰. Между солдатами и офицерами существовала психологическая и финансовая пропасть; подобная дистанция преобладала и в отношениях между младшими и старшими офицерами. Младшие офицеры большей частью происходили из нижних слоев среднего класса и искренне верили, что служба в армии является средством для социального продвижения⁶¹. Однако их продвижение задерживалось, так

как должности старших офицеров были заняты закадычными друзьями шаха. Более того, многие молодые люди, ставшие младшими офицерами в надежде послужить своей стране, лишились иллюзий в результате деспотического поведения армии и общего социального разложения в Иране. Как и у остальных представителей среднего класса, у младших офицеров росло разочарование в связи с ограничениями, которые шахская система накладывала на их общественные и политические устремления. Вот почему средний класс, особенно лишившиеся иллюзий младшие офицеры, стали восприимчивы к идеям ПКП, а позднее — партии Туде⁶².

В противоположность огромным бюджетным ассигнованиям на армию образование находилось в загоне. Однако шах понимал, что массовая неграмотность и невежество снижают международный престиж Ирана, и предпринял несколько незначительных шагов для развития системы образования. В 1927 г. он открыл три средние школы, в том числе одну женскую, для подготовки учителей. С 1928 г. 100 студентов ежегодно отправлялись за рубеж за государственный счет; 35% из них в будущем должны были стать учителями. К 1934 г. 200 человек, получивших образование за границей, стали преподавателями средних школ и колледжей. В том же году действовавшие в Тегеране колледжи были объединены и преобразованы в новый Тегеранский университет. Существующие школы были сведены в иерархическую централизованную систему; были построены новые школы — преимущественно в столичной зоне. Сельские районы, отчаянно нуждавшиеся в создании системы начального образования, практически были оставлены без внимания. Из-за тяги в образовавшееся при Реза-шахе общество, центром которого был Тегеран, те немногие учителя, которые были (почти насильно) посланы в сельские местности, относились к своему назначению «как к ссылке и приложили массу усилий, чтобы добиться перевода, предпочтительно в Тегеран... Разумеется, — справедливо замечает Джозеф Шилович, — попытка провести реформы в сфере образования неминуемо вызвала противодействие землевладельцев и всех остальных, заинтересованных в сохранении социального статус-кво»⁶³.

Как сказано выше, шах был крупнейшим земельным собственником в стране и сам был заинтересован в «сохранении социального статус-кво»; на шахских землях практически не было школ⁶⁴. Начальным образованием пренебрегли в пользу средних школ и колледжей, возродив традиционную элитарность иранской системы образования и ее роль «поставщика кадров для бюрократии»⁶⁵. О значимости этой

роли свидетельствует тот факт, что большинство лиц, окончивших ветеринарные и сельскохозяйственные колледжи, были обязаны служить в шахских имениях; служба это (хотя и хорошо оплачиваемая) была нежеланной⁶⁶.

Реформа образования, как и все модернизаторские программы того периода, отражала существование автократической общественной системы, требовавшей повиновения иерархической структуре власти, на вершине которой находился шах. Во всех школах и колледжах процветало основанное на механической зубрежке изучение дисциплин, далеких от практического применения, и естественно, что там не поощрялась оригинальность или независимость мышления. Шилович писал: «Новые школы по существу были предназначены для того, чтобы дать Реза-шаху профессионалов, в которых он нуждался, при том условии, однако, что это не будет угрожать его положению»⁶⁷. Господствовавший в школах авторитаризм, распространявшийся на отношения в каждом классе (когда один ученик по выбору директора назначался «лидером»), как и формальное изучение курсового материала, отражал глубокую неуверенность шаха в прочности его режима. Те немногие школьники, которые ухитрились получить доступ в колледжи, — а это обычно требовало определенных связей — испытывали все большее разочарование из-за жестких ограничений на дальнейшее социальное продвижение и участие в политической жизни. В начале правления Реза-шаха бюрократия могла абсорбировать большинство лиц, окончивших колледжи; позднее, однако, вакансий практически не осталось, что усилило разочарование нового, образованного среднего класса, перед которым закрылись все пути к политической деятельности. Переизбыток лиц, окончивших колледжи, по сравнению с относительно небольшим количеством имевшихся в наличии бюрократических должностей оставался главной социальной проблемой Ирана в период после окончания второй мировой войны⁶⁸.

Стремясь поддержать международный статус Ирана и сосредоточить всю власть в своих руках, шах в 1927 г. распустил прежнее, децентрализованное министерство юстиции и создал новое, централизованное, предписав ему разработать свод законов. На совещании законоведов и судей он заявил следующее: «Престиж государства зависит от качества его правосудия. Я надеюсь, что вы, наиболее уважаемые руководители, незамедлительно принесете справедливость в нашу страну и увеличите ее престиж»⁶⁹. Создать новый свод законов было поручено Давару, получившему в Женевском университете ученую степень в области права. Давар отнесся к своей задаче добросовестно и принял на

службу в новое министерство образованных иранцев. Выше всего он ценил честность; упор на эту добродетель оказал целительное, хотя и временное воздействие на коррумпированную судебную систему⁷⁰. По-видимому, именно благодаря Давару судебные реформы оказались самой последовательной попыткой модернизировать общество, предпринятой при Реза-шахе.

В новом своде законов, утвержденном в 1928 г., было сделано много уступок шариату, религиозному закону, который до этого определял все правовые нормы. Например, законы, касающиеся брака и семьи, почти полностью соответствовали шариату. В то же самое время новый кодекс значительно увеличил роль светских судов в ущерб правам религиозных судов. Он определял специфические случаи, когда дела подпадали под юрисдикцию государственных и шариатских судов; последние рассматривали в основном брачные, семейные и наследственные дела. Кроме того, ни одно дело не могло быть передано в шариатские суды «без санкции государственных судов и министра юстиции»⁷¹. В правление Реза-шаха была существенно ослаблена власть духовенства в юридической сфере. Наиболее важный источник дохода духовенства потеряло в 1932 г., когда закон передал регистрацию юридических документов, касающихся собственности, из шариатских в светские суды, что вынудило многих представителей духовенства искать себе работу в мирских сферах деятельности⁷².

Реформирование судебной системы отражало страстное желание Реза-шаха секуляризировать и модернизировать иранское общество ради того, чтобы увеличить международный престиж Ирана и укрепить свою личную власть. Если бы режим Реза-шаха был конституционной монархией, то судебные реформы Давара с их акцентом на изменение бюрократических структур и отказ от устоявшихся порядков могли бы рационализировать судебную систему. Однако поскольку жадность и авторитаризм Реза-шаха с каждым днем возрастали, «рутинная» деятельность министерства юстиции все больше страдала от его вмешательства. Первый монарх из династии Пехлеви использовал министерство юстиции, чтобы узаконить свои приобретения собственности и отправить в тюрьму политических противников, а также людей, с неохотой «продававших» свое имущество шаху. Судьи не только не были независимы, но вынуждены были исполнять все прихоти шаха, словно военные приказы, не задаваясь вопросом об их законности. Ощувив эту атмосферу, мы уже не будем удивляться тому, что к концу правления Реза-шаха коррупция и страх широко распространились среди судей и адвокатов.

Последняя фаза: 1934—1941 гг.

В заключительной фазе своего правления Реза-шах все больше рассматривал европейские фашистские государства как потенциальных союзников на международной арене и как образцы для внутреннего социального и экономического развития. Даже во время нефтяного кризиса 1933 г. германский посол поддержал шаха, преждевременно заявившего о достижении Ираном экономической независимости от Англии⁷³. Поскольку Германия была «третьей силой» в условиях традиционной вражды Ирана как с Англией, так и с Советской Россией, шах считал выгодным установить тесные экономические и политические связи с этим государством. Армейские офицеры, отправленные в Германию на стажировку, по возвращении в Иран поражали шаха своими докладами о германской военной мощи⁷⁴. Дружественными государствами, хотя и менее важными, считались также Италия и Япония. Италия, Германия и Япония были достаточно современны и обладали международным престижем, обходясь без политических свобод, которых так боялся шах.

Германские пропагандисты отмечали восхищение, которое шах испытывал по отношению к их системе, и сделали все от них зависящее, чтобы усилить это впечатление. Как уже отмечалось, с первых дней своего правления шах восхвалял «персидское» прошлое Ирана. Нацисты воспользовались этим, чтобы объявить об «арийском» родстве персов и германцев; они утверждали, что использование ими зороастрийского символа, свастики, есть свидетельство общих интересов Персии и Германии. Многие иранцы наивно поверили этой пропаганде. Вскоре после того как Гитлер в 1933 г. пришел к власти, газета «Иране бастан» («Древний Иран») сообщала своим читателям: «Главная цель германской нации состоит в том, чтобы вернуть ее былую славу, возрождая национальную гордость, возбуждая ненависть к иностранцам и предотвращая хищения и измену со стороны евреев и иностранцев. В точности таковы и наши цели»⁷⁵. В полицейском государстве Реза-шаха такая заметка не могла быть напечатана без ведома правительственного цензора; следовательно, она свидетельствовала о том, что шах относился к нацизму одобрительно. 12 марта 1934 г. по рекомендации германской дипломатической миссии название «Персия» было официально изменено на «Иран», чтобы возвеличить роль Ирана как места рождения арийской расы⁷⁶. Восхваление арийского прошлого пронизывало иранскую культуру: здание Национального банка в Тегеране было спроектировано германским архитектором в неоперсеполисском стиле; германские архитекторы, создавшие проект железно-

дорожного вокзала в Тегеране, украсили его узором (существующим до сих пор) из свастика⁷⁷.

В период, предшествовавший приходу Реза-хана к власти, и даже в первые годы его правления ассоциация с прошлым использовалась для того, чтобы мобилизовать поддержку масс во имя утверждения нового иранского национализма. Теперь же, когда Реза-шах обрел в нацистской Германии европейскую модель, которая сочетала возвеличение прошлого с авторитаризмом и расизмом, его историческая роль стала заключаться в том, чтобы сохранить навеки собственную диктатуру и утвердить превосходство персидской культуры над культурами этнических и религиозных меньшинств. Его напряженные усилия, направленные на то, чтобы выработать чисто персидское национальное сознание, нашли отражение в кампании «вахдате мелли» («национального единства»). Как почти все политические шаги шаха, жесткая программа персизации была попыткой поднять международный престиж Ирана путем использования внешних атрибутов современного государства. Кампания «вахдате мелли» дала заметные результаты в сфере образования, в армии и в литературе. «Организация по руководству обществом», созданная по образцу фашистской и нацистской пропагандистской машин, направила усилия на выработку национального сознания с помощью учебников, массовых изданий и радиовещания. «Организация» также переименовала многие города и селения, названия которых выдавали их неперсидское происхождение. В 1935 г. была создана Иранская академия; ей было поручено «очистить» персидский язык от турецкого и арабского влияния; поскольку современная персидская лексика на 40% — арабского и турецкого происхождения, эта задача оказалась невыполнимой. Учебники должны были быть полностью переписаны с заменой слов иностранного происхождения новообразованиями; даже в армии были введены новые, «чисто» персидские звания⁷⁸.

Этнические меньшинства, особенно азербайджанцы и курды, жестоко страдали из-за все усиливавшегося персидского шовинизма. Север, традиционно самый образованный регион Ирана, регрессировал в результате проводившейся Реза-шахом тегераноцентристской политики. За пределами Тегерана не было построено ни одного университета, крайне незначительным было и число начальных и средних школ. Обучение, издание книг и газет и даже публичные выступления на родных языках — ассирийском и армянском, азербайджанском и курдском — были запрещены. Шах пытался дать этнически разделенной нации новую национальную идентичность, связанную с его персоной⁷⁹. Эта попытка при-

вела к обратным результатам; многие этнические группы оказались в бедственном положении из-за закрытия школ, преподавание в которых велось на их родных языках. В конце 30-х годов наибольшей дискриминации подвергались исповедовавшие христианство ассирийцы и армяне: в 1938 г. школы армянской общины были закрыты; ультраконсервативная газета «Эттелаат» («Информация»), тесно связанная с двором, развернула клеветническую кампанию против этих двух этнических меньшинств, опубликовав серию статей об «опасных преступниках», носивших легко распознаваемые армянские и ассирийские имена⁸⁰. Неудивительно, что представители этих меньшинств оказались особенно восприимчивы к эгалитаристской политике демократического правительства Азербайджана в 1945—1946 гг.

В Азербайджан были назначены губернаторы-персы, большинство высоких административных постов было также занято не азербайджанцами, а персами. Студентов-азербайджанцев, разговаривавших в аудиториях на тюркском языке, унижали, штрафовали и подвергали физическим наказаниям. По словам главы департамента образования в Азербайджане, «любому студенту, заговорившему по-тюркски, сразу же водрузят на голову лошадиную торбу»⁸¹. Абдолла Мустофи, занимавший пост губернатора Азербайджана в конце 30-х годов, объяснял: «Я всегда напоминал азербайджанцам: „Вы — истинные дети Дария и Камбиза; почему же вы говорите на языке... Чингиза?“ Естественно, единственным стремлением было содействовать становлению национального единства, предотвратить употребление тюркского языка и убрать вопрос о тюркоязычном меньшинстве из поля зрения иностранцев... Я всеми силами поощрял употребление фарси»⁸². Один азербайджанец, учившийся в тот период, так суммировал ситуацию: «К нам относились, особенно к концу правления Реза-шаха, как к иранцам второго сорта; характеризуя наши умственные способности, чиновники-персы сравнивали нас с животными [ослами]. С началом второй мировой войны эта политика, казалось, стала более ярко выраженной. Чем более режим Пехлеви чернил нас, тем активнее росло неприятие персидской культуры»⁸³.

Если говорить о курдах, то лучшее, что придумало иранское правительство, — сделать вид, что их вообще не существует. Запрещение носить национальную одежду, изданное в 1928 г., вызвало в Курдистане восстание племен, которое было жестоко подавлено. Позднее шахская политика национальной унификации стала еще более энергичной: название «Курдистан» было заменено при подстрекательстве «Организации по руководству обществом» на «Западный Азербайджан», и в административном отношении провинция стала ча-

стью Азербайджана. Курдов стали именовать не «курдами», а «горными иранцами». К началу второй мировой войны все полицейские силы Мехабада состояли из азербайджанцев; эта политика подавления одного этнического меньшинства с помощью его исторического врага напоминала деятельность каджарской администрации. Высшие административные посты в Курдистане заняли персы и азербайджанцы⁸⁴. Курды были озлоблены в равной степени против тех и других. Их враждебность к азербайджанцам имела многовековую традицию, однако политика Реза-шаха еще более усилила эту традиционную антипатию.

В период между 1934 и 1941 г. централизация экономики, которая уже нанесла вред Азербайджану и Курдистану, стала еще более заметной. Симпатии Реза-шаха к государственному капитализму усилились под влиянием зарубежных образцов, включая примеры фашистской Италии, нацистской Германии и кемалистской Турции. При содействии Германии шах продолжал политику индустриализации. Бюджетные ассигнования министерству промышленности возрастали драматическим образом: расходы на развитие промышленности в 1941 г. в 50 раз превышали показатели 1934 г. Индустриализация дала толчок производству оружия: в Тегеране был построен завод по производству пулеметов; в окрестностях Тегерана появился авиационный завод «Шахбаз» («Шахский сокол»)⁸⁵.

В конце 30-х годов, когда Иран начал импортировать зерно, шах понял, что преимущественное развитие промышленности в ущерб сельскому хозяйству пагубно. Традиционная самообеспеченность Ирана в сельскохозяйственной сфере жестоко пострадала как в результате более глубокого вовлечения страны в мировую экономику, так и вследствие проведения в стране политики поддержки городов за счет сельских районов⁸⁶. Реакция шаха на этот кризис была неадекватна, и его действия были направлены на защиту его собственных интересов: он клятвенно обещал, что правительство предпримет самые энергичные усилия для развития сельского хозяйства, и предназначил крупные субсидии департамента сельского хозяйства на расширение производства наиболее выгодных сельскохозяйственных продуктов, таких, как табак, шелк и чай, которые «случайно» оказались основными продуктами, производимыми в его имениях. На средства департамента сельского хозяйства были основаны «образцовые фермы», оснащенные некоторыми современными сельскохозяйственными машинами; эти фермы были расположены исключительно на территории шахских имений. Чтобы поощрить развитие шелкоткацкой промышленности (и ограничить иностранную конкуренцию шахским текстильным

фабрикам), были приняты протекционистские законы, запрещающие импорт шелковых изделий⁸⁷.

Шахские программы модернизации не распространялись, естественно, на Курдистан и Азербайджан. Поскольку Тебриз раньше был главным иранским торговым центром, азербайджанский средний класс все больше возмущался шахским экономическим централизмом. Азербайджанская буржуазия была недовольна своей интеграцией в единую иранскую экономику, иначе говоря — стремлением государства монополизировать распределение сельскохозяйственной продукции. Британский консул в Тебризе отмечал в 1937 г.: «Север чувствует, что юг увлечен нелепыми доктринами и что это приведет север к гибели. Шах, разумеется, несет ответственность за привязывание севера к югу, и поэтому его ненавидят; может быть, даже более того... так как при всем созданном им беспорядке он ухитрился приобрести огромные богатства»⁸⁸.

Азербайджан не получил ощутимых выгод от экономической централизации, несмотря на то что провинция передала тегеранскому правительству значительные налоговые суммы. Многие азербайджанцы чувствовали, что это пренебрежение было преднамеренным; Хомаюн Катузиан, иранский специалист в области политической экономики, пишет: «Эта политика означала умышленную дискриминацию... северо-западной провинции Азербайджан. И в самом деле, азербайджанцы, входящие в число самых способных и производительных народов, населяющих страну, подвергались такой дискриминации, что были вынуждены в массовом порядке мигрировать в Тегеран»⁸⁹.

Когда наводнения разорили Тебриз, Тегеран не оказал никакой помощи; город был вынужден оплатить стоимость ремонта старой плотины. В начале второй мировой войны голод опустошил Азербайджан, некогда являвшийся житницей Ирана. Если к тому же учесть огромные бюджетные ассигнования, предназначенные на строительство плотин в шахских имениях, то негодование азербайджанцев станет понятным⁹⁰.

Курдистан потерпел огромный ущерб из-за введения государственной табачной монополии и из-за предоставления Реза-шахом субсидий на производство сельскохозяйственной продукции в его собственных имениях⁹¹. Состояние здравоохранения в Курдистане и Белуджистане было наихудшим в стране; в Курдистане не было построено ни одной фабрики и ни одной дороги. Курдская экономика в отличие от народного хозяйства Азербайджана не получила даже сомнительных выгод от централизации; она оставалась провинциальной, крайне неразвитой и не включенной в национальную

экономику. Курдская мелкая буржуазия возмущалась и деятельностью государственных монополий, и пренебрежением, с которым правительство относилось к провинции⁹².

В рамках усилий, направленных на создание более совершенной формы национализма и дальнейшую консолидацию своей личной власти⁹³, Реза-шах ускорил секуляризацию иранского общества. В 1934 г. он посетил Турцию, где на него произвели огромное впечатление успешные секулярные реформы Ататюрка. По возвращении он издал серию законов, целью которых было разрушение религиозных традиций Ирана: он разрешил женщинам посещать занятия в новом Тегеранском университете; в январе 1935 г. запретил ношение чадры; ношение западной одежды было сделано обязательным для всех государственных служащих, и все мужчины, за исключением официально зарегистрированных духовных лиц, должны были носить «интернациональный» головной убор — фетровую шляпу с козырьком, которая мешала выполнению мусульманских молитвенных обрядов. Духовные лица, желавшие ходить в тюрбанах и традиционных широких одеждах, должны были получать разрешение в министерстве просвещения⁹⁴. Эти акты, особенно запрет ношения чадры, вызвали ярость духовенства. Выступления против новых законов, состоявшиеся в Мешхеде и Ширазе, были потоплены в крови, а вслед за тем популярный в народе хранитель гробницы имама Резы был приговорен судом к смертной казни и повешен. Симпатизировавший англичанам премьер-министр Форуги, связанный семейными узами с хранителем, был смещен со своего поста и заменен Махмудом Джамом, человеком более покладистым. Модаррес, живший под домашним арестом недалеко от Мешхеда, через несколько лет подвергся жестокой казни⁹⁵.

В 1939 г. шах, ужесточая войну на истощение, которую он вел против духовенства, повелел министерству просвещения взять на себя контроль над вакфиными землями — пожертвованиями на религиозные нужды, управляемыми религиозными деятелями, — а в 1941 г. министерство получило совет продать эти земли, чтобы добыть таким образом деньги, необходимые для осуществления всеобщего обучения. Ставя духовных лиц в зависимость от государства в добычании средств к жизни, шах стремился превратить их в государственных служащих; его свержение в сентябре 1941 г. остановило проведение этой политики⁹⁶.

Шах чувствовал себя все более неуверенно; беспокойство, объяснявшееся его скромным происхождением и недостаточной подготовкой для управления государством, отражалось на судьбах руководителей его администрации. К концу своего правления он казнил не только бывших врагов, но и тех,

кто помог ему подняться к вершинам власти. Теймурташ был убит в тюрьме, то же самое произошло с Носрет од-Доуле Фирузом, каджарским принцем, который оказал Реза-шаху поддержку в пору его возвышения. Давар покончил жизнь самоубийством, чтобы избежать грозившей ему казни или бесчестия. Лишившись верных советников, шах чувствовал себя во все большей изоляции и все чаще и чаще прибегал к насилию, чтобы добиться своих целей. Передвижение внутри страны было затруднено введением паспортов и размещением военных постов на дорогах; чиновников и армейских офицеров натравливали друг на друга, как во времена Каджаров⁹⁷. Отсутствие безопасности и коррупция распространялись от шаха на все общество и становились законом.

Реза-шах определенно изменил классовую структуру Ирана. Однако в атмосфере неуверенности, которую он сам помог создать, он потерял союзников, даже тех, кто с материальной точки зрения извлек максимум пользы от его правления. Как уже отмечалось, многие ханы были лишены собственности и их земли перешли к шаху и шахским фаворитам. Многие вожди племен или представители старой знати и многие приверженцы шаха, потерявшие его расположение, были заключены в тюрьмы или казнены. Абрахамян пишет: «Жизнь представителей старого высшего класса, несомненно, не была убогой, но она могла легко стать отвратительной, жестокой и короткой»⁹⁸.

Возникла новая земельная олигархия; в нее вошли помещики, избежавшие конфискации своих земель, шахские фавориты, армейские офицеры и представители высшей бюрократии, которые приобрели землю с помощью своих связей с Реза-шахом и двором. Новый земельный высший класс получил немало от правления Реза-шаха. Естественно, шах был заинтересован в сохранении феодальной структуры (хотя и не самих феодальных помещиков). Безопасность в сельской местности поддерживали жандармы (как правило, продажные) и армия⁹⁹. Поскольку шах был крупнейшим землевладельцем, изданные им законы предоставляли выгоды классу крупных земельных собственников за счет крестьян, возложив на них всю ответственность за выплату сельскохозяйственных налогов. Зато налог на землю был снижен до ничтожной величины; в 1939 г. он составлял всего четверть процента общей суммы налоговых поступлений. Шах поощрял местных магнатов присваивать общественную собственность¹⁰⁰. Он также постановил, чтобы в будущем кетхода назначались помещиками, а не избирались деревенскими жителями. Хотя земельный высший класс не слишком активно поддерживал Реза-шаха, он, разумеется, не нахо-

дился в оппозиции к нему; после второй мировой войны он стал главной опорой режима Мохаммеда Реза-шаха¹⁰¹. Военные наборы и введение налогов на сахар и чай усилили страдания крестьян. Поощрявшееся шахом развитие промышленности за счет сельского хозяйства и концентрации богатства в Тегеране еще более ухудшили положение сельской бедноты. «Среди миллионов крестьян царит страшная нищета», — сообщала в 1935 г. Вайолет Конолли¹⁰². Социальные отношения в сельских местностях во многом оставались такими, какими они были до Реза-шаха, несмотря на перемены в составе высшего класса землевладельцев. Шахское законодательство и присутствие армии, пожалуй, усилили патриархальный характер этих отношений. В целом разрыв между богатыми и бедными увеличился.

Хотя проводившаяся Реза-шахом политика секуляризации, несомненно, ухудшила положение духовенства, клерикальная оппозиция проявила себя только в крупных городах, таких, как Кум, Мешхед и Шираз. Даже после конфискации вакфных земель духовенство не сделало попытки восстановить сельское население против шаха¹⁰³.

Относительно небольшое количество крестьян вошло в состав пролетариата, занятого на нефтепромыслах, а также в строительстве и на заводах, основанных в рамках шахского «государственного капитализма». Численность промышленных рабочих в Иране (не считая нефтяного сектора) утроилась между 1931 и 1941 гг. К концу правления Реза-шаха в стране насчитывалось от 500 тыс. до 700 тыс. рабочих, включая тех, кто был занят в старых отраслях промышленности, например в ковроткачестве и рыболовстве, и тех, кто трудился на недавно созданных заводах и в строительстве¹⁰⁴. В национальном отношении пролетариат был неоднороден. На нефтепромыслах трудилось много арабов, индийцев, белуджей, бахтиар, кашкайцев и луров¹⁰⁵. На шахских фабриках работало немало мохаджеров с Кавказа, что объяснялось их высокой квалификацией (это было парадоксально в свете постоянных утверждений монарха о превосходстве персов). Разделенный на этнические группы пролетариат оставался малочисленным, забастовки и создание профсоюзов были запрещены. Тем не менее после отречения шаха в промышленных центрах происходили рабочие волнения; особенно восприимчивы к пропаганде партии Туде в 40-х годах были рабочие на фабриках, расположенных в шахских поместьях¹⁰⁶.

Хотя безопасность, воцарившаяся в стране в годы правления Реза-шаха, позволила старому среднему классу, базари, несколько расширить свое влияние, централизованный государственный капитализм мешал его процветанию и не-

зависимости, особенно в таких провинциальных городах, как Тебриз и Мехабад. Кроме того, этот общественный класс был тесно связан с улама, которые потеряли свои доходы и престиж вследствие шахской политики секуляризации. Конолли так описывала ситуацию: «Частью в результате условий мировой торговли, частью из-за политики правительства торговый класс в Персии практически был разорен и деловая активность в бывших крупных торговых центрах, таких, как Тебриз, Исфахан и Султанабад, парализована»¹⁰⁷. Государственный капитализм Реза-шаха и осуществление программ социального развития создали новый средний класс: приобретение правительственных монополий или управление ими либо заключение крупных контрактов стало средством достижения экономического и общественного успеха. Офицерское звание, учеба в университете или колледжах, государственная служба также создавали возможность для более быстрого экономического и социального продвижения. В то время как Гитлер и Муссолини использовали политическую поддержку своих приверженцев для создания монолитных партий, шах чувствовал себя слишком неуверенно, чтобы позволить даже такой символический уровень политического участия. К тому же всеобъемлющий национализм, к победе которого он стремился в этот период, так и не пустил глубоких корней в умах иранцев. Поскольку элита, контролировавшая политическую систему Ирана, была ограничена кругом шахских фаворитов, не существовало «циркуляции элит», и потому политика правительства всегда была нестабильной. Эта нестабильность ярко проявилась в 1941 г. после отречения Реза-шаха. Энн Лэмбтон отмечала: «Реза-шах потерпел неудачу в попытке создать ситуацию, при которой народ смог бы обрести простор для эффективной и творческой социальной активности... Не было оставлено никакой отдушины для удовлетворения желаний и способностей отдельных граждан. В результате... когда Реза-шах ушел, а вместе с ним исчез и созданный им лживый режим, там остался духовный вакуум»¹⁰⁸. После азербайджанского кризиса новый средний класс, добивавшийся политической власти и отказа от подчинения любой иностранной державе, стал главной социальной базой созданного Мосаддыком Национального фронта¹⁰⁹. В описываемое же время энергия этого класса могла найти выход лишь в тайной политической деятельности, включая участие и в нацистском, и в коммунистическом движениях.

Влияние нацистской идеологии не ограничивалось шахом; идея союза с Германией поддерживалась многими политическими деятелями и представителями высшего духовенства. Но в значительной степени это было возрождение традици-

онной политики «третьей силы», а вовсе не результат воздействия идеологического соблазна. Заключив союз с иностранной державой, эти элементы просто-напросто рассчитывали укрепить свое внутривластное положение, которое в лучшем случае было небезопасно. Однако некоторые иранцы находились под впечатлением нацизма как идеологии, а многие молодые армейские офицеры и студенты колледжей видели в нем замену диктатуре Реза-шаха. Хотя шах благожелательно относился к нацистской Германии, иранское фашистское движение явно опасалось его монополии на власть. В 1937 г. группа из 20 выпускников военных учебных заведений во главе с младшим лейтенантом Мохсеном Джахансузом была арестована по обвинению в подготовке фашистского переворота против шаха; Джахансуз был казнен¹¹⁰. Когда началась вторая мировая война, была создана группа, именованная «Тайным комитетом». Хотя этот комитет, без сомнения, в какой-то степени находился под влиянием нацистской идеологии, большинство его членов попросту добивались проведения прогерманской политики, т. е. политики «третьей силы». Комитет направил своего представителя в Берлин в надежде добиться содействия Германии для свержения Реза-шаха. После вторжения союзников Франц Майер возглавил организацию саботажников, которая действовала с помощью по меньшей мере 170 членов находившейся на содержании у Германии «Хезбе меллие Иран», Национальной партии Ирана. Генерал Фазлолла Захеда и аятолла Кашани активно участвовали в этой прогерманской деятельности¹¹¹.

Коммунизм также был весьма привлекателен для многих молодых представителей нового среднего класса, и основной причиной этого явно была идеология. Поскольку долговременное влияние коммунистического движения, развивавшегося при Резе-шахе, куда значительно, чем аналогичное воздействие пронацистского движения, целесообразно рассмотреть этот вопрос более детально.

Незадолго до падения Гилянского совета Персидская коммунистическая партия, пытаясь создать вместо провинциальной общенациональную сеть партийных организаций, распространила свою деятельность на весь Иран¹¹². В годы правления Реза-шаха Коммунистическая партия продолжала действовать, хотя и находилась в подполье. Официально она была разгромлена в 1926—1927 гг. Активисты ПКП вновь ненадолго вышли на поверхность в 1929 г., когда индустриальные рабочие Англо-иранской нефтяной компании провели забастовку, которая вышла за традиционные рамки однородных этнических групп. Забастовкой руководил Юсеф Эфтехари, член ПКП, имевший большой опыт работы в проф-

союзах. В организации этой забастовки принимали участие и подверглись за это аресту ветераны Гилянской революции Пишевари и Ардешир Ованесян¹¹³.

В ответ на частично успешную забастовку текстильщиков в мае 1931 г. в Исфахане, возглавляющуюся коммунистами, Реза-шах вновь нанес удар по коммунистическим центрам. В июне 1931 г. был издан закон, запретивший участие в любой группе или ассоциации, «чьи цели и деятельность состоят в противодействии иранской конституционной монархии или основываются на коммунистической идеологии»¹¹⁴. Вскоре после этого Сталин провел в Советском Союзе чистки, во время которых многие иранские коммунистические лидеры, включая Султанзаде, были убиты. Оставшиеся в Иране руководители ПКП сохранили себе жизнь в тегеранской тюрьме Каср¹¹⁵. Однако ПКП все еще имела отделение в Европе, созданное Султанзаде в конце 20-х годов и игравшее для иранских студентов в Германии роль отдушины, позволявшей им заниматься политической деятельностью, запрещенной в Иране¹¹⁶. Руководил европейским филиалом ПКП Мортеза Алави, происходивший из семьи известных конституционалистов. Официальной целью этой организации были защита прав студентов, обучавшихся на Западе, и помощь им; на самом же деле она осуществляла обучение марксистской идеологии и вела активную антишахскую пропаганду¹¹⁷. Член этой организации азербайджанец Таги Эрани, лично познакомившийся с Алави, произвел на него сильное впечатление своей интеллектуальной силой и обаянием. В 1930 г. Эрани вернулся в Иран, но сохранил связь с Алави, который, естественно, бежал из Германии, когда Гитлер в 1933 г. пришел к власти. По настоянию Алави Эрани, преподававший физику, продолжал в Иране свою политическую деятельность. К 1933 г. вместе с двумя другими иранцами, с которыми он в свое время познакомился в Европе, Эрани создал первую ячейку новой Иранской коммунистической партии. Одним из этих двоих был Ирадж Искандари (племянник Солеймана Мирзы Искандари), который в бытность свою студентом во Франции был разоблачен как приверженец марксизма — это разоблачение стоило ему государственной стипендии — и который поступил на службу в министерство юстиции. Другим был брат Мортезы — Бозорг Алави; он ощутил потребность в политической активности, когда возвратился в Иран и был потрясен диктатурой Реза-шаха. В 1933 г. эта тройца начала издавать журнал «Донья» («Мир»), причем главным редактором стал Эрани¹¹⁸.

В 1935 г. Эрани совершил поездку в Москву, во время которой убеждал представителей Коминтерна в необходимости

сти помочь строительству в Иране новой Коммунистической партии. В результате этого визита временный Центральный комитет компартии был избран из числа лиц, входивших в группу «Донья», с Эрани в качестве генерального секретаря; временным этот Центральный комитет был потому, что должен был функционировать до тех пор, пока не будет созван третий съезд ПКП¹¹⁹. Временный Центральный комитет основал студенческую организацию для обсуждения проблем марксизма и текущих событий; ее ячейки действовали в общежитиях колледжей. Цель организации, согласно Бозоргу Алави, состояла в том, чтобы создать интеллектуальную атмосферу, в которой можно было бы свободно обсуждать политические, социальные, экономические и международные вопросы. Удивительная человечность Эрани и его педагогический талант привлекли в движение многих молодых людей; ячейки устраивали дискуссии по его произведениям. В 1936 г. студенческая организация провела успешную забастовку в Техническом колледже, заставив власти сменить его главу; в том же году забастовка, руководимая студенческой организацией Эрани, не допустила исключения министром просвещения двух студентов-медиков¹²⁰.

Попытка развернуть партийную деятельность в Хузестане заставила власти действовать против организации Эрани¹²¹. В апреле 1937 г. Эрани и 52 его последователя были арестованы. Судебный процесс над 48 из них, состоявшийся в ноябре 1938 г., был главным событием дня, а последующее тюремное заключение 45 обвиняемых оказало большое влияние на коммунистическое движение в Иране. Имена «53-х», как их начали называть, постепенно становятся известны. Двое, Реза Радманш и Мортеза Язди, были ветеранами Гилянской революции. Почти все они были представителями нового иранского среднего класса, и в противоположность прежней ПКП, в которой доминировали азербайджанцы, большинство среди «53-х» составляли тегеранские персы. Эти сдвиги отражали перемены в иранском обществе и в экономике при Реза-шахе. Персидское происхождение и идеологические интересы интеллигенции, принадлежавшей к этому новому среднему классу, заставляли ее высоко ценить национальное единство и сильное центральное правительство. В отличие от членов прежней ПКП «53» «были склонны недооценивать региональные конфликты между столицей и провинциями»¹²². Только пятеро из них, включая Эрани, были азербайджанцами; все эти азербайджанцы были полностью персизированы и выступали за сильное центральное правительство. Еще в годы учебы в Германии Эрани написал статью, призывавшую к искоренению тюркского языка в

Азербайджане как к средству достижения национального единства ¹²³.

Смелая, полная чувства собственного достоинства защитительная речь Эрани была впечатляющей демонстрацией его убеждений. Обрушившись на акт 1931 г., на основании которого он и другие обвиняемые предстали перед судом, он заявил, что запрещение свободы выражения мнений и создания ассоциаций, препятствует прогрессу в Иране. «Мы, пятьдесят три человека,—сказал он,—являемся представителями прогрессивного, мыслящего, угнетенного класса Ирана. Вы, судьи, являетесь представителями правящего класса» ¹²⁴. Затем Эрани выразил веру в то, что интеллигенция, особенно та ее часть, которая стала жертвой господствующей в Иране системы, обязана возглавить угнетенные необразованные массы. Именно эти взгляды Туде будет исповедовать после второй мировой войны. Суд приговорил 45 обвиняемых к различным срокам тюремного заключения. В тюрьме Каср, где сидели также ветераны Гилянской революции, а позднее деятели ПКП,—в том числе Пишевари, Ованесян и активный участник азербайджанского рабочего движения Эфтехари,—Эрани и его последователи превратили свои камеры в центры политического образования ¹²⁵. Эрани умер в результате жестокого обращения, став для иранских коммунистов мучеником.

Еще до того как коммунистов, приговоренных по процессу «53-х», заключили в тюрьму, там возникли политические трения, вызванные как личными конфликтами, так и идеологическими разногласиями. Эфтехари и Ованесян обвиняли друг друга соответственно в троцкизме и сталинизме. Оба они испытывали сильнейшую антипатию к Пишевари ¹²⁶. Ованесян, гордившийся своим знанием марксизма и верностью ему, полностью встал на сторону «53-х» против Пишевари; единственным идеологическим фактором, объединявшим Ованесяна со сторонниками Эрани, был централизм. Ованесян, ставший впоследствии заметной фигурой в Туде и сыгравший важную роль в событиях в Азербайджане, воспитывался в Гиляне; армянин родом из Азербайджана, он был крайним централистом и считал себя не армянином, а иранцем ¹²⁷. В годы, последовавшие за второй мировой войной, это соперничество в известной мере обусловило внутренние трудности Азербайджана.

Конфликт между Пишевари и многими приверженцами Эрани отражал как различия в политических воззрениях, так и личное соперничество. Многие политические узники, в том числе «53», объявили Пишевари бойкот; со своей стороны, Пишевари относился к ним с презрением и с некоторой завистью, что объяснялось их внезапным возвышением в сфере

радикальной политики: «Они привели этих „53-х“ к нам в тюрьму. Конечно, все они были образованные и сведущие люди, но им не хватало нашего опыта. Им недоставало опыта политической борьбы». Пишевари утешал себя мыслью о том, что «эти молодые люди, увидев нас, просидевших к тому времени в тюрьме восемь, девять или десять лет и не потерявших надежды, воспрянули духом и взяли нас за образец»¹²⁸.

Однако трения между Пишевари и «53-мя» сохранились. В октябре 1944 г. издававшийся Пишевари журнал «Азхир» («Тревога») направил критические стрелы против «53-х», проиллюстрировав тем самым решающее влияние тюремного соперничества на будущую политику: «Эти люди, прочитавшие немало книг, издававшие журнал и от случая к случаю участвовавшие в забастовках, не обладали настоящим политическим опытом... Хотя среди нас и было несколько узников, проявлявших признаки слабости, в целом мы были значительно выше этих „53-х“»¹²⁹.

После второй мировой войны эти трения вызвали разлад между возглавлявшейся Пишевари Демократической партией Азербайджана и руководимой «53-мя» Турде. Приобретенный Пишевари в Гиляне опыт заставил его избрать менее догматический подход к революции, чем тот, которым руководствовались Ованесян и «53»; в азербайджанской революции менее догматический подход подразумевал подчинение классовой революции интересам национальной революции. С этим резко контрастировала защищавшаяся «53-мя» идея национального единства; отказ этих двух группировок от сотрудничества послужит главной причиной гибели азербайджанской революции¹³⁰.

Внешняя политика: повод для вторжения

В первые годы правления Реза-шаха отношения с Советским Союзом были прохладные; Советы рассматривали строительство железнодорожной магистрали Север — Юг и запрещение деятельности ПКП как враждебные жесты¹³¹. В то же время, хотя шах мало что сделал, дабы рассеять страхи СССР, торговля между Ираном и Советским Союзом сохраняла чрезвычайную важность для обеих стран; в 1925 г. более 63% импорта Советского Союза из Азии поступало из Ирана, и в том же году на долю Советского Союза приходилось около трети иранской внешней торговли. До 1939 г., когда его опередила Германия, Советский Союз был крупнейшим торговым партнером Ирана¹³².

Хотя Реза-шах пытался ограничить вовлеченность Вели-

кобритании в иранские дела, англичане по-прежнему занимали в Иране доминирующие позиции. Пробритански настроенные министры, в том числе Восуг и Фируз, сохранили свои посты в первых правительствах. Британское влияние было велико во внешней торговле и во всех остальных аспектах внешних сношений. Имперский банк, хотя и обладал меньшей властью, продолжал функционировать; он контролировал средства, предназначенные для строительства железной дороги¹³³. Внутренняя безопасность, достигнутая в правление Реза-шаха, дала возможность АИНК свободно действовать в Иране; приобретя долю бахтиарских ханов в этой компании, шах отождествил свои собственные интересы с интересами Великобритании в этом деле. Роялти, которое иранская казна надеялась получать от компании, переводилось в один из английских банков для закупки английского же (в основном) оружия для иранской армии; в правление Реза-шаха деньги никогда не попадали в Иран. Однако следует отметить, что иностранными советниками, приезжавшими в тот период в Иран, большей частью были скандинавы, немцы и представители других национальностей, чьи государства не имели традиционных «интересов» в Иране¹³⁴.

Уже в те годы в ирано-британских отношениях возникла напряженность. Шах выразил официальный протест в связи с установленным британского контроля над островами Бахрейн, но никаких последствий это не имело. Отношения шаха с находившимся под британским протекторатом Ираком были по меньшей мере недружественными; но и здесь шах не сумел добиться ощутимых уступок (ни в отношении прав иранцев, живущих в Иране, ни в отношении спора по поводу водного пути по Шатт-эль-Арабу). В 1933 г. шах, явно не предвидя экономических и политических последствий своей акции, аннулировал нефтяную концессию, предоставленную д'Арси. Британская реакция была мгновенной; канонерки в Персидском заливе разъяснили шаху, что его царствование зависит от доброй воли Великобритании. Вскоре была подписана новая концессия, в соответствии с которой Иран получил (на бумаге) большой процент доходов от нефти; однако Ирану все еще не было позволено участвовать в управлении компанией или изучать ее отчеты. Более того, срок действия концессии д'Арси, который должен был окончиться в 1961 г., был продлен до 1993 г. Англичанам было дано право в одностороннем порядке аннулировать договор в любое время, в то время как Иран не получил аналогичной уступки¹³⁵. После этого эпизода мнение, будто Реза-шах был английским агентом, родившееся в пылу националистических страстей, сопутствовавших первым годам его правле-

ния¹³⁶, широко распространилось. Вместо того чтобы относиться к нему как к сильному националистическому лидеру, каким он был когда-то, его отныне считали в лучшем случае импульсивным дипломатом, а в худшем, и это бывало чаще, — британской марионеткой, намеренно стремящейся к укреплению британских позиций в Иране и затягивающей петлю, накинутую на горло Ирана Англо-иранской нефтяной компанией. Компания оставалась осязаемым символом империализма и иностранного господства в Иране. Как мы увидим далее, ее влияние на иранскую политику, в том числе в периоды азербайджанского кризиса и создания Национального фронта, было значительно.

В последние годы своего правления Реза-шах все более стремился укрепить свои позиции в мире путем проведения политики третьей силы. Он рассчитывал использовать Германию как рычаг, чтобы ликвидировать преобладающее политическое влияние Англии в Иране и ослабить экономические связи Ирана с Советским Союзом. Эта политика предполагала превращение Ирана в региональную силу, что, по мнению Реза-шаха, было равнозначно укреплению его собственной власти. Его страстное желание играть в международных делах роль регионального лидера отражалось на отношениях Ирана с Ираком, Турцией и Афганистаном. Он отложил в сторону территориальные споры с этими тремя странами, составлявшие предмет беспокойства в первой половине его правления, и перешел к налаживанию сердечных взаимоотношений. 4 июля 1937 г. он заключил договор с Ираком, который в сущности передавал контроль над большей частью Шатт-эль-Араба (Эрвандруд) Ираку. 8 июля того же года предварительные переговоры, которые велись в течение нескольких лет и под неустанным нажимом шаха, завершились подписанием Саадабадского пакта между Ираном, Турцией, Ираком и Афганистаном в Саадабадском дворце в Тегеране. Этот пакт гарантировал неприкосновенность границ всех его участников и предусматривал «взаимные консультации» в случае нападения извне. В тот период, когда Великобритания возобновила дружественные отношения с Германией, а страны «оси» заключили «Стальной пакт», направленный против Советского Союза, Советы рассматривали Саадабадский пакт как часть глобальной политики, имеющей целью окружение СССР¹³⁷. Однако военные положения, непосредственно вытекавшие из договора, были малозначительны и, как показали дальнейшие события, неэффективны. Положения, касавшиеся региональной безопасности, прямо направленные против возможного курдского восстания (они должны были распространяться на Ирак, Иран и Турцию), были более важны. «Внутренняя и регио-

нальная безопасность, обеспеченная этим пактом, — заметил Амини, — служила дополнительным доказательством военного характера шахского правления»¹³⁸.

Стремление шаха превратить Иран в региональную силу основывалось, конечно, на отношениях с Германией. Как уже отмечалось, торговля с Германией в тот период росла с невиданной быстротой. Результатом визита Ялмара Шахта в Иран в 1936 г. стало подписание ирано-германского торгового соглашения; за ростом торговли последовало развитие культурных и политических связей. В 1937 г. Бальдур фон Ширах, глава организации гитлеровской молодежи, присутствовал на параде иранских бойскаутов и с симпатией отзывался об иранском национальном освобождении. Увеличилось число германских служащих в иранских средствах сообщения; многие иранцы участвовали в пропагандистской деятельности, шпионаже и саботаже, которые велись в интересах германского правительства¹³⁹.

В то время как Англия в период проведения политики «умиротворения» молчаливо соглашалась не препятствовать росту экономического и политического влияния Германии в Иране, Советский Союз был серьезно встревожен. Советы выразили официальный протест по поводу присутствия германского военного снаряжения и германских технических советников в Каспийском регионе. Реза-шах проигнорировал и этот протест, и аналогичные последующие протесты, вызванные приглашением итальянских и японских консультантов. Отказ шаха продлить в 1938 г. срок действия торгового соглашения с Советским Союзом еще более усилил напряженность в отношениях между двумя государствами¹⁴⁰. Когда между Германией и союзными державами вспыхнула война, в Великобритании также усилилась тревога в связи с уровнем германского политического и экономического влияния в Иране, а также с деятельностью «пятой колонны». Шах провозгласил нейтралитет Ирана, но Англия имела основания сомневаться в его искренности. Перед самой войной германское посольство в Багдаде, возглавлявшееся Гроббой, превратилось в основной центр нацистской политической активности на Среднем Востоке; когда война разразилась, Гробба перевел персонал посольства в Тегеран и продолжил там свою деятельность. 18 октября 1939 г. был подписан секретный протокол, сделавший Иран главным поставщиком сырья для германской военной машины¹⁴¹.

Все возраставшее стремление шаха демонстрировать свою независимость проявлялось и в нефтяном вопросе — как в годы, предшествующие войне, так и во время войны. В 1936 г. шах попытался предоставить контроль над северной нефтью американской фирме. Эта попытка окончилась

неудачей в результате протестов Англии и Советского Союза; Советы напомнили Ирану, что эта концессия нарушает ст. 13 ирано-советского договора 1921 г. В 1938 г. шах попытался передать северную нефть филиалу «Ройял Датч Петролеум Компани». Начало второй мировой войны сделало невозможным подписание этого нефтяного соглашения¹⁴². В первые военные годы шах старался использовать международную ситуацию, чтобы выторговать максимальную цену за иранскую нефть. Раздраженные англичане законсервировали нефтяные месторождения в Хузестане. Не вызывало сомнений, что надежность Ирана в качестве источника сырья становилась все более проблематичной¹⁴³.

После того как 22 июня 1941 г. Германия вторглась в Советский Союз, значение географического положения Ирана для военных усилий союзников существенно возросло. В условиях, когда функционирование русских северных портов было затруднено из-за действий стран «оси», Иран превратился в важный путь для доставки британских военных материалов (и американских поставок по ленд-лизу). Шах отказался выполнить просьбы союзников пропускать транспорты с оружием или обезопасить движение по Транс-иранской железной дороге, удалив персонал стран «оси», в первую очередь германский. Англичане вначале отвергали мысль о вторжении, так как это означало проникновение в Иран Советов. Годы спустя Уинстон Черчилль писал: «Я не без некоторой тревоги решился на персидскую войну, но доводы в ее пользу были неотразимы»¹⁴⁴. В августе 1941 г. Англия и СССР предъявили Ирану совместный ультиматум; ответом на него было еще одно торжественное заявление о нейтралитете. Гитлер направил шаху послание, в котором выразил благодарность за иранский нейтралитет и подчеркнул вероятность того, что, если Иран достаточно долго выдержит давление союзников, Германия сумеет разгромить Советскую Россию и подавить любые попытки англичан создать линию обороны на Кавказе¹⁴⁵. Не представляя себе всей тяжести положения Ирана, шах произнес вызывающую речь в военной академии, выпуск в которой состоялся на месяц раньше обычного: «Когда вы поймете мои доводы... в вас должны пробудиться гордость и жертвенность. Мне нет нужды привлекать ваше внимание к чрезвычайной ситуации, которая сложилась сегодня... Я только скажу, что офицеры и вся армия должны быть наготове и что вы должны, не колеблясь, даже пожертвовать жизнью, если это окажется необходимым»¹⁴⁶. Неудивительно, что союзники истолковали эту речь как призыв к мобилизации. Пропагандисты союзников, особенно те, что работали на Би-би-си, начали поносить шаха как алчного диктатора.

Силы, оппозиционные шаху, могли представлять опасность и для союзников: хотя разочарование в шахе было велико, это никоим образом не было связано с просоюзническими чувствами, и любой антишахский переворот был бы, несомненно, прогерманским. Опасность прогерманского военного переворота была главной заботой союзников, прекрасно сознававших непопулярность шаха. Шах же, равно уничтожавший друзей и врагов, находился в такой изоляции, что не понимал этого. Он считал, что армия будет сражаться ради него, как и в первые годы; он даже полагал, что его армия сможет оказать сопротивление одновременно Англии и СССР. Многие шахские советники, конечно, лучше разбирались в ситуации. Однако они, естественно, были осторожны, когда объясняли положение дел шаху, который был склонен рассматривать как явную измену все, кроме полного раболепства¹⁴⁷.

25 августа 1941 г., после того как шах не отреагировал на повторные ультиматумы, британские и советские войска вторглись в Иран. Армия, на которую шах на протяжении своего правления тратил столько государственных средств, растаяла в одно мгновение. Большинство офицеров бежали в столицу, а солдаты вернулись в свои деревни. Через два дня после вторжения союзников Высший совет национальной обороны издал указ, распускавший армию и рекомендовавший шаху просить о «прекращении огня»¹⁴⁸. Поразительно, что даже в тот момент, когда силы вторжения двигались на Тегеран, шах не отдавал себе отчета в серьезности ситуации. Он с большой неохотой предложил выслать посольства стран «оси» и назначить премьер-министром проанглийского деятеля Форуги; но при этом он заявил британскому послу, что в ответ на эти жесты рассчитывает на какую-то форму компенсации. Он продолжал мелочно торговаться из-за цены на нефть. Статья в монархической газете «Этте-лаат» убеждала читателей, что иранские посольства останутся в страхе «оси», чтобы гарантировать продолжение политических отношений¹⁴⁹. После того как эта статья была напечатана, советские войска вошли в Тегеран. Шах отрекся от престола в пользу своего сына и бежал на юг в расположение английских войск.

Шахское наследство

В 1941 г., к концу правления Реза-шаха, в Иране произошли важные события. Однако, как проницательно заметил Артур Миллс, если бы первый монарх из династии Пехлеви играл более ограниченную роль, «правительство и

народ сделали бы за это время больше достойных вещей, приписывавшихся шаху, и меньше дурных... В течение этих лет многие существенные экономические сдвиги, имевшие место в Персии, произошли также в Ираке, Сирии и Палестине. В этих странах тоже основывались фабрики, росли города... Кроме того, казалось, что в Ираке, Сирии и Палестине сами люди росли благодаря своей энергии, инициативе и поставленным целям»¹⁵⁰. Аналогичный рост личной инициативы был невозможен в Иране в годы автократического правления Резы. Постоянное вмешательство шаха и его армии во все сферы деятельности правительства препятствовало рационализации, профессионализации и зачастую даже самому функционированию бюрократии. Шахской системе недоставало способности поддерживать или использовать изменения. Оставленное шахом наследство — глубокие и долго не заживающие раны на иранском обществе и государстве, раны, которые во многом определили и послевоенную историю его страны.

Внешняя политика шаха была односторонней; он более благосклонно относился к Англии, чем к Советской России. Это оказало негативное влияние на отношения Ирана с Советским Союзом после второй мировой войны, так как Советы хотели получить гарантию, что Иран станет в будущем проводить более сбалансированную внешнюю политику. Равным образом стремление шаха проводить политику третьей силы во второй половине своего правления, опираясь на германское влияние в регионе, заставило Лондон в послевоенные годы рассматривать любую попытку осуществлять такую политику (например, использовать влияние США) как угрозу британским интересам.

Шахские внутренние реформы и программы модернизации были в лучшем случае поверхностны. Реформы в области экономики, просвещения и права, как мы видели, имели целью скорее увеличить национальный престиж, чем добиться роста благосостояния, успехов в сфере знания или юстиции. Они отдавали предпочтение промышленности перед сельским хозяйством, механическому заучиванию перед практическим применением и политической целесообразности перед личными свободами. Главным же недостатком проведенной шахом модернизации была его неудача в попытке основать политические институты, через которые новый средний класс, созданный с его помощью, сумел бы трансформировать свои взгляды в политический процесс и в которых новая элита смогла бы свободно функционировать.

Первый правитель из династии Пехлеви желал модернизировать Иран без изменения патриархальной структуры общества, являвшейся для него главным источником власти.

Для того чтобы шахские планы развития, явно направленные в сторону автократического централизма, оказались успешными, требовалось хотя бы символическое участие масс. Однако первый монарх, принадлежавший к династии Пехлеви, рассматривал участие масс как угрозу своему правлению, а не как потенциальную поддержку. Поэтому его попытка выработать в народе национальное сознание была обречена на неудачу. Результатом этой неудачи оказался столь острый кризис законности, что даже шахский ручной парламент выступил против него после вторжения союзных войск. Фируз Каземзаде отметил, что после его отречения «импозантный фасад режима Реза-шаха рухнул... обнажив позади себя непрочную постройку»¹⁵¹.

Этнические меньшинства, особенно курды и азербайджанцы, были недовольны тегераноцентристской городской ориентацией шахского правительства, а также персидским шовинизмом его программы национальной унификации. Следует также помнить, что азербайджанцы и курды были интегрированы в политическую систему даже в меньшей степени, чем новый тегеранский средний класс. Шахская внутренняя политика увеличивала существовавший в обществе раскол, дестабилизируя государство и готовя почву для революции среди этнических меньшинств на сельскохозяйственном севере.

СЕВЕРНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ
И ПОЛИТИКА ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ

У курдов нет поводов для недовольства, так как они принадлежат к иранской расе... Народ Азербайджана никогда не имел никакого отношения к тюркскому языку, навязанному ему варварами-монголами, для которых он был родным.

Премьер-министр Хакими, Четырнадцатый меджлис (1945 г.)

В этой главе будет описано развитие политической жизни в Иране в течение и сразу после второй мировой войны, в том числе зарождение революционного движения в Азербайджане и Курдистане, а также создание политических партий, особенно Туде, в Тегеране. Будут рассмотрены и отношения Советского Союза, Великобритании и Соединенных Штатов с иранским политическим миром.

В результате вторжения союзных войск и развала иранской армии во многих провинциях образовался вакуум власти; в Тегеране смещение Реза-шаха вызвало взрыв политических страстей, но партии практически были не в состоянии осуществлять контроль над провинциями. Государственная власть резко ослабевала за пределами Тегерана, иногда исчезая полностью. В Азербайджане и Курдистане открыто проявлялось недовольство, ранее глушившееся политической системой Реза-шаха. В течение нескольких месяцев после вторжения центральное правительство не обладало контролем над Азербайджаном. Советские войска мирно управляли провинцией и в конце концов помогли центральному правительству ввести меры контроля¹. Корректное поведение Советов поразило азербайджанцев; Сэмюэл Дж. Иблинг, консул США в Тебризе, отмечал: «Сдержанность советских офицеров, унтер-офицеров и рядовых, отсутствие пьянства и нарушений общественного порядка, минимум вмешательства в дела гражданской администрации произвели глубокое впечатление на население Ирана»². Политическая и культурная свобода, которую азербайджанцы обрели при Советах, была весьма ощутима, особенно по сравнению с угнетением, господствовавшим при Реза-шахе. Наиболее горячо приветствовали приход русских войск, считая их освободи-

телями, армяне и ассирийцы; армяне осыпали цветами советские танки, когда в августе 1941 г. они входили в Тебриз³. Такое отношение вполне понятно, если учесть антихристианскую направленность политики шахской администрации в последние годы правления Резы. Азербайджанцы отныне могли говорить и издавать газеты на родном языке, не опасаясь наказания; в Тебризе возникли культурно-просветительные организации и театры. Из представителей местного населения был сформирован Совет нотаблей; он отказался признавать центральное правительство, потребовал использовать в государственных школах азербайджанский язык и создал добровольную милицию из мохаджеров⁴.

В этой свободной атмосфере азербайджанцы смогли наконец-то открыто высказать свое недовольство, в первую очередь касавшееся языкового вопроса. В феврале 1942 г. газета «Азербайджан», которая в числе первых стала выходить в провинции после вторжения союзных войск, назвала основные цели азербайджанцев: «Наша главная цель... защитить демократическое право народа на употребление родного языка. Теперь самое время для правительства признать, что азербайджанцы не являются и никогда не были персоязычным народом. Наш официальный и родной язык — азербайджанский. Мы сделаем все, что сможем, чтобы ввести наш родной язык в наши школы и правительственные учреждения. Те, кто пытался уничтожить наш язык, должны изменить свое отношение к нему»⁵.

В Курдистане также царил радостная атмосфера культурной и политической свободы. Северный Курдистан был оккупирован советскими войсками, а южный — британскими, однако между армиями двух держав располагалась довольно обширная территория с центром в Мехабаде. Там ни одно правительство не осуществляло никакого контроля. По словам советского вице-консула, посетившего этот район, «в действительности здесь расположены десятки крошечных курдских республик; и персам, чтобы попасть к месту назначения, приходится совершать объезд в 50 километров»⁶. Вожди курдских племен, интернированные Реза-шахом, вернулись к своим племенам; долго прятавшееся оружие было выкопано. Курды снова говорили и издавали литературу на родном языке без стеснения и носили национальную одежду⁷. В этот период культурной свободы курды начали выражать свои национальные чаяния. Отсутствие международного закона (аналогичного тому, который содержался в уже не действовавшем Севрском договоре 1920 г.), который способствовал бы созданию единого независимого государства, включающего курдские территории в Турции, Сирии, Ираке, Иране и СССР, они считали исторической трагеди-

ей⁸. Встречи курдов из всех этих стран — кроме СССР — заложили фундамент будущего курдского государства.

В сентябре 1942 г. в Мехабаде при участии капитана Мир Хаджа, курда, служившего в иракской армии, был создан тайный Комитет возрождения Курдистана — «Комолехе зиане Курдистан». Мир Хадж был связан с иракской партией «Хева» («Надежда»), в состав которой входили большей частью марксисты — представители курдской городской интеллигенции Ирака. Курдский национализм, поддерживавшийся «Комолехе», стремился перешагнуть через племенные и религиозные барьеры, хотя и не через расовые. Членство было открыто для всех курдов, включая шиитов, а также для христиан-ассирийцев, которые в расовом отношении считались курдами⁹. Несмотря на то что этот националистический комитет был тайным, его деятельность по привлечению новых членов была чрезвычайно успешной. Первоначально круг его членов был ограничен в основном представителями буржуазии, в том числе мелкой; однако вскоре он расширился за счет вождей племен, религиозных деятелей и их последователей. Выдвинутая «Комолехе» цель — независимость для курдов — широко обсуждалась. После путешествия по Курдистану, совершенному в 1944 г., Эни Лэмбтон писала: «От Тебриза до Мехабада города и деревни полны вооруженных до зубов курдов. Я не видела ни персидской полиции, ни жандармерии. Все те немногие курды, с которыми я беседовала, говорили о курдской независимости с энтузиазмом»¹⁰.

Центральное правительство назначило Амира Асада, старого, полуслепого вождя племени дехбокри, губернатором в район Мехабада, но Асаду не доставало сил, а также поддержки соперничавших племен, необходимой для установления контроля над этой территорией. Власть постепенно перешла к группе мехабадских курдов, которую возглавлял Кази Мохаммед — пользовавшийся всеобщим уважением суннитский религиозный судья¹¹.

В то время как азербайджанцы и курды, воспользовавшись благоприятными обстоятельствами, сами распоряжались своей судьбой, в Тегеране также произошел подъем политической активности. Молодой Мохаммед Реза-шах, ставший номинальным главой государства после отстранения его отца от власти, был не в состоянии осуществлять авторитарное правление прежними средствами. Тринадцатому меджлису, члены которого были подобраны Реза-шахом, судя по всему, не доставало как инициативы и способностей, так и опыта. Центрами государственной власти были премьер-министры, но и они, и их кабинеты сменяли друг друга весьма быстро. Их влияние на систему управления и

на армию было в лучшем случае весьма неопределенно и лишь спорадически распространялось на провинции. Попытка Кавама отнять у молодого шаха контроль над армией и правительством, по-видимому, стоила ему должности премьера после недолгого пребывания на этом посту в 1942 г.¹² За рамками Тринадцатого меджлиса возникло множество политических партий. Мирза Хасан Мостоуфи с сарказмом описывал период самозабвенного образования новых партий: «В то время как при Реза-шахе любой человек, произносивший слово „партия“, рисковал попасть в тюрьму, ныне любой политик, обладающий грандиозными амбициями, собирается вместе со своей личной кликой и объявляет на весь мир о создании новой политической партии. Эти несколько лет нам следовало бы назвать „эпохой партийных игр“»¹³.

Хотя политические партии, возникавшие в Тегеране, чаще всего расходились во мнениях, большинство их было согласны в том, что недовольство в провинциях, какое, например, проявляли курды и азербайджанцы, выдвинуло на первое место необходимость национального единства. Персидский национализм преобладал среди интеллигенции, занимавшей руководящие посты во всех партиях. Такой национализм исповедовал известный историк Ахмед Кесрави, хотя он и не принадлежал ни к одной партии. Кесрави призывал к исключению арабского языка из школьных программ (в конечном счете к изгнанию всех арабских слов из фарси), чтобы освободить иранское государство от ислама и иностранного культурного влияния и тем самым усилить иранский национализм. Что касается недовольства меньшинств, особенно курдов и азербайджанцев, то он утверждал, что национальная солидарность есть дело первостепенной важности и что принятие требований меньшинств приведет к расчленению страны¹⁴. По отношению к религии он выступал как борец против устоявшихся представлений и предубеждений. По его мнению, шиизм был главной причиной отсталости иранского общества, в том числе низкого статуса женщин и недостаточного внимания к естественным наукам. Он считал, что в неудаче Конституционной революции виноваты муллы¹⁵. Антирелигиозные воззрения Кесрави были нетипичны для тогдашних иранских националистов, но его горячее желание создать сильное центральное правительство, которое должно было преградить дорогу возрождающемуся трибализму или феодализму, соответствовало их убеждениям. После свержения Реза-шаха иранский национализм стал нетерпим и к иностранному влиянию, и к этническим барьерам, которые могли усилить такое влияние. Эти взгляды в конце концов получили завершение в либеральном национализме Мосаддыка.

Одной из наиболее влиятельных партий, действовавших в период второй мировой войны, была партия «Иран», которая впоследствии стала базой Национального фронта Мосаддыка. Партией руководили молодые тегеранские интеллигенты, получившие образование на Западе. В число ее лидеров тогда входили Карим Санджаби, позднее занимавший министерские посты в правительствах Мосаддыка и Хомейни; инженер Мехди Базарган, первый премьер-министр Исламской республики; Али Шаеган, впоследствии ведущий деятель Национального фронта. Почти всех их во время учебы в Париже или Берлине очаровали европейский социализм и государственный капитализм. «Наша партия,— признавал Санджаби многие годы спустя,— состояла из интеллектуалов, принадлежавших к элитарному слою городского среднего класса и находившихся под влиянием социализма и национализма»¹⁶. Основными принципами этого политического направления, нашедшими отражение в платформе партии «Иран», по словам Санджаби, были демократия, социализм и сильное центральное правительство¹⁷. Партия «Иран» защищала антифеодалские реформы и агитировала против старых и новых богатых классов; она предлагала осуществить финансируемую государством индустриализацию, чтобы не позволить капиталистам еще более укрепить их олигархию. При поддержке партии «Иран» Мосаддык в 1944 г. был избран в Четырнадцатый меджлис¹⁸.

Еще одной влиятельной партией, использовавшей националистическую риторику, была созданная Сеидом Зия «Хезбе эрадее мелли» («Партия национальной воли»). Сеид Зия основал эту партию при поддержке англичан осенью 1943 г. по возвращении в Иран. Программа «Национальной воли» пыталась связать патриотизм с преданностью религии; она призывала к запрещению антирелигиозных публикаций, возврату к чадре и другим видам традиционной одежды, к поощрению внутренней торговли и к уничтожению «остатков личной власти и основ классово-олигархической»¹⁹. Программа была в высшей степени децентралистской: она ратовала за создание конфедеративных Объединенных Наций Ирана, за роспуск армии, созданной на основе воинской повинности, и за формирование добровольческой армии, за вооружение племен и перенос столицы в Исфахан. Сеид Зия нападал на «кровожадную» антирелигиозную политику Реза-шаха и выступал за конституционную монархию²⁰. Мозаффар Фируз, сын того самого Фируза, который был казнен Реза-шахом, разделял воззрения Сеида Зия. Именно он помог возвращению Сеида Зия из Палестины. Мозаффар Фируз издавал газету «Рааде эмруз» («Сегодняшняя гроза»), которая отра-

жала программу и политику «Партии национальной воли». Подобно многим организациям, действовавшим в Иране в сфере политики, эта партия выражала личные интересы, а не определенную идеологию, и ей была суждена недолгая жизнь²¹.

Партия Туде

Лучше всех организована в период второй мировой войны была партия Туде (Народная). Туде была основана 29 сентября 1941 г. 27 молодыми членами руководимой Эрани группы «53-х», выпущенными из тюрьмы вскоре после вторжения союзников. Главой партии был избран известный социалистический лидер Солейман Мирза Искандари²². Судя по тому, что основатели Туде были брошены в тюрьму по обвинению в марксизме, можно было предполагать, что партия по своей ориентации станет марксистской. Однако ее руководство, особенно в первые годы, избегало высказываться определенно по поводу коммунистических принципов. Было немало причин для того, чтобы избрать подобную тактику: антикоммунистический акт 1931 г. все еще не был отменен и Туде не хотела вызывать тревогу у улама; не связывая себя никакими обязательствами, партия завоевывала симпатии реформаторов и националистов, что облегчало борьбу с фашизмом, которую Туде считала в годы войны своей главной обязанностью; и наконец, «53» не желали объявлять себя коммунистами, поскольку это могло привести к доминированию руководства старой ПКП, состоявшего из азербайджанцев. У «53-х», ориентировавшихся на Тегеран, существовали, как уже отмечалось, постоянные разногласия с некоторыми более опытными коммунистами, прежде всего с Пишевари²³.

В октябре 1942 г. в Тегеране состоялась первая конференция Туде. Был избран временный Центральный комитет, в который вошли Ирадж Искандари и Солейман Искандари, а также ветераны революционного движения в Гиляне Ованесян, Руста и Радманеш²⁴. Платформа, принятая на этой конференции, требовала проведения значительных социальных реформ, которые должны были принести выгоды не только рабочим и крестьянам, но и среднему классу. Однако Туде явно намеревалась добиться осуществления этих реформ парламентскими, а не революционными средствами. Чтобы привлечь рабочих, платформа предусматривала принятие обширного рабочего законодательства и выполнение социальных программ, в том числе субсидируемого государством жилищного строительства и введения пенсионного обе-

спечения; крестьян должны были заинтересовать осуществление ирригационных проектов и сооружение сельских школ и клиник, а также требование выборности сельских старост (кетхода); в расчете на городской средний класс платформа предусматривала участие правительства в устройстве на работу выпускников высших учебных заведений, более высокий и гарантированный доход, снижение потребительского налога²⁵. Привлекательность программы, которая многое обещала практически всем, кроме правящей олигархии, очевидна.

Ахмед Гасеми, ведущий идеолог Туде, некоторое время бывший ее представителем среди туркмен в каспийском регионе, разъяснял политику партии в вышедшей в 1944 г. книге «Хезбе Туде Иран че мигуяд ва че микахад?» («Что партия Туде говорит и чего она желает?»). Гасеми подчеркивал необходимость единства и организации, но отмечал, что единство и централизм зачастую приводили к «тегераноцентризму», который не удовлетворял региональным требованиям. Гасеми признавал право меньшинств пользоваться родным языком, указывая, что правительственные репрессии, направленные против них, могут привести к развалу государства, как это произошло с Османской империей. Однако, как он подчеркнул, нельзя позволить, чтобы языковое разнообразие превратилось в разделяющий фактор: «Мы не должны допустить борьбы между тюрками и персами, которая будет использована нашими врагами. Рабочим сегодня необходимо единство»²⁶. Печатный орган партии, «Рахбар» («Вождь»), следующим образом объяснял явное отсутствие в программе Туде революционного коммунистического содержания: «Наши враги, особенно Ссид Зия, чтобы напугать иранских капиталистов и торговцев, обвиняют нас в том, что мы являемся коммунистами. Это обвинение — ложь. Народная партия Ирана — это конституционная партия, которая подчиняется фундаментальным законам. Почему?.. Коммунизм и социализм могут быть построены только при условии существования в обществе объективных условий, которых нет в Иране»²⁷.

Перед выборами в Четырнадцатый меджлис Туде в рамках избранных ею парламентских средств борьбы пыталась сформировать широкий национальный фронт с другими политическими партиями и общественными деятелями, предложив Мосаддыку возглавить этот фронт, чтобы увеличить его привлекательность. Мосаддык, обычно с неохотой вступавший в союзнические отношения с любой политической партией, отклонил это предложение²⁸.

Было ясно, что руководство Туде предпочло сотрудничество с буржуазией классовой борьбе. Почти до самого конца

войны вопрос о классовой борьбе, даже в отдаленной перспективе, в партийной печати не обсуждался. В тот период, в отличие от всех прочих периодов истории иранского коммунизма, партийное руководство выступало за полное участие в «буржуазной» парламентской системе. Усилия, направленные на привлечение рабочих, несколько уменьшили преобладание в партии молодых интеллектуалов-тегеранцев из среднего класса, но даже в 50-х годах около 53% членов Туде были интеллигентами, значительную часть которых составляли учителя, гражданские служащие и университетские студенты. Организационное устройство и платформа Туде в отличие от прочих партий, действовавших в то время, больше определялись идеологией, чем личными интересами. Это дало Туде стабильность и привлекательность, которых не доставало другим партиям. Бывший член молодежной лиги Туде рассказывал автору этой книги: «В то время Туде была самой прогрессивной и лучше всех организованной партией Ирана. Правящий класс был коррумпирован и сопротивлялся любым изменениям... Туде дала всем нам чувство сопричастности к партийным делам, хотя роль личности... была сведена к минимуму. Это была единственная последовательная политическая организация, к которой мог присоединиться любой человек, искренне стремившийся к осуществлению реформ»²⁹.

Ядром военной организации Туде была сформировавшаяся в 30-х годах группа офицеров-коммунистов, и в их числе полковник Сиамак. В 1943—1944 гг. были созданы новые ячейки; среди новых членов организации были Хосров Рубех и майор Искандари. Ованесяну было поручено руководить сетью, состоявшей из старых и новых офицерских ячеек. Несмотря на постоянные личные разногласия с Пишевари, Ованесян по-прежнему был крайне воинственно настроен, судя по его сотрудничеству со старой ПКП и Султанзаде. Военная подготовка, вырабатывавшая дисциплинированность и организованность, учившая секретности, увеличивала притягательную силу Туде, а принадлежность младших офицеров к среднему классу, в том числе к его нижнему слою, делала для них привлекательной социальную и экономическую платформу этой партии³⁰.

В рамках своих усилий, направленных на создание массовой рабочей базы, лидеры Туде в августе 1941 г. образовали Центральный совет объединенных профсоюзов (ЦСОП). Три четверти его первых членов были не рабочими, а интеллигентами³¹. ЦСОП организовал забастовки в Тегеране, Исфахане и Мазендеране. По словам Санджаби, влияние Туде было достаточно сильно, чтобы сделать все остальные партии малопривлекательными для рабочих³². Туде и ЦСОП

старались с разной степенью успеха распространить свое влияние на провинции. В целом партия получила незначительную поддержку в сельских районах и значительно большую в городах (табл. 7.1). Главным фактором, мешавшим вербовке сельского населения, было то обстоятельство, что активисты Туде, посланные в деревни, игнорировали местный язык и обычаи и были слишком радикальны для консервативной сельской среды³³. Как признавал много лет спустя Абдоль Самад Камбакш, было трудно найти партийные кадры, знающие местные диалекты и местные условия, без чего добиться успеха у крестьян было невозможно. Созданный Туде крестьянский союз был, вероятно, самым слабым среди всех ее организаций; только 2% членов партии ко времени проведения I съезда были крестьянами³⁴.

Таблица 7.1

Социальный состав Туде,
I съезд партии, август 1944 г.

	Число членов	Процент к итогу
Рабочие	18 750	75
Интеллигенты, служащие правительственных и иных учреждений	5 750	23
Крестьяне	500	2
Всего	25 000	100

Источник: Камбакш А. Назари. Т. 1, с. 29.

Наименее восприимчив к влиянию Туде был Курдистан, частично из-за своего сельского характера. Социальная структура курдского консервативного патриархального общества мешала Туде утвердиться там. Подчиняясь своим вождям, члены курдских племен не разрешали Туде создавать ячейки в деревнях. Консервативные националистические лидеры «Комоле» также были истерпимы к деятельности Туде, и лишь отдельные люди стремились к сотрудничеству с ней. В районе Букана агитаторы Туде повели за собой около тысячи курдских крестьян и заставили помещиков увеличить их долю урожая сахарной свеклы, но это был единственный успех; Туде оказалась не в состоянии создать организацию в Курдистане — ни в советской, ни в английской оккупационной зоне³⁵. Только в Гиляне и западном Мазендеране, где имелся значительный слой среднего крестьянства, Туде добилась относительного успеха. Однако в

этих провинциях ее деятельности мешала национальная вражда между радикальными азербайджаноязычными мохаджерами, чьи политические убеждения сделали их самыми воинственными членами ЦСОП, и более консервативными гилянцами и мазендеранцами. В Хузестане национальные конфликты между рабочими привели к кровопролитию и помешали созданию эффективной профсоюзной организации³⁶.

Усилия Туде и ЦСОП, направленные на создание массовой организации в Азербайджане, облегчались относительной урбанизацией этой провинции. Но и там этому мешали этнические противоречия. В начале 1942 г. Туде открыла в Тебризе не один, а целых три клуба: один для мохаджеров с Кавказа, другой — для армян, а третий — для местных азербайджанских интеллигентов. Это свидетельствовало о масштабах существовавшего в Азербайджане культурного разлада³⁷ — особенно между христианами и мусульманами, — который создал для Туде дополнительные проблемы. Горячее одобрение ассирийцами и армянами платформы Туде, предусматривавшей равные права для религиозных меньшинств, соседствовало с враждебностью консервативно настроенных мусульман. Британский консул в Тебризе отмечал в 1944 г.: «Как обычно, самой беспокойной оказывается ассирийская община, она больше всех тяготеет к левым, про-русским движениям, таким, как Туде. Их священники говорили мне о том, как трудно удержать горячие головы от участия в политической деятельности, и они с ужасом думают о безопасности ассирийцев, когда мусульмане окажутся в состоянии опять выпустить на свободу свой подавленный фанатизм»³⁸. Призыв Туде, обращенный к религиозным меньшинствам, как намекал британский консул, пробудил злобу у мусульманского духовенства. Сеид Зия и центральное правительство использовали враждебность мулл, чтобы возбудить мусульман против Туде³⁹.

В основе все возраставшего разлада между воинственными азербайджанцами и Туде лежали, как было отмечено, этнические противоречия. Пишевари и Ованесян продолжали свое родившееся в тюрьме соперничество. В передовой статье, опубликованной в газете Пишевари «Азхир», говорилось: «Возможно, что эти интеллигенты — благородные люди, но им явно не хватает опыта и способности руководить политическим движением». В 1943 г., в разгар деятельности Туде по вербовке новых членов, Пишевари объяснял, почему он не состоит ни в одной партии: «Я знаю лучше чем кто-либо, что политическая партия может развиваться только в условиях затяжной, суровой повседневной борьбы... В настоящее время я такой партии не вижу... Член каждой партии должен защищать интересы класса, который он пред-

ставляет. Я не вижу, чтобы хоть одна партия сегодня делала это»⁴⁰. Налицо было явное осуждение реформистской, парламентской политики Туде. Ованесян, в то время возглавлявший организацию Туде в Азербайджане, резко отпарировал, обвинив «более опытного узника, который должен остаться неназванным», в высокомерии по отношению к молодым марксистам. Он добавил, что бывшие радикалы, критикующие Туде, ведут себя как безответственные провокаторы, выдвигающие то ультралевые, то ультраправые лозунги⁴¹.

Эфтехари, который подобно Пишевари питал глубокую личную и политическую неприязнь к Ованесяну и «53-м», основал в противовес ЦСОП собственную профсоюзную организацию. Эта организация, «Эттехадие каргаран ва барзегаран», «Союз рабочих и ремесленников» (СРР), подверглась нападкам со стороны Туде, обвинившей ее в том, что она является организацией провокаторов, поскольку ее политика была часто более радикальна, чем курс Туде⁴². Халил Энгелаб возглавил центральный совет СРР в Азербайджане, который вскоре стал серьезным соперником провинциального совета Союза рабочих Азербайджана, местной рабочей организации Туде. В декабре 1942 г. последний обвинил профсоюз Энгелаба в мошенничестве и отказался от всяких связей с ним. М. Хелал-Насери взял на себя задачу увести рабочих из СРР в ЦСОП; она была облегчена, когда в начале 1943 г. Энгелаб по просьбе центрального правительства был насильственно выдворен из Тебриза⁴³.

Соперничество Энгелаба с филиалами ЦСОП объяснялось не только лично-идеологическим конфликтом Эфтехари с лидерами Туде, но и просоветской внешней политикой партии. Энгелаб пытался организовать забастовки на азербайджанских фабриках, которые производили военные материалы для советских вооруженных сил. В тот период, когда Туде призывала к созданию единого фронта, и она и ЦСОП стремились свести до минимума агитацию в защиту интересов рабочих в военной промышленности. 2 декабря 1942 г. в упомянутом выше официальном заявлении отделение ЦСОП объявило: «Союз азербайджанских рабочих... призывает всех рабочих, занятых на местных фабриках, оставаться на своих рабочих местах, производя продукцию для Красной Армии. Если у рабочих имеются требования, они должны представить их местному профсоюзу (т. е. входящему в ЦСОП.— *Авт.*), с тем чтобы они были удовлетворены здесь или отправлены в Центральный союз в Тегеране, где решение будет принято соответствующими должностными лицами»⁴⁴.

В августе 1943 г. Энгелаб вернулся в Тебриз в надежде

возродить свой старый профсоюз. Он произнес речь, в которой задал вопрос, почему сахарный рацион составляет 700 г в Тегеране и лишь 300 г в Тебризе и был тут же снова выслан из Тебриза. Эфтехари был арестован, когда отправился в Тебриз, чтобы продолжить работу, начатую Энгелабом. Советские власти отказались рассматривать протесты рабочих по поводу ареста Эфтехари.

Полностью ЦСОП ликвидировал угрозу, исходившую от его соперника, в апреле 1944 г., когда СРР под руководством Энгелаба слился с ним. Затем объединенный профсоюз отправил в Тебриз телеграмму, в которой объявил, что Эфтехари исключен из него и что он не имел права действовать от имени своего профсоюза. Энгелаб был вскоре изгнан из объединенного союза за свои «ультралевые взгляды и действия»⁴⁵. Объединение двух союзов было итогом усилий ЦСОП, направленных на то, чтобы установить централизованный контроль над всеми местными организациями. В июне 1944 г. центральный совет предупредил руководство местного союза, чтобы оно не предпринимало никаких действий без письменного разрешения из Тегерана; год спустя руководство ЦСОП решило предоставить больше власти исполнительным органам, «с тем чтобы все рабочие союзы на всей территории Ирана действовали как хорошо отлаженная машина и как единый организм»⁴⁶. К осени 1944 г. объединенный рабочий союз претендовал на охват 100 тыс. рабочих в отделениях, расположенных в большинстве индустриальных центров Ирана⁴⁷.

В соответствии со своим публично объявленным намерением участвовать в парламентской деятельности Туде приняла активное участие в выборах 1943—1944 гг. в Четырнадцатый меджлис. Ее реформистская платформа, делавшая упор на создание сильного центрального правительства, которое должно было гарантировать целостность и независимость Ирана, во многом напоминала тезисы Хайдар-хана. Выборы 1943—1944 гг., хотя и необычно свободные по иранским стандартам, были испорчены многочисленными нарушениями во время голосования. В некоторых округах в выборы вмешались премьер-министр Али Сохейли и министр внутренних дел Тадайон, чтобы провести своих кандидатов. Англичане, желая обеспечить избрание своего протеже Сеида Зия, отправили в тюрьму его соперника, также претендовавшего на мандат депутата от Йезда; они арестовали и Санджаби, кандидата партии «Иран» на депутатское место от южного Курдистана, чтобы облегчить избрание главы племени кохлар, традиционного соперника племени санджаб⁴⁸.

Когда весной 1944 г. парламент собрался, Мосаддык по-

ставил под сомнение мандат Сеида Зия, обвинив его в том, что он был организатором переворота 1921 г., устроенного в пользу англичан. Однако когда депутаты от Туде поддержали Мосаддыка, он потребовал, чтобы они сняли свои возражения против утверждения мандата Сеида Зия. Мосаддык явно считал всякую связь с Туде источником потенциальных затруднений и хотел быть известен как независимый политик, стоящий вне партий⁴⁹. Этот случай иллюстрирует затруднительность совместной деятельности тогдашних крайне индивидуалистически настроенных иранских политиков даже в тех случаях, когда они имели общие цели.

Туде поддерживала на выборах 23 кандидата, в том числе троих, не являвшихся ее членами; эти трое были азербайджанцы — два ветерана Демократического движения, возглавлявшегося Хиабани, и Пишевари, который в самый последний момент заключил предвыборный союз с Туде. Были избраны десять кандидатов, и в их числе Пишевари, фракция Туде, хотя и составляла в парламенте незначительное меньшинство, была так хорошо организована и отличалась такой дисциплинированностью, что ее влияние было явно не пропорционально численности самой партии⁵⁰. Представителем от Мехабата был Аболькасем Садре Кази, младший брат Кази Мохаммеда. Несмотря на то что он не был членом Туде, он обычно голосовал вместе с ее фракцией⁵¹.

После того как Пишевари выразил в меджлисе недовольство тем, что центральное правительство довело Азербайджан до обнищания, парламент лишил его депутатского мандата. Интересно, что когда Мосаддык выступил против удаления Пишевари, два депутата от Туде, в том числе Ованесян, открыто присоединились к тем, кто требовал его изгнания⁵². Как отметил Хабиб Ладжеварди, изгнание Пишевари «подтвердило убеждение его избирателей, что от Тегерана никогда нельзя добиться компенсации, независимо от того, какое правительство находится у власти — представительное или авторитарное»⁵³. В Тебризе недовольство новым правительством распространилось быстро. Энгелаб был арестован (снова с согласия советского генерального консула) за произнесение речей в поддержку Пишевари и за издание литературы по рабочему вопросу⁵⁴. Выдвинутое Туде требование централизации означало пренебрежение к просьбам азербайджанцев предоставить им в рамках партии языковую и политическую автономию. Особое недоверие вызывал Пишевари, чья неприязнь ко многим партийным лидерам делала невозможным его полное подчинение единой партии. I съезд партии, состоявшийся в августе 1944 г., отказался даже признать полномочия Пишевари как делегата

от Азербайджана: его непоколебимая верность принципам старой ПКП и выдвигавшиеся им настойчивые требования, связанные с делами провинции, делали его неприемлемой фигурой для руководства Туде, состоявшего из парламентариев-тегеранцев⁵⁵. Накануне съезда Халил Малек, персизированный азербайджанец — последователь Эрани, отправился в Азербайджан, чтобы расследовать противоречащие друг другу сообщения о положении в партии, поступающие из провинции. На съезде Малек рассказал о потрясении, которое он испытал, узнав, что члены партии не понимают фарси и что они негодовали в связи с отказом Малек говорить по-азербайджански. У него возникло подозрение, что некоторые партийные лидеры в Азербайджане скрывают свои «истинные сепаратистские цели», требуя создания провинциальных законодательных органов и азербайджанских школ, а также получения большей доли налоговых сборов⁵⁶.

43 из 168 делегатов съезда прибыли из Азербайджана; еще 34 были азербайджанцами из других районов северного Ирана, в первую очередь мохаджеры из каспийского региона. Некоторые не могли или не желали общаться на фарси, так что заседания пришлось делать двуязычными; почти все ораторы-азербайджанцы произносили свои речи на турецком языке. Азербайджанская делегация, шумно выражавшая свое недовольство по поводу того, что Туде не обращала внимания на проблемы Азербайджана, была едина в критике партии в целом и ее Центрального комитета в частности. Делегат от Сараба сетовал на то, что Центральный комитет часто недооценивал и недопонимал нужды провинции; гилянец согласился с этим, засвидетельствовав, что, хотя он является персидским интеллигентом, не знающим ни слова по-азербайджански, его отправили организовывать рабочих и крестьян в азербайджаноязычный Зенджан. Мохаджер, крестьянский организатор Голамахья Данешьян, говоривший по-азербайджански, осудил языковую политику партии и ее реформистский курс: «Один из крупнейших недостатков в деятельности партии в Азербайджане состоит в том, что пропаганда ведется на фарси, тогда как население не говорит на фарси... Мы должны выдвинуть на первое место классовый антагонизм, который развивается между крестьянами и помещиками в Азербайджане»⁵⁷. Азербайджанские делегаты пожелали узнать, почему партия не использует потенциал Азербайджана для революционной деятельности. «Партия,— заявил Данешьян,— должна меньше говорить и больше делать»⁵⁸.

В то время как Данешьян и другие азербайджанцы жаловались на чрезмерный централизм и реформизм Туде, де-

легаты из прочих провинций критиковали радикализм азербайджанских коммунистов и их свободу от контроля, осуществляемого Центральным комитетом. Делегат из Мазендерапа выражал недовольство тем, что в каспийском регионе партия не может осуществлять надзор над своими комитетами, попавшими под контроль радикальных (в основном азербайджанских) мохаджеров⁵⁹.

Азербайджанское лобби вынудило Туде пойти на некоторые уступки. В результате съезд разрешил местным отделениям партии проводить собрания для создания энджуменов. Партийные манифесты были переведены на азербайджанский и турецкий языки, и партия обещала побудить меджлис ассигновать больше средств для Азербайджана⁶⁰. Вместе с тем партийная программа продолжала делать упор на необходимость централизованного руководства и игнорировать все, что было связано с провинциальными советами и языковой проблемой. Меньшинствам была обещана «полная свобода в сфере образования и религии»; однако, поскольку они не были точно обозначены, подразумевалось, что речь идет о религиозных, а не о языковых меньшинствах⁶¹.

Вплоть до нефтяного кризиса 1944 г. просоветская внешняя политика Туде не оказывала большого влияния на отношения партии с общественностью. Однако во время кризиса Туде, агитировавшая за предоставление нефтяной концессии Советам, открыто связала себя с Советским Союзом. С осени 1944 г. отношения Туде с националистами, такими, как Мосаддык, ухудшились из-за поддержки ею советской концессии. С этого времени Туде стала проявлять враждебность и к национальной буржуазии, которой она прежде оказывала немного знаков внимания.

Нефтяной кризис 1944 г. и политика великих держав

Нефтяной кризис 1944 г. начался, когда американские компании «Стандард вакуум», «Синклер» и «Шелл» вели переговоры о предоставлении им концессий в северном Иране; эти тайные переговоры вызвали немедленную реакцию Советов. В сентябре 1944 г. заместитель народного комиссара иностранных дел СССР Кавтарадзе прибыл в Тегеран и попросил предоставить Советскому Союзу нефтяные концессии во всех северных провинциях. Премьер-министр Мохаммед Саед отказался обсуждать вопрос о нефтяных концессиях до конца войны⁶². Эти события иллюстрируют изменение политики Соединенных Штатов и Великобритании в отношении Ирана.

В последние годы второй мировой войны внешняя политика США эволюционировала от невмешательства во внутренние дела стран Среднего Востока до активного вмешательства, основанного на убеждении, что оно необходимо, чтобы ослабить британский империализм. В марте 1943 г. в документе государственного департамента, составленном Джорджем В. Алленом, подчеркивалось, что политика «открытых дверей», которую Соединенные Штаты проводят на богатом нефтью Среднем Востоке, станет еще более важной в будущем: «Ныне Соединенные Штаты быстро приближаются к тому, чтобы из-за сильного истощения своих нефтяных запасов, явившегося следствием нашего участия в войне, превратиться из страны, экспортирующей нефть, в ее импортера. Теперь мы значительно больше заинтересованы в том... чтобы сохранить доступ к ресурсам этого региона, составляющим, по-видимому, 40% остающихся мировых запасов нефти»⁶³.

Политика США в Иране, как писал Корделл Хэлл, имела «более четко выраженный эгоистический аспект», поскольку интересы Соединенных Штатов состояли в том, чтобы «ни одно государство не утвердилось на побережье Персидского залива напротив американских нефтепромыслов в Саудовской Аравии»⁶⁴ — стране, с которой были связаны растущие экономические интересы США, являвшиеся главной причиной их желания иметь стабильный, независимый Иран. Война шла к концу, и государственный департамент все более ясно понимал, что американское вмешательство во внутренние дела Ирана, как это ни парадоксально, окажется необходимым ради того, чтобы другие страны, в первую очередь Англия, лишились здесь политической гегемонии⁶⁵. Посол США в Иране Луис Дрейфус противопоставлял британскую политику американской: «Отношения, основанные на силе и эксплуатации, а не на взаимопомощи и добре, не принесут дивиденды, когда придет день расплаты»⁶⁶.

Проникновение США в Иран было облегчено в 1942 г., во время пребывания Кавама на посту премьера. Как и в 1921 г., Кавам принял определенные меры для усиления американского влияния в Иране. Следуя традиционному курсу, выработанному иранскими политиками старой школы, он добивался вмешательства третьей державы для создания равновесия; он вернул в Иран американского финансового советника Миллспо и назначил майора американской армии Х. Нормана Шварцкопфа командующим жандармерией. В бытность Кавама во главе правительства в Иран вступили и американские войска⁶⁷. Правительство США проявляло интерес к нефтяной концессии на севере, рассматривая ее получение как часть своей программы развития для «силь-

ного и независимого Ирана», выполнение которой должно было облегчить защиту таких интересов США, как «возможность более активно участвовать в торговле Ирана и в разработке его ресурсов»; программа учитывала также стратегически выгодное местоположение Ирана для создания гражданских авиационных баз и все возрастающую ценность иранских и арабских нефтепромыслов⁶⁸. Таким образом, хотя Соединенные Штаты стремились расчленив Британскую империю и навязать ей политику «открытых дверей», их «идеалистический» курс включал существенные стратегические и материальные компоненты.

Англичане прилагали всеяческие усилия, чтобы защитить свои интересы в Иране и не допустить проникновение туда ни Соединенных Штатов, ни Советского Союза. В письме Рузвельту Черчилль утверждал, что Англия не хочет иметь в Иране зону влияния, а лишь желает, чтобы в Тегеране у власти находилось дружественное правительство⁶⁹. Чтобы обеспечить существование такого «дружественного правительства», англичане обычно поддерживали в Иране единственную группировку, которая была в состоянии доказать свою способность сохранить власть: правящую олигархию. Такой союз был следствием желания Англии сохранить в Иране социальный статус-кво, о чем свидетельствовала крайне консервативная программа «Партии национальной воли», руководимой Сеидом Зия. Англичане поддерживали также многих вождей племен и активно вмешивались в дела племен, в том числе в южном Курдистане. Поскольку в британской оккупационной зоне государственная власть находилась в более бедственном состоянии, чем в советской зоне, для сохранения порядка необходимо было сотрудничество с племенами. «В целом,— отмечалось в докладе американской разведки,— англичане скорее склонны сохранить феодальный патернализм племенных вождей, чем способствовать широкому социальному и экономическому образованию членов племен»⁷⁰.

Британских государственных деятелей часто раздражала деятельность некоторых американских советников в Иране, которую они воспринимали как обструкционистскую. Официальный представитель Форин офис Айвор Пинк предупреждал, что «любой назначенный персами американский советник готов вместе с ними выступать против империалистической политики, которую они приписывают нам и русским»⁷¹. Хотя англичане стремились не допустить, чтобы Советы получили нефтяную концессию на севере, они не желали действовать таким образом, чтобы вызвать у Соединенных Штатов материальную заинтересованность в иранских делах. Такая материальная заинтересованность должна бы-

ла, без сомнения, привести к узурпации ими британского политического влияния.

Советские интересы в Иране определялись заботой о безопасности, что подразумевало, в частности, отказ от возвращения к политике «санитарного кордона», примером которой служили Саадабадский пакт и традиционная британская политика в северном ярусе. Согласно докладу ОСС (Управление стратегических исследований), датированному декабрём 1943 г., политика России с 1917 г. состояла в том, чтобы «обеспечивать защиту от иностранного вмешательства и развивать экономику во имя консолидации своей революции»⁷².

Советские лидеры были более или менее индифферентны к англо-американскому конфликту, перераставшему в нефтяной кризис. В то время как иранцы, такие, как Кавам, относились к Соединённым Штатам как к «нейтральной» третьей державе, Советский Союз рассматривал западные государства как одинаково враждебные интересам своей безопасности. Изменение отношений между великими державами, притом, по мнению Советов, весьма существенное, сплотило западные государства против СССР. То обстоятельство, что фирма «Шелл», частично принадлежавшая англичанам, присоединилась к американским компаниям в стремлении получить нефтяные концессии, по-видимому, подтверждает эту точку зрения, как, впрочем, и антисоветизм Саеда⁷³. Попытка правительства Саеда поддержать равновесие путем предоставления нефтяной концессии американцам была расценена как свидетельство проведения односторонней политики в традициях курса Реза-шаха, враждебного Советскому Союзу. В этом контексте становится понятной советская реакция на попытку Соединённых Штатов получить нефтяную концессию в северном Иране. Как объяснял Кеннан, американский поверенный в делах в Москве, «нефть в северном Иране — весьма важная вещь, но не как нечто такое, в чем нуждается Россия, а как то, что может стать опасным для любого другого, кто будет ее добывать»⁷⁴. Британский консул в Мешхеде сэр Клермонт Скрайн так резюмировал советскую реакцию на вмешательство Соединённых Штатов: «В основном именно стремление „Стандард Вакуум“ и „Шелл“ обеспечить себе права на разведку нефти превратили русских в Персии из союзников в горячей войне в соперников в холодной войне»⁷⁵. Это соперничество станет более явным во время революций в Азербайджане и Курдистане.

После отказа Саеда рассматривать советскую просьбу Советы и Туде объединились в пропагандистской войне против иранского правительства. На состоявшейся 24 октября 1944 г. пресс-конференции Кавтарадзе заявил, что «нелояльное и враждебное отношение иранского премьер-министра к

Советскому Союзу делает полностью невозможным... сотрудничество с ним»⁷⁶. 31 октября комментатор советского радио заявил, что «ухудшение ирано-советских отношений — это работа бесстыдного иранского государственного деятеля... который превратил Иран в базу для нападения на Советский Союз»⁷⁷. Туде провела массовые митинги в пользу предоставления нефтяной концессии Советскому Союзу и против правительства Саеда. Депутат от Туде заявил в меджлисе, что партия пытается нейтрализовать британское влияние в Иране путем советского политического и экономического присутствия⁷⁸. Туде организовала массовые марши протеста против правительства Саеда в Тегеране, Исфахане и других крупных городах; поддерживавшая ее пресса присоединилась к этой атаке. Внешнее давление, исходившее от Советского Союза, сочеталось с внутренним, которое оказывали Туде и возглавлявшиеся Мосаддыком независимые в меджлисе, стремившиеся свергнуть кабинет Саеда.

В течение нефтяного кризиса 1944 г. Мосаддык поддерживал идею негативного равновесия, характеризуя выдвинутое Советами требование о предоставлении нефтяной концессии как реакцию на переговоры, которые вели до этого Соединенные Штаты. Ссылаясь на события, протекавшие между получением д'Арси концессии и подписанием российско-британского договора 1907 г., он выступал против предоставления концессий любой державе, «так как невозможно отделить экономику от политики»⁷⁹. «Если правительство Соединенных Штатов, страны, расположенной в другом конце мира, может просить о предоставлении концессии, почему не может этого делать Советский Союз?.. Те, кто думает, что, поскольку Америка не является нашим соседом, предоставление американским компаниям концессии безопасно, ошибаются»⁸⁰. Советское присутствие, сказал Мосаддык, уравновешивало британское и давало Ирану передышку. Однако, продолжал он, «если вы считаете, что „позитивное равновесие“ состоит в том, что какую бы концессию ваши соседи ни пожелали, ее следует им предоставить, то независимость Ирана скоро исчезнет»⁸¹. Негативное равновесие, предложенное Модарессом во время гиланского кризиса, стало идеологическим фундаментом программы Мосаддыка и его последователей, а позднее — Национального фронта.

После падения правительства Саеда премьер-министром стал Мортеза Баят, вначале имевший поддержку Англии и прозападной фракции в меджлисе. Он попытался восстановить равновесие в международных отношениях путем смягчения позиции своего правительства в отношении Советского Союза. Его погоня за равновесием во многом напоминала «негативную» модель Мосаддыка; Баят осуществлял конт-

роль над прохождением внесенного Мосаддыком законопроекта, который предусматривал большие сроки тюремного заключения для любого премьер-министра, ведущего переговоры о предоставлении нефтяной концессии без предварительного одобрения меджлиса⁸². Вскоре Баят вступил в конфликт с Миллспо, чей всеобъемлющий контроль над иранскими финансами мешал попыткам правительства увеличить численность армии. Финансовые реформы Миллспо возмутили роялистов в меджлисе; его тесное сотрудничество с Сендом Зия заставило нейтраллистов Мосаддыка и левых, прежде всего Туде, обвинить его в том, что он является агентом Соединенных Штатов. Выковав этот странный союз между двумя столь отличными друг от друга фракциями, Баят поддержал в парламенте Мосаддыка, потребовавшего удаления Миллспо⁸³. В результате изгнания Миллспо Баят завоевал симпатии Туде, но потерял поддержку прозападной фракции. Чтобы увеличить поддержку со стороны своих новых союзников, он сделал несколько примирительных жестов в отношении Туде, в том числе ограничил полицейские акции против организуемых ею демонстраций. Хотя шах одобрил стратегию Баята, направленную на восстановление внутреннего равновесия, многие роялисты сочли это «флиртом с фанатичными коммунистами»⁸⁴. Вызван глубочайшие опасения у прозападной фракции и у многих роялистов, правительство Баята в апреле 1945 г. пало.

Преемником Баята стал Ибрахим Хакими, слабый, но пользовавшийся уважением азербайджанский политический деятель; выбор пал на него главным образом потому, что он не принадлежал ни к одной партии (хотя и имел репутацию человека, поддерживающего британские интересы) и, следовательно, ни одна партия ему не противостояла. Хакими постарался сохранить свою чахлую популярность, сформировав беспартийный кабинет. Однако такая политика возбудила против него все фракции меджлиса, и первое правительство Хакими пало, еще не получив формально полномочий⁸⁵. Следующим премьером стал Мохсен Садр — некогда охарактеризованный британским послом как «жесткий реакционный экс-мулла», известный своим участием в системе правосудия при трех предыдущих шахах. Меджлис отказался утвердить его в этой должности, так как Садр был назначен шахским ферманом. Прогрессисты, в том числе депутаты от Туде, Садрн Казн и фракция Мосаддыка, бойкотировали заседания меджлиса с июня по сентябрь, чтобы не дать возможности собрать кворум, необходимый для утверждения правительства. Садр продолжал резво исполнять обязанности премьера на основе фермана. Мосаддык же без всякой для себя пользы по-прежнему настаивал на прямом приме-

нении конституции, которая, в частности, предусматривала невмешательство шаха в дела армии и прочие сферы деятельности правительства, а также требовал защитить прерогативы парламента. Особенно резко он выступал против законопроекта, в соответствии с которым выборы в Пятнадцатый меджлис откладывались до вывода всех иностранных войск. Он саркастически заметил, что при Реза-шахе в Иране не было иностранных войск и тем не менее Иран не наслаждался свободными выборами. Реформа избирательной системы крайне необходима, сказал он, но отсрочка выборов не нужна. Он отметил также, что Советы могут подумать, будто эта отсрочка нацелена против них ⁸⁶.

Правительство Садра проводило проанглийскую внешнюю политику и, как можно было судить по отношению премьера к конституции, крайне репрессивную внутри страны. В августе 1945 г. военная организация Туде в Хорасане — самая радикальная часть партии — восстала, опасаясь появления вновь диктатуры. Майор Искандари, планировавший и организовавший восстание, использовал тактику, примененную Тито в Югославии. Он хотел создать зону, в пределах которой правительство вынуждено было бы бороться с организованным партизанским сопротивлением. К несчастью, в Хорасане отсутствовал благоприятный климат для революционной деятельности. Это был огромный шиитский религиозный центр, раздробленный к тому же на мириады этнических, языковых и религиозных общин. Туркменские племена не оказали группировке Искандари поддержки, на которую она рассчитывала, и офицеры Туде были схвачены в Гомбеде-Кабусе ⁸⁷. Следствием хорасанского инцидента был арест многих членов военной организации Туде, в том числе Хосрова Рузбеха. Слова Рузбеха на суде удачно характеризуют радикализм военной организации: «Туде — реформистская и парламентская партия... Однако я... жажду революции, чтобы уничтожить коррумпированный правящий класс» ⁸⁸.

Орган ЦСОП газета «Зафар» («Победа») предположила, что ввиду абсолютной невосприимчивости правительства Садра может оказаться необходимым свергнуть его силой. Воспользовавшись восстанием в Хорасане как предлогом, правительство Садра ввело в Тегеране военное положение и запретило 14 газет, в том числе «Зафар» ⁸⁹.

Революция на севере

Неустойчивая ситуация в Тегеране облегчала развитие революционного движения в Азербайджане и Курдистане,

где постоянно был слышен голос недовольства. Правительство не могло (а часто и не желало) предложить хоть какие-нибудь разумные меры. Односторонняя внешняя политика Садра тревожила Советский Союз, а его репрессии по отношению к инакомыслящим мешали реформаторам и революционерам в Азербайджане и Курдистане. В ту пору, когда Садр занимал пост премьер-министра, революция пустила корни в Азербайджане и Курдистане.

Экономическая ситуация в Азербайджане все более ухудшалась. В 1941 и 1942 гг. из-за плохих урожаев провинция испытала немало трудностей, но и хорошие урожаи последних лет не улучшили положение. Хотя Азербайджан производил лишь четвертую часть всей иранской пшеницы, много этой продукции шло на юг, в Тегеран и в другие города, где ее продавали по более высокой цене. В Тегеране пищевой рацион был обильнее, чем в Тебризе; правительство было больше занято тем, чтобы предотвратить волнения в столице, нежели делами провинций.

Крупная буржуазия хорошо заработала на войне, которая ликвидировала иностранную конкуренцию, как только было получено распоряжение перевести иранские заводы на производство военной продукции⁹⁰. Когда война подошла к концу, перестали поступать советские приказы о поставках военного снаряжения, и местные заводы закрылись, что вызвало в городах значительную безработицу. Консул США в Тебризе Иблинг так описывал первомайскую демонстрацию 1944 г.: «Эти бесправные люди в лохмотьях, многие без обуви, с детьми, лица которых носили следы недоедания и болезней, представляли собой жалкое зрелище. Вряд ли более непрезентабельная толпа могла собраться в любой другой части мира»⁹¹. Привилегированный класс был довольно равнодушен к положению этих несчастных, которые, по мнению Иблинга, составляли 44% городского населения. Он следующим образом объяснял высокомерие богатых тебризцев: «Бог создал различные классы людей; слуги должны быть слугами, торговцы — торговцами, крестьяне — крестьянами, а высшие классы должны направлять и руководить»⁹².

Центральное правительство игнорировало также просьбы депутатов меджлиса — в их числе был Пишевари во время своего недолгого пребывания в парламенте — обратить большее внимание на печальное состояние дел в Азербайджане 11 июня 1944 г. Пишевари, искренне обеспокоенный ситуацией, жаловался: «Ныне Тебриз превратился в разрушенную деревню. Последние шесть месяцев городские больницы закрыты... В Тебризе имеются лишь двадцать семь начальных и средних школ, из которых только шесть — государст-

венные... Большинство их я видел сам. Вы бы не захотели даже оставить свою лошадь в этих кварталах»⁹³.

Ованесян пытался побудить крестьян развернуть классовую борьбу; для этого он послал в деревни партийные кадры, которые должны были агитировать в пользу проведения земельной реформы, за роспуск жандармерии, а также уговаривать издольщиков, чтобы они ограничились долей помещика пятой частью урожая. Поскольку помещики и фабриканты использовали военное время с немалой выгодой для себя, Туде, действовавшая под руководством Ованесяна, не считала их потенциальными союзниками в антиимпериалистической борьбе⁹⁴. Летом 1945 г. Азербайджан захлестнула волна насилия. Помещики и крестьяне угрожали друг другу применением силы. 30 помещиков из деревень, расположенных около Тебриза, направили центральному правительству телеграмму, в которой предупредили, что у них не будет пшеницы для продажи государству, если жандармы не применят силу для уборки урожая⁹⁵. В ответ центральное правительство приказало арестовать 500 крестьян, не пожелавших выплатить помещикам их долю, предоставило последним свободную рабочую силу и дополнительную оплату натурой. Правительство Садра постановило, что трудовые обязанности крестьян должны считаться «так же высоко, как принцип частной собственности»⁹⁶. В инспирированной Туде телеграмме, посланной Садру 1 августа 1945 г., содержалась просьба освободить арестованных крестьян и выражалось пожелание, чтобы правительство не становилось на сторону помещиков. Садр ответил в меджлисе: «Господа, я заявляю вам, что не обращаю внимания не только на эту телеграмму, я проигнорирую даже сотни подобных телеграмм»⁹⁷.

Тегеранская организация Туде ничего не могла сделать для улучшения ситуации в Азербайджане; кроме того, ее не всегда заботили жалобы меньшинств. Пишевари резко критиковал как позицию, занятую Туде в парламенте, так и осуществлявшееся Ованесяном провоцирование классовой борьбы в Азербайджане; он заявил, что в движении, цель которого — завоевание свободы для провинции, должны участвовать все классы. В июле 1945 г. он сказал друзьям в Тегеране, что, поскольку он не видит для Туде будущего, пришло время создать новую организацию. Через несколько дней после этого он отправился в Азербайджан⁹⁸, где в поисках «новой организации» нашел поддержку у трех своих азербайджанских сотоварищей из старой ПКП: Али Шабистари, редактора газеты «Азербайджан»; Саламоллы Джавида, сидевшего в тюрьме примерно в то же время, что и Пишевари; и Джафара Кавияна, опытного рабочего орга-

низатора. Шабистари принимал участие в восстании Хиабани, а Джавид, ветеран Гилянской революции, и Кавиян — в восстаниях Лахути и Хиабани. Джавид учился в Баку; он и Шабистари, после того как революции, в которых они участвовали, потерпели поражение, жили в Советском Союзе⁹⁹. Ни один из них никогда не был членом Туде.

3 сентября 1945 г. Пишевари и эти три опытных революционера объявили об учреждении «Ферке демократе Азербайджан», Демократической партии Азербайджана (ДПА). Принятие названия, которое носила организация Хиабани, подчеркивало стремление новой партии добиваться автономии для провинции. ДПА, руководимая Пишевари, без предварительной консультации с Центральным комитетом Туде распустила и поглотила провинциальную организацию Туде. Мохаммед Бирия, воинственный глава отделения ЦСОП в Азербайджане, содействовал роспуску и интеграции руководимого Туде рабочего союза. Нет нужды говорить, что члены Центрального комитета Туде, в том числе Ованесян и Малески, были обеспокоены действиями Пишевари и встревожены возможным сепаратизмом рядовых членов партии. Как только известие о роспуске азербайджанской организации Туде достигло Тегерана, Центральный комитет и контрольная комиссия созвали чрезвычайный пленум. Большинство одобрило предложенную Малески резолюцию, которая признавала недействительным роспуск провинциальной организации и упоминала о Демократической партии, а не о Демократической партии Азербайджана, по существу отказывая ДПА в этнической идентичности.

На следующее утро вмешалось советское посольство, чтобы предотвратить опубликование лидерами Туде их декларации. Советы убеждали Туде, что ДПА — это часть иранских левых сил и всего международного социалистического движения¹⁰⁰. Поэтому открыто лидеры Туде почти не выказывали отрицательное отношение к ДПА, стараясь сохранить видимость единства левых сил в борьбе с правительством Садра¹⁰¹. В рамках этой неуверенной попытки создать единый фронт орган Туде «Ноурузе Иран» («Новый день Ирана») 17 октября провозгласил: «Да здравствует отважный народ Азербайджана, авангард свободы в Иране»¹⁰².

Первая прокламация ДПА провозглашала, что Азербайджан имеет право на национальную автономию, на создание своих собственных провинциального и городских советов и на использование родного языка в школах. Кроме того, она требовала осуществления социальных и экономических реформ, включая правительственные меры против безработицы, разблокирования торговых путей (что должно было ободрить мелкую буржуазию и сельских торговцев), а так-

же принятия мер, направленных на улучшение отношений между крестьянами и помещиками. Предусматривалась конфискация государственных земель и земель помещиков, «безжавших» из Азербайджана¹⁰³. Условия для выполнения новой программы сложились подходящие. Как отмечал британский консул, «презрение, которое все классы питают к некомпетентному и продажному местному правительству, и все возрастающее безразличие центрального правительства к Азербайджану могут даже правое крыло привести к мысли, что меры, на которых настаивает Туде (т. е. ДПА.— Авт.), не могут сделать условия более скверными, чем они есть сегодня»¹⁰⁴. I съезд ДПА, созванный в конце сентября, представлял как бы в разрезе население Азербайджана. В этот период национал-революционные элементы в ДПА явно преобладали над социал-революционными. Либеральные группы в Тебризе опасались возможных репрессий со стороны реакции после вывода советских войск и поддерживали выдвинутую ДПА идею автономного статуса для Азербайджана.

Вначале большинство революционеров выдвигало на первый план национальный аспект азербайджанской революции, меньшинство — классовый. Первые, в их числе Джавид и Шабистари, а также многие члены Демократической партии, возглавлявшейся Хиабани, критиковали Туде за ее классовую ориентацию; вторые, включая Данешьяна и большинство остальных мохаджеров и ветеранов ПКП, подвергали Туде критике за ее парламентаризм, мешающий революции¹⁰⁵. Важнейшим пунктом революционной платформы было право Азербайджана на родной язык и на создание местных энджуменов. Носратолла Джаханшахлу, впоследствии вице-премьер в правительстве Пишевари, писал, что это была обдуманная политика: «Чтобы сплотить население в [национально-революционной борьбе, необходимы факторы, объединяющие людей. Некоторые из этих факторов — национальность... и язык»¹⁰⁶. Язык был намеренно избран в качестве социальной силы, объединяющей все классы в Азербайджане; с этим и с необходимостью формирования провинциальных энджуменов были согласны все лидеры ДПА. Классовое содержание в платформе партии было сведено к минимуму. Пишевари, на своем опыте познавший неудачу классовой борьбы во время Гилянской революции, решил опереться на поддержку различных слоев общества¹⁰⁷.

ДПА намеревалась установить контроль над Азербайджаном, отказавшись признавать губернатора, присланного Садром, и создав свою собственную милицию. К середине ноября члены партии и многие крестьяне получили оружие. Вооруженное восстание против центрального правительства

началось 4 ноября ¹⁰⁸. Командование Красной Армии и руководство Бакинского совета помогали в поставке оружия. Пишевари объяснял, что опора на Советский Союз необходима для победы революции. Нефтяной кризис создал условия, способствовавшие получению советской поддержки дела Азербайджана ¹⁰⁹.

15 ноября Центральный комитет ДПА направил в Тегеран и во все иностранные консульства открытое письмо следующего содержания: «Центральное правительство в Тегеране увековечивает наихудший и жесточайший азиатский деспотизм... Страдания, испытываемые этим угнетенным и оскорбленным [азербайджанским] народом, должны тронуть всякого, кто, не колеблясь, сообщит своей демократической стране, что в сегодняшнем мире все еще существует правительство... при котором законы, суды и прокуроры представляют собой инструмент в руках группы реакционеров и отъявленных авантюристов» ¹¹⁰. Затем перечислялись конкретные случаи, иллюстрировавшие жестокость жандармов; в письме содержалось требование, чтобы виновные были наказаны и чтобы в будущем жандармам было запрещено вмешиваться в события в тех случаях, когда нет нарушений закона ¹¹¹.

20 ноября в тебризском театре собрался Народный конгресс Азербайджана; в нем участвовало 700 делегатов. Конгресс направил центральному правительству декларацию об автономии, в которой, подчеркнув, что «народ Азербайджана не имеет желания отделиться от Ирана или нарушить территориальную целостность Ирана», одновременно провозгласил: «Народ Азербайджана обладает специфическими национальными, лингвистическими, культурными особенностями и традициями, что дает Азербайджану право на свободу и автономию, как общано всем нациям Атлантической хартией» ¹¹². Противоречивость была выражена в тех пунктах декларации, которые провозглашали намерение Азербайджана принять участие «в деятельности центрального правительства по выборам депутатов в меджлис и по сбору налогов», но в которых одновременно утверждалось, что, «подобно другим нациям», народ Азербайджана имеет право «формировать свое собственное правительство и управлять своими внутренними и национальными делами». Конгресс провозгласил себя Учредительным собранием и назначил комитет, который должен был проводить его резолюции в жизнь до тех пор, пока не будет создано Национальное собрание ¹¹³.

В Курдистане события также достигли решающей стадии; «Комоле» продолжал агитировать в пользу создания независимого Курдистана. Во время второй мировой войны

северный Курдистан непрерывно вел торговлю с Советским Союзом, главным образом табаком, что позволяло развиваться курдской экономике, задавленной при Реза-шахе жестким контролем. Так экономические интересы, совпадавшие с этническими обидами, побуждали иранских курдов требовать независимости.

В октябре 1944 г., когда к «Комоле» присоединился Кази Мохаммед, широко известный религиозный судья из Мехабада, эта организация увеличила свои шансы добиться власти. Образование Кази получил лишь в рамках начальной религиозной школы, но чтение книг, находившихся в богатейшей библиотеке его отца, прекрасно осведомляло обо всем, что творилось в мире. Подобно Кучек-хану, Кази был националист, хотя для него нацию олицетворял не Иран, а Курдистан. Так же как и у лидера дженгелийцев, политические взгляды Кази выдавали в нем благочестивого мусульманского священнослужителя. Его политические и экономические воззрения в целом были консервативными, но он понимал необходимость политической и экономической либерализации в духе времени. Кази с радостью присоединился к «Комоле» и стал главным оратором и руководителем партии, хотя никогда не был избран в состав ее Центрального комитета ¹¹⁴.

Курдская культура, расцветшая после вторжения союзных войск, к 1945 г. стала глубоко националистической. Курдская опера «Даике Ништиман» («Родина»), изображающая трагедию курдского народа, шла несколько месяцев в Мехабаде, делая полные сборы ¹¹⁵. Приближающееся восстание требовало более основательной подготовки, но назревавшая в Азербайджане буря давала «Комоле» надежду, что возглавляемая Пишевари ДПА станет его союзницей. 3 сентября депутация «Комоле», в состав которой входил Кази, присутствовала в Тебризе на церемонии, во время которой Туде официально влилась в ДПА ¹¹⁶.

Кази и лидеры «Комоле», добивавшиеся создания курдского государства, понимали, что одной только храбростью независимости не завоеешь. Была необходима материальная и политическая помощь какой-нибудь сверхдержавы. Когда Великобритания отвергла их требования, а Соединенные Штаты не проявили к ним никакого интереса, нефтяной кризис и антисоветская позиция центрального правительства привели лидеров «Комоле» к мысли, что пришло время заключить союз с СССР против Тегерана ¹¹⁷. В сентябре 1945 г. делегация «Комоле» во главе с Кази прибыла в Баку. Джафар Багиров, председатель Совета министров Азербайджанской Советской Социалистической Республики, предположил сначала, что устремления курдов могут быть осуще-

ствлены в рамках автономии Азербайджана. Багиров был предан делу революции в Иранском Азербайджане и разделял господствовавшее среди азербайджанцев убеждение, будто Курдистан представляет собой часть Азербайджана. Кази настойчиво утверждал, что курдам суждено иметь свою собственную автономию, без азербайджанской опеки. Багиров в конце концов согласился с позицией курдов, заявив: «Коль скоро Советский Союз существует, курды получают свою независимость». Кази дал понять, что курды нуждаются не только в словесной поддержке, и Багиров обещал, что в Мехабад будут отправлены военное снаряжение и печатный станок¹¹⁸.

Когда Кази вернулся в Мехабад, «Комоле» по совету Багирова сменил свое название и стал именоваться «Хезбе демократе Курдистан», т. е. Демократическая партия Курдистана (ДПК). Съезд ДПК, состоявшийся в ноябре 1945 г., принял национальный манифест, который требовал автономии для курдской нации в составе иранского государства и употребления курдского языка в качестве официального. Он выступил за создание провинциального энджумена для надзора за ходом государственных дел и урегулирования отношений между помещиками и крестьянами. Предусматривалось, что налоговые суммы, собранные в Курдистане, будут расходоваться на месте и что будут приняты меры, способствующие развитию сельского хозяйства, торговли, образования и здравоохранения. В выдвинутом партией требовании об урегулировании отношений между помещиками и крестьянами явно ощущалось влияние более радикального азербайджанского движения. Вместе с тем это был единственный пункт партийной программы, который можно было толковать как требование экономической реформы. Кази, будучи мусульманским духовным лицом, считал принцип частной собственности священным. Платформа ДПК даже в большей степени, чем программа ДПА, была реформистской; ее основными пунктами были местная автономия, языковая свобода и расширение системы образования. Эта революция была националистической, а не социальной.

О надеждах курдских демократов на заключение союза с Азербайджаном явно свидетельствовал тот пункт программы ДПК, который гласил: «Демократическая партия Курдистана будет предпринимать максимум усилий, чтобы добиться единства и солидарности курдов, азербайджанцев, армян и ассирийцев»¹¹⁹. Тот факт, что это было заявлено столь определенно, показывал, что Кази видел опасность традиционного соперничества, которое должно было поставить перед проектируемым курдским государством серьезные проблемы. Вместе с тем, хотя ДПК стремилась заключить союз с рево-

люционерами Азербайджана, Кази и его сторонники настаивали на том, что Азербайджан и Курдистан — самостоятельные государства. Курды негодовали по поводу устроенного при Реза-шахе административного слияния, в то время как азербайджанцы, вне всякого сомнения, хотели бы считать Курдистан частью своей территории. Города, такие, как Резайе, — в основном населенные азербайджанцами, но обладающие влиятельным курдским меньшинством, — принимали ту или иную сторону в конфликте между двумя революционными движениями ¹²⁰.

В конце 1945 г. Азербайджан и Курдистан, подстегнутые отказом правительства рассматривать их требования, провозгласили автономию. Тегеранское правительство послало войска, чтобы восстановить свою власть, но советские силы блокировали их продвижение, давая туземным правительствам возможность мобилизовать собственные силы.

Решение Советов поддержать революции в Азербайджане и Курдистане объяснялось как идеологическими, так и прагматическими мотивами. Как и в 1921 г., они не поддерживали все восстания против центрального правительства, но выбирали какое-то одно; их выбор наводил на размышления. В тот период в северном Иране происходили и другие революции: в Гиляне в конце 1945 г. подготовила и осуществила вооруженное восстание возродившаяся партия «Дженгель»; «Джамиате Табаристан» («Мазендеранское общество») требовало автономии для Мазендерана; о мятеже офицеров в Хорасане уже говорилось. Однако Советский Союз не поддержал эти движения. Мятежи в Гиляне возглавлялись помещиками и крупной буржуазией, требовавшими лишь местной автономии. Хотя это движение исторически было связано с движением Кучек-хана, оно, подобно выступлениям «феодалных» помещиков, не сумевших добиться советской поддержки в 1920—1921 гг., представлялось идеологически неприемлемым и явно считалось реакционным. «Мазендеранское общество», хотя и требовало «социальной реформы, выгодной всем классам», не имело поддержки в сельской местности; у офицеров в Хорасане, несмотря на то что их взгляды соответствовали идеологии Советов, просто отсутствовала социальная база в этой в высшей степени консервативной, этнически разделенной провинции ¹²¹. Однако в Азербайджане и Курдистане революциями руководили элементы, выражавшие демократические и националистические требования. Кроме того, на их стороне находились многие крестьяне, а также представители средних классов. Как было отмечено в предыдущих главах, коммунистическая идеология обычно поддерживала буржуазно-демократические революции в отсталых странах, таких, как

Иран. ДПА и ДПК, как и дженгелийское движение Кучека, были приемлемы по идеологическим причинам; прагматизм также подсказывал, что для успешной революции необходима социальная база. Следовательно, революции в Азербайджане и Курдистане, подобно дженгелийскому движению 1920—1921 гг., доказали, что они заслужили поддержку.

Волнения на севере явились результатом невнимания центрального правительства к нуждам населения этих провинций, что совпало со значительным ослаблением правительственного контроля над провинциями во время оккупации страны союзниками. Иностранная интервенция и вакуум власти помогли революции, как некогда это произошло в Гиляне. Способствовала ей и бездеятельность тегеранского правительства: олигархия, созданная Реза-шахом, упорно цеплялась за власть и препятствовала социальным реформам. Даже либеральные националисты, такие, как Кесрави или Мосаддык, хоть и настаивали на необходимости социальных реформ, столь яростно добивались создания сильного, централизованного Ирана, что выступали против местной автономии; важность национального единства подчеркивала и Туде. Реза-шах оставил в наследство крайний тегераноцентризм, влиявший почти на все политические группировки. Центральное место в иранской политике снова заняла концепция равновесия в международных делах, как это было в 1920—1921 гг. Сторонники политики равновесия отказывались от одностороннего курса, вызывавшего неприязнь у Советов. Многие, и среди них Мосаддык, считали, что независимость Ирана могло обеспечить только негативное равновесие во внешней политике.

Советская поддержка туземных революций явно содействовала их успеху. В целом советская политика состояла в том, чтобы не позволить никакой другой державе установить политический и экономический контроль над Ираном, особенно на севере. Главной целью Советов была стратегическая безопасность, обеспечение которой должно было быть облегчено путем создания в Иране равновесия с Западом. Поскольку внешняя политика центрального правительства была, по их мнению, последовательно антисоветской, Советы стремились не дать ему возможности восстановить свою власть над стратегически важными провинциями — Азербайджаном и Курдистаном. Однако в Советском Союзе не всегда существовало единство мнений. Азербайджанская Советская республика под руководством Багирова твердо выступала за автономию Азербайджана, тогда как министерство иностранных дел, возглавлявшееся Молотовым, предупреждало об опасности иностранного вмешательства в северные революции. Как и в 1921 г., многие советские лидеры

чувствовали, что стратегические и политические интересы их страны и международного коммунистического движения будут лучше защищены в случае существования единого Ирана.

Англия, как и прежде, старалась сохранить свою политическую гегемонию над всем Ираном, поддерживая правящий класс; если же это оказалось бы невозможным, она намеревалась, как будет показано ниже, для сохранения своего влияния и защиты экономических интересов закрепиться на юге. Политика США заключалась в том, чтобы держать открытой дверь в Иран; эта «идеалистическая» политика проводилась в значительной степени ради дивидендов, которых от нее ждали, имея в виду и доброе расположение Ирана, и экономические выгоды. Вовлеченность Соединенных Штатов в дела Ирана увеличилась сразу же после войны, как только творцы их внешней политики поняли, что активное вмешательство необходимо, чтобы открыть Средний Восток для американских интересов.

Политика правительств в Тегеране, Москве, Баку, Лондоне и Вашингтоне менялась в соответствии с развитием революций в северных провинциях, с тем чтобы повлиять на их исход, но, хотя эти революции оказали несомненное воздействие на ситуацию в мире, они никогда не произошли бы, если бы автократическая система Реза-шаха добилась успеха в интеграции этнических меньшинств в иранскую нацию. Хотя постоянное разделение национальных групп, усилившееся после свержения Реза-шаха, было одной из причин революций в Азербайджане и Курдистане, оно в то же время способствовало их конечной неудаче. Политические трения между революционерами-националистами и все более принимавшей классовую ориентацию Туре также способствовали этому краху. Политические и этнические разногласия между азербайджанскими и курдскими революционерами и внутри каждой из этих группировок проявлялись уже открыто.

Нефть, Иран и «холодная» война

События в Иране стали частью всеобщих перемен, происшедших в течение второй мировой войны,— от глобального союза к «холодной» войне. Однако Иран не был просто сценой, на которой разворачивалось соперничество великих держав; его правительства, особенно когда премьер-министром был Кавам, играли важную роль в формировании отношений между самими великими державами. Мнение, которое Великобритания, Советский Союз, Соединенные Штаты и

Иран создавали друг о друге в этот период, во многом повлияло на последующие международные отношения, что, в свою очередь, оказало немалое воздействие на внутреннюю политику Ирана.

Тегеранское правительство в продолжение всего кризиса в Азербайджане и Курдистане концентрировало свои усилия на том, чтобы удалить советские войска из северного Ирана и лишить этот регион их поддержки. Причина такой направленности дипломатической деятельности состояла в том, что центральное правительство считало северные революции итогом советского вмешательства. Многие независимые политики и интеллектуалы разделяли со своим правительством отвращение к выдвинутому революционерами требованию языковой свободы. Если это требование будет удовлетворено, сказал Кесрави, и подобные претензии «предъявят другие языковые меньшинства — особенно армяне, ассирийцы, арабы, гилянцы и мазендеранцы, — от Ирана ничего не останется»¹²². Националистов пугала мысль о том, что западные державы могут к своей выгоде воспользоваться внутренними противоречиями Ирана.

После падения в октябре 1945 г. правительства Садра свой второй кабинет сформировал Хакими; он отказался вести переговоры с «анархистами» в Азербайджане и Курдистане и сконцентрировал все свои усилия на том, чтобы решить этот вопрос на международной арене. Он попытался снискать доверие Советов, включив в свой кабинет, состоявший главным образом из лиц, тесно связанных с шахским двором, трех просоветских деятелей и отказавшись ввести в него хотя бы одного пробританского. Бывшего премьер-министра Баята, известного дружественным отношением к Советам, он назначил генерал-губернатором Азербайджана. После того как в ноябре иранские войска были остановлены советскими силами, Хакими выразил готовность лично отправиться в Москву, чтобы помочь решению проблемы. Одновременно он заручился поддержкой американского и британского представителей и убедил их в необходимости направить Советам письма с настоятельным требованием о немедленном выводе их войск¹²³.

Этот взрыв дипломатической активности не убедил Советы в том, что им следует вступить в переговоры с Хакими; его пробританское прошлое, его связь с двором, постоянные репрессии против Туде и отсутствие у него отношений с Азербайджаном — все это побудило Советы сделать вывод, что узы, связывавшие его с Западом, угрожают их позициям. Когда Хакими предложил выехать в Москву, чтобы ослабить напряженность в ирано-советских отношениях, Советы публично объявили, что не вступят с ним в переговоры;

единственным человеком, с которым они были готовы договариваться, был Кавам¹²⁴.

Между тем на англичан это произвело значительно большее впечатление. Они расценили попытку Хакими добиться примирения с Советским Союзом как угрозу своему положению в Иране. Британский посол Буллард доказывал, что «истинной причиной нынешнего распада стала сверхцентрализация», и воскрешал старую политику, выступая за создание на юге автономных районов под британской опекой, что согласовалось с советским контролем над северными провинциями. После отказа Советов в Ялте и Потсдаме обсуждать вопрос о выводе их войск из Ирана англичане поняли, что те намерены остаться¹²⁵.

Британский министр иностранных дел Эрнест Бевин попытался, по совету Булларда, осуществить де-факто раздел Ирана, предложив создать Тройственную комиссию, через которую Великобритания, Соединенные Штаты и Советский Союз будут назначать правительства провинций на отведенных каждому из них территориях¹²⁶. Ослабление британского могущества вынуждало британских государственных деятелей предпринимать активные усилия, чтобы ради защиты своих собственных интересов добиться участия США в делах Ирана. Изменение баланса сил заставило обе стороны более благожелательно отнестись к этой идее. На Московской конференции министров иностранных дел, состоявшейся в декабре 1945 г., они совместно предложили учредить Тройственную комиссию. Создание комиссии, целью которой было установление контроля великих держав над иранскими провинциями, грозило низвести их до положения протекторатов. Мосаддык ясно понимал эту опасность. Он говорил в Четырнадцатом мэджлисе: «В тот день, когда три великие державы начнут проводить единую политику, Иран перестанет быть независимым государством»¹²⁷. Молотов отказался участвовать в работе комиссии, заявив протест по поводу того, что иранские представители не присутствуют на конференции. Целью творцов советской внешней политики продолжал быть сильный, единый, независимый Иран.

Подобно своему предшественнику Чичерину, Молотов в первую очередь заботился о том, чтобы ослабить западное влияние в Иране. Хотя эту политику в немалой степени формировала идеология, чрезвычайно важную роль играли и стратегические соображения, требовавшие сохранения Ирана в качестве нейтрального буфера между Советским Союзом и Западом. Кроме того, настаивая на представительстве Ирана и отказываясь рассматривать вопрос о Тройственной комиссии, Советы завоевывали в Иране популярность. Если бы они избрали участие в ней, это дало бы им

полное дипломатическое оправдание для включения в свою сферу влияния не только Азербайджана и Курдистана, но и всего северного Ирана. И все же Советы отказались избрать такой вариант, почти так же как Ленин в начале 20-х годов отказался принять британское предложение возобновить переговоры о соглашении 1907 г. Из отказа Советов участвовать в работе комиссии следовало, что они не желают расчленять Иран. Вместе с тем их стремление поддержать революции в Азербайджане и Курдистане неизбежно должно было привести к переориентации тегеранского правительства. Советы ощущали все возрастающую враждебность с его стороны. Молотов и Сталин трудились над тем, чтобы добиться равновесия с Западом в независимом Иране¹²⁸. Советская политика в северном ярусе, характерной чертой которой было нежелание воскрешать политику «санитарного кордона», предусмотренного Саадабадским пактом, свидетельствовала о свойственной послевоенному Советскому Союзу озабоченности собственной безопасностью¹²⁹.

В то время как Молотов был чрезвычайно осторожен в отношении шагов, которые могли привести к разделу Ирана, правительство Советского Азербайджана с самого начала действовало более прямолинейно. Для Багирова поддержка революций в Азербайджане и Курдистане была чем-то большим, чем средством достижения равновесия. Будучи сам азербайджанцем, Багиров желал, чтобы обе революции привели к созданию автономных республик; однако его главной заботой был Азербайджан. Попытки Багирова подчинить революционный Мехабад Тебризу вызвали значительные национальные и политические трения между двумя революционными движениями¹³⁰. Хотя в советской политике в тот период не наблюдалось столь заметного отсутствия единства, как это было во время гиланского эпизода, различия во взглядах между Молотовым и Багировым были тем не менее велики. Сталин в конце концов встал на сторону министерства иностранных дел, но следует отметить, что он никогда не считал энтузиазм Багирова по поводу революции в Азербайджане чрезмерным.

Какими помог осуществить цели Тройственной комиссии, назначив на 20 декабря выборы в провинциальные советы. В январе, когда Би-Би-Си объявила о предстоящем формировании комиссии, Тегеран охватила паника. Мосаддык выразил Советам благодарность за отказ от участия в комиссии, но одновременно высказал опасение, что советская политика может измениться, если Тегеран не вступит в прямые переговоры с правительством СССР. Намерение Хакими обратиться в ООН и обвинить Советы во вмешательстве, предостерегал Мосаддык, лишь еще более отдалит их: «Если

мы не вступим в прямые переговоры с нашим северным соседом,— заявил он,— нам придет конец. Если же Тройственная комиссия соберется, Иран будет расчленен, как в 1907 г. У нас нет иного выбора, кроме как заменить Хакими таким премьером, которому будут рады в Москве»¹³¹. Он призвал Хакими уйти в отставку, с тем чтобы нейтралитет Ирана не оказался под подозрением¹³².

В конце января Хакими и в самом деле был заменен Кавамом, к которому наверняка обратился за помощью Мосаддык; Кавам немедленно объявил о намерении начать переговоры с СССР. План, состоявший в том, чтобы обвинить Советы во вмешательстве, был отложен. 18 февраля Кавам отправился в советскую столицу. Он дважды встретился со Сталиным и четырежды с Молотовым. Молотов предложил, чтобы Иран признал автономию северных провинций; Сталин рекомендовал Каваму начать проведение в Иране «глубоких социальных реформ», чтобы способствовать его историческому развитию¹³³, и создать буржуазно-реформистское правительство, которое будет содействовать дальнейшей социальной эволюции Ирана, как только страна ограничит западное влияние. Сталин также предложил, чтобы Иран учредил ирано-советскую нефтяную компанию, доля Ирана в которой составляла бы 49% и которая через 50 лет перешла бы в его полную собственность. По сравнению с ничтожной платой, которую Иран получал от АИНК, это были щедрые условия. Молотов заявил Каваму, что Россия эвакуирует свои войска из некоторых районов, начав вывод в марте, но что непременно условием для этого должен стать отказ иранского правительства от «враждебности» и «дискриминации» в отношении советского правительства¹³⁴. Советский Союз, стремившийся восстановить свою экономику, столь пострадавшую во время войны, был особенно озабочен безопасностью бакинских нефтепромыслов.

Хотя в Москве не было заключено никаких особых соглашений, отношения между Ираном и Советским Союзом стали значительно более сердечными. Кавам повторил заверения в том, что он желает восстановить равновесие в иранской внешней политике и что это значительно ослабит напряженность в отношениях между двумя правительствами: «Моя политика,— заявил он,— заключается в том, чтобы сохранить равновесие между Россией, Великобританией и Соединенными Штатами»¹³⁵. Советы, со своей стороны, заменили в должности посла несговорчивого Михаила Максимова на более покладистого Ивана Садчикова.

Переговоры о нефти и о выводе войск продолжались. Кавам еще раз выразил готовность рассмотреть вопрос о неф-

тяной концессии. Посол США Муррей следующим образом резюмировал позицию Кавама: «Он считает, что с точки зрения практической политики взаимопонимание с СССР относительно северной иранской нефти сильно запоздало. Он утверждает, что жалобы по поводу того, что Иран проводит в отношении СССР дискриминационную политику в пользу Англии, предоставив концессию АИНК, трудно опровергнуть... Он полагает... что передача этой концессии [Советскому Союзу] неизбежна»¹³⁶. Однако Кавам напомнил Советам, что меджлис, срок полномочий которого заканчивался, должен утверждать любую нефтяную концессию и что предыдущий меджлис принял закон, согласно которому выборы не могут быть проведены до тех пор, пока в стране находятся иностранные войска, Присутствие советских войск, таким образом, препятствовало заключению нефтяного соглашения.

4 апреля Советский Союз и Иран завершили переговоры. Было условлено, что Красная Армия будет выведена в течение шести недель начиная с 24 марта 1946 г., что будет учреждена совместная ирано-советская нефтяная компания и что азербайджанская революция будет трактоваться как внутреннее дело Ирана. Кризисная ситуация постепенно разрядилась. Вывод войск из северных районов начался в марте, и к 9 мая Красная Армия полностью покинула Иран. Ловкость Кавама, добившегося вывода советских войск, была настолько очевидной, что шах, никогда не числивший его в своих союзниках, был вынужден даровать ему звание «дженабе ашраф» — «его благородное превосходительство»¹³⁷.

Между тем Кавам предпринял ряд шагов во внутренней политике, целью которых было еще более успокоить Советский Союз. По возвращении из Москвы он объявил о намерении провести в Иране внутренние реформы, сохранив равновесие во внешней политике. Он арестовал нескольких пробританских политических деятелей, в том числе Сеида Зия, Джамала Имами и Али Дашти; закрыл десять правых газет; арестовал ярого врага Советов, бывшего начальника Генерального штаба генерала Арфа, обвинив его в том, что он вооружал шахсенов против правительства Тебриза; предоставил Туде полную свободу в проведении демонстраций и издании органов печати. 7 апреля он обещал ЦСОП, что профсоюзы смогут принять участие в устроенном правительством обсуждении трудовых вопросов, что он сократит рабочую неделю до 48 часов и сделает пятницу оплачиваемым выходным днем¹³⁸.

В тот же период Кавам вступил в переговоры с правительством демократов в Тебризе. В июне он достиг соглаше-

ния с ДПА, в соответствии с которым центральное правительство признавало национальное правительство Азербайджана в качестве своего провинциального совета, а национальное собрание, избранное в Тебризе, в качестве провинциальной ассамблеи. Назначенные ранее должностные лица должны были быть рекомендованы провинциальными советами и утверждены центральным правительством. Вооруженные революционные добровольцы были признаны в качестве местных сил безопасности. Было обещано и немало других уступок: две трети годового дохода Азербайджана должны были отныне тратиться на местные нужды; представительство Азербайджана в Пятнадцатом меджлисе должно было увеличиться пропорционально доле его жителей во всем населении Ирана; обучение в начальных школах должно было вестись на родных языках учащихся, в том числе на курдском, ассирийском, армянском и, конечно, азербайджанском. Была признана законной конфискация государственных земель, но решено было создать комиссию для рассмотрения жалоб помещиков, чьи земли были перераспределены. Ясно, что в результате помещики должны были по крайней мере получить компенсацию за потерянную собственность¹³⁹.

Курдская делегация также встретила с Кавамом; однако он сообщил ей, что Курдистан является частью Азербайджана и что поэтому курды должны вступить в переговоры с азербайджанцами. Он не возражал против их предложения образовать свою собственную провинцию в составе Ирана, но заявил им, что сначала следует добиться одобрения тебризского правительства. Кавам умышленно ухудшил отношения между двумя революционными правительствами¹⁴⁰.

Шах был против этих уступок. Как главнокомандующий он особенно возражал против присвоения иранских воинских званий азербайджанским революционерам. Молодой шах боялся, что Кавам воспользуется азербайджанским кризисом, чтобы провозгласить республику. Вследствие его настойчивости в использовании власти главнокомандующего между ним и премьер-министром разгорелась острая борьба¹⁴¹. Чтобы укрепить свои позиции против шаха и одновременно значительно уменьшить привлекательность Туде, Кавам 29 июня 1946 г. создал свою собственную политическую партию.

Партия Кавама, «Хезбе демократе Иран», Демократическая партия Ирана, выступала за широкие экономические, социальные и административные реформы, во многом сознательно копируя программы ДПА и Туде: она предлагала «радикально преобразовать силы безопасности», в том чис-

ле сократить численность армии, и призывала к четкому разделению законодательной, судебной и исполнительной властей, с тем чтобы усилить каждую из них. Эти предложения были прямо направлены против шаха. Предусматривалось предоставление права голоса женщинам, учреждение провинциальных энджуменов, поощрение развития здравоохранения и образования, особенно в сельских районах. В стремлении привлечь крестьянство была сделана попытка нажить капитал на отсутствии популярности Туде в сельских местностях. Мозаффар Фируз, ставший одним из ведущих министров в правительстве Кавама и одним из лидеров его партии, заявил, что «Демократическая партия оставляет рабочий класс в распоряжении Туде до тех пор, пока Туде оставляет крестьянство в распоряжении Демократической партии»¹⁴². Во внешней политике партия выступала за равенство членов «Большой тройки».

Хотя эта платформа завоевала популярность, Кавам пытался объединить столь разнородные элементы, что наблюдатели быстро разуверились в успехе партии. Наряду с принципами и феодалными ханами в нее вошли прогрессивные интеллигенты. Наряду с Фирузом, некогда союзником Сеида Зия, в партию вступили кадждарский принц Мохаммед Вали Фарманфарма; братья Зульфегари — феодалные помещики из Зенджана, боровшиеся против ДПА; Амини и его старший брат Аболькасем; Бахар — член прежней Демократической партии; Махмуд Махмуд — ветеран партии Хиабани; Хасан Арсанджани — молодой юрист, человек прогрессивных убеждений, будущий архитектор земельной реформы 1963 г., осуществленной при правительстве Али Амини. Такой союз был явно неработоспособен. Британский обозреватель Эдвардс писал вскоре после создания партии: «Это выглядело так, будто Кавам намеренно старался включить в свою команду как можно больше несовместимых элементов. Вероятно, он чувствовал, что не может себе позволить отказаться от своих сторонников из Старой Гвардии, которые представляли собой самую могущественную после Туде группировку в стране. Но, удерживая их, он вызывал враждебность у либеральных интеллектуалов, которым особенно неприятен был принц [Мозаффар] Фируз. Они не желали иметь никаких дел с партией, в которой он состоял, и с подобными ему партийными лидерами»¹⁴³.

Кавам продолжал готовить прогрессивные реформы; он учредил Высший экономический совет, который должен был разрабатывать планы помощи крестьянам, установить минимум заработной платы, обеспечить выполнение пятилетней программы, защиту национальной промышленности и прекращение изготовления опиума. Этим шагам, несомненно,

способствовало законодательство, аналогичное тому, которое ДПА приняла в Азербайджане. (Следует также отметить, что Кавам предписал совету подготовить план перераспределения земель короны — это был шаг, явно направленный на то, чтобы обуздать экономическую власть шаха¹⁴⁴.) В июле Кавам добился в Абадане соглашения с АИНК, тем самым показав Туде, что его правительство в самом деле действует в интересах рабочих и выступает за реформы. Это соглашение, явившееся реакцией на забастовку, организованную филиалом ЦСОП на нефтепромыслах Хузестана ради улучшения положения рабочих, было достигнуто делегацией, которую возглавлял принц Мозаффар Фируз. Туде приняла активное участие в переговорах и расценила это соглашение, гарантировавшее оплачиваемый выходной день в пятницу и фиксированный минимум заработной платы, как триумф. Хотя британские представители не сочли эти уступки чрезмерными, они были обеспокоены явным усилением Туде¹⁴⁵.

В августе Кавам без консультации с шахом принял решение лишить Туде статуса оппозиционной партии. Он пригласил трех членов Туде в состав кабинета: Кешаварз стал министром просвещения, Мортеза Язди — министром здравоохранения, Ирадж Искандари — министром торговли и промышленности. Аллаяр Салех, молодой судья, член партии «Иран», которая вместе с социалистами и левой партией «Дженгель» образовала единый фронт с Туде, стал министром юстиции. Мозаффар Фируз получил пост заместителя премьер-министра¹⁴⁶. Как объяснял Амини, эти шаги были предприняты, «во-первых, для того, чтобы ввести Туде в правительство и лишить ее статуса оппозиционной партии; во-вторых, как еще один примирительный жест в отношении Советского Союза; в-третьих, Кавам был убежден, что эти люди, особенно д-р Кешаварз, были „замечательными“ и нравственными личностями, чьи преданность делу и административные способности мало истребованы»¹⁴⁷. Так Кавам связал Туде с судьбой своего кабинета и заручился поддержкой этой партии для будущей борьбы против шаха. Кроме того, введя представителей Туде в правительство, Кавам предотвратил переход ее на сторону ДПА в продолжающемся споре между Тебризом и Тегераном¹⁴⁸.

Войдя в правительство, Туде руководствовалась теми же мотивами, что и ПКП, когда она в 1921 г. поддержала Реза-хана. Реформы Кавама, его конфликт с двором и его сбалансированная внешняя политика (с ее активным антибританским компонентом) убедили Туде, что участие в коалиции ускорит буржуазное развитие и тем самым ослабит империалистическое (особенно британское) влияние в Иране.

Участие в правительстве, решила Туде, укрепит позиции партии, защитив ее от репрессий, и позволит приступить к реформированию выделенных ей министерств. Печатный орган Туде «Рахбар» писал: «Причина, по которой мы вошли в правительство, состояла в том, чтобы сотрудничать с националистическими и демократическими элементами в правительстве, с тем чтобы мы смогли осуществить подлинные реформы и... поставить правительство на службу обществу»¹⁴⁹. Целью партии был, несомненно, единый фронт. К осени 1946 г. единый фронт, в который входила Туде, включал также ДПА и ДПК¹⁵⁰.

Некоторые американские политики выражали тревогу по поводу того, что союз Кавама с Туде представляет собой шаг в сторону установления советского господства над всем Ираном. По стратегическим, экономическим и политическим соображениям Соединенные Штаты стремились избежать такого исхода, кстати весьма возможного. Их не устраивала и вероятность того, что Великобритания и Советский Союз произведут раздел Ирана. В середине сентября угроза раздела Ирана еще больше усилилась. В Фарсе и Хузестане восстали кашкайцы; они захватили Бушир и Казерун, уничтожив гарнизоны и убив много мирных жителей. Члены племен называли свое движение «Нехзате джануб» — «Южное движение». Эта группировка требовала создания провинциального и местных советов в Фарсе, осуществления некоторых социальных реформ и увеличения своего представительства в парламенте, аналогичного тому, какого уже добился Азербайджан. Кашкайцы требовали также, чтобы из правительства были выведены члены Туде: «Народ Фарса заявляет, что в пределах одной и той же страны не должно быть дискриминации в пользу какой-то одной ее части»¹⁵¹. Это был явный намек на соглашения, заключенные Кавамом с Азербайджаном.

Англичане, естественно, поддержали восстание кашкайцев. Британский посол по-прежнему видел в британской опеке над южным Ираном наилучший выход из азербайджанского кризиса. Великобритания продолжала выступать за «особое внимание» к интересам южных провинций Ирана. В августе Би-Би-Си обсуждала вопрос об арабской автономии для Хузестана и о возможности передачи Хузестана Ираку. Примерно в это же время она сообщила о создании «Эттехадие Керманшах ва илате гарб», Конфедерации Керманшаха и западных племен, во главе с пробритански настроенным феодальным помещиком Гобаданом. Подобно «Южному движению», эта группировка требовала уступок от центрального правительства, аналогичных тем, которые уже получил Азербайджан¹⁵².

Историки спорят относительно роли Кавама в восстании южных племен. Разумеется, в публичных заявлениях он выражал к нему отвращение. Однако многие иранские государственные деятели, в их числе Амини и Шапур Бахтиар, говорили автору, что Кавам помог начать восстание, боясь, что поддержка (отныне политическая, а не военная), которую Советский Союз продолжал оказывать азербайджанским демократам, приведет де-факто к разделу Ирана. Восстание кашкейцев дало Каваму средство для достижения цели: несомненно, Советы должны были очень сильно желать ликвидации гегемонии Запада на юге, чтобы отказаться от перевеса, который они могли бы получить, поддерживая революционные движения на севере¹⁵³. Кавам использовал также угрозу раздела, которая, казалось, нависла над Ираном во время кашкайского восстания, как средство получить поддержку Соединенных Штатов против революций на севере. 29 сентября он сказал послу Аллену, что примирительная политика в отношении Азербайджана «не дала благоприятных результатов и лишь побудила другие части страны выдвинуть невыполнимые требования». Кавам просил Аллена дать более реальные гарантии предоставления американской помощи, с тем чтобы она была использована для «резкого изменения политики, основанного на требовании распространить иранский суверенитет на всю страну»¹⁵⁴.

Объединенный комитет начальников штабов США, в первые послевоенные годы еще игравший большую роль в формировании внешней политики, настоятельно рекомендовал обратить внимание на просьбу Кавама о предоставлении военной помощи. Стратегическое, экономическое и политическое значение Ирана велико, повторяли его члены. Иран имеет важнейшее стратегическое и экономическое значение как вследствие своего географического положения, поскольку он является воротами на богатый нефтью Средний Восток, так и благодаря своим собственным колоссальным нефтяным запасам: «Чтобы предотвратить советское нападение, которое при первом же ударе опустошит весь Средний Восток, включая район Суэц — Каир, очень важно сохранять максимальное количество амортизаторов... на пути возможного советского продвижения»¹⁵⁵. Очевидно, что главная задача Соединенных Штатов, имевших нефтяные интересы на Среднем Востоке, прежде всего в Саудовской Аравии, состояла в том, чтобы не позволить Советам заполучить запасы нефти¹⁵⁶. Раздел Ирана на советскую и британскую сферы влияния, утверждал комитет начальников штабов, со стратегической точки зрения будет означать огромное бедствие¹⁵⁷. Американская политика северного яруса обороны требовала существования в регионе сильных единых государств, кото-

рые должны были служить буфером между Востоком и Западом. Примечательно, что Советы, как говорилось выше, проводили в Иране и Афганистане сходную политику. Однако американские и советские государственные деятели, казалось, и не подозревали об общности своих интересов. Каждый из них воспринимал другого как агрессора, пытающегося расчленить Иран или установить над ним политическое господство.

И политика США, и советская политика диктовались возникновением на Среднем Востоке «холодной» войны. Идеалистические мотивы, в том числе порожденные Атлантической хартией, рушились под прессом соображений Realpolitik¹⁵⁸. Однако Соединенные Штаты во внешней политике для достижения своих целей продолжали использовать идеалистическую тактику. По мнению Объединенного комитета начальников штабов, для поддержки Ирана имелись политические причины. Мнение о том, что Соединенные Штаты являются добровольным союзником Ирана, должно быть усилено: «Бесплатная помощь Соединенных Штатов иранским вооруженным силам, вероятно, будет способствовать защите стратегических интересов США на Ближнем и Среднем Востоке, ибо она создаст...у иранского правительства добрые чувства по отношению к Соединенным Штатам»¹⁵⁹. Взаимодействие реальных целей и идеалистической тактики явно ощущалось и в экономических отношениях США с Ираном, базировавшихся на принципе «открытых дверей»¹⁶⁰. В марте Кавам предложил послу Муррею, чтобы Соединенные Штаты получили нефтяную концессию в Белуджистане (юго-восточный Иран), аналогичную той, которая достанется Советам на севере. Это была часть продолжавшихся попыток Кавама укрепить американско-иранские отношения и ослабить британское влияние. Муррей выразил по этому поводу мало восторга, но государственный секретарь Джеймс Бирнс предупредил его, что необходимо сохранить образ Соединенных Штатов как идеалистической, незаинтересованной державы, после того, как их реалистические цели будут достигнуты¹⁶¹.

В ответ на просьбу Кавама о помощи (поддержанную Алленом) Соединенные Штаты, долгое время отделивавшиеся неопределенными ссылками на Атлантическую хартию, по совету Объединенного комитета начальников штабов наконец согласились предоставить Ирану существенную военную помощь. 18 октября 1946 г. государственный секретарь санкционировал предоставление в «разумных количествах» оружия и военного снаряжения, а также укрепление военных миссий США в Иране¹⁶². Эта поддержка имела для иранского правительства решающее значение при проведении воен-

ных операций против революционных режимов на севере. Таким образом, на долю США выпала та же роль, какую сыграли англичане в крахе гиллянской революции. Подобно Англии в 1921 г., Соединенные Штаты в 1946 г. стремились добиться внутренней стабильности Ирана, чтобы обеспечить свои собственные экономические интересы; это была прелюдия к «доктрине Трумэна», появившейся в марте 1947 г. Трумэн предложил Греции и Турции аналогичную значительную военную и экономическую помощь. Поскольку Англия перестала быть в регионе главной державой, американские политики пришли к выводу, что активное вовлечение США в его дела необходимо для сохранения баланса сил между Востоком и Западом¹⁶³. Соединенные Штаты стремились, подобно Англии в период между двумя мировыми войнами, укрепить правительства в северном ярусе в качестве барьеров против падавшего советского экспансионизма. Доктрина Трумэна и была формальным началом вовлечения США в дела Среднего Востока.

Соединенные Штаты были озабочены тем, чтобы сохранить в Иране независимое правительство. Одно время казалось, что эту функцию сможет выполнить Демократическая партия Кавама. Однако борьба фракций в самой Демократической партии и явное желание Кавама убогатить Советы вскоре убедили американских представителей в том, что для укрепления центрального правительства Ирана необходимо поддержать двор, нередко находившийся в плохих отношениях с премьер-министром. Как заметил британский обозреватель Эдвардс, оказание поддержки иранским независимым либералам, включая Кавама, было рискованным делом: «Либеральные интеллигенты, бесспорно, входят в число лучших людей Персии. Но они не организованы. У них нет собственной партии. У них нет ничего определенного»¹⁶⁴. Между тем шах в тот момент представлял собой реальную силу; как еще в сентябре 1944 г. отметил посол Леланд Моррис, «вполне возможно, что усиление его власти станет одним из путей выхода из внутривнутриполитических затруднений, в результате чего эта страна обретет себя. Несомненно одно: явная слабость на вершине власти должна быть ликвидирована либо руками шаха, либо возвышением сильной личности»¹⁶⁵. Соединенные Штаты мечтали о сильном человеке, о таком, какого Англия получила в начале 1920-х годов. Вследствие недовольства второго монарха из династии Пехлеви временным союзом Кавама с Туде его цели совпали с целями Соединенных Штатов.

В октябре Кавам поддержал призыв Туде о проведении выборов в ближайшем будущем, несмотря на существование автономных правительств в Азербайджане и Курдистане и

на волнения южных племен, что делало эти выборы, по словам американских представителей, «фарсом»¹⁶⁶. Шах, убежденный, что США поддержат его, потребовал, чтобы Кавам порвал с Туде. Кавам дал согласие и 19 октября реформировал свой кабинет, не включив в него ни представителей Туде, ни членов партии «Иран», ни принца Мозаффера Фируза. Фируз был назначен послом в Москву; в Тегеране было введено военное положение, деятельность Туде запрещена. Как заметил шах, было похоже, что премьер почувствовал облегчение, избавившись от Туде¹⁶⁷.

Кавам, к тому времени убедившийся, что помощь США близка, приступил к осуществлению плана разгрома северных революций. Советы продолжали оказывать политическую поддержку Азербайджану и Курдистану, но под воздействием роста американских обязательств, данных центральному правительству, Кавам почувствовал себя достаточно уверенным, чтобы двинуть войска на север¹⁶⁸.

Военной операцией руководил генерал Али Размара, благодаря женитьбе ставший родственником принца Мозаффера Фируза, человек, на которого в бытность его начальником военного училища большое впечатление произвел Хосров Рузбех и который был назначен на пост начальника Генерального штаба после того как отличился на Курдистанском фронте в первые месяцы восстания. Будучи личным врагом близкого ко двору генерала Арфа, Размара поддерживал тесные связи с военной организацией Туде, хотя они, судя по всему, объяснялись скорее соображениями государственной политики, чем идеологией¹⁶⁹; Размара использовал эту организацию, чтобы завоевать политическую власть, почти так же как Реза-хан добился увеличения своего могущества путем подавления гялянской революции. Даже во время военной кампании молодой шах испытывал тревогу в связи с усилением Размары¹⁷⁰, хотя генерал был ему крайне необходим в ситуации, когда шаху требовалась безусловная поддержка от вооруженных сил, чтобы подтвердить свой контроль над правительством. Молодой монарх из династии Пехлеви опирался на Размару в апреле 1947 г., когда установил контроль над управлявшимся Демократической партией профсоюзом и арестовал лидера ЦСОП Резу Руста¹⁷¹.

Выборы в Пятнадцатый меджлис состоялись в то время, когда центральное правительство восстанавливало свою власть над северными провинциями. В июне 1946 г. новый парламент наконец собрался (табл. 7.2). Туде бойкотировала выборы, и большинство получила слабая Демократическая партия Кавама. Двор, Кавам и Размара соревновались во время выборов в фальсификации, чтобы провести своих кандидатов, но все проведенные ими в меджлис политики

оказались слабохарактерными людьми, и можно было ожидать, что они подчинятся тому, кто будет обладать большей властью.

Неудивительно, что демократы приняли решение голосовать не единым блоком, а в соответствии со своими личными убеждениями; демократы, принадлежавшие к консервативному крылу партии, дезертировали и голосовали вместе с дворцовой группировкой.

Когда в октябре Кавам представил наконец на рассмотрение меджлиса предложение о советско-иранском сотрудничестве в добыче нефти, большинство демократов проголосовало против него. Поскольку напряженность в ирано-советских отношениях к тому времени ослабла, Кавам, по-видимому, отнесся к этому с известным безразличием; теперь он выступал за более «негативную» форму равновесия, при которой будет ограничено британское и советское влияние в Иране и увеличена вовлеченность США непосредственно в экономические и политические дела. Переговоры с американскими фирмами-консультантами относительно предоставления помощи Ирану были частью семилетнего плана экономического развития, объявленного Кавамом 25 октября 1946 г. Было подписано соглашение о том, что иранская армия пригласит военных советников США, причем особо оговаривалось, что иранское правительство должно получить разрешение Соединенных Штатов, прежде чем нанять военных советников — граждан других стран¹⁷².

Таблица 7.2

Состав Пятнадцатого меджлиса

Социальная группа	Численность	Процент к итогу
Крупные помещики	62	46
Промышленники	10	8
Крупные купцы	10	8
Бывшие министры и бывшие государственные служащие	22	17
Адвокаты, журналисты, другие представители интеллигенции	28	21
Всего . . .	132	100

Источник: газета «Разм», 1948, № 3.— Цит. по: Камбакиш А. Назари. Т. 2, с. 22.

Когда предоставление нефтяной концессии было громко отвергнуто меджлисом, двор почувствовал, что он в силах отстранить Кавама от власти. Кавам лишился всякой международной поддержки — исходила ли она от Советского

Союза или Соединенных Штатов,— которую когда-то имел. Он отказался от поддержки со стороны левых, когда в октябре 1946 г. выступил против Туде, а в декабре предпринял наступление против Азербайджана и Курдистана. Его собственная политическая партия быстро распадалась, в то время как двор и Размара становились все сильнее. 12 декабря 1946 г. революционные правительства Тебриза и Мехабда, ослабленные внутренними раздорами, пали под натиском превосходящих сил центрального правительства, вооруженных американцами. Когда в декабре 1947 г. двор потребовал отстранения премьер-министра от власти, Кавам вследствие давления, оказанного Размарой на депутатов, не смог получить вотум доверия¹⁷³.

Англо-американо-советское соперничество в Иране продолжалось. Советы боялись, что американские военные советники, приглашенные Кавамом, добьются присоединения Ирана к Организации Североатлантического Договора (НАТО). В этой ситуации Советы надеялись, что Размара как начальник Генерального штаба сумеет предотвратить участие Ирана в этом и других антисоветских пактах. Подобно Реза-шаху, Размара апеллировал ко всем трем великим державам; все они приветствовали его, надеясь, что он сохранит Иран в качестве независимого буферного государства и что это ограничит возможность для других держав установить гегемонию над этим регионом¹⁷⁴. В 1950 г. Размара использовал молчаливую поддержку Туде, чтобы получить пост премьер-министра. Некоторые руководители Туде, большей частью из партийной военной организации, надеялись, что помощь, оказанная Размаре, облегчит борьбу против двора. Они считали, что Размара — буржуазный демократ и центрист, который поведет Иран по пути социальных перемен. Тут явно просматривается прямая параллель с поддержкой, которую ПКП оказала Реза-хану в его борьбе против Каджаров¹⁷⁵.

Возникновение «холодной» войны и поляризация международных отношений включили внутривосточную ситуацию в Иране в более широкий контекст глобальных изменений и не позволили трактовать революционные движения на севере как чисто местный феномен. Подобное развитие событий наблюдалось и в 1921 г., но размах глобального соперничества стал теперь несравненно больше. Почти как в 1921 г., реалистическая британская внешняя политика старалась защитить британские интересы. Однако в конце 40-х годов для значительно ослабленной Англии возможность выбора была ограничена: ей оставалось либо положиться на военную мощь Соединенных Штатов для защиты своих интересов против Советов, либо поделить Иран с Советами или с обе-

ими великими державами. Единый Иран под британской опекой — такой вариант отныне стал невозможен.

Соединенные Штаты играли куда более значительную роль во время кризиса 1946 г., чем в гиланском эпизоде. Может быть, оттого, что США стали крупнейшей западной державой, их цели на Среднем Востоке все более становились тем, что именуется «политическими реальностями». Их главная задача состояла в том, чтобы защитить свои нефтяные интересы в Саудовской Аравии и не дать Советам завладеть иранской нефтью. Чтобы сохранить буферную зону между Советским Союзом и Персидским заливом, Соединенные Штаты поддерживали сильное центральное правительство в Тегеране. «Доктрина Трумэна» распространила эту политику на весь северный ярус. Экономические факторы были, по-видимому, лишь частью более широких военно-стратегических интересов. С развитием «холодной» войны важнейшим направлением внешней политики США стало установление контроля над энергетическими ресурсами.

Внешняя политика Советского Союза была такой же, как и в 1921 г. Советы поддержали революции в северном Иране как средство усиления центрального правительства, с тем чтобы оно отказалось от своей прозападной политики в пользу более сбалансированной. Как и в 1921 г., Советы вывели свои войска, когда их цель, казалась, была достигнута. Истощение революционного потенциала в Азербайджане, а особенно отчуждение крестьянства привели к тому, что оно горячо поддержало решение Советов о выводе войск ¹⁷⁶. (Это обстоятельство будет более подробно рассмотрено в следующей главе.) Нет сомнений, что «холодная» война между Советским Союзом и Западом ускорила под воздействием кризисов в северном Иране, которые отнюдь не побуждали одну сторону относиться с доверием к намерениям другой. В своей речи о «железном занавесе», произнесенной 5 марта 1946 г. в Фултоне, штат Миссури, бывший премьер-министр Черчилль заявил: «Турция и Персия глубоко взволнованы и обеспокоены требованиями, предъявленными им, и давлением, которое оказывает на них московское правительство» ¹⁷⁷. Запад явно начал относиться к Советскому Союзу как к экспансионистской державе. Советы, со своей стороны, сочли, что Запад создает враждебное окружение ¹⁷⁸, и участие США в решении проблемы Азербайджана лишь увеличило их страх. В знаменитой речи, произнесенной в сентябре 1947 г., соратник Сталина Андрей Жданов призвал к резкому усилению социалистического лагеря как крепости против бьющей в глаза враждебности Запада ¹⁷⁹. Безопасность Баку и Кавказа была насущно необходима для перестройки советской экономической структуры, кото-

рая в 1946 г. отражала не идею мирного сосуществования, а идею подготовки к возможной войне.

Тегеранское правительство, как и в дни, последовавшие за первой мировой войной, частично под влиянием событий в северном Иране двигалось от первоначальной пробританской позиции к защите принципа равновесия между Востоком и Западом. Подобно своему двойнику Моширу од-Доуле, действовавшему в те давние годы, Баят попытался установить равновесие и потерпел неудачу. Его преемником был пробританский политик Садр, который оттолкнул СССР почти так же, как это сделали наследники Мошира од-Доуле — Сепакдар и Сеид Зия. Хакими, подобно Сеиду Зия в 1921 г., официально сделал дружеские предложения Советскому Союзу; но, опять как у его двойника, его прежняя репутация пробританского деятеля возбудила подозрения у Советов. Кавам приходил к власти и тогда и сейчас и оба раза добивался вывода советских войск серией искусных примирительных жестов, которые хотя бы на время давали Советам равновесие, к чему те стремились. Когда иранские националисты избрали политику негативного равновесия, дабы избежать того, что они воспринимали как попытки Запада и Востока разделить Иран, стало возможным решение проблемы соперничества великих держав. Эта концепция обладала значительно большей притягательной силой, когда она была изложена Мосаддыком, чем в период гиланского кризиса, когда ее выдвинул Модаррес. Она стала объединяющим идеологическим фактором (может быть, единственным) для Национального фронта, созданного Мосаддыком. Вплоть до нынешнего дня идея равновесия, в позитивной или негативной форме, продолжает оказывать мощное влияние на различные иранские политические группировки и правительства.

Таким образом, в 1946 г., как и в 1921 г., Англия, Советский Союз, Соединенные Штаты и Иран во внешней политике взаимодействовали, с тем чтобы изменить ход революций в северном Иране. Тактика иранского премьера Кавама была удивительно схожа в обоих случаях; таким же были основные экономические, стратегические и идеологические интересы иностранных держав. Это объясняет, почему все заинтересованные великие державы в конечном счете поддержали Размару, как в свое время Реза-хана; каждая из них была уверена, что сильный независимый военный лидер будет служить ее интересам.

Однако к концу 40-х годов относительное могущество этих государств изменилось. Англия стала намного слабее, Соединенные Штаты начали играть главную роль, а Советский Союз, несмотря на опустошения, вызванные недавней

войной, действовал с позиции силы. В условиях нового соотношения сил на международной арене свобода действий Ирана была ограничена, причем не в период «мирного сосуществования», как в начале 20-х годов, а в период «холодной» войны между двумя сверхдержавами. В сочетании с внутренними проблемами в самих революционных движениях эти внешнеполитические условия дали возможность иранскому правительству разгромить революционные правительства.

АВТОНОМНЫЕ ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА: РАЗВИТИЕ И ГИБЕЛЬ

Демократы сделали в сто раз больше для Азербайджана, чем Реза-шах [за двадцать лет своего правления].

Азербайджанский купец — автору

Курды скорее будут управляться Тегераном, чем находиться в подчинении у Тебриза.

Хаджи Баба Шейх, премьер-министр Курдской республики (1946)

Хотя решающую роль в возникновении и исходе революций в северном Иране играла ситуация на международной арене, крах обоих правительств, почти не оказавших сопротивления, в декабре 1946 г. нельзя объяснить одними только глобальными причинами. Само развитие событий в Азербайджане и Курдистане способствовало гибели автономий.

Период умеренных реформ

Автономные правительства Азербайджана и Курдистана были официально сформированы зимой 1945/46 г. Оба они вначале состояли из людей, придерживавшихся самых разных взглядов и добивавшихся разных целей, и оба они поначалу выступали лишь за умеренные реформы. В ноябре 1946 г. Национальный конгресс Азербайджана, не добившись уступок от центрального правительства, призвал к союзу национального азербайджанского меджлиса. Обращаясь к участникам конгресса, Пишевари изложил умеренную программу: «После того как мы добьемся автономии, мы отдадим все свои силы благоденствию Азербайджана. Мы восстановим разрушенные города и деревни и сами построим много школ». Чтобы обеспечить себе народную поддержку, Пишевари добавил: «Мы примем во внимание то, что посоветует наш народ, и выбросим из нашей программы все, что будет отвергнуто нашим народом»¹.

12 декабря, после выборов, право участвовать в которых впервые в иранской истории получили все мужчины и жен-

щины, в Тебризе собрался азербайджанский меджлис; он избрал кабинет из десяти министров. Этот кабинет, в котором Пишевари, сам будучи мохаджером, занял посты премьер-министра и министра труда, включал и радикальные, и более умеренные элементы. Бирия, мохаджер, министр просвещения, был единственным членом кабинета, принадлежавшим к Туде. Джавид, умеренный мохаджер, стал министром внутренних дел; Кавиян, более радикальный мохаджер, — министром Народной армии. Остальные шесть постов (второстепенные министерства — юстиции, финансов, торговли и экономики, сельского хозяйства, здравоохранения, почты и телеграфа) были отданы уроженцам Иранского Азербайджана². Данешьян, радикальный мохаджер, стал заместителем министра Народной армии и получил контроль над милицией и федаями³. Сама милиция, вооруженная сила ДПА, возглавлялась мохаджерами и состояла преимущественно из крестьян, которые шли за Туде, до того как ДПА распустила провинциальное отделение этой партии⁴. Под руководством Данешьяна в подразделения федаев (а позднее в национальную армию) были назначены политические офицеры, которые должны были заниматься политическим воспитанием солдат⁵.

В тот период ДПА подчеркивала необходимость солидарности всех классов в борьбе за национальные права. Программа правительства предусматривала созыв местных и провинциальной ассамблей, принятие национального бюджета и превращение милиции в национальную армию. Она вводила обязательное бесплатное обучение — на тюркском языке, который был провозглашен государственным, — и создание университета. Была образована комиссия из 15 человек для написания конституции (эта работа так и не была закончена). Правительство должно было конфисковать и перераспределить земли, принадлежавшие государству и помещикам, покинувшим Азербайджан; учреждался сельскохозяйственный банк, который должен был предоставлять крестьянам кредиты для покупки конфискованной земли. Правительство обязалось оставить в неприкосновенности частную собственность и поощрять частную инициативу, «которая будет способствовать экономическому прогрессу нашей страны». Оно обещало издать законы о труде, бороться с безработицей, обратить особое внимание на здравоохранение и уважать права прочих национальностей, живших в Азербайджане, — «курдов, армян, ассирийцев и пр.». Автономия была провозглашена в следующих выражениях: «Национальное правительство Азербайджана признает центральное правительство и будет выполнять его решения до тех пор, пока оно не нарушит наше право на автономию»⁶.

Эта программа была рассчитана на то, чтобы привлечь все классы общества и создать для революции как можно более широкую социальную базу. Газета «Азербайджан» писала по этому поводу: «Партия Туде, ее программы и цели классово ориентированы, и поэтому она идентифицировалась с левыми тенденциями. Те, кто хочет присоединиться к Демократической партии [Азербайджана], должны придерживаться умеренных взглядов и поддерживать цели и лозунги Демократической партии»⁷. Эти «цели и лозунги» касались главным образом национальной идентичности Азербайджана. Пишевари писал, что автономия провинции была неминуема: «В тегеранских газетах утверждают, что если бы они обратили внимание на наши проблемы, этого движения не было бы. Но это неправда... У Азербайджана есть свой собственный язык, обычаи, история и национальная идентичность»⁸.

Административные реформы нового режима включали создание провинциального аппарата управления, полностью очищенного от старого персидского чиновничества. Пишевари понимал, что трудно найти квалифицированных администраторов-азербайджанцев⁹ но, по словам британского консула, попытки правительства решить административную проблему были успешными: «В целом должностные лица, принадлежащие к Демократической партии, хотя им и не хватает лоска, которым отличались некоторые старые персидские чиновники, производят на меня впечатление людей, обладающих умом и практическим опытом. Они увлечены своими собственными местными делами и, несомненно, являются более способными муниципальными администраторами, чем чиновники, в прошлом присылавшиеся Тегераном»¹⁰. Был принят закон, объявивший взяточничество тяжчайшим преступлением; безжалостная борьба с коррупцией привела к установлению в Азербайджане беспрецедентного порядка и законности¹¹.

Начатые правительством обширные социальные реформы — от учреждения Тебризского университета, первого университета, построенного за пределами Тегерана, и предоставления государственных стипендий неимущим студентам до создания широкой сети средних и начальных школ (из расчета одна школа на деревню) — были чрезвычайно популярны. Всего были открыты 82 новые средние школы и 325 начальных школ. Для борьбы с неграмотностью в деревнях и городах были разработаны программы обучения взрослых. Состояние здравоохранения, недовольство которым выражал в Четырнадцатом меджлисе Пишевари, значительно улучшилось: азербайджанские демократы построили современную больницу, создали передвижные клиники, особое внимание

обратили на санитарию; установили оборудование для очистки воды и провели водопровод во все дома Тебриза; развернули борьбу с проституцией и наркоманией, используя как запретительные, так и реабилитационные меры. В Тебризе начала работать радиостанция, там же была создана система общественного транспорта; деятельность содержащихся на средства правительства драматических и музыкальных театров способствовала развитию азербайджанской культуры; расцвела азербайджанская литература¹².

Экономические реформы правительства касались всех классов, имевших отношение к труду, сельскому хозяйству и торговле. Закон о труде, принятый азербайджанским меджлисом в мае 1946 г., обещал гарантированный минимум заработной платы, 8-часовой рабочий день и шестидневную рабочую неделю, полуторакратную оплату за сверхурочную работу, оплачиваемый отпуск и создание курсов по ликвидации неграмотности для тех рабочих, кто не умел ни читать, ни писать. Азербайджанское правительство ввело в практику заключение коллективных договоров между работающими по найму и работодателями, начало борьбу с безработицей путем осуществления программы общественных работ, в рамках которой многие улицы Тебриза покрывались асфальтом¹³.

Наибольшую выгоду от аграрной реформы получили безземельные мигрирующие сельскохозяйственные рабочие. Земля распределялась в зависимости от степени нужды; многодетные семьи получили наиболее крупные земельные участки. Для крестьян было сделано и много других нововведений. Азербайджанское правительство увеличило их долю урожая и учредило избираемые крестьянами сельские советы для наблюдения за проведением земельной реформы, для урегулирования споров между помещиками и крестьянами, а также для оказания помощи последним в решении финансовых проблем. Правительство передало амбары и запасы воды, традиционно контролировавшиеся помещиками, в распоряжение крестьян. ДПА взяла в свои руки крестьянские советы, сформированные Туде, и использовала их как центры политического воспитания, через которые правительство могло бы помогать крестьянам. Эти прогрессивные программы во много раз увеличили поддержку, оказываемую крестьянами революционному режиму¹⁴.

Правительство взяло на себя в значительной степени руководство коммерческой жизнью провинции, национализировав более крупные банки, в том числе сельскохозяйственный банк, и используя их фонды для осуществления многих программ. В ответ центральное правительство подвергло Азербайджан экономическому бойкоту. Однако народное хо-

зайство провинции продолжало функционировать. Революционное правительство, желая восстановить нормальные экономические отношения, выпустило собственные деньги. Оно конфисковало фабрики, владельцы которых уехали или сопротивлялись введению прогрессивных законов о труде, а затем снова открыло их, стремясь создать благоприятные возможности для бизнеса. Цены на основные предметы потребления жестко контролировались, а те люди, которые их тайно накапливали, сурово наказывались. Было введено рacionamento продуктов и товаров. По словам члена Верховного суда США Уильяма О. Дугласа, посетившего этот регион после падения тебризского правительства, «Пишевари обещал, что стоимость жизни уменьшится на 40%; так и произошло»¹⁵.

Административные, социальные и экономические реформы революционного правительства были, как признавал американский консул, чрезвычайно популярны¹⁶. Крестьяне и рабочие, а также торговцы поддерживали тебризское правительство и ДПА (табл. 8.1). Основания для поддержки, оказывавшейся крестьянами и рабочими, очевидны; торговцы же и предприниматели поддерживали правительство потому, что в своей умеренной фазе азербайджанская автономия была и в их интересах. Она устранила все созданные центральным правительством помехи для торговли с Советским Союзом, а также с другими частями Ирана, установила законность и порядок, отсутствовавшие с тех пор, как здесь рухнула власть центрального правительства¹⁷.

Первоначально в дополнение к межклассовому сотрудничеству в северном Иране возникло сотрудничество между различными национальными группами. В октябре 1945 г. курды, ассирийцы и армяне помогли ДПА захватить г. Мирандоаб. Единственным крупным центром конфронтации между федаями и силами центрального правительства оказался г. Резайе с его многонациональным населением. Там, по словам британского консула, «впервые в истории Резайе, омраченной многочисленными убийствами на национальной и религиозной почве, курды, азербайджанцы, ассирийцы и армяне сражались бок о бок против общего врага»¹⁸. К несчастью, это сотрудничество оказалось недолговечным. В декабре в состав азербайджанского меджлиса вошли пять курдских делегатов, в том числе Саифе Казии, двоюродный брат Казии Мохаммеда. Как явствовало из решения меджлиса о предоставлении прав меньшинствам, живущим в Азербайджане, Курдистан был признан частью Азербайджана. Курды, однако, с этим не согласились; после трех сессий их депутаты вернулись из Тебриза, негодуя в связи с попыткой азербайджанцев добиться господства над Курди-

Таблица 81

Примерный состав ДПА, декабрь 1945 г. *

Социальная группа	Численность, тыс. человек	Процент к итогу
Крестьяне	56,0	74,7
Рабочие	6,0	8,0
Ремесленники	3,0	4,0
Торговцы	2,0	2,7
Интеллигенция	2,0	2,7
Помещики	0,5	0,7
Духовенство	0,1	0,1
Прочие	5,4	7,2
Всего	75,0	100,0

* Цифры округлены.

Источник: Иванов М. С. Тарихе новине Иран, с. 108; Азербайджан. 23.01.1946; *Радманеш Р.* Дар बारे пехватени 21 азар.— Донья. 6, № 4 (зима 1965 г.), с. 16. Песьян в «Марг буд базгашт хам буд» ссылается на Ибрагимова (Дар बारे джонбеше демократик мелли дар Азербайджан, с. 45).

станом¹⁹, где также было создано автономное правительство.

17 декабря курдский флаг («перевернутый» иранский флаг) был поднят над зданием министерства юстиции в Мехабаде, последним символом власти Тегерана на этой территории; 22 января 1946 г. Кази провозгласил образование автономной Курдской республики. В своей речи он подчеркнул религиозный и националистический характер нового режима.

В начале февраля, после консультаций между Кази и Центральным комитетом ДПК, было сформировано автономное курдское правительство. Кабинет, как и ДПК,— в противоположность правительству и партиям Азербайджана — состоял из лидеров социальных групп. И в ДПК, и в правительстве преобладали торговцы, помещики, вожди племен и духовные лица. Интеллигенты, выходцы из мелкой буржуазии, создавшие «Комоле», объединились с консервативными, даже феодальными, лидерами, которые в курдском обществе, во многом еще сохранявшем патриархальный характер, обладали огромным политическим влиянием²⁰. Как отмечает историк Хомаюнпур, кабинет составляли в большинстве своем «представители правящего класса. Определяющую роль играли там вожди племен»²¹. Кази стал президентом. Пост премьер-министра получил Хаджи Баба Шейх, некогда сподвижник Реза-хана, оказавшийся слабым руководителем; он незадолго до того присоединился к ДПК и был, по-видимому, предназначен для того, чтобы уравновесить

влияние представителей другой известной курдской семьи — Абдаррахмана и Исмаила Ага, двоюродных братьев Ильханизаде, которым были поручены соответственно министерства иностранных дел и путей сообщения. Члены семьи Ильханизаде, представлявшие племя дехбокри, были соперниками семьи Кази, и их включение в состав правительства было политической необходимостью. Военным министром стал Мохаммед Хосейн Саифе Кази; базари Ахмед Илахи, один из создателей «Комоле», претендовавших на место в правительстве, получил пост министра экономики. Другие ветераны «Комоле» были назначены министром просвещения, труда и юстиции²². Состав кабинета отражал раздробленность и патриархальность курдского общества с его преданностью семье и соперничеством; он также иллюстрировал ограниченные возможности городских националистов, таких, как создатели «Комоле», стремившихся в подобной ситуации добиться власти. В Азербайджане мохаджеры возглавили столь важные министерства, как министерства внутренних дел и Народной армии, а также захватили пост премьер-министра; местные националисты получили менее важные посты. В Курдистане «первые семейства» и вожди племен обрели посты, аналогичные тем, которые в Азербайджане были заняты мохаджерами, и тем самым ослабили влияние националистов из «Комоле».

Военное министерство осуществляло свою власть путем консультаций с племенами, которые представляли собой основную вооруженную силу молодой Курдской республики. Важную роль в этом отношении играли племена шаккак и херки, однако еще большим влиянием пользовалась новая для данного региона сила — возглавлявшееся муллой Мустафой племя барзан, которое незадолго до этого бежало в Иранский Курдистан после неудачного восстания в Ираке, в котором оно действовало в союзе с партией «Хева». Местные племена относились к барзанцам как к чужакам и радикалам и враждовали с ними. Присутствие барзанцев, которые своим влиянием на военные дела и радикализмом были весьма похожи на азербайджанских мохаджеров, усилило племенную раздробленность Курдистана.

Неудивительно, что вследствие преобладания в составе кабинета консервативных элементов консервативной была и правительственная программа. Как отмечает Парвиз Хомаюнпур, «режим сохранял практически феодальный характер. Его экономические и политические цели были консервативны»²³. Курдское правительство никогда не стремилось к социальным и экономическим переменам; вместо этого оно призывало к автономии для курдов в составе иранского государства; к созданию местных энджуменов для надзора за

государственными делами; избранию местных администраторов из курдского населения; введению обучения на курдском языке. Вместе с тем оно гарантировало права меньшинств — «персов, азербайджанцев, армян, ассирийцев и др.». К религиозным меньшинствам также была проявлена терпимость; правительство разрешило 30 еврейским семьям в Мехабате основать свою школу и вести там преподавание на древнееврейском языке. Подобно тебризскому правительству власти Мехабата делали упор на развитие здравоохранения, образования, на развертывание общественных работ. Они открыли новые школы и под личным руководством Казии разработали план создания в Мехабате курдской национальной библиотеки²⁴. Тот факт, что на центральном полотнище курдского флага было помещено перо в обрамлении снопов пшеницы, подчеркивал жизненную важность образования и сельского хозяйства, двух сфер деятельности, находившихся в пренебрежении при правительстве Реза-шаха.

Главной экономической реформой, начатой в Курдской республике, было урегулирование отношений между помещиками и крестьянами²⁵. За недолгое время своего пребывания у власти правительство предпринимало максимум усилий для осуществления относительно прогрессивной националистической программы, предусматривавшей увеличение крестьянской доли урожая. Стремясь к развитию экономики, оно образовало компанию «Шеркате таракие Курдистан» («Компанию курдского прогресса»).

С помощью театра и печати новая республика пыталась внушить курдам национальную гордость и добиться единства племен. Спектакли связывали традиционную культуру с курдским национализмом, возвеличивая Курдистан и черня центральное правительство, особенно шаха. В ДПК была создана женская секция, возглавлявшаяся женой Казии; теперь женщины могли участвовать в национальной борьбе²⁶. На курдском языке издавались газеты, в том числе «Курдистан» и женская газета «Халала» («Тюльпан»). «Курдистан», выходивший в многорасовом урбанизированном Резае, время от времени публиковал даже статьи, содержавшие марксистский анализ событий. Так, 8 мая 1946 г. в этой газете была напечатана статья «Курд ва шуреш» («Курды и революция»), автор которой охарактеризовал курдскую революцию как антибуржуазную по происхождению. Он крайне неодобрительно отозвался о классовой структуре Ирана и Курдистана: «Правительство Ирана находится в руках грязных буржуазных эксплуататоров, которые издавна эксплуатировали трудящиеся массы и продолжают делать это и сегодня. Курдская революция началась для того, чтобы уничтожить угнетательскую буржуазию, которая эксплуатирует

курдские трудящиеся массы, рабочих и крестьян Курдистана». Далее в статье критиковалась феодальная структура общества в самом Курдистане. Эта точка зрения, выражавшая, конечно, мнение меньшинства, иллюстрирует расхождения в политической культуре городской интеллигенции и вождей племен. По словам члена молодежной секции ДПК, действовавшей в тот период, более свободный интеллектуальный климат в Резае, появление которого стало возможным благодаря связям с Азербайджаном и Ираком, сделал многих молодых курдов — жителей этого города более радикально настроенными, чем их ровесников в остальных районах этой провинции²⁷.

И все же курдские газеты того времени чаще апеллировали к умеренным курдам, их фразеология отражала патриархальный, традиционно мусульманский характер общества. Например, обращаясь к Кази, они постоянно именовали его «пишва» — «вождь».

Ни один человек из любого социального слоя не желал отказываться от автономии, которую этот регион случайно обрел во время оккупации страны союзниками, и не желал возвращения к репрессиям центрального правительства. Все дорожили свободой, позволявшей им говорить на родном языке, носить национальную одежду и следовать традиционным обычаям. Автономная Курдская республика обещала курдам право заниматься всеми видами деятельности, пока это будет на пользу многим социальным группам; это дало помещикам и вождям племен голос в их собственном правительстве, это дало базари надежду, что торговля с Советской Россией, возобновившаяся после крушения централизованной экономики Реза-шаха, предоставит им хозяйственную независимость. В этом курдский торговый класс походил на своего азербайджанского двойника²⁸.

Хотя курды заключили тактический союз с Советами, это не избавило их от необходимости добиваться поддержки, откуда бы она ни исходила. В мае Кази попытался убедить Соединенные Штаты поддержать курдский национализм. Государственный департамент не откликнулся, но сама по себе попытка Кази добиться поддержки США показала, как консерватизм его правительства привел к противоречивым результатам при обращении к Советам как к союзнику²⁹.

Разногласия и сумятица

Несмотря на общие экономические интересы Курдистана и Азербайджана, взаимные территориальные претензии и национальная вражда создали трения между двумя прави-

тельствами. Все более возраставший радикализм тебризских властей вызывал враждебность в консервативном Курдистане, обостряя эти трения. С самого начала деятельности правительства Пишевари в нем существовала левая фракция, добивавшаяся усиления воинственности и перехода к социальной революции. Более умеренные элементы, преимущественно уроженцы Иранского Азербайджана, утверждали, что для успеха национально-демократической революции необходима сплоченность, и выступали за постепенный, реформистский подход к социальным переменам, с тем чтобы не растерять эту сплоченность. Пишевари пытался сохранить коалицию этих двух конфликтовавших групп, и, казалось, ему удалось добиться сочетания умеренности и воинственности. Как и умеренные, он мечтал о широкой социальной базе. Однако временами он характеризовал эту широкую социальную базу в Азербайджане как необходимый первый шаг к всеиранской революции, что вызывало одобрение воинственных лидеров ДПА. По словам заместителя премьер-министра Джаханшахлу, эта идея господствовала среди ядра руководящей группы: «Костяк Демократической партии Азербайджана, особенно ее руководство, т. е. большинство членов Центрального комитета, включая Пишевари, Кавияна и меня, состоял из членов прежней Коммунистической партии Ирана или [недавно обращенных] марксистов... Нашей конечной целью была рабочая революция. Мы использовали национальную революцию как тактический прием для достижения этой цели»³⁰.

Самые различные точки зрения существовали уже в предреволюционную осень, когда Пишевари резко критиковали в рядах ДПА: «Даже на всеобщем съезде партии некоторые ее члены обвиняли Центральный комитет в чрезмерном консерватизме, утверждая, что если мы не начнем демонстрировать свою силу, члены партии потеряют бодрый дух, и что если в ближайшее время не начнем действовать, реакционное центральное правительство уничтожит нас»³¹.

Согласно различным азербайджанским источникам, радикальными элементами, описанными Пишевари, были в основном мохаджеры с Кавказа. Полковник Сараб (псевдоним) сказал автору: «Местное азербайджанское население считало мохаджеров, хотя они и говорили по-азербайджански, чужаками». Лозунгом мохаджеров было «Смерть капиталистам, смерть помещикам»³². Неудивительно, что их политические взгляды, — выработанные под влиянием окружения на Советском Кавказе, — имели более четкую классовую окраску, чем мировоззрение азербайджанцев из Ирана.

26 января Пишевари объявил о слиянии местных милиций в национальную армию и ввел воинскую повинность в

попытке ограничить всевластие федаев. Вот что он говорил о связанных с их деятельностью эксцессах: «Не раз было замечено, что федаи превышали свои полномочия и вмешивались в дела правительства. Мы надеемся создать национальную армию и избавиться от таких случаев». Часть федаев должна была быть интегрирована в национальную армию, остальных вернули к прежним занятиям³³. Как сообщал американский консул в Тебризе Россоу, попытка ограничить власть федаев не уменьшила разлад между умеренными и радикалами. «Разногласия,— утверждал он,— распространились даже на внутреннюю структуру [правительства] и на партийный директорат к явному неудовольствию советских менторов»³⁴ (Россоу был уверен, что азербайджанская революция была результатом советского заговора). Естественно, что, желая использовать федаев, правительство восприняло некоторые ультрареволюционные лозунги; перед Народной армией была поставлена задача отнять Иран у «реакционных социальных сил»³⁵.

Туде направила офицеров, входивших в ее военную организацию, чтобы помочь сформировать новую национальную армию. Однако доверие так и не возникло между офицерами-федаями, в основном мохаджерами, и присланными из Тегерана персоязычными военными, которых считали чужаками и из-за их персидского происхождения, и вследствие их связей с Туде, базировавшейся в Тегеране. Федаи сопротивлялись реорганизации; под давлением федаев был заменен начальник штаба армии; первого начальника штаба Народной армии, полковника Азери, направленного в Азербайджан всенной организацией Туде, Пишевари сместил за его отказ войти в состав ДПА; давнишний личный антагонизм между Пишевари и лидерами Туде привлек к нему симпатии федаев³⁶. В этой атмосфере нестабильности, когда федаи остались самым надежным элементом вооруженных сил, они сохранили в огромной степени свои силы и независимость. Комитет федаев продолжал существовать в армии в качестве независимого органа, занимающегося их делами³⁷. Постепенно федаи и воинственные мохаджеры завоевывали все большую власть. Вывод советских войск, сначала из Тебриза, а затем, к началу мая, из всего Азербайджана, заставил радикалов отбросить сдержанность, подобно тому как это произошло после отъезда таких лидеров, как Орджоникидзе, во время пилянских событий. 5 апреля Россоу сообщал, что «ослабление партийной дисциплины» — по-видимому, в результате недавнего вывода советских войск из Тебриза — привело к вооружению «безответственных элементов»³⁸.

Террор, явившийся результатом сосредоточения власти в

руках радикалов, обрушился на помещиков, которые в первые месяцы революции помогали центральному правительству, на деятелей черного рынка и спекулянтов, которые противодействовали экономическому контролю или игнорировали его; позднее его мишенью стали и крестьяне, занимавшие сторону центрального правительства. Мохаджеры были страстными сторонниками земельной реформы, и те, кто мешал ее осуществлению, часто становились их жертвами³⁹. Общество делалось все более милитаризованным и дисциплинированным. То и дело повторявшиеся «пограничные инциденты», спровоцированные генералом Размарой и военным министром генералом Ахмедом Ахмеди, в сочетании с экономическим бойкотом, объявленным центральным правительством, создали в Азербайджане атмосферу осажденной крепости. Вся провинция была приведена в состояние боевой готовности: правительственные служащие занимались военной подготовкой; всем членам ДПА было предписано ежедневно три часа отдавать военной подготовке и быть готовыми защищать автономное правительство. Женщины также шли добровольцами в армию. В пограничных районах, таких, как Зенджан, партийные документы приказано было писать в стиле военных докладов, даже если они не касались военных вопросов⁴⁰. Правительство, как в свое время происходило в Гиляне, начало реквизировать продовольствие. Около 20% урожая было отнято у крестьян и примерно 70% — у помещиков. Попытки вывозить зерно из Азербайджана контрабандой карались смертью. Федан и крестьянские комитеты (в некоторых из них доминировали мохаджеры) осуществляли реквизиции, чтобы кормить городское население, армию и растущую бюрократию; плохой урожай в 1946 г. еще более ухудшил положение крестьян, что увеличило напряженность в отношениях между ними и городским населением, хотя на долю городских рабочих выпали те же тяготы. Правительство уменьшило размеры дотаций, получаемых рабочими государственных фабрик сверх заработной платы, вызвав тем самым сильное возмущение⁴¹.

Религиозные авторитеты в Куме выпустили фетву, провозгласившую священную войну против азербайджанских демократов. Под влиянием этой фетвы у чрезвычайно религиозных крестьян, испытывавших лишения, росла враждебность к автономному правительству и к его секуляристским программам политического воспитания. В некоторых районах, прежде всего в Зенджане и Ардебиле, религиозные авторитеты предупреждали крестьян, чтобы они не воспользовались земельной реформой азербайджанского правительства. В тех же районах, которые находились далеко от Тебриза и в которых духовенство сохранило доминирующее

влияние, крестьяне продолжали вносить помещикам арендную плату в соответствии с договорами, заключенными до революции. Происходили и столкновения с мохаджерами, осуществлявшими рыночное регулирование и проводившими реквизиции, что возмущало крестьян, зачастую лишь недавно ставших собственниками. К концу существования революционного режима деревни, раньше бывшие главной базой автономного правительства, находились на грани восстания⁴². Крестьяне все горячее жаждали прихода войск центрального правительства. В результате те, кто получил выгоды от земельной реформы, часто возвращали землю прежним владельцам, чтобы избежать будущих репрессий и чтобы избавиться от обременительных требований тебризского правительства⁴³.

Радикализм левых встревожил и средние классы; их интересам, естественно, угрожало усиление власти мохаджеров, часть которых ратовала за социальную революцию; их беспокоили также слухи о том, что радикалы в ДПА выступают за объединение Иранского Азербайджана с Советским Азербайджаном⁴⁴. Находясь под сильным влиянием религиозных элементов, поскольку базар был тесно связан с духовенством, средние классы все больше воспринимали образ ДПА таким, каким его рисовало духовенство, т. е. враждебным исламу⁴⁵. Буржуазию пугала и неспособность тебризского правительства поддерживать нормальное денежное обращение. Многие базары, раньше вставшие на сторону ДПА, были в панике и пытались перевести свою собственность в Тегеран и другие части страны. Пишевари отмечал: «Много купцов-изменников перевело большую часть своих денег и товаров в Тегеран, и базар опустел. Мы пытались остановить этот процесс; однако наступил временный экономический кризис», который, по словам Пишевари, не позволил правительству собрать налоги, необходимые для проведения дальнейших реформ. Премьер предложил заключить договоры с иностранными государствами, чтобы снова направить поток капиталов в Азербайджан, что позволит обеспечить финансовую безопасность купцам и помещикам и восстановить «единство, которое дало нам возможность завоевать политическую власть»⁴⁶. Однако прежнее единство так никогда и не вернулось.

После ухода Советов отношения с курдским правительством все более ухудшались. Советы помогли в первое время смягчить остроту споров между двумя правительствами и поощрили стороны к подписанию ими в апреле 1946 г. договора о сотрудничестве. По этому договору курдское и азербайджанское правительства признавали права этнических меньшинств в своих государствах и обещали оказать друг

другу военную помощь в случае нападения на одно из них. Однако самый главный опор — о границе между двумя автономными провинциями — так и не был решен; то же самое относилось и к вопросу об управлении городами с этнически неоднородным населением — Резайе, Миандоабом, Хоем. Азербайджанцы и курды воевали там друг с другом, причем ассирийцы и армяне, радикализированные дискриминационной политикой Реза-шаха, в этих конфликтах склонялись на сторону азербайджанского правительства. Союз христиан с радикальной ДПА увеличивал отчужденность консервативных курдов-мусульман. Споры по экономическим вопросам, особенно касавшиеся взимания налогов, усиливали взаимную антипатию двух правительств. Страх перед притязаниями Тебриза на политическое и экономическое господство в Курдистане переполнял руководство Курдской республики. Как было отмечено в предыдущей главе, Кавам старался увековечить этот сохранявшийся с давних пор национальный антагонизм⁴⁷.

В сентябре 1946 г. британский консул в Тебризе так подытожил ухудшение ситуации в автономном Азербайджане: «На всех фронтах демократы испытывают затруднения. Их финансовое положение безнадежно, активность курдов в Урмии (Резайе) держит их в состоянии неизвестности, в то время как иррегулярные силы, особенно шахсевены, снаряженные, по словам демократов, персидскими властями, противостоят федаям в Ардебиле. Планы провинциального правительства, касающиеся сбора зерна... встречают сопротивление и помещиков, и фермеров, а растрата налоговых сумм оставляет казну пустой... Нехватка хлеба становится более острой, и партии приходится бороться с населением, 90% которого либо враждебно, либо относится ко всему с полным безразличием. Торговля находится в упадке, так как люди, у которых есть хоть какие-то деньги, либо прячут их, либо переводят для безопасности в Тегеран»⁴⁸.

В Курдистане «разделение властей» существовало с момента создания республики. Там разногласия между соперничающими центрами власти носили скорее племенной или личный характер, чем идеологический, как это было в Азербайджане. Контроль, осуществлявшийся барзанцами над значительной частью вооруженных сил Мехабадской республики, сделал муллу Мустафу серьезным соперником Кази в осуществлении контроля над всем этим регионом. Армия Мехабадской республики представляла собой конгломерат ополчений племен под командованием их вождей. Любая военная акция, оборонительная или наступательная, предпринимавшаяся республикой, требовала санкции фактически всех вождей племен, включая племя барзан. Поскольку

большинство вождей терпеть не могли барзанцев, это оказывалось практически невозможным⁴⁹. Расколота администрация Кази продолжала проводить умеренную политику до самой своей «кончины». В феодальном и дофеодальном Курдистане распространение радикальных идей ограничивалось небольшими сегментами городского среднего класса.

Продолжавшийся автономизм революционных правительств вызвал охлаждение к ним либеральных кругов в Тегеране. Хотя многие люди в иранской столице с большой симпатией относились к прогрессивным реформам азербайджанского правительства, особенно к земельной, у них вызвало подозрения выдвинутое азербайджанцами и курдами требование национальной идентификации. Эти подозрения отражала статья Нушада в газете «Кейхан». «Будь я на месте Пишевари,— писал автор статьи,— вместо разговоров о независимости Азербайджана, об азербайджанской нации и турецком языке... я бы рассматривал вопрос об Азербайджане как дело не первостепенной важности; я бы отметил, что для меня нет различий между жителями Тебриза, Резае, Шираза...»⁵⁰.

Бахар, министр просвещения в кабинете Кавама, с едкой иронией обращался к ДПА: «Ваше утверждение, что азербайджанский язык является вашим родным языком и что поэтому он должен преподаваться в ваших школах, должно означать, что вы поддерживаете преподавание арабского языка в школах Хузестана, поскольку там говорят по-арабски. Если дети в Белуджистане говорят на белуджском языке, армяне — на армянском, курды — на курдском, лурцы — на лурском... и в каждом районе говорят на своем местном языке, можете вы себе представить анархию, с которой столкнется наша культура? Или, может быть, вы требуете, чтобы эта уступка была сделана только азербайджанцам?»⁵¹.

Следует напомнить, что Бахар высказывал аналогичную тревогу по поводу автономистских тенденций, характерных для революционных движений, возникших после первой мировой войны. Кесрави, сам по происхождению азербайджанец, написал известную книгу, в которой осуждал стремление провинций к автономии, явившееся результатом вакуума власти, возникшего после отречения Реза-шаха, и выражал страх по поводу того, что это может привести Иран к распаду: «По своей истории, языку, расовому типу [населения] Азербайджан никогда не отличался от остальных частей Ирана. Тюркский язык был навязан вторгшимися тюркскими племенами; он всегда был иностранным для Азербайджана»⁵². Кесрави так боялся распада государства, что даже защищал централизаторскую политику Реза-шаха. Опасения националистов усилились в связи с восстаниями в Ху-

зестане и Фарсе. Статья Нушада в «Кейхан» заканчивалась выговором: «Из-за вашей (Пишевари) деятельности теперь и Хузестан» говорит об автономии⁵³.

Молодой нетерпимый персидский национализм, даже представленный такими уважаемыми и образованными людьми, как Кесрави и Мосаддык, вернулся к идее сильного центрального правительства. Этому способствовала политика великих держав, пытавшихся воспользоваться региональными разногласиями, а также память о полном крахе власти Тегерана в период первой мировой войны. Кесрави и другие националистически настроенные интеллигенты продолжали стремиться к осуществлению языкового и культурного единства Ирана. К несчастью, их заявления вели к оскорбительным проявлениям персидского шовинизма вроде того, что было напечатано в выражавшей взгляды двора газете «Эттелаат»: «Стыдясь турецкого языка как позорного клейма, свидетельствующего об унижениях Ирана, страдавшего под пятой захватчиков-варваров, мы одновременно гордимся персидским как языком нашей богатой литературы, которая вносит щедрый вклад в мировую цивилизацию»⁵⁴.

Вначале симпатизировавшая прогрессивной социальной политике Пишевари и одобрявшая признание им конституционных принципов, партия «Иран», разделявшая националистические убеждения либералов, выражала все большее беспокойство по поводу автономизма ДПА. Авторы трех статей, опубликованных в декабре 1945 г. в партийном издании «Иране ма» («Наш Иран»), настаивали на необходимости признания фарси в качестве общего государственного языка и выступали против азербайджанского национализма как концепции, которая может привести к распаду Ирана. По мнению партии «Иран», Азербайджан объединяли с остальными частями Ирана общая история и общая литературная традиция, причем литература, объединявшая Иран, была создана на фарси⁵⁵. Карим Санджаби, резюмируя позицию партии «Иран» в отношении Азербайджана и Курдистана, говорил: «Наша партия глубоко уверена в том, что Иран составляют одна нация и одна раса и что он должен иметь единое сильное центральное правительство с централизованной местной администрацией и единой централизованной национальной армией. Он должен иметь единственный официальный язык. Иран должен оставаться неделимым»⁵⁶.

Туде также со все большей неприязнью относилась к автономным правительствам; этому способствовали личные трения Пишевари с руководством Туде. Однако вначале лидеры Туде старались замалчивать свои разногласия с ДПА, чтобы сохранить солидарность левых партий, надеясь, что события в Азербайджане смогут стать началом социальной

революции во всем Иране. Некоторые авторы — члены Туде отмечали, что поскольку азербайджанская автономия не противоречит конституции, ее следует уважать, как следует уважать и самостоятельную культуру и национальные черты азербайджанцев⁵⁷. Упор, который ДПА продолжала делать на местной автономии, разбил эти надежды. Лидеры Туде абсолютно не сочувствовали языковым требованиям азербайджанцев по причинам, общим для всех иранских националистов. В передовой статье, опубликованной в газете, руководимой партийным интеллектуалом (обычно эта газета выражала взгляды как левого крыла партии «Иран», так и левого крыла Туде), говорилось: «Мы понимаем, что наши братья в Азербайджане горячо преданы своему местному языку... Но мы надеемся, что эта преданность не столь велика, чтобы ослабить фарси, национальный и традиционный, передаваемый из поколения в поколение язык Государства»⁵⁸. В статье, напечатанной в мае 1946 г., Ованесян восхвалял многообразную деятельность ДПА, в том числе введение свободы для языковых и религиозных меньшинств, но утверждал, что азербайджанские демократы направляют свои революционные усилия на пользу всему государству, не ограничивая их своей провинцией⁵⁹.

В то время как Туде настаивала на культурном и политическом сюзеренитете Тегерана над Азербайджаном, ЦСОП этого не делал. Централизованный контроль над состоявшими в нем рабочими организациями полностью не был установлен, и потому ЦСОП во многом отражал взгляды своих провинциальных отделений. К тому же многие лидеры ЦСОП, включая Резу Руста, были азербайджанцами. Орган ЦСОП, «Зафер», выражал сочувствие азербайджанцам и курдам в связи с их языковыми обидами: «Признание азербайджанского языка официальным не ослабит единство Ирана... Но если мы откажемся принимать реальность и признавать существование азербайджанского языка, мы оттолкнем от себя значительное национальное меньшинство и тем самым разрушим Иран»⁶⁰.

Туде, подобно другим националистическим партиям того периода, относилась к азербайджанской революции как к проблеме, которую должно решить правительство. Поскольку Туде практиковала классовый подход, она интерпретировала «проблему» главным образом в экономических категориях, что вело к недооценке этнических аспектов. Партийный автор Анвар Хамси писал в «Рахбар», что языковой вопрос имеет второстепенное значение и что кризис был вызван в основном экономической и политической эксплуатацией, осуществлявшейся правящим классом⁶¹. Пишевари на обвинения в автономизме отвечал, что движение, возглавля-

емое ДПА, было неизбежно, несмотря на восстановление власти центрального правительства: «Азербайджанцев нельзя сравнивать с населением Хузестана, Хорасана или других частей Ирана. В широком смысле они — иранцы; но в специфическом смысле они — азербайджанцы. Вы не можете применять в Азербайджане политику, которая проводится в Хузестане... Азербайджан должен поддерживать свою специфичность; вы не можете навязывать чужой язык шестидесятилетнему азербайджанцу... Те, кто пытается изобразить наше движение в ином свете, совершают преступление»⁶².

Но не одни только этнические проблемы разделяли ДПА и Туде: последняя в тот период избрала реформизм, но тем не менее по-прежнему придерживалась классовой ориентации; первая же продолжала следовать путем национальной революции, не занимая четкой позиции по вопросу о классовой борьбе. В мае и июне, когда Пишевари и делегация ДПА вели в Тегеране переговоры с Кавамом, они имели также интенсивные контакты с Туде. На митинге, во время которого Туде и ДПА объявили о своей политике, расхождения между ними проявились с полной очевидностью. Радманеш предостерег ДПА, чтобы она не подвергала рабочее движение опасности раскола; он заявил, что «те, кто старается привлечь к себе и наемных тружеников, и работодателей, неизбежно потерпят неудачу... Первейший долг всех патриотов и лиц прогрессивных убеждений — признать единую организацию иранского рабочего класса и работать во имя дальнейших успехов рабочего движения»⁶³. Джавид, принадлежавший к правому крылу ДПА, защищал совершенно иную точку зрения. Единство классов, доказывал он, было необходимо для успеха революции: «Народ Азербайджана больше времени отдавал активной деятельности и меньше времени — теории. К счастью, его лидеры поняли, что должны добиться единства всех классов, так как его враги не делают различий между рабочими, землевладельцами, купцами и крестьянами»⁶⁴. Хотя в целом ДПА не придерживалась классовой ориентации, она, несомненно, была проникнута революционным духом. В тот период, когда Туде участвовала в работе парламента, поддерживая Кавама, и даже входила в состав правительства в стремлении укрепить свои позиции и способствовать проведению реформ, это не прекратило трений между двумя партиями. По словам члена молодежной организации ДПА, «Народная партия Ирана, согласно ее уставу, — парламентская партия. Она не в силах совершить революцию и осуществить социальные перемены. В то же время долг Демократической партии Азербайджана — добиться победы национально-демократической революции»⁶⁵.

Несмотря на то что этническая база революции находилась в Азербайджане, Пишевари и Данешьян выступали за распространение революции на всю страну: «Правительство страны должно стать правительством народных масс... С помощью всех остальных угнетенных масс Ирана мы освободим Иран»⁶⁶. Находясь в Тегеране, Пишевари настойчиво убеждал Туде в необходимости общенародного вооруженного восстания. Бозорг Алави возражал, утверждая, что любое подобное восстание в Тегеране или Исфахане будет немедленно подавлено армией, полицией, жандармами и вооруженными племенами⁶⁷. Соотношение сил явно склонялось в пользу постепенного, парламентского подхода к социальным изменениям, доказывали лидеры Туде. Когда представители Туде вошли в правительство Кавама, трения между ДПА и Туде стали более резко выраженными. В ноябре, после того как Туде была выведена из правительства, она и ДПА наскоро договорились о более тесном сотрудничестве друг с другом; но в декабре азербайджанское правительство пало, так что этот союз оказался недолговечным⁶⁸.

В то время как ДПА и Туде при всей сложности взаимоотношений по крайней мере держали открытыми каналы связи, ДПК не поддерживала никаких отношений с Туде. Лидеры ДПК с подозрением относились к секуляризму и классовой ориентации Туде, а Туде, в свою очередь, косо смотрела на ДПК с ее консервативной, племенной базой. Поэтому возможное сотрудничество между тремя партиями было практически невозможно. Расовые, идеологические и личные разногласия между этими организациями (и коли на то пошло, внутри каждой из них) препятствовали созданию дееспособного единого фронта. Различия в политических убеждениях партийных лидеров — персидских интеллигентов в Туде, воинственных мохаджеров в ДПА и консервативных членов курдских племен в ДПК — затрудняли проведение общей политики, а недостаток политического опыта, как писал автору Кешаварз, уравнивал силы лидеров: при диктатуре Реза-шаха не было условий, благоприятных для приобретения такого опыта. Последовавший в результате этого раскол, а также деятельность духовенства, все более энергично подстрекавшего народ к контрреволюционным выступлениям, способствовали краху революций в северном Иране⁶⁹.

В 1945—1946 гг. была создана организация «Федаяне эслам» («Преданные исламу»); в начале весны 1946 г. от рук ее членов погиб Кесрави — известный борец с религиозными предрассудками. В июне Кавам запретил издание печатного органа «Федаяне эслам» за призыв к проведению демонстраций с требованием принудительного возвращения чадры для женщин; в том же месяце он приказал аресто-

вать аятоллу Аболькасема Кашани, наставника Хомейни, за организацию антиправительственных демонстраций базари⁷⁰. Двор, нуждавшийся в союзниках против своих грозных врагов в парламенте и в революционном движении, поощрял улама. Во время азербайджанского кризиса шах присутствовал на получивших широкий отклик похоронах марджа-и таклида — главного аятоллы в шиитской религиозной иерархии. Туде также старалась расположить к себе духовенство. Статья, опубликованная по случаю годовщины убийства имама Али, восхваляла ислам как великую силу, угрожающую социальным и экономическим позициям работодателей и угнетателей на Аравийском полуострове. Даже начало деятельности автономного правительства Азербайджана не обошлось без ссылки на Коран⁷¹. Духовенство по-прежнему относилось с подозрением и к Туде, и к ДПА. Присутствие в обеих партиях большого числа христиан — армян и ассирийцев укрепляло убеждение духовенства, что эти организации проводят секуляристскую политику и потому представляют угрозу его политической власти. Многие улама выступали против Туде, несмотря на ее апелляцию к религиозным чувствам. В нескольких городах толпы фанатиков, возглавлявшиеся духовными лицами, напали на штаб-квартиры Туде и сожгли их. В Азербайджане, как уже упоминалось, была издана фетва, направленная против ДПА. К февралю 1946 г. местное духовенство уже нередко участвовало в оскорблениях и физических расправах над членами ДПА, которую они осуждали за атеизм⁷².

Крах революционных правительств

Как только гарантированная поддержка США дала Каваму уверенность, в которой он нуждался, чтобы мобилизовать армию против автономных правительств, они были обречены. Советские войска давно ушли, и цели Советов в Иране уже были достигнуты. Даже помощь, оказывавшаяся Багировым, намного сократилась вследствие все возрастающей непопулярности азербайджанского правительства. Прибытие правительственных войск было *coup de grâse**; революционные режимы уже рушились изнутри.

Самой главной причиной разложения азербайджанского режима изнутри был раскол в его руководстве. Радикальные мохаджеры, особенно Данешьян, выступавшие за социальную революцию и войну за свободу на всей территории Ира-

* Удар милосердия (фр.). Таким ударом рыцарь добивал смертельно раненного врага, чтобы прекратить его мучения.— *Примеч. пер.*

на, потеряли доверие простого народа. Умеренные азербайджанские националисты, в том числе Джавид и Шабистари, желали лишь автономии в составе Ирана; более воинственные мохаджеры ратовали за социальную революцию. Пишевари в конечном счете тяготел к радикалам, но политика режима никогда не была точно определена. Доверие масс режим завоевал, поощряя азербайджанский «национальный миф» и осуществляя прогрессивные социальные программы; однако оно постепенно уменьшалось по мере того, как возрастали экономические и политические трудности и усиливался террор. Неприятие правительственного контроля над ценами и реквизиций продовольствия побуждало средние классы и крестьянство все с большим пониманием реагировать на провозглашавшиеся духовенством призывы к священной войне против ДПА. Крестьян и базари отталкивала секуляристская пропаганда, хотя правительство избегало начинать открытую антиисламскую кампанию, подобную той, которую в свое время развязал Эхсанолла в Гиляне. И все же основную роль в неудаче попыток правительства сохранить свою массовую базу сыграли религия и социальные слои, усилившие влияние религии. Религия помогала также подстрекать консервативных шахсевенов к выступлению против тебризского правительства; как некогда гилянское правительство, тебризский режим испытывал постоянную тревогу в связи с позицией, занимаемой этим могущественным племенем⁷³.

В начале азербайджанской революции азербайджанцы, у которых еще была жива память об угнетении в годы правления Реза-шаха, обладали чрезвычайно сильным чувством национальной идентичности, что помогало Демократической партии добиваться успеха в деле мобилизации общественных сил. Однако отсутствие у движения общей идеологии постепенно ослабляло рвение революционных масс⁷⁴. В Курдистане социальное расслоение также делало затруднительным выживание революции. Там существовало значительное несоответствие между современным национализмом урбанизированных курдов Резайе и Мехабада и преданностью племени и роду, которая была свойственна крестьянам, помещикам, членам и вождям племен; верность роду была куда сильнее курдского национализма. Разделение Курдистана на неприязненно относящиеся друг к другу племена и личное соперничество вождей племен не позволили большинству курдов обрести надплеменное национальное чувство.

Хотя мехабадский режим получил поддержку народа, он не слился с массами: многие курды поддерживали правительство Кази просто потому, что вожди их племен были тесно связаны с ним.

Настойчивое желание тебризского правительства сохранить власть над Курдистаном сделало невозможным военное и политическое сотрудничество двух революционных правительств. Традиционный общинный антагонизм между курдами и азербайджанцами, усилившийся в результате репрессий при Реза-шахе, «делал любую попытку сотрудничества между двумя мятежными режимами недостижимой даже ради выживания»⁷⁵. В декабре 1946 г. оба революционных режима капитулировали перед центральным правительством. В Азербайджане Пишевари и Данешьян все еще подстрекали к сопротивлению, тогда как Джавид и Шабистари убеждали сдаться. При голосовании в провинциальном совете вторая точка зрения победила, и режим пал⁷⁶. Подобно группировке Хайдара в конце гиланской революции, ДПА не желала стать причиной гражданской войны в Иране, которая могла повлечь в нее великие державы. Военное вмешательство Советского Союза неминуемо подвергло бы опасности социалистическую базу и могло помешать окончательной победе революции в Азербайджане. После решения тебризского правительства о сдаче Джавид и Шабистари сохраняли видимость порядка, пока не прибыли войска тегеранского правительства. Пишевари, Данешьян, Бирия и многие другие лидеры ДПА бежали в Советский Союз⁷⁷.

Курды, потерявшие уверенность в себе после капитуляции азербайджанцев, также сдались без борьбы. Кази остался со своим народом, как некогда Кучек, и по приговору военного суда был казнен вместе со своим братом Садре Кази и двоюродным братом Саифе Кази. Преданность курдов своим племенам была просто поразительной. Курдское племя шаккак даже напало на Тебриз в отместку за капитуляцию азербайджанского правительства, и многие другие племена последовали его примеру. Часть племени барзан не сдалась, как Кази, и попыталась сражаться против центрального правительства без посторонней помощи. Пройдя через весь Ирак и вернувшись обратно — через весь Иран, она в конце концов нашла убежище в Советском Союзе⁷⁸.

В Азербайджане и Курдистане было введено военное положение. Особенно суровыми были репрессии в Азербайджане. Тысячи людей были убиты; во главе толп, жаждавших крови азербайджанских демократов, шли духовные лица; ассирийцы и армяне, поддерживавшие ДПА, подверглись массовой резне. Тысячи людей, заподозренных в сотрудничестве с ДПА, были депортированы в южный Иран, азербайджанский язык был объявлен «иностранным». Были запрещены издание печатной продукции на азербайджанском языке и его использование в системе народного образования. В последующие несколько лет экономическое поло-

жение в Азербайджане настолько ухудшилось, что народ открыто требовал возвращения Пишевари⁷⁹.

Падение тебризского и мехабадского правительств, а также проблемы, возникшие в ходе революций, вызывали острые разногласия в партии Туде. Воинственные члены партии были разочарованы тем, что революция не распространилась на весь Иран, у многих патриотов вызвало тревогу выдвинутое азербайджанским правительством требование автономии. Недовольство этих групп (частично совпадавших по составу) азербайджанской революцией и ее гибелью имело результатом массовое дезертирство из партии. В книге «До равеш барае ек хадаф» («Два подхода к одной и той же цели»), написанной сразу же после крушения азербайджанской революции, Малеки жестоко критиковал Туде за «недооценку националистических сил в социальной борьбе трудящихся». Описывая события в Азербайджане, он критиковал неудачу в использовании националистических сил и (хотя и не выражал этого явно) стремление партии найти опору в лице Советского Союза: «Когда бы мы ни критиковали партийное руководство, спрашивая: „Почему вы не берете власть? Почему вы заключаете союз с Кавамом?“ — мы всегда сталкивались с одним и тем же возражением: „Вы ослабляете интернациональный демократический фронт“»⁸⁰. Малеки ратовал за централизованное дисциплинированное руководство, считая его орудием, с помощью которого можно добиться политической власти. Малеки и его брат Хосейн Малик, а также остальные стойкие диссиденты, в том числе Джелал Але Ахмад (редактор ежемесячника «Намее мардом») и Анвар Хамай, образовали «Джамаяте сосналисте Туде Иран» — «Социалистическую группу Народной партии Ирана». Эта группа раскольников повторяла многие критические замечания по поводу тактики и организационной работы Туде и выступала за развитие экономики Ирана, с тем чтобы не допустить его порабощения империалистическими державами⁸¹. Предвосхитив свое исключение из партии, Малеки и другие сами отказались от членства в Туде⁸².

Ответом партии на эту волну критики и дезертирства были в организационном плане сдвиг в сторону левого крыла, а в идеологическом и тактическом — в сторону центра. В декабре 1946 г. пленум Центрального комитета избрал Временный исполнительный комитет (ВИК) и поручил ему реорганизовать партию, с тем чтобы приспособить ее к новым условиям борьбы. Новая партия, подобно старой, решила быть выразителем умеренных требований провинциальных отделений и языковых меньшинств и сохранить союз с СССР. Хотя Ахмед Гасеми, выступая от имени нового руко-

водства партии, резко осудил критиков, некоторые их предложения следовало использовать в партийной политике, если Туде хотела выжить в условиях усиления полицейских репрессий⁸³.

ВИК, а в 1948 г. и II съезд партии приняли решение о двойной стратегии. Туде намеревалась по-прежнему поддерживать конституцию и стараться возглавить борьбу масс против «угрозы новой диктатуры» и одновременно превращаться в более сплоченный военный отряд. Чтобы не допустить возврата фракционности, был усилен централизм; были также разработаны меры воздействия на тех недовольных членов партии, которые отказывались подчиняться решениям большинства. Эхсан Табари, динамичный лидер молодежной организации Туде, возглавил усилия, направленные на то, чтобы внушить членам партии необходимость идеологического единства⁸⁴.

Чтобы избавить партийную иерархию от дальнейшей критики, ВИК и новый Центральный комитет были составлены в основном из лиц, не игравших никакой роли в азербайджанских событиях. Многие прежние лидеры, в том числе Камбакш и Ирадж Искандари, бежали из страны, чтобы избежать карательных мер правительства, так что новое руководство просто не могло не появиться. Выдающееся место среди руководителей новой партии заняли Гасеми, Нураддин Кианури, профессор архитектуры в Тегеранском университете и зять принца Мозаффара Фируза, и Табари, один из «53-х»⁸⁵. В 1947 г. в статье под названием «Ганун чист? Ва чегуне беводжуд амад?» («Что такое закон? И как он был создан?») Гасеми пришел к выводу, что иранская конституция должна быть изменена. Смысл статьи заключался в том, что законная реформа как средство социальных перемен обладает такой же силой, как и революция⁸⁶.

Прежние политические союзы, в которые входила Туде, вместе со многими их участниками исчезли с гибелью Азербайджанской республики. Главной причиной нежелания бывших союзников Туде, включая партию «Иран», сотрудничать с нею была поддержка, которую она оказывала Советскому Союзу и азербайджанской революции⁸⁷. В поисках новых союзников, способных защитить партию от репрессий правительства, некоторые лидеры Туде, и среди них Кианури, установили более тесные связи с Размарой. После состоявшегося 4 февраля 1949 г. покушения на шаха, к которому были причастны и Размара и Туде, Размара объявил военное положение и арестовал своих потенциальных соперников, в том числе Кавама, Сейда Зия и аятоллу Кашани. Шахское правительство, оказавшись не в состоянии открыто выступить против Размары, возложило ответственность за покушение

на Туде и объявило ее вне закона; Размара, очевидно, принимал участие в устройстве побега членов Туде, оказавшихся в тюрьме в результате этой волны репрессий. Союз Туде с сильным человеком, каким был Размара, напоминал решение ПКП поддержать Реза-хана после разгрома гилянской революции⁸⁸.

Корни революций в Азербайджане и Курдистане лежали в обуревавшем их население остром чувстве отчуждения от центрального правительства в Тегеране. Подобно революции в Гиляне, революции в обеих северных провинциях вначале получили значительную поддержку и города, и деревни; усилившийся раскол в руководстве, как и среди населения, стал главной причиной развала их социальной базы. Различия в социальном происхождении обоих революционных лидеров и руководителей Туде затруднило, как это было и в Гиляне, идеологическое и тактическое сотрудничество между ними; во время северных революций, так же как и во время событий в Гиляне, разладу способствовали и личные трения, которые нельзя полностью объяснить идеологическими разногласиями. Нежелание радикальных элементов в Азербайджане учитывать местные культурные и религиозные традиции помешало попыткам лидеров добиться расположения масс. В Курдистане племенная раздробленность и отсутствие подлинной национальной идентификации воспрепятствовали сплочению людей на социальной основе. Эти внутренние неудачи в сочетании с неблагоприятными международными обстоятельствами и привели к разгрому революционных правительств.

Несмотря на неуспех двух революций 1945—1946 гг., многие их достижения не должны быть забыты. В Азербайджане была провозглашена долгожданная земельная реформа. Велась успешная борьба с коррупцией, причем использовались и методы убеждения, и суровые наказания. Впервые в иранской истории женщинам было предоставлено избирательное право. В сфере образования за один лишь год преобразования у власти Пишевари было сделано куда больше, чем за все время правления Реза-шаха; и сегодня функционируют университет и многие школы, открытые автономным правительством. Достижения режима в дорожном строительстве и в развитии средств связи являются надежными свидетельствами жизнеспособности, которой оно обладало на начальном этапе своего существования. В Курдистане достижения были менее впечатляющи; однако использование культуры для внушения чувства курдского национализма имело долговременный эффект. Нынешние курдские националистическое и революционное движения коренятся в том времени. Режим Кази заложил основы трансформации племенного национа-

лизма в современный национализм. Его экономические достижения, и прежде всего урегулирование отношений между помещиками и крестьянами, были скромны, но осязаемы. Кроме того, при мекхабадском правительстве курды приобрели некоторый административный опыт и впервые в новое время обрели самоуправление.

Как и в 20-х годах, коммунистическое движение в период существования автономных правительств и после их падения оказалось в замешательстве: фракции в Туде двигались влево; остальные ее члены заключили союз с сильным человеком, «реформатором» Размарой, чтобы предотвратить распад Ирана и способствовать социальным переменам. Как и в 20-х годах, сильный человек, рожденный кризисом, набирался сил, чтобы бросить вызов существующему правителю. Так же как в 20-х годах, за провалом революций последовали репрессии, диктатура и милитаризация.

В то время как прежний национализм был настолько неразвит и расплывчат, чтобы пойти за Реза-ханом, либеральный национализм, после азербайджанской революции ставший могущественной силой, оказался, хотя все еще и централистским, более антиавторитарным; либеральному национализму Мосаддыка было суждено оказать огромное влияние на Иран и на весь мир.

**ПОДЪЕМ ИРАНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА
И РЕФОРМЫ СВЕРХУ**

Если мы не осуществим реформы сверху, мы столкнемся с революцией снизу.

Мохаммед Реза Пехлеви (1949 г.)

Крупнейшим недостатком Национального фронта было отсутствие четкой идеологии и слабость организационной структуры.

Карим Санджаби — автору (1987 г.)

После разгрома северных революций иранские националисты продолжали стремиться к цели, провозглашенной в конституции: к созданию независимого Ирана с подлинно представительным правительством, откликающимся на мнение народа. Эта цель оставалась недостижимой: международное положение и ситуация в самой стране препятствовали ее осуществлению. Шах, опиравшийся на армию и на поддержку Соединенных Штатов, превратился в центр власти и в безуспешной попытке использовать реформистский импульс либерального национализма начал свою Белую революцию.

Размара у власти: 1948—1951 гг.

После состоявшегося в феврале 1949 г. покушения на его жизнь Мохаммед Реза-шах старался укрепить свои позиции. Он запретил деятельность Туде и выразил недовольство ограничениями, которые конституция налагала на его власть; чтобы ослабить эти ограничения, он созвал совещательное Учредительное собрание, составленное в основном из его сторонников. Стремясь завоевать поддержку духовенства, газета «Эттелаат», защищавшая интересы двора, объявила, что созыв собрания ни в коем случае не является оскорблением религиозных авторитетов или принципов. Отвечая на утверждение, что это неизбежно приведет к предоставлению женщинам избирательного права, Манучехр Эгбаль, ближайшее доверенное лицо шаха, отверг это предположение в грубой

форме¹. (Эти жесты свидетельствовали о возрождении могущества духовенства после ухода Реза-шаха.) Учредительное собрание приняло решение о создании сената с четырехлетним сроком полномочий, половина членов которого должна была назначаться шахом, и предоставила шаху право роспуска обеих палат парламента, т. е. право осуществления авторитарной процедуры, вызывавшей возмущение большинства виднейших политических деятелей Ирана. Хосейн Фатеми, журналист, происходивший из известной исфаханской семьи, получивший образование во Франции и ставший ближайшим сотрудником Мосаддыка, позднее описывал сенат как «законодательный орган, поддержанный старым правящим класом и учрежденный для того, чтобы возвести преграду на пути социальных перемен»². Мосаддык также выступал против Учредительного собрания и его решений; неодобрение, высказанное Кавамом, побудило шаха лишить его титула, дарованного ему вслед за выводом советских войск³.

Камнем преткновения для шаха, добивавшегося абсолютной власти, стал генерал Размара. После того как Кавам в конце 1947 г. оставил свой пост, Размара, занимавший должность начальника Генерального штаба, попытался манипулировать меджлисом и премьер-министрами. Он установил жесткий контроль над вооруженными силами; изъял жандармерию из подчинения министерству внутренних дел и перевел ее под свое командование; убрал с командных должностей офицеров, склонных стать на сторону шаха в его борьбе за власть. Деятельность генерала явно была направлена против шахских фаворитов в армии и правительстве. Размара открыто высмеивал планы шаха, в том числе его намерение увеличить численность армии⁴.

Размара остается загадочной фигурой; люди высказывали автору самые разные мнения о его целях. Некоторые полагали, что он хотел ликвидировать монархию и установить республику; другие утверждали, что он желал восстановить династию Каджаров; третьи описывали его как верного солдата, по мере своих сил служившего шаху⁵. В числе целей Размары были проведение важных экономических реформ: он хотел пересмотреть налоговую систему таким образом, чтобы землевладельцы и промышленники непременно выполняли свои налоговые обязательства; он желал широкого перераспределения земли. Его главными врагами были некомпетентность и коррупция. Без устранения экономических и социальных несправедливостей, которые, по его мнению, вели к росту активности коммунистов, использование силы для подавления Туде, чувствовал Размара, было бесполезно. Он выступал также за децентрализацию систе-

мы управления, имея в виду создание региональных энджуменов⁶.

Внутренние и внешние факторы благоприятствовали приходу Размары к власти: его реформизм завоевал ему поддержку со стороны некоторых элементов в Туде; он также принес ему поддержку США и СССР. Поскольку он выказывал готовность превратить Иран в прочный буфер между Востоком и Западом, обе стороны приветствовали его возвышение почти так же, как Англия и Советская Россия приветствовали Реза-шаха в 20-х годах. Государственный департамент США оценивал деятельность Размары с осторожным оптимизмом: «Если Размара станет премьер-министром, то лишь с твердым намерением занимать этот пост неопределенно долгое время... Даже если он умрет от перенапряжения через пять лет или будет убит, он осуществит некоторые желательные реформы. Опасность состоит в том, что... он может убить инициативу и независимость, как это сделал Реза-шах... Он, вероятно, не будет ни таким разрушителем, как Реза-шах, ни таким созидателем, как Атаджурк»⁷.

Правительство Трумэна, встревоженное докладами члена Верховного суда США Уильяма О. Дугласа о массовой коррупции в Иране и о нищете, царившей в сельскохозяйственных районах, сообщило шаху, что помощь США станет возможной лишь в том случае, если иранское правительство произведет чистку в собственном доме. Недавнее падение столь же коррумпированного националистического правительства в Китае побудило Соединенные Штаты проводить такую политику⁸. Шах с неохотой воспользовался помощью Размары в осуществлении внутренних реформ.

Монарх рассчитывал использовать возвышение Размары для того, чтобы отвести от себя обвинения в авторитаризме. 26 июня 1950 г., не проконсультировавшись с меджлисом, он назначил Размару премьер-министром. Посол США Генри Грэйди приветствовал это назначение, назвав Размару прогрессивным, динамичным лидером. Это приветствие, а также требование Размары, чтобы дополнительное соглашение с АИНК было ратифицировано парламентом, восстановило националистически настроенных политиков против нового премьера; кое-кто назвал его «британским агентом»⁹. Когда Размара нехотя согласился с шахским планом (никогда не реализованным) созвать второе Учредительное собрание, которое должно было предоставить правителю право вето, противники Размары в меджлисе, возглавлявшиеся Мосаддыком, сплотились еще теснее¹⁰. Шах добился успеха, переключив их ненависть с себя на Размару.

Тем временем Размара начал чистку в правительстве и запустил в действие экономическую и административную

реформу, которую отстаивал ранее. Он убрал с государственных постов почти всех бывших ведущих иранских политиков, в том числе многих политических партнеров Кавама; запретил Каваму занимать любые административные посты; провел законы, предусматривавшие распределение государственных земель среди крестьян и учреждение провинциальных собраний; смягчил меры подавления, направленные против Туде. Несмотря на поддержку, оказанную ему вначале Соединенными Штатами, он проводил все более просоветскую политику. Он подписал торговое соглашение с Советским Союзом и урегулировал все территориальные споры на русско-иранской границе. Он ограничил передвижение по стране американских военных советников, закрыл отделение «Голоса Америки» в Тегеране и уволил американских советников, наблюдавших за выполнением семилетнего народнохозяйственного плана. Он отказался включить Иран в прозападный военный пакт. В то время как некоторые из этих мер были направлены на то, чтобы восстановить равновесие в иранских международных делах, другие выглядели весьма просоветскими. Как утверждает сын Размары, события в Азербайджане убедили его отца в том, что для выживания Ирана необходимы тесные отношения с Советским Союзом¹¹. Явная симпатия Размары к Советскому Союзу привела к его падению, так как он потерял поддержку США и Англии. Старый слух о том, что он благосклонно относился к переходу власти в руки коммунистов, основанный, по-видимому, на том, что он женился на родственнице Кянури, обрел сегодня новых поклонников¹².

Особенно непримиримо выступал против подписанного Размарой торгового соглашения с Советским Союзом Мосаддык, считая, что оно возрождает опасную политику позитивного равновесия. Он также противился учреждению провинциальных собраний: ссылаясь на опасность распада государства, которую продемонстрировала революция в Азербайджане, Мосаддык заявил, что создание региональных энджуменов позволит великим державам расчленить Иран¹³. В то время как националисты были раздражены попыткой Размары добиться утверждения пробританского соглашения с АИНК и торгового соглашения с Советским Союзом, консервативное духовенство негодовало по поводу его близости к Туде. Аятолла Кашани (имевший личные причины ненавидеть генерала, поскольку Размара не раз сажал его в тюрьму) подстрекал «истинных мусульман и патриотически настроенных граждан сражаться против врагов ислама и Ирана» — намек на Размару не вызывал сомнений. 7 марта 1951 г. мусульманин-федай убил Размару. В столице воцарилось бурное веселье¹⁴.

Убийство Размары и последующие угрозы, исходившие от федаев, потрясли двор. В послании, направленном «Сыну Пехлеви», федаи требовали, чтобы правительство освободило убийцу; они восхваляли его как человека, который «в соответствии с требованиями исламских законов и именем Бога удалил прогнивший элемент с дороги мусульманского прогресса и нанес величайшее поражение грязной политике иностранных держав». Смерть была обещана всем руководителям властных структур — от шаха до депутатов меджлиса, если молодой федаи не будет освобожден и оправдан¹⁵. Исламский националистический пыл, который в конце концов прорвался в революции 1979 г., уже стал могущественной политической силой.

Мосаддык и Национальный фронт: 1951—1953 гг.

Национальный фронт, сформированный в 1949 г. как коалиция националистических групп и партий, представлял широкий спектр политических воззрений. После убийства Размары Национальный фронт, возглавлявшийся Мосаддыком, стал бесспорным наследником его власти. Основными целями фронта, согласно его первому уставу, принятому в 1950 г., были формирование сильного центрального националистического правительства, проведение свободных выборов и провозглашение свободы мысли и деятельности¹⁶. Непосредственной причиной его создания летом 1949 г. стала оппозиция дополнительному соглашению с АИНК. Называя будущее правительство «националистическим», фронт имел в виду, что оно будет осуществлять контроль над иранскими нефтяными ресурсами. Мосаддык считал негативное равновесие во внешней политике средством, которое обеспечит проведение в Иране свободных выборов; в то же самое время он рассматривал свободные выборы как средство, гарантирующее дальнейшее существование уже достигнутого негативного равновесия. АИНК уже давно стала символом политического и экономического подчинения Ирана Великобритании, и Национальный фронт был образован в первую очередь для того, чтобы оказать сопротивление этой компании¹⁷; его идеологической базой была доктрина Мосаддыка, предусматривавшая установление негативного равновесия в международных делах¹⁸. За исключением этого общего подхода к внешней политике, у групп, образовавших фронт, было мало общего и в организационной сфере, и в идеологии. В него входили и базари, т. е. представители традиционного религиозного среднего класса, и представители нового, светского среднего класса. Эти различия в происхождении поро-

дили у групп, составлявших Национальный фронт, разногласия в политических взглядах, распространившиеся на все стороны жизни¹⁹. Разделение на традиционный и новый классы можно было наблюдать во всем политическом спектре — среди правых, левых и в центре.

Созданное Кашани «Общество мусульманских воинов», состоявшее главным образом из молодежи, принадлежавшей к нижним слоям базари, представляло правое крыло религиозной партии. Харизматический лидер Кашани дал либеральному националисту Мосаддыку канал, через который тот мог влиять на массы. «Мусульманские воины» требовали следования шариату, отмены принятых при Реза-шахе секуляристских законов и защиты национальной промышленности; действовавшая совместно с ней организация «Федаяне эслам», формально не входившая в Национальный фронт, была более догматической и фундаменталистской²⁰.

Протофашистская Национальная партия, основанная студентом-правоведом Дариушем Форухаром, представляла светскую часть правого крыла Национального фронта. Партия с гордостью отстаивала свое происхождение от фашистского движения 30-х годов и требовала воссоединения с Бахрейном, Афганистаном и Кавказом. Вину за отсталость Ирана она возлагала на религиозные меньшинства, в первую очередь на свреев и бехаитов, а также на иностранные державы. Форухар стал первым министром труда после исламской революции²¹.

Центр Национального фронта включал партию «Иран» и Торговую ассоциацию базара. Британские дипломаты характеризовали Аллаяра Салеха, обычно считавшегося лидером партии «Иран», как «левака», симпатизировавшего раньше азербайджанской революции. В националистическом движении он уступал в популярности лишь Мосаддыку. Другой ведущей фигурой был Карим Санджаби, родом из Курдистана, пользовавшийся всеобщим уважением декан факультета в Тегеранском университете, выступавший за союз партии «Иран» с Туле. Позднее, во время революции 1979 г., вокруг него группировались либеральные националисты. С центром Национального фронта через Торговую ассоциацию и другие организации подобного рода были связаны многие мелкие и средние базари и ряд духовных лиц. В эту неопределенную категорию входил и Хосейн Макки, молодой историк из Йезда, связанный через жену узлами родства с одним из ведущих представителей духовенства; сюда же входили Мехди Базарган и Махмуд Талегани (позднее аятолла) — главные фигуры исламской революции²².

На левом фланге находилась численно небольшая «Хезбе захматкешане меллате Иран», «Партия трудящихся иран-

ского народа». Ее главной интеллектуальной силой был Халил Малеки, бывший член Туде. Его влияние распространялось на многих студентов Тегеранского университета и дало «Партии трудящихся», в отличие от остальных групп, входивших в Национальный фронт, четкую идеологию и социальную программу²³. Малеки, контролировавший партийные издания, критиковал интернациональный подход Туде к социализму (в соответствии с которым предпочтение во всем отдается Советскому Союзу) как противоречащий интересам Ирана²⁴. В «новаторское» крыло Малеки входил и Джелал Але Ахмад, также порвавший с Туде. Базари были представлены в «Партии трудящихся» ее лидером, получившим образование во Франции Мозаффаром Багаи, политическим деятелем, пользовавшимся значительной поддержкой в своем родном городе в Кермане; он оказывал влияние на многих жителей Кермана и керманских лавочников в Тегеране. Первое воззвание «Партии трудящихся» выражало поддержку как фаворитам базара Кашани и Макки, так и Мосаддыку²⁵. Таким образом, «Партия трудящихся», как и остальные группировки Национального фронта, представляла собой смесь элементов, принадлежавших к традиционному и новому средним классам. Эти элементы отдалились друг от друга во время бурных событий в эру Мосаддыка. Малеки в конце концов рассорился с Багаи и увел за собой своих сторонников.

Другие, менее организованные некоммунистические левые группы также присоединились к Национальному фронту, но Туде сначала оттолкнула их. Соперничество лидеров Туде с Малеки сделало невозможным их сотрудничество с «Партией трудящихся». И в самом деле, Туде предпочла сотрудничать с «Мусульманскими войсками» Кашани, а не с группой Малеки²⁶. После своего запрещения Туде отказалась от первоначальной приверженности конституционным принципам и от попыток добиться осуществления реформ легальными средствами; она с подозрением относилась к реформистам и недооценивала потенциал Национального фронта, способного превратиться в подлинно массовое движение²⁷. Однако успехи Национального фронта облегчили Туде создание организаций, служивших для нее прикрытием, и издание газет. Члены Национального фронта, в том числе Кашани и Шаеган, часто подписывали антиимпериалистические петиции, составленные этими организациями²⁸, что дало партии Туде опыт, который оказался необычайно ценным позднее — во время восстания 21 июля 1952 г.

В 1949 г. устроенные Национальным фронтом уличные демонстрации заставили правительство аннулировать результаты фальсифицированных выборов и провести новые. Во

время вторых, относительно свободных выборов Национальный фронт одержал внушительную победу в Тегеране, где активная партийная агитация способствовала повышению политического сознания населения. В провинциях люди были все еще в значительной степени политически индифферентны; провинциальные города, особенно Тебриз, население которых обладало более развитым политическим сознанием, Мосаддык оттолкнул своим неприятием провинциальной автономии. Эти факторы в сочетании с действиями армии и махинациями помещиков дали в провинциях победу кандидатам, защищавшим интересы двора.

Только 8 из 132 депутатов Шестнадцатого меджлиса, включая Мосаддыка, принадлежали к Национальному фронту. Остальные представляли собой аморфную смесь земельных аристократов и политиканов, являвшихся сторонниками двора. Эти люди, однако, придерживались принципа, который Ричард Коттам характеризует как «привычный для них обычай подчинения перед лицом превосходящих сил»²⁹. В данном случае «превосходящими силами» стало ясно выраженное общественное мнение, вскоре дружно занявшее сторону Мосаддыка. Настойчивое желание АИНК осуществлять контроль над иранской нефтью в условиях все более громких требований национализации довело национализм до точки кипения. Вот почему депутаты меджлиса, многие из которых в частном порядке выступали против Мосаддыка и национализации, в подавляющем большинстве голосовали за него как за премьера и все как один — за национализацию. 28 апреля 1951 г. только что избранному премьер-министру Мосаддыку было поручено выполнение закона о национализации нефти, который он ранее поддерживал³⁰. Его первое правительство состояло преимущественно из лиц, входивших в предыдущие правительства, причем некоторые из них в прошлом энергично выступали против него. Состав этого кабинета был попыткой убедить Запад и двор, что Мосаддык не являлся радикальным революционером³¹.

Вся деятельность Мосаддыка в первый год его пребывания у власти сосредоточилась вокруг нефтяного вопроса, и это дало Национальному фронту иллюзорную видимость солидарности. Идею о том, что в основе отношений Ирана с великими державами должен быть принцип негативного равновесия, что на практике означало проведение активной антибританской политики, разделяли все группировки, входившие в Национальный фронт. Отношения Ирана с Великобританией, как можно было ожидать, заметно ухудшились. Настойчивое желание англичан контролировать АИНК даже после национализации делало переговоры почти невозможными. Мосаддык искусно предотвратил возможное при-

менение англичанами силы в Абадане, напомнив им об ирано-советском договоре 1921 г.³² Однако погоня за негативным равновесием отнюдь не означала, что политика Мосаддыка стала просоветской: его правительство отклонило попытку продлить срок действия ирано-советского соглашения о рыболовстве в Каспийском море. Отношения между Ираном и Советским Союзом продолжали быть корректными, но иногда становились напряженными, так как Советы подозревали Мосаддыка в чрезмерных симпатиях к американцам³³.

Готовясь к национализации иранской нефти, Мосаддык попытался заручиться поддержкой США. Санджаби объяснял автору: «Вследствие существования лейбористского правительства в Англии и особенно правительства Трумэна в Вашингтоне, считали мы, сложилась благоприятная международная ситуация. Мы надеялись использовать ее, чтобы облегчить национализацию нефти»³⁴. При администрации Трумэна Соединенные Штаты занимали пассивную позицию в споре между Ираном и Англией; они не предоставили Ирану поддержку, на которую рассчитывал Национальный фронт. Туде расценивала «ухаживание» Мосаддыка за Соединенными Штатами и продолжающийся поток военной помощи США Ирану как доказательство того, что Национальный фронт проводил проамериканскую политику «третьей силы». После исламской революции Кианури заявил: «Д-р Мосаддык думал, что Америка непохожа на Англию или на Францию, поскольку у нее не было колониальной традиции»³⁵. Светский подход Мосаддыка к негативному равновесию уравнивался более религиозным подходом Кашани к той же цели. Внешнеполитическая программа Кашани, позднее ставшая краеугольным камнем идеологии исламской революции, включала тезис о «мусульманском блоке, который служит уравнивающим фактором между западным и восточным блоками»³⁶.

Двор попытался использовать администрацию Мосаддыка как клапан, через который должны были излиться националистические чувства, но эти чувства лишь усилились при Мосаддыке. Шах стал бояться, что премьер использует свою популярность, чтобы свергнуть его с престола и установить республику. Отношения между ними обострились до крайности. Во время выборов в Семнадцатый меджлис либеральный националист Мосаддык, проявив оригинальность, отказался манипулировать их результатами. Двор не проявил такой сдержанности; за пределами столицы армия и крупные землевладельцы манипулировали выборами, действуя в пользу двора. В Тегеране, где позиции Национального фронта были наиболее сильны и где манипуляции двора оказа-

лись неэффективны, был избран весь список кандидатов фронта. В Азербайджане, где народ выступал против Национального фронта (из-за его оппозиции провинциальной автономии), фронт потерпел сокрушительное поражение. Когда результаты выборов в Азербайджане и в районах, находившихся под контролем армии, стали известны, Мосаддык остановил выборы. Уже существовал кворум из 79 депутатов; в рамках этого кворума Национальный фронт имел незначительное большинство. Около трети составляли оппортунисты, занимавшие выжидательную позицию, и дюжина депутатов были верными сторонниками шаха³⁷.

События, связанные с выборами в Семнадцатый меджлис, убедили Мосаддыка, что существование его правительства зависит от того, будет ли ему принадлежать контроль над армией. Премьер потребовал предоставления ему права назначать заслуживающего доверия военного министра, в данном случае имея в виду себя самого. Шах отказал ему в этом, и в июле 1952 г. Мосаддык подал в отставку. Шах назначил премьером Кавама. Англичане считали, что Кавам охотнее, чем Мосаддык, пойдет на уступки в нефтяном вопросе; тот факт, что он поддержал английскую точку зрения, согласно которой закон о национализации не является приемлемой базой для урегулирования отношений с АИНК, подтвердил это мнение. Явно проанглийская политика Кавама оскорбила чувства иранцев, среди которых господствовали антибританские настроения³⁸.

Кашани, личный враг Кавама со времени азербайджанского кризиса, призвал народ к восстанию, чтобы изгнать его. По мнению Санджаби, этот призыв стал причиной восстания 21 июля. Главные забастовки вспыхнули в Тегеране и в других крупных городах. Восстание это стало известно под названием «кияме меллие сьетир», т. е. «национальная революция 21 июля». Харизматический лидер Кашани играл центральную роль в борьбе за возвращение Мосаддыка к власти, а многие группы, входившие в Национальный фронт, в том числе «Партия трудящихся», участвовали в уличных боях. Бесценную помощь оказала и Туде. Враг Туде писатель Фатех признавал, что Туде «играла важную роль, может быть, самую важную роль» в этом восстании³⁹. Решение Туде поддержать Мосаддыка, притом что прежде (и впоследствии) она питала противоречивые чувства по отношению к Национальному фронту, можно объяснить лишь ее враждебностью к Каваму. Среди тогдашних иранских политических деятелей Мосаддык был самым ярким противником двора и Англии⁴⁰. В совместной деятельности сторонников Кашани и членов Туде ярко проявились и могущество религии, и организационные способности коммунистов. Традици-

онный и новый средний классы по-прежнему объединенными силами поддерживали либерального националиста Мосаддыка.

Для борьбы с восстанием Кавам запросил диктаторских полномочий и передачи ему контроля над армией. Шах, вероятно опасавшийся Кавама не меньше, чем Мосаддыка, отказался. Кавам подал в отставку, и к власти вернулся Мосаддык⁴¹. Из-за всей этой неразберихи нефтяной вопрос оставался нерешенным, и правительство, как и вся страна, попали в тиски валютного кризиса. Поскольку правительство должно было платить заработную плату нефтяникам и содержать в исправности оборудование в условиях, когда нефть не продавалась, Мосаддык попытался создать «ненефтяную» экономику. Чтобы компенсировать потерю доходов от нефти, он поощрял самообеспеченность страны и сельскохозяйственный экспорт. Импорт и экспорт были сбалансированы — частично в результате квотирования импорта. Ставка на внутренний рынок лишила Мосаддыка поддержки компрадорской буржуазии; но Национальный фронт сохранил лояльность по отношению к базари, которые в первую очередь были связаны с внутренним рынком и которые выиграли от сбалансирования торговли, достигнутого правительством Национального фронта⁴². Возможности проведения реформ без доходов от нефти были у Мосаддыка, естественно, ограничены, но тем не менее он попытался осуществить реформы во многих областях. Была удвоена крестьянская доля урожая, запрещен неоплачиваемый труд крестьян на помещиков. Светские советники Мосаддыка предложили расширить право женщин на участие в выборах. Кашани страстно возражал против всех этих перемен⁴³.

Реформаторские усилия Мосаддыка в административной сфере имели целью не допустить его увольнения шахом, подобно происшедшему в июле 1952 г. В судебной системе, в военной области и в остальных сферах деятельности правительства Мосаддык проводил массовую чистку прошахских и проанглийских элементов. Он создал комиссию из восьми человек для надзора за исполнением шахом властных функций и навязал сопротивлявшемуся монарху нового министра двора. Однако он упорно отрицал, что хочет установить республику⁴⁴. Устроенные Мосаддыком чистки и начатые им реформы создали ему немало врагов. Идеологические разногласия между частями Национального фронта, представлявшими интересы традиционного и нового средних классов, достигли критической стадии. Явное сползание Мосаддыка влево и возродившееся при нем влияние Туде возбудили у базари подозрения, что он стал проводить прокоммунистический курс. В свете достигнутых при Мосадды-

Таблица 91

Иранский экспорт и импорт
в 1950—1953 гг., млн. риалов

Год	Импорт	Экспорт	Сальдо
1950	6243	3494	—2749
1951	7011	4319	—2692
1952	5031	5750	+719
1953	5324	8318	+2994

Источник: *Фатех М. Паиджах сале нафте Иран*, с. 644. В таблице принят иранский год, начинающийся в марте.

ке успехов в экономике (табл. 9.1) страхи базари явно имели под собой политическую подкладку.

Шамсе Конатабади, человек, близкий к Кашани, утверждал, что проведенные Мосаддыком чистки привели к замене истинных мусульман «атеистами, находящимися под контролем Кремля». Кашани отходил все дальше и дальше от Мосаддыка и в феврале 1953 г. вышел из Национального фронта. По словам Санджаби, отпадение Кашани «было страшным ударом для Национального фронта. Оно лишило Национальный фронт поддержки религиозных масс»⁴⁵. Любимый оратор базари Хосейн Макки также вышел из Национального фронта⁴⁶. Багаи, поддерживавший тесные связи с базари, порвал с Мосаддыком в октябре 1952 г. и изгнал Малеки из «Партии трудящихся» за выступления в защиту марксизма. Малекки создал свою собственную партию, «Третью силу», и убедил многих членов «Партии трудящихся» поддержать его намерение остаться в правительстве Мосаддыка.

В то время как Кашани нападал на Национальный фронт за реформы, напугавшие традиционное иранское общество, Туде критиковала чрезвычайную умеренность реформ, осуществлявшихся либеральными националистами. Газеты Туде называли Национальный фронт «организацией, представляющей собой сборище аристократов». Союз Мосаддыка с коммунистическим диссидентом Малекки лишь ухудшил отношения Национального фронта с коммунистами; печатные органы Туде обвинили Национальный фронт в том, что он разделяет «буржуазную идеологию» Малекки. Лидеры Туде требовали «классовой борьбы» и ругали Мосаддыка за его терпимость по отношению к шаху. Воспоминания о злополучном союзе, заключенном Кавамом в 1946 г. с Туде, все еще раздражали многих членов партии, и ее лидеры вовсе

не собирались повторять эту ошибку⁴⁷. Мосаддык имел законное право полностью запретить деятельность Туде, так как она все еще была нелегальной организацией, но он не воспользовался им. Его холодные отношения с двором и все усиливавшееся дезертирство из Национального фронта побуждали его разрешить существование Туде, чтобы создать противовес его врагам на правом фланге. Снова внутреннее равновесие оказалось тесно связано с внешнеполитическим: Туде была союзником Советского Союза, в то время как двор занимал сторону Запада⁴⁸.

Теряя первоначальную политическую базу своего движения, Мосаддык все активнее прибегал к авторитарным мерам. Ссылаясь на волю масс, он распустил сенат, а летом 1953 г. — меджлис. Это оттолкнуло от него консерваторов. Джамаль Имами, депутат меджлиса, всегда занимавший проанглийские позиции, заявил: «Он говорит, что „намеревается апеллировать к массам“... Он ведет страну к анархии»⁴⁹. Либеральные лидеры, в том числе Санджаби и Малеки, хотя и оставались лояльными политическими союзниками премьера, также выступали против роспуска парламента⁵⁰. Распустив меджлис, Мосаддык устранил единственный политический институт, стоявший между ним и шахом. Принимая участие в подготовке антимосаддыковского переворота, шах опирался на недовольство смещенных политических деятелей, функционеров и армейских офицеров. Уменьшение поддержки, которой Мосаддык обладал внутри страны, сделало переворот возможным. Санджаби перечислил способствовавшие этому внутренние факторы: «Нефтяной вопрос не был решен, так что мы не могли начать социальные и экономические реформы, в которых нуждался Иран. После июльского восстания возникли разногласия в Национальном фронте. В экономике и политике царила неизвестность; поэтому базар потерял энтузиазм, с которым он некогда встретил Мосаддыка»⁵¹.

Политика США в отношении Мосаддыка изменилась после прихода к власти Эйзенхауэра. Администрация Эйзенхауэра сочла явное усиление Туде свидетельством того, что правительство Мосаддыка укрепляет коммунистическое движение, а его отказ вступить в Багдадский пакт привел государственный департамент к убеждению, что Иран занимает антизападную позицию. В ситуации, существовавшей в тогдашнем мире, это было равнозначно признанию, что Иран проводит просоветскую политику. Поэтому новый президент США сухо отклонил высказанную Мосаддыком в мае 1953 г. просьбу о помощи в продаже нефти⁵², и Мосаддык потерял надежду на поддержку Соединенных Штатов. Смерть Сталина в марте 1953 г. и последовавшие за ней по-

стоянные изменения в советской внешней политике лишили Советский Союз роли противовеса в случае возможного натиска Запада на правительство Мосаддыка⁵³.

19 августа 1953 г. Мосаддык, осажденный внутренними и внешними врагами, был свергнут в результате государственного переворота, организованного совместными усилиями Центрального разведывательного управления США, британской разведывательной службы, шаха и генерала Захеда. Участие иностранных разведывательных служб в свержении Мосаддыка хорошо документировано⁵⁴. Когда Соединенные Штаты помогли наконец ослабить экономическое удушение Ирана Англией, произошло это отнюдь не в столь благоприятных условиях, в каких находились иранские националисты конституционной эры. Нефтяные компании США приобрели 40-процентную долю в новом нефтяном консорциуме, созданном правительством, пришедшим к власти после переворота (табл. 9.2). Вмешательство Соединенных Штатов в иранские дела еще сильнее подталкивало Иран к проведению односторонней, прозападной политики.

Таблица 9.2

Члены созданного в 1954 г.
нефтяного консорциума
и их доли участия

	Процент к итогу
Англо-иранская нефтяная компания	40
«Ройял Датч — Шелл»	14
Французская нефтяная компания	6
Нефтяные компании США: «Стандард Ойл оф Калифорния», «Стандард Ойл оф Нью-Джерси», «Тексако» и «Сокони Вакуум»	40

Источник: Речи Мосаддыка в Шестнадцатом меджлисе, с. 11—12.

Туде не поддержала Мосаддыка; партийные лидеры позднее объясняли свое бездействие тем, что Иран, еще находившийся на антиимпериалистической стадии политической борьбы, не был готов к буржуазно-демократической революции, так что Туде оказалась не в состоянии приобрести массовую базу среди рабочих и крестьян. Кроме того, добавляли они, во главе Национального фронта находилось не заслуживавшее доверия «буржуазное» руководство. Это указывало на трения между лидерами Туде и Мосаддыком, яр-

ко проявившиеся еще в 1944—1946 гг. во время нефтяного кризиса и азербайджанских событий⁵⁵.

Падение Мосаддыка было вызвано как внешними, так и внутренними причинами. Он не сумел понять, что в мировой политике произошла поляризация Запад — Восток, и, таким образом, стал жертвой своей политики негативного равновесия; он потерял политическую базу, которая могла сохранить ему власть. Как и во время гилянского и азербайджанского кризисов, главным фактором, определявшим состояние международных отношений Ирана, была нефть, и опять внешняя политика тесно переплелась с политикой внутри страны. И снова демократический эксперимент Ирана потерпел неудачу, приведя к военной диктатуре.

Военное правление: 1953—1959 гг.

После августовского переворота 1953 г. генерал Захеда был назначен на пост премьер-министра. Большинство наблюдателей в Иране и за границей ожидали, что он воспользуется своим новым положением, чтобы установить военную диктатуру. Однако вскоре шах отстранил Захеда и взял контроль над страной в свои руки. Все реформы мосаддыковской эры, в том числе предоставление крестьянам большей доли урожая, были отменены. Большинство армейских офицеров и государственных служащих, уволенных при Мосаддыке, были возвращены на свои посты; законодательство, ограничивавшее прерогативы шаха, было аннулировано; свобода слова, собраний и печати была существенно урезана. Шах и генерал Теймур Бахтиар, военный губернатор Тегерана, превратили Иран в полицейское государство.

Наибольшие жертвы в результате установления диктатуры понесла Туде; партия и легальные организации, под прикрытием которых она осуществляла свою деятельность, были разгромлены, их руководители брошены в тюрьмы или казнены. Из-за этих репрессий партия все больше полагалась на свою военную организацию, которая продолжала расширяться. Харизматический революционный руководитель этой организации, Хосров Рузбех, входил в состав исполнительного комитета Туде в период правления Мосаддыка, когда партия совершила сдвиг влево⁵⁶. Полковник Сиамак, участвовавший в деятельности военной организации ПКП еще до создания Туде, помогал Рузбеху в ее расширении; однако летом 1954 г. военная организация, разросшаяся к тому времени примерно до 600 офицеров из всех родов иранских вооруженных сил, была раскрыта правительством и разгромлена. Эта потеря была почти фатальным ударом

для Туде. Полиция Бахтиара одну за другой разоблачила остальные организации Туде и подавила их. К 1955 г. Туде была почти полностью уничтожена как организованная сила. Сиамак был казнен в 1954 г.; Хосров Рузбех, после многих побегов много раз находивший путь к спасению, был казнен в 1958 г.⁵⁷

После этой трагедии оставшиеся на свободе лидеры Туде, большей частью находившиеся за границей, подвергли пересмотру политику своей партии. На 4-м пленуме Центрального комитета Туде, состоявшемся в июле 1957 г. в Восточной Германии, партия выразила сожаление по поводу своей «неспособности понять природу буржуазного национализма и его антиимпериалистический потенциал», что «привело к принятию неверной тактики в отношении правительства Мосаддыка»⁵⁸. Отказ от «левого сектантства» был частью полной переориентации международного коммунистического движения в вопросе о роли буржуазии в национально-освободительном движении. Участившееся появление на мировой арене независимых или полунезависимых государств «третьего мира» стало главной проблемой для внешней политики Советского Союза и для тактики локальных коммунистических партий. В 1956 г. ведущий советский теоретик Е. М. Жуков сообщил XX съезду Коммунистической партии Советского Союза, что «поскольку крестьянство и пролетариат слабы, они обязаны выступать в союзе с национальной буржуазией». Это было возвращение к тактике, поддерживавшейся VII конгрессом Коминтерна, с упором на «третий мир»⁵⁹.

В 1959 г. на лейпцигском семинаре, посвященном национальной буржуазии и освободительным движениям в «третьем мире», была подчеркнута важность этих вопросов. Выступившие там иранские делегаты Кианури и Ирадж Искандари охарактеризовали ошибки, допущенные Туде при Мосаддыке, как результат «неверной оценки роли национальной буржуазии». Кианури писал: «Несмотря на свои слабые стороны, национальная буржуазия, в целом представляющая собой антиимпериалистическую и антифеодалную силу, может присоединиться к единому антиимпериалистическому фронту»⁶⁰. Эта оптимистическая оценка возможности создания единого фронта с буржуазными партиями сопровождалась обычными марксистскими оговорками. По словам Камбакша, хотя национальная буржуазия может бороться против империализма и иностранной реакции, ей одновременно свойственны «колебания и склонность к компромиссу, проистекающие из ее... страха перед потерей собственности и средств получения дохода»⁶¹. Несмотря на то что о признании национальной буржуазии потенциальным союзником

было заявлено более четко, чем в прошлом, этот союз оставался для коммунистического движения дилеммой.

Хотя жертвой кровавых шахских репрессий стала Туде, Национальный фронт также был запрещен. Большинство его лидеров были брошены в тюрьмы, а Фатеми казнен. В течение многих лет шах не делал ничего, чтобы примирить националистические или демократические чувства со своим правлением. В этой атмосфере в конце 1954 г. возникло Национальное движение сопротивления (НДС) — не связанная строгими рамками тайная коалиция бывших членов Национального фронта. Ведущими фигурами движения были Талегани, популярный проповедник из мечети Хедаят в Тегеране (которая представляла собой центр политической активности), и Базарган, благочестивый мусульманин, популярный среди базари — оба они критиковали Кашани за то, что тот в свое время покинул Мосаддыка. В движении принимали участие также Санджаби, Бахтиар, Малеки и Форухар. Затем в НДС произошел раскол между религиозными и светскими националистами. Религиозные деятели — Базарган и Талегани — требовали объявить режим незаконным, в то время как светские лидеры, особенно Малеки, предпочитали действовать открыто, легальными методами. Как позднее заметил Санджаби, полицейские репрессии сделали второй подход невозможным, и разногласия между реформистами светского толка и революционными религиозными деятелями создали в общественном мнении более благоприятное впечатление о последних. Идеологическое противостояние между религиозными и светскими националистами продолжалось и на ранних стадиях исламской революции; секулярное и религиозное направление объединились вокруг аятолы Мохаммеда Зенджани, высокопочтимого азербайджанского духовного лица.

В условиях шахской диктатуры НДС было трудно действовать; в 1956 г. почти все его руководители, включая Зенджани, были арестованы. Группировки, входившие в Национальный фронт, продолжали существовать: преемником НДС стал Второй Национальный фронт. Борьба между религиозными и секулярными силами, между традиционным и новым средними классами проникла и во Второй Национальный фронт. Отсутствие ясной идеологии и четкой организации помешали наследникам Национального фронта пользоваться таким же влиянием, каким обладал фронт при харизматическом лидерстве Мосаддыка. Сам Мосаддык отнюдь не помог изменить ситуацию: в то время когда руководители Второго Национального фронта формулировали идеологию, организационные принципы и программу, он сделал им письменный выговор за попытки превратить фронт в партию⁶².

Во внешней политике шах придерживался прозападного курса. В 1955 г. Иран присоединился к Багдадскому пакту. Амини охарактеризовал создание Организации Центрального договора (преемницы Багдадского пакта) как повторение попытки окружить Советский Союз, ознаменовавшейся в свое время заключением Саадабадского пакта⁶³. Власть шаха в буквальном смысле зависела от политических и военных связей с Соединенными Штатами. Военная помощь США позволяла ему укреплять свое полицейское государство и препятствовать сплочению оппозиции. Таким образом, в глазах иранцев шахская диктатура отождествлялась с его прозападной политикой, и это отождествление позднее побудило руководителей исламской революции избрать в качестве мишени Соединенные Штаты как своего главного врага.

Белая революция: 1960—1963 гг.

Зависимость шаха от правительства США вынудила его между 1960 и 1963 гг. осуществить программу внутренних реформ: администрация Кеннеди настаивала на проведении социальных, экономических и политических реформ. Находясь под впечатлением кубинской революции, сбросившей продажный диктаторский режим Батисты, Кеннеди и его советники активно поддерживали политические и экономические реформы во многих развивающихся странах, чтобы преградить путь революции⁶⁴. Из-за давления США монарх стал проводить, по крайней мере временно, более мягкую, либеральную политику и приступил к земельной реформе.

В 1960 г. выборы в Двадцатый меджлис привели к «взрыву участия». Эти выборы первоначально представляли собой соревнование между двумя партиями, созданными шахом, — «Меллион» (Националистической) и «Мардом» (Народной). Шах сам отобрал всех кандидатов от обеих партий⁶⁵; партии открыто соглашались с тем, что они соперничали в угоду шаху. Однако выборы 1960 г. оказались куда более интересными, чем ожидалось. Под давлением США шах разрешил независимому Второму Национальному фронту принять участие в состязании. Когда со всех сторон посыпались обвинения в том, что выборы фальсифицированы, Мохаммед Реза остановил выборы и назначил новые. Независимые кандидаты опять приняли участие в выборах, и на этот раз им было позволено победить. Туде, действовавшая в рамках только что принятой ею политики единого фронта, призвала голосовать за кандидатов Национального фронта и поддержала кампанию по вписыванию имени Мосаддыка в избирательные бюллетени, хотя сам Мосаддык не выставил свою

кандидатуру⁶⁶. Были избраны и Аллаяр Салех от партии «Иран», и член азербайджанского Национального фронта Могоддам Марагаи. Премьер-министром стал Шариф-Имами. Новый премьер не принадлежал ни к одной политической партии и был тесно связан с религиозным истеблишментом, но поскольку он не проводил никаких реформ, то не сумел добиться ни политической популярности, ни поддержки со стороны Соединенных Штатов.

В 1961 г. по настоянию администрации Кеннеди его сменил Али Амини⁶⁷. По стилю управления Амини походил на Кавама — своего политического единомышленника и родственника по линии жены. Он противостоял шаху и поддерживал демократические реформы, но был несколько неразборчив в средствах: распустил меджлис и управлял с помощью декретов; изгнал генерала Бахтиара, возглавлявшего САВАК («Сазмане амният ва эттелаате кешвар», Государственную организацию безопасности и разведки); возложил проведение кампании по борьбе с коррупцией на министерство юстиции, руководителем которого назначил бывшего члена Туде. Министерство сельского хозяйства Амини передал Хасану Арсанджани, радикальному журналисту, тесно связанному с Кавамом и уже давно выступавшему за аграрную реформу. Арсанджани был автором самых амбициозных социальных реформ, когда-либо планировавшихся шахским правительством. Акт 1962 г. об аграрной реформе предусматривал создание слоя мелких земельных собственников. Помещики были обязаны продать свои владения, превышающие одну деревню, государству, которое затем должно было продать их крестьянам, работающим на земле⁶⁸.

Правительство Амини пало через 14 месяцев; премьер рассорился со Вторым Национальным фронтом, так как не смог провести свободные выборы, и отправил в тюрьму многих его лидеров. Он также встретил сильное сопротивление шаха и Соединенных Штатов, ибо настаивал на сокращении военного бюджета.

Шах включил аграрную реформу Амини, в сильно модифицированном варианте, в свою Белую революцию. Мохаммед Реза Пехлеви, как и его отец, считал, что все изменения должны исходить от него самого. Модифицированная аграрная реформа не требовала продажи земельных владений, превышавших установленный законом максимум; она разрешала долгосрочную аренду и прочие права, приносящие выгоду крупным земельным собственникам. Таким образом, пересмотренная аграрная реформа дала издольщикам большую степень безопасности и превратила их в мелких фермеров, работающих на рынок, но не создала массы мелких собственников, как того хотел Арсанджани⁶⁹.

Аграрная реформа существенным образом изменила сельскую экономику, очень усилив «среднее» крестьянство. В первые годы реформы около 9% крестьян стали самостоятельными собственниками — то был значительный прирост. Однако крестьянам, получавшим землю после 1965 г., этого обычно оказывалось недостаточно, чтобы содержать свои семьи. О крестьянах-мигрантах, составлявших около 40% сельского населения, вообще забыли. Последние две группы часто бывали вынуждены искать работу в городах, где из них формировался предпролетариат, чрезвычайно восприимчивый к религиозной пропаганде. Духовенство пострадало на первых этапах земельной реформы, когда некоторые вакфные земли были конфискованы, и его недовольство правительством стало неуклонно усиливаться⁷⁰.

Другие аспекты Белой революции включали создание корпусов просвещения и здравоохранения по образцу американского «корпуса мира»: вместо военной службы молодых образованных иранцев посылали в сельские местности, с тем чтобы способствовать развитию просвещения и здравоохранения. Эти организации оказали некоторое воздействие на сельские районы, хотя и не столь значительное, как требовал шах. Главная трудность, с которой они столкнулись, заключалась в том, что далеко не все люди, участвовавшие в их деятельности, обладали достаточной квалификацией, чтобы нести службу в забытых сельских регионах; культурные и языковые различия между провинциями еще более усложняли кадровую проблему. Да и само правительство не обеспечивало деревни технической помощью, в которой те нуждались для улучшения условий жизни⁷¹.

В рамках Белой революции было также предоставлено право голоса женщинам и начата продажа государственных фабрик частным предпринимателям. Первая акция была чисто символической, так как в Иране редко кому удавалось участвовать в честных выборах. Вторая, однако, означала появление в национальной промышленности богатых плутократов. В то время как Реза-шах сконцентрировал всю промышленность в своих руках или под эгидой государства, его сын разделил ее между более широким, хотя и строго ограниченным кругом лиц; Мохаммед Реза все больше полагался на поддержку аристократии⁷².

Национальный фронт бойкотировал шахский референдум 1963 г., посвященный этим реформам (в отчете о референдуме фигурировала смехотворно высокая цифра: 99,9% высказавшихся за реформы). Лозунгом фронта было: «Реформам — да, диктатуре — нет!»⁷³. В противоположность пассивному сопротивлению, которое в лучшем случае оказывали шахским программам светские реформаторы, религи-

озные лидеры, намеревались предпринять радикальные действия против режима. «Движение за свободу», возглавлявшееся Базарганом и Талегани, хотело объявить режиму войну и точно так же вел себя аятолла Хомейни, харизматический последователь аятоллы Кашани. В отличие от остальных мулл Хомейни не нападал на аграрную реформу, а сосредоточил свои усилия на борьбе с такими широко распространенными явлениями, как коррупция и пренебрежение конституционными принципами. В июне 1963 г. Хомейни устроил бунты в крупнейших городах Ирана, обвинив шаха в «ошибках»⁷⁴. Шах доказал, что контроль над страной находится в его руках, и с помощью армии подавил бунты. Хомейни был выслан из страны, и шахская диктатура вернулась к «нормальному» состоянию. Убийство президента США Кеннеди побудило шаха поменять приоритеты, т. е. уделить максимум внимания не внешней политике, а внутренним реформам, что могло бы свести до минимума вероятность таких антиправительственных бунтов. Однако, несмотря на репрессии, эта вероятность была велика; в 1964 г. премьер-министр Хасан Мансур был убит мусульманскими феодалами.

Хотя после всего недолгого флирта с реформами шах вернулся к обычной диктатуре, реформы 1962—1963 гг. оказали существенное воздействие на иранское общество. Особенно важные последствия имела аграрная реформа; она возбудила ненависть мулл, но зато превратила помещиков в посредников между крестьянами и государством. Корпуса просвещения и здравоохранения, несмотря на некоторые неудачи, укрепили связи между правительством и сельским населением. Однако той части населения, которая наиболее энергично ратовала за реформы, — объединенному среднему классу — было отказано в возможности участвовать в политическом процессе. Политика Мохаммеда Реза-шаха, как и политика его отца, вела к увеличению численности нового среднего класса. В качестве младших армейских офицеров и на различных бюрократических постах средний класс добился немалых успехов, но шахский режим не предоставил новой буржуазии институты, через которые она могла бы выражать свои политические устремления; кроме того, экономическим реформам и экономическому развитию не сопутствовали политические реформы или политические перемены.

С помощью США были основаны многочисленные институты и центры для изучения различных сторон жизни иранского общества. Однако когда велась подготовка законодательства, необходимого для решения внутренних проблем, с этими институтами не консультировались; они создавали образ шаха-реформатора, а вовсе не являлись частью

эффективно действовавшей правительственной администрации. Рационализация оставалась поверхностной. Не существовало никакого подлинного разделения функций между правительственными институтами. Шах твердо удерживал власть в своих руках⁷⁵. Хотя правитель разрешил конкурировать с ним в сфере экономики, не было никакой конкуренции в политической области. Национальный фронт, имевший поддержку 85—90% студентов Тегеранского университета, был разгромлен. Политический цинизм — ощущение, что правительство обладает врожденным свойством не реагировать на все призывы к переменам и что таким оно и останется, — увеличился до таких размеров, что новый средний класс перестал быть эффективным инструментом этих перемен⁷⁶.

Попытка шаха навязать Ирану западную культуру без всех ее политических преимуществ вызвала страшную ненависть к Западу. В виде реакции возникло множество антизападных и антишахских группировок. Важнейшая из них, возглавлявшаяся Али Шариати, стремилась использовать ислам в качестве идеологической базы для борьбы с режимом. Шариати приобщился к радикальной политической философии в начале 60-х годов, когда готовился в Париже к защите докторской диссертации по социологии; там он и присоединился к «Движению за свободу» и к Иранской студенческой конфедерации. Когда в 1965 г. он возвратился в Иран, в нем господствовало убеждение, что культурное наследие Ирана, которое он отождествлял с шиитским исламом, должно играть главную роль в иранском вызове Западу. В своих лекциях он характеризовал ислам как динамичную политическую идеологию, главную прогрессивную силу общества. Шариати критиковал марксово определение экономики как основы общества; в своих работах он изображал культуру, особенно религию, как подлинно созидательную силу общества. Из-за своих материалистических корней и догматических тенденций современный марксизм потерял революционный характер, превратился в окаменелость и в «средство передачи пролетариату буржуазного стиля жизни», что Шариати считал аморальным⁷⁷.

Точно так же как он критиковал догматическую природу марксизма с его категорическими требованиями иметь всеобъемлющую идеологию, которая может объяснить и решить все проблемы во всех сферах человеческой жизни, он подвергал критике архаические, застывшие воззрения многих современных исламских лидеров. Он открыто осуждал религиозную иерархию, заявляя, что нет нужды в посредниках между людьми и Богом и что реакционные муллы стали камнем на пути социального прогресса. Лекции Шариати пе-

репечатывались и широко распространялись. В начале 70-х годов его взгляды были чрезвычайно популярны среди молодых интеллигентов, особенно в университетах. Запретительная политическая система и неудача Национального фронта сделали учение Шариати чрезвычайно привлекательным. Ислам как центр сопротивления режиму приобрел популярность даже среди иранцев, учившихся за границей⁷⁸.

Джелал Але Ахмад, бывший редактор «Намее мардом», нападал на иранских интеллигентов за то, что они были увлечены вестернизацией. В своей знаменитой книге «Гарбзадеги» («Зараженность Западом») он объяснял политическую коррупцию в Иране, а также его экономическую и социальную неподвижность перед культурным вторжением Запада. Але Ахмад считал культурную зависимость от Запада, которую иранские интеллектуалы еще более усиливали, величайшей опасностью для иранского культурного наследия. Он был убежден, что Иран должен стать в экономическом и культурном отношении самостоятельным. Подобно Шариати, он критиковал религиозных лидеров за недостаточную революционность и советовал им принять активное участие в движении Ирана к новой эпохе независимости. Являясь индивидуалистом в лучших иранских традициях, Але Ахмад не признавал политические партии и профсоюзы, считая их деятельность путем к диктатуре, коррупции и к жесткой организации общества, ориентированного на Запад. Его книга, ясно указавшая на потерю интеллигенцией, принадлежащей к новому среднему классу, руководящей роли, которую она обрела в эру Мосаддыка, и его обличение западного влияния вместе с выдвинутым Шариати тезисом об исламе как о позитивной социальной силе завоевали огромную популярность у студентов. Этому сочетанию суждено было сыграть важнейшую роль в исламской революции⁷⁹.

Самад Бехранги, учитель начальной азербайджанской школы и народный писатель, обрушился на иранскую систему образования, которую он охарактеризовал как институт, копирующий Запад и не годящийся для Ирана. Он советовал правительству уделять больше внимания распространению религии и культуры среди крестьян. Как и многие азербайджанцы до него, он неодобрительно относился к попыткам правительства навязать фарси ученикам азербайджанских начальных школ. Персидский шовинизм центрального правительства он считал барьером, препятствующим созданию национального единства. Подобно Але Ахмаду и Шариати, надежды Бехранги были сокрушены запретительной политической системой⁸⁰. Другие искали решения проблемы культурной и политической зависимости Ирана от Запада в радикальной коммунистической идеологии. Писатель,

поэт и оратор Хосров Голесорхи в «Сиясате хонар» («Политика искусства») характеризовал современную иранскую культуру как «зависимый от буржуазии» инструмент экспансии Запада. Искусство и культура, полагал он, должны быть частью социальной борьбы против шахской диктатуры⁸¹.

Эти антизападные тенденции оказали огромное воздействие на исламскую революцию. Для всех названных выше авторов характерны сила антизападных чувств и высокая оценка роли ислама в Иране. Даже явный коммунист Голесорхи в 1973 г. на суде, где он находился в качестве обвиняемого по делу о покушении на жизнь шаха, признал важность «ислама Али» как социальной силы, необходимой для борьбы против угнетения⁸².

В эпоху, последовавшую за событиями в Азербайджане, несомненная связь между внешней и внутренней политикой Ирана сохранялась. Изменения в правительстве Соединенных Штатов вызывали значительные перемены в Иране. В эру Мосаддыка и после нее средние классы, расколотые внутренними противоречиями, не сумели (точно так же как это произошло в периоды, следовавшие непосредственно за двумя мировыми войнами) ограничить шахскую диктатуру или установить негативное равновесие во внешней политике. Результатом этой неудачи стал одновременный рост антишахских и антизападных настроений. Поскольку мосаддыковский либеральный национализм не добился успеха в борьбе против шаха и западного господства, усилился религиозный национализм. Это был явный зародыш исламской революции; монархии суждено было дорого заплатить за свой категорический отказ разделить власть со средним классом.

ИМПЕРСКАЯ ДИКТАТУРА

Во многих отношениях Иран значительно более демократичен, чем Европа... Оппозиция столь слаба, что не сможет завоевать даже одно место в парламенте.

Мохаммед Реза Пехлеви
(из интервью 1973 г. Ориане Фалаччи)

В этой главе будут рассмотрены консолидация шахской власти, экономический бум и банкротство, предшествовавшие исламской революции, а также деятельность левых групп, которые со временем приняли участие в революции. Эта попытка дать общий обзор событий не может претендовать на исчерпывающее описание или анализ истории этого периода.

Имперская консолидация: 1963—1973 гг.

После ухода в 1963 г. правительства Амини в отставку шах использовал для консолидации своей власти три основных средства: 1) военных, САВАК и прочие репрессивные силы; 2) экономический контроль как инструмент, позволяющий купить политическую лояльность; 3) политический контроль, в том числе над бюрократией. Военные репрессивные средства, находившиеся под командованием шаха, были впечатляющи: регулярная армия между 1963 и 1977 гг. более чем удвоила свою численность, и шах использовал ее и как символ престижа и национального единства, и как средство принуждения. САВАК, исполнявший функции тайной полиции, продолжал расти как численно, так и по объему власти; между 1973 и 1978 гг. на САВАК было потрачено 2650 млн. долл. Следуя доктрине сдерживания, провозглашенной сразу же после азербайджанских событий, Соединенные Штаты оказывали все большую поддержку обеим силам. Особенно в Иране ненавидели и боялись САВАК, так как эта организация использовалась для того, чтобы терроризировать любого потенциального врага монархии или монарха¹. Однако недоверие шаха было так глубоко, что

он не хотел полагаться на верность только двух этих сил. Опасаясь потенциального могущества каждой из них, если оно будет направлено против него, он учредил Имперскую инспекцию и Бюро «Джей 2», чтобы они шпионили за армией, САВАК и друг за другом. Для дополнительной страховки ни одному из родов вооруженных сил не разрешалось поддерживать связь с другими — даже для того, чтобы координировать обычные военные маневры, — иначе как через шахское военное управление. Это система контроля и равновесия, применявшаяся для управления соперничавшими группировками, была традиционной особенностью иранской монархии со времен Каджаров и даже до них².

Чтобы обеспечить лояльность своему режиму, шах полагался не на один лишь страх перед наказанием. Он также использовал обширный государственный сектор экономики, чтобы приобщить иранцев, даже в отдаленных деревнях, к делам государства; он также пытался добиться лояльности, предоставляя гарантированную работу и выплачивая вознаграждение многим лицам из высшего и среднего классов. В результате аграрной реформы государство беспрецедентно близко соприкоснулось с жизнью крестьянства. Земельные магнаты перестали играть роль буфера между государством и сельским населением. Прочие инициативы правительства в сельских местностях, включая развитие системы образования и строительство дорог и плотин, были предприняты в стремлении интегрировать крестьянство в состав нации и, конечно, добиться их лояльности режиму. В 1975 г. антрополог, побывавший в отдаленном районе страны, отмечал, что «правительство ныне вмешивается практически во все стороны каждодневной жизни»³. В своей сельской политике шахское правительство пыталось выковать союз с крестьянством, чтобы сохранить традиционную патриархальную систему в качестве противовеса потенциальной оппозиции со стороны нового среднего класса⁴. Участие имперского правительства в сельской экономике вело и к большей централизации, что, в свою очередь, облегчало контроль над провинциями.

В городах шах также использовал экономический контроль для увеличения своей политической власти. Гигантская экономическая роль государства дала монарху четкие механизмы контроля. В 1977 г. численность служилого среднего класса Ирана оценивалась в 630 тыс. человек, из которых 304 404 были гражданскими служащими, а 208 241 — учителями и представителями школьной администрации; таким образом, множество людей получали средства к жизни от государства⁵. Правительство награждало членов шахской фамилии и своих верных сторонников, проявлявших инициати-

ву в экономическом развитии. Абсолютная власть шаха в этих вопросах поощряла лояльность среди кандидатов на такую награду.

Наиболее важным органом, с помощью которого двор влиял на жизнь страны, был Фонд Пехлеви. Фонд контролировался и теоретически финансировался шахом, однако на самом деле значительную часть его финансовых ресурсов давало государство. Фонд активно участвовал в инвестициях, которые шах находил желательными для развития экономики страны, в том числе в строительстве цементных заводов и в агробизнесе. Это был основной источник, из которого черпались средства для выплаты заработной платы, пенсий и sinecur сторонникам шаха. Фонд в течение 19 лет финансировал обучение 12 тыс. студентов за границей и субсидировал множество молодежных, медицинских, образовательных и пенсионных программ. Эти дела «милосердия» были большей частью попытками завоевать лояльность населения. Один из отделов фонда издавал учебники, в которых, разумеется, режим изображался в весьма привлекательном виде⁶.

Наряду с созданием военного и экономического контрольных механизмов шах осуществлял жесткий контроль над политическими институтами страны. В течение всего периода, когда Амир Аббас Ховейда, окончивший университет во Франции, занимал пост премьер-министра, его единственной функцией было толковать декреты монарха. Министерства и правительственные агентства были лишены всякой самостоятельности. Шах продолжал полагаться на доставшуюся ему по наследству систему управления, при которой власть исходила непосредственно от трона, и строго охранял ключевые пункты, где соприкасались гражданский и военный секторы. Премьер-министр и министр внутренних дел, которые теоретически могли командовать жандармерией и полицейскими силами для обеспечения внутренней безопасности, на самом деле не контролировали их. Во всех центрах провинций и главных городах монарх лично назначал шефов полиции и жандармерии, которые докладывали не премьер-министру или министру внутренних дел, а непосредственно ему. Всех, кого подозревали в создании своей собственной базы власти, — какими бы лояльными они ни казались, — немедленно убрали с их постов. В качестве дополнительной меры предосторожности против тех, кто мог бы считать себя незаменимым, были созданы «теневые кабинеты», дублировавшие функции министерств⁷. Экспансия государственной бюрократии и быстрое увеличение числа бюрократических учреждений отражали не веберовскую специализацию, а усиление имперской власти.

Экономический бум и банкротство: 1973—1977 гг.

В 60-е и начале 70-х годов иранская программа модернизации осуществлялась более или менее равномерно. Однако в 1973 г. энергетический кризис в западном мире, порожденный арабо-израильской войной, резко увеличил доходы от нефти, что позволило шаху свергнуть Иран в эру беспрецедентно быстрого развития. Пятый пятилетний план экономического развития был пересмотрен на полпути, когда доходы от нефти неожиданно выросли в пять раз с 1973/74 по 1974/75 г.⁸ Мечтая о создании «великой цивилизации», шах планировал воспользоваться высокими ценами на нефть, чтобы превратить Иран в крупную промышленную и военную державу. Это должно было послужить легитимизации его самовластного правления, которое, как и правление его отца, страдало от нестабильности.

Упор в пересмотренном пятом плане был, конечно, сделан на развитии промышленности, и чем больший интерес вызывал проект, тем больше была вероятность того, что правительство станет его финансировать. Иран начал импортировать в значительных объемах строительное оборудование и потребительские товары с Запада. Экономическая инфраструктура, хотя и значительно расширившаяся в предшествующее десятилетие, не могла справиться с этим потоком импортной продукции. В середине 1975 г. суда ждали разгрузки по 160 дней, а когда товары оказывались на берегу, их негде было хранить. В правительственных программах и в кредитной политике предпочтение отдавалось крупным промышленным проектам, которые слишком часто осуществлялись скорее для того, чтобы увеличить международный престиж Ирана, чем для того, чтобы добиться экономической независимости или большей эффективности производства. Были основаны автомобильный и тракторный заводы, но значительная часть машин ввозилась из-за границы; сборка их в Иране обходилась дороже, чем импорт готовой продукции. Субсидирование за счет доходов от нефти позволяло многим отраслям экономики оставаться неэффективными, непродуктивными и зависящими от Запада⁹. Правительство последовательно поддерживало престижные крупномасштабные проекты, отказывая в финансовой поддержке более скромным начинаниям. Мелкие предприятия, часто сконцентрированные на базаре, не получали кредита от правительства и потому обращались к традиционным ростовщическим институтам базара. Возможно, именно потому, что базар обладал таким финансовым могуществом, правительство намеревалось во имя прогресса ликвидировать традицион-

ный сектор экономики. Были построены супермаркеты в американском стиле, что угрожало жизненным интересам лавочников базари. Шах хотел ослабить политическую и экономическую мощь базари, лишив их роли распределителей, и доходы имперского правительства от нефти, казалось, сделали возможным установление государственной монополии над внутренней экономикой¹⁰. В абсолютных цифрах базари фактически получили выгоду от нефтяного бума, однако деятельность новых государственных банков и государственной системы розничной торговли уменьшили их относительное значение в иранской экономике. В результате базари все больше чувствовали себе ущемленными¹¹.

Бум оказал воздействие и на сельскохозяйственный сектор, распространив на него модернизацию. Шахская земельная реформа подняла значение среднего крестьянства, лишив в то же время собственной земли тех, кто был победнее. Например, в Курдистане земельная собственность среднего крестьянства (владельцев участков площадью 1—3 га) возросла с 3% всей земельной собственности в 1960 г до 32% в 1975 г. В результате аграрной реформы в сельской экономике стали господствовать товарно-денежные отношения¹². Те, кто получил небольшие участки, которые не могли прокормить их семьи, вскоре потеряли свою землю, так как оказались не в состоянии платить налоги правительству. Сельские кооперативы, создававшиеся для того, чтобы помочь крестьянам выполнять их обязательства, часто существовали только на бумаге¹³. Поскольку небольшие участки оказались непроизводительными, правительство начало в конце 60-х годов объединять их в фермерские корпорации, в которых крестьяне имели каждый свою долю, и включать в принадлежащий иностранцам агробизнес. Два этих института, лишившие земли множество крестьян, были задуманы в виде гигантских сельскохозяйственных объединений, наподобие тех, которые во время бума шах создавал в промышленной сфере. Они были слишком велики, чтобы стать максимально эффективными, и страдали от скверного планирования (это касалось выбора сельскохозяйственных культур и размера бюджетных расходов) и некачественного управления — от тех самых бед, которые досаждали и промышленному сектору. Производство сельскохозяйственной продукции неуклонно росло, но отставало от ежегодного трехпроцентного прироста населения Ирана. В годы бума Иран стал зависеть от импорта продовольствия¹⁴. Отсутствие координации между производителями и системой распределения (являвшееся результатом централизации экономики, продажности бюрократии и продолжавшегося недостатка нормальных дорог и складских помещений в сельских районах) не позво-

ляло крестьянам получать должный доход от своей продукции.

Разрыв между деревней и городом продолжал увеличиваться. Правительство рассматривало промышленный и сельскохозяйственный секторы экономики как две самостоятельные категории; при этом промышленность находилась в более благоприятном положении, поскольку соответствовала шахским представлениям о национальном престиже. Несмотря на развитие сети дорог и средств связи, многие сельские районы оставались изолированными. Более низкий доход, получаемый сельскими жителями, не позволял им покупать продукты, производившиеся в городах; в свою очередь, малопродуктивная сельская экономика не могла обеспечить всем необходимым индустриальный сектор. Централизация экономики и предоставления правовых и финансовых льгот, делавших производство возможным, препятствовала проникновению промышленности в сельские местности¹⁵. Транснациональные корпорации по-прежнему основывали свои предприятия в городах или поблизости от них (в первую очередь речь идет о Тегеране). Как и его отец, Мохаммед Реза-шах заставлял богатство и население концентрироваться в столице. К 1979 г. в Тегеране проживало 14% населения страны, и здесь фактически была сосредоточена вся политическая элита¹⁶. Более высокий уровень жизни в городах, особенно в годы бума, имел магнетическую притягательность для крестьян, заставляя их мигрировать туда со скоростью 250 тыс. человек в год. Земельная реформа 1963 г. по своим последствиям напоминала огораживания в Англии, освободившие крестьян от земли и сделавшие для них достижимыми городские соблазны. Бедные, неквалифицированные, безземельные крестьяне были привлечены ведущимся в городах массовым строительством. Особенно активно потянулась в развивающиеся провинциальные города беднота, принадлежавшая к меньшинствам, — курды, белуджи, турки и арабы¹⁷.

Внешняя и военная политика шаха в 70-х годах дополняла его экономические программы. Своими отношениями с другими государствами, бурным ростом вооруженных сил в тот период и поддерживавшимся им традиционным национализмом шах преследовал главную цель: увеличить свой престиж, превратив Иран в региональную и даже в глобальную державу. Желания шаха совпадали с внешней политикой США. В послевьетнамскую эру президент Ричард Никсон и государственный секретарь Генри Киссинджер сформулировали то, что получило название «доктрина Никсона», дабы предотвратить прямое вовлечение США в «будущие конфликты, периферийные по отношению к главным интересам великих держав»¹⁸. С этой целью Соединенные Штаты

стремились укрепить оборону своих более слабых союзников, с тем чтобы те, продолжая занимать прозападные позиции, не полагались только на американские войска. Доктрина Никсона означала подтверждение политики сдерживания, но с большим упором на региональную безопасность. Шах страстно желал превратиться в регионального полицейского в зоне Персидского залива. В 60-х годах он сохранял некоторое равновесие в отношениях с великими державами, подписывая множество торговых соглашений с СССР и другими странами — членами восточного блока¹⁹. Однако в 70-х годах это ограниченное равновесие было заменено односторонней политикой, благосклонной к Соединенным Штатам и другим западным государствам. В 1917 г. шах послал войска против марксистских повстанцев в Омане, поддержав ультраконсервативного султана, и в течение 70-х годов активно вооружал страну против соседнего Ирака, чье баасистское правительство американские государственные деятели считали просоветским.

Шахские закупки вооружения (табл. 10.1) круто возростали вместе с нефтяным бумом, и главным его поставщиком были Соединенные Штаты. С 1972 по 1976 г. включительно Иран закупил на 10 млрд. долл. американского вооружения; при этом он приобрел самое совершенное оружие и аппаратуру для слежения, далеко превосходившие нужды Ирана или способности иранских технических специалистов. Список шахских закупок в годы бума включал 28 судов на воздушной подушке, 760 танков «Чифтен», 400 танков М-47, 460 танков М-60 и 190 истребителей «Фантом», а также эсминец и усовершенствованную радарную систему. Правительство приобрело также 25% акций оружейных заводов Круппа в Германии и начало реконструкцию военно-морской базы Чахбахар, которая должна была стать крупнейшей на Индийском океане. Шахские проекты будущего развития вооруженных сил требовали еще больших расходов. Притязания шаха на военную гегемонию в регионе были безмерны, но, хотя Иран явно имел больше вооружения, чем это было необходимо для обороны, маловероятно, чтобы его армия сумела выдержать столкновение с Советским Союзом, во что верил шах²⁰.

Претензии имперского правительства на увеличение своего престижа в мировом сообществе не ограничивались военной сферой. В годы бума из доходов от нефти финансировались крупные займы другим государствам: в 1974 г. Иран предоставил 9 млрд. долл. в виде займов и помощи. Шахская финансовая помощь в первую очередь предназначалась для Запада, на который он всячески старался произвести впечатление; при этом несколько миллиардов долларов по-

Иранская экономика в 1970—1978 гг.,
млрд. риалов

Год	ВВП	Государственные доходы	Доходы от нефти	Военные расходы
1970	732	171	84	...
1971	923	257	150	...
1972	1179	259	179	...
1973	1728	465	311	135
1974	3079	1394	1205	373
1975	3497	1582	1247	476
1976	4692	1836	1422	567
1977	5483	2034	1498	...
1978	4918	1599	1013	590

Таблица составлена на основании информации, предоставленной автору Центральным банком Ирана, а также цифр, взятых из: *Адиби Х. Табагее мотевасете джадид дар Иран*, с. 112. Цифры округлены. В тот период 1 долл. был равен 67,5 риала. ВВП сверен с рыночной оценкой.

лучили Англия и Франция²¹. Некоторые финансовые программы были попыткой приобрести союзников в регионе. Например, Иран предоставил заем в 1 млрд. долл. Египту для восстановления Порт-Саида и подписал соглашение о предоставлении Афганистану займа для строительства железной дороги от иранской границы до Пешавара. Правительство вложило значительные средства в добычу сырья в Индии и Пакистане, а также в Египте²². Эти инициативы были направлены на то, чтобы увеличить в названных странах политическое влияние Ирана и ослабить советское. Обладая финансовыми ресурсами, которых не было у его отца, второй монарх из династии Пехлеви оказался в состоянии добиваться для Ирана статуса региональной и мировой державы.

Все возрастающая воинственность шаха, направленная вовне, сочеталась с усилением политических репрессий в самом Иране. Репрессии осуществлялись под теми же националистическими лозунгами, что и внешние авантюры. В 1975 г. шах объявил о создании партии «Растахиз» («Возрождение»), которая должна была отныне стать единственной легальной политической организацией в стране. В тот самый день, когда было сообщено о рождении новой партии, шах объявил нации, что, он надеется, что все лояльные иранцы вступят в нее, а те, кто не пожелает это сделать, будут считаться сторонниками Туде и им придется обзавестись паспортами, чтобы покинуть Иран²³.

«Растахиз» сумела добиться кое-какого успеха в проведении правительственной политики: она ужесточила контроль над служилым средним классом, городским рабочим классом и сельскими массами; усилила правительственную цензуру: за один год число печатных изданий, выходящих в Иране, сократилось на две трети. Более тревожным было то обстоятельство, что «Растахиз» приняла участие в организованной имперским правительством бешеной кампании против базара, что поставило в еще более затруднительное положение и без того обложенных со всех сторон базари²⁴. Однако партия потерпела полную неудачу в своей попытке стать двусторонним каналом связи между обществом и монархом.

Поскольку шах, подобно отцу, воспринимал участие масс в политической деятельности как угрозу своему правлению, он постарался сократить даже то символическое участие, которым являлось членство в «Растахиз». В середине 1976 г. шах запретил внутрипартийную дискуссию, что сделало невозможной упомянутую выше связь, а в конце 1977 г., когда Мохаммед Бахери, генеральный секретарь партии (пользовавшийся полным доверием шаха), выступил с резкой критикой внутренней политики правительства, он был тут же уволен. При этом руководил партией тот же узкий круг представителей бюрократической элиты, который доминировал в иранском правительстве в предшествующее десятилетие: партия разрешала циркуляцию элит не в большей степени, чем она это делала в отношении идей²⁵. Шахское понимание развития не предусматривало участие масс в политической деятельности, даже на символическом уровне. «Растахиз» была вынуждена остаться придатком исполнительной власти, но, сделав партию бессильной, шах уничтожил единственный институт, который мог быть использован для того, чтобы выдвигаемые народом требования реформ были удовлетворены в рамках монархии²⁶. Ирония истории состоит в том, что тем самым он расчистил путь для исламской революции.

В конце 1975 г. споры с саудовцами по поводу цен на нефть сделали неопределенным будущее доходов от нефти — основы всех шахских программ развития. Эти доходы сократились с 21,8 млрд. долл. в 1976/77 г. до 21,3 млрд. в 1977/78 г., и было ясно, что в ближайшем будущем нельзя ожидать нового повышения цен. Уровень инфляции, весьма высокий в начале бума и упавший до 9,9% в 1975 г., поднялся до 16,6% в 1976 г. и до 25,1% в 1977 г. В конце 1976 г. расходы правительства превысили его доходы, и шах публично выразил сожаление по поводу опрометчивости, которую он проявил при использовании доходов от нефти. В

октябре он, также публично, осудил эйфорию, наступившую после 1973 г.: «Теперь ситуация изменится,— сказал он сурово.— Каждый должен трудиться более напряженно и быть готовым к жертвам ради прогресса государства»²⁷; но амбициозная военная и внешняя политика, естественно, не терпела «жертв». Атмосфера неостановимого экономического прогресса сменилась неуверенностью; ожидания времен бума, уже натолкнувшиеся на крушение надежд в политической сфере, внезапно потускнели.

Crescendo оппозиции: 1977—1979 гг.

Классовая структура, созданная в правление Мохаммеда Реза-шаха, особенно во время бума в середине 70-х годов, была источником сильнейшей политической и экономической напряженности, которая достигла критической стадии в революции 1979 г. Результатом экономической политики был массовый приток населения в города: если в 1956 г. в сельском хозяйстве было занято 56% иранцев, то в 1976 г. эта цифра уменьшилась до 33%. Те лица, чья земля была экспроприрована в результате реформы, часто интегрировались в городской высший класс или верхушку среднего класса, вкладывая только что полученные ими легко реализуемые ценные бумаги в городской бизнес, в то время как крестьяне, из-за последствий земельной реформы лишившиеся привычных источников дохода в сельском хозяйстве, в основном интегрировались в низшее сословие или в нижнюю часть среднего класса²⁸. Разрыв между городом и деревней — как культурный, так и экономический — увеличивался: например, тиражи газет расходились почти полностью в городах; в 1973 г. в школах было зарегистрировано 90% городских детей школьного возраста, тогда как доля их сельских сверстников, посещавших школу, составляла лишь 39%, причем те сельские дети, которые получали начальное образование, часто использовали его для того, чтобы попасть в нижний слой городского среднего класса, так что сельские местности не получали никаких выгод от их образования²⁹. Миграция все больше делала города бесспорными центрами политической жизни страны; городское население стало движущей силой исламской революции.

Высший класс представлял собой замкнутую группу, состоявшую примерно из тысячи человек, включая семью Пехлеви (богатства которой оценивались в 1979 г. в 25 млрд. долл.), предприимчивых аристократов, после земельной реформы извлекавших доходы из городских предприятий, опытных государственных деятелей и армейских офицеров

высокого ранга; принадлежность к высшему классу была функцией дохода и социального происхождения. Исключения — полдюжины новых предпринимателей, считавшихся членами высшего класса, — подтверждали правило: они преуспевали в первую очередь благодаря своим связям с шахской семьей и остальными членами старого высшего класса³⁰.

Большинство членов нового, служилого среднего класса принадлежали к молодой бюрократии. Шах поощрял аполитичность ее членов и энергично отговаривал их от связи с городскими массами³¹. Вследствие этого, а также из-за прежней неудачи Национального фронта эта группа потеряла возможность стать жизнеспособной оппозиционной силой. К тому же средний класс все больше разделялся на высший и низший слои. Верхушку среднего класса характеризовало не лучшее образование, а более высокие доходы и тесные социальные и политические связи с режимом. Ее доходы обычно значительно превышали доходы низших слоев среднего класса, но это объяснялось не только разницей в жалованье: первые владели также предприятиями, получали государственные пенсии и имели семейные состояния. Вместе с высшим классом верхушка служилого среднего класса входила в те 10% населения Ирана, которые были его богатейшей частью и на долю которых приходилось 40% национального потребления³². Эта небольшая фракция среднего класса представляла собой, как и высший класс, замкнутый элитарный круг, выживание которого в высшей степени зависело от режима и который в первую очередь был заинтересован в сохранении своих экономических и социальных позиций. В тех случаях, когда он изменял своей привычной политической индифферентности, он становился крайне консервативен.

Более многочисленный нижний слой среднего класса также принадлежал преимущественно к бюрократии. Однако его члены обычно имели хуже оплачиваемую работу в государственном аппарате, чаще всего в министерстве просвещения. То же самое происходило в вооруженных силах: технические специалисты военно-воздушных сил принадлежали по рождению к нижнему слою среднего класса, и им препятствовали в получении офицерских званий, в то время как жалованье офицеров высокого ранга, служивших в привилегированной шахской гвардии и происходивших из обладавшей обширными связями верхушки среднего класса, находилось на уровне доходов основной массы этой социальной прослойки. Аналогичная поляризация между верхушкой среднего класса и его нижним слоем наблюдалась в частном бизнесе; разрыв в их доходах был огромен. Городская мелкая бур-

жуазия обычно была традиционного происхождения (из семей крестьян или базари). Но независимо от уровня образования, разделенная перегородками классовая система, становившаяся все более «закрытой», мешала ее проникновению в верхушку среднего класса. Поляризация между высшим и нижним слоями среднего класса распространялась и на места их проживания. Мелкая буржуазия жила не в тех районах, что ее более богатые собратья, и не могла позволить себе такой образ жизни, какой вели последние. Поэтому она сохраняла тесные связи со средним классом базара, особенно с религиозным истеблишментом базара³³. Сами базари — традиционный средний класс — были крайне напуганы кампанией, развязанной против них правительством. К этому страху добавлялось возмущение экстравагантным образом жизни высшего класса и верхушки среднего класса, которым те наслаждались в результате нефтяного бума. Один лавочник объяснил, что шах и «нефтяная буржуазия» хотят «задушить» базар³⁴.

Духовенство, всегда тесно связанное с базаром, также боялось правительства. Шах давал им основание для беспокойства в течение всего срока своего правления; в период, прошедший между выборами в Тринадцатый и Двадцатый меджлис, духовенство было представлено лишь 4% депутатов по сравнению с 12% при Реза-шахе и 24% при Каджарах. В Двадцатом первом меджлисе это число еще более уменьшилось, не превысив 1%. Принятое шахом в 1975 г. решение заменить традиционный иранский исламский календарь другим, летосчисление в котором велось с правления Кира Великого, было явной попыткой добиться политической легитимности монархии за счет духовенства; строго говоря, такую же цель преследовало создание партии «Растахиз». Аграрная реформа и возросшая зависимость улама от государства как источника доходов жестко ограничи финансовую самостоятельность духовенства. В 1977 г. правительство резко сократило субсидии, предоставляемые им улама; отвлечение к шахскому правительству и всем его учреждениям увеличивалось. Находившийся в изгнании в Ираке Хомейни советовал всем правоверным не вступать в партию «Растахиз»³⁵.

Городской низший класс состоял из неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих. В годы бума этот класс значительно увеличился в размерах. Новые члены городского пролетариата и предпролетариата явились из сельских районов и все еще были крайне восприимчивы к религиозной пропаганде. Экономический кризис, который стал развиваться с середины 1977 г., когда шах сократил расходы на гражданское строительство, оставил многих неквали-

фицированных рабочих, выходцев из деревни, без работы. В 1976 г безработица в Иране поднялась до 9,69%. Американский журналист Роберт Грэхэм писал: «Этот растерянный, ожесточившийся новый городской пролетариат мгновенно впитывал послания протеста, приходившие из мечетей. Ему нечего было терять, а выиграть он мог все»³⁶.

Таким образом, от шахской политики принуждения и от запретительной социальноэкономической системы более других пострадали духовенство и городская беднота, новая мелкая буржуазия и тесно связанный с нею традиционный средний класс базара. Эти группы образовали взрывчатую и могущественную коалицию³⁷.

Оппозиционные организации

Немало групп обладали потенциалом, необходимым для оказания сопротивления монархическому режиму; первое место среди них занимала Туде, которая в 60-х годах потеряла немало своих членов и уменьшила активность. Привлечению в ряды Туде молодых интеллигентов препятствовали не только трудности, созданные полицейскими репрессиями и слабостью руководства партии, которая вызывалась смертью или старостью, но и шахская программа модернизации. Расширение системы образования привело в состав интеллигенции представителей традиционного среднего класса; эти новые интеллигенты были крайне религиозны и поэтому настроены против Туде³⁸.

Туде страдала также от расколов, поразивших ее в 60-х годах. Демократическая партия Курдистана, которая после падения в 1946 г Курдской республики стала провинциальным отделением Туде, отделилась от партии в 50-х годах, подвергнув ее критике как за неудачу в вооруженной борьбе, так и за пренебрежение к «национальному вопросу». В то время как влияние старой ДПК было ограничено северным, суннитским Курдистаном, новая ДПК развернула свою деятельность в южных, шиитских курдских городах, таких, как Керманшах. Почти все лидеры новой ДПК, включая Абдуррахмана Гасемлу, родились в городах; они понимали, что курдская нация переросла племенные и религиозные барьеры. Проводившийся ДПК анализ состояния курдского общества все больше и больше становился марксистским³⁹. Во время исламской революции ДПК вновь всплыла на поверхность в качестве курдской националистической организации, оппозиционной Исламской республике. В ее программе главное место по-прежнему занимала национальная автономия, а не социальная революция; ДПК была (и все еще

остаётся) в откровенно враждебных отношениях со своим соперником «Комоле» — не принадлежащей к Туде коммунистической группой в Курдистане, выступающей за классовую борьбу⁴⁰.

Остальные два раскола, ослабившие Туде в 60-х годах, были связаны с китайско-советскими разногласиями. В 1965 г. Гасеми и Голам Хосейн Форуган, ведущие члены Центрального комитета, вышли из Туде и организовали группу «Туфан» («Буря»). Они осудили Туде (за слепое следование советскому курсу и игнорирование маоистского Китая) и возглавлявшийся Хрущевым советский «ревизионизм» (главным образом за обличение Сталина). «Туфан» считала, что Туде сбилась с истинно революционного пути и что она должна возродиться к жизни, изгнав реформистских лидеров. Одновременно Ферейдун Кешаварз, более молодой член Центрального комитета, основал «Сазмане энгелабие хезбе Тудее Иран» («Революционную организацию Народной партии Ирана»), состоявшую из членов молодежной секции Туде. Как и «Туфан», Революционная организация была откровенно маоистской, оказывая предпочтение вооруженной борьбе, особенно в сельских районах. Она попыталась начать партизанскую войну в Курдистане. Будучи убеждена, что Иран, подобно домаоистскому Китаю, представляет собой «полуфеодальное, полукOLONиальное» общество, она считала своей главной целью ниспровержение феодализма⁴¹. Вскоре она раскололась на фракции, одна из которых ратовала за использование скорее не китайской, а кубинской модели революции. В дополнение к этой внутренней борьбе в организацию проникли агенты САВАК, а затем она была разгромлена.

В отличие от «Туфан» Революционная организация считала Туде недостойной возрождения; союз между двумя новыми партиями был невозможен⁴². «Туфан» и Революционная организация потеряли популярность, когда Китай установил дипломатические отношения с шахским правительством. Мертворожденная идея «вооруженной борьбы», которую защищали эти группы, также вызвала разочарование у многих сторонников применения силы. Во время исламской революции «Туфан» вновь на короткое время всплыла на поверхность, но на этот раз она выступала преимущественно за политическое воспитание, а не за вооруженную борьбу. Революционная организация уже никогда не возродилась, хотя многие ее бывшие члены оказывали влияние на деятельность других организаций⁴³.

В 70-х годах Туде восстановила многие из позиций, которые потеряла в отмеченных печатью раскола 60-х годах; значение религии как средоточия политических сил для борьбы

против шаха стало ясно даже Туде. «Мы признаем воинствующую религию силой, пригодной для борьбы против угнетения и несправедливости,— писал Табари.— Мы не признаем ее силой, которая учит безразличию, пассивности, мистицизму и жалости к себе»⁴⁴. Новому усилению Туде содействовало также то обстоятельство, что в 1960 г. с нею опять объединилась ДПА, причем глава ДПА Данешьян даже вошел в состав Центрального комитета Туде в изгнании. В 1960 г. Туде в официальном заявлении впервые признала права «национальностей» и разрешила ДПА издавать свои документы на азербайджанском языке. Хотя ДПА сохраняла организационную независимость, ее превращение в филиал Туде в Азербайджане во многом содействовало усилению последней. Туде и ДПА оставались союзниками вплоть до времени создания этой книги⁴⁵.

В начале 70-х годов в результате слияния двух революционных групп возникла не связанная с Туде марксистская организация, именующая себя «Сазмане черикае федаие халге Иран» — «Организация партизан-федаев иранского народа» (ОПФИН). Одна из этих групп, более секулярная, возглавлявшаяся Биджаном Джазани, состояла в основном из бывших членов молодежных организаций Туде; другая, более религиозная, руководимая Масудом Ахмадзаде и Амиром Парвизом Пуяном, включала главным образом бывших членов молодежных организаций, входивших в Национальный фронт. Будучи студентом Тегеранского университета в относительно либеральное время между 1960 и 1963 гг., Джазани принимал участие в работе организаций, входивших в возрожденный Национальный фронт. Основанная им группа в те годы из-за полицейских репрессий, предпринятых шахом, все более склонялась к вооруженной борьбе. После того как Джазани в 1968 г. был арестован, группа продолжала свою деятельность под руководством его товарища Хамида Ашрафа⁴⁶. Ахмадзаде, чей отец был членом возглавлявшегося Базарганом «Движения за свободу», происходил из религиозной мешхедской семьи: Пуян окончил медицинский факультет Мешхедского университета. Усиление полицейских репрессий заставило группу Ахмадзаде—Пуяна, первоначально созданную для изучения марксизма, выдвинуть идею вооруженного сопротивления. Несмотря на то что члены группы были более религиозны (не только в общественной практике, но и часто в повседневной жизни), чем члены группы Джазани, их программа была более радикальна⁴⁷.

В марте 1971 г. две группы слились, образовав ОПФИН. Новая организация (особенно фракция Ахмадзаде—Пуяна) подвергла критике Туде за отказ от вооруженной борьбы ради «выживания» и во имя стратегических интересов Со-

ветского Союза. «Любой курс, ставящий целью только выживание марксистско-ленинских групп и организаций и не уделяющий никакого внимания их росту, — писал Пуян, — является оппортунистическим и пораженческим»⁴⁸. Советский Союз, по мнению Ахмадзаде, осуществлял ревизионистский курс во внутренней политике, реакционный — во внешней. Джазани как бывший член Туде уступал в первом пункте, но настаивал на том, что внешняя политика Советского Союза не реакционна⁴⁹. Туде отвечала в том же духе, именуя ОПФИН «авантюристической организацией» и сравнивая ее политику с бакуинской «пропагандой Действия»⁵⁰.

ОПФИН критиковала Туде и Национальный фронт также за их политику по отношению к меньшинствам, одновременно критикуя ДПА за ее «автономизм». Али Реза Набдель, азербайджанский интеллигент и друг Самада Бехраи-ги, возглавил отделение ОПФИН в Азербайджане. Он нападал на персидский шовинизм, одновременно характеризуя провинциальный национализм как «буржуазный», отрицающий классовую борьбу. «Нет народов, стоящих выше других, и необходимо единство масс для классовой борьбы. Любой иной метод борьбы обрекает на неудачу... Смерть персидскому шовинизму, смерть провинциальному национализму! Провинциальный национализм наносит вред марксизму». Он отмечал жестокость угнетения в Курдистане, где с курдами обращались как с иностранцами из-за их религиозных и племенных отличий⁵¹. ОПФИН считала, что земельная реформа превратила Иран из феодальной страны в буржуазно-зависимую. Буржуазная зависимость означала, что следующая революция будет не буржуазно-демократической, а народно-демократической, прямо ведущей к социализму⁵². Критикуя вслед за Голесорхи Запад и экономическую и культурную зависимость Ирана от него, ОПФИН подвергла критике и собственную культуру Ирана. Член группы Джазани, Али Акбар Сафари Фарахани, писал: «Мы не должны прекращать борьбу с империализмом, заставляющим нас искать убежище в реакционной, консервативной и упадочной культуре иранского общества, так как это будет означать исторический регресс»⁵³. Следует отметить, что ОПФИН не доверяла традиционным общественным элементам; среди ее кадров в период, предшествовавший исламской революции, не было базари и представителей духовенства⁵⁴.

Вера группы Ахмадзаде—Пуяна в то, что «революционные силы», т. е. вооруженное восстание, непременно переделают массы, была так велика, что Ахмадзаде выступал против создания любой политической партии до восстания, которое как раз и приведет к созданию «объективных условий», делающих возможным образование рабочей партии.

и тогда произойдет «революция внутри революции»⁵⁵. Ашраф так объяснял решение взяться за оружие: «Мы пришли к заключению, что в начале нашей деятельности полицейские репрессии не позволят нам создать крупную организацию. Поэтому мы избрали принцип работы в маленьких ячейках. Целью этих групп было нанесение ударов по врагу, чтобы уничтожить атмосферу репрессий и доказать массам, что единственный путь борьбы — это вооруженное восстание»⁵⁶. Поэтому группа Джазани отказалась от упора на организационную подготовку, по крайней мере на время, в пользу «партизанской войны и еще раз партизанской войны».

После споров о том, где предпочтительнее сосредоточить партизанскую активность — в сельских районах или в городах, — ОПФИН приняла решение действовать одновременно и тут и там. Группа Ахмадзаде—Пуяна взяла на себя города, а группа Ашрафа, именовавшая себя «Джунгель», — сельскую местность. Как и Демократическая партия в Конституционную эру, ОПФИН основала первые свои четыре отделения в Тегеране, Мешхеде, Тебризе и Реште⁵⁷. Партизанские операции начались на севере. Первые акции в Хорасане оказались неудачными из-за огромного влияния религии в этой крайне консервативной провинции; тамошние муллы не давали крестьянам присоединяться к революционерам⁵⁸. В 1971 г. один фedaй был схвачен жандармами в Сиахкеле (Мазендеран); это вызвало нападение ОПФИН, ставшее известным как «Растахизе Сиахкель» («Возрождение Сиахкеля»). Сельское население не поддержало партизан, предпочтя сотрудничать с режимом, который ответил на акцию ОПФИН жестокими репрессиями. Рейд на Сиахкель закончился гибелью всех участвовавших в нем фedaев; в последующие несколько месяцев почти все основатели ОПФИН были убиты или брошены в тюрьмы. Тем не менее события в Сиахкеле считались пропагандистской победой, и на смену погибшим фedaям быстро пришли новообращенные энтузиасты. Между нападением на Сиахкель и летом 1978 г. ОПФИН совершила более 2 тыс. акций сопротивления, повлекших за собой множество жертв; центром этих акций продолжали оставаться северные провинции⁵⁹.

К концу 1976 г. Джазани, Ахмадзаде, Пуяни, Ашраф, Набдель, т. е. все основатели ОПФИН, были мертвы. Их место заняли Фаррох Негахдар и Али Кештгар, члены фракции Джазани. Отметив безуспешность пятилетней жертвенной борьбы, которая велась ради того, чтобы начать революцию, они пришли к выводу, что «объективные условия» для революционной деятельности еще не созрели. Негахдар, бывший член молодежной организации Туде, представлял в ОПФИН линию этой партии. Он считал, что революция должна пройти

буржуазно-демократическую стадию и что социалистической революции должна предшествовать интенсивная политическая подготовка. В 1977—1978 гг. с ним полемизировала Ашраф Дехгани, сестра одного из первых последователей Ашрафа (и дочь ветерана азербайджанской революции), получившая известность благодаря своему участию в партизанской борьбе. Она уподобила линию Негахдара позиции меньшевиков: по ее словам, меньшевики выступали за постепенную, этап за этапом, трансформацию общества, а не за ленинскую социалистическую революцию. Иран, говорила Дехгани, может перепрыгнуть через капиталистический период развития, как это сделала Россия в 1917 г. Вооруженное восстание создаст объективные условия для политического воспитания и революции. Это было повторение взглядов Ахмадзаде⁶⁰.

После исламской революции эти разногласия привели к разрыву. Вначале обе фракции отложили свои споры и присоединились к Туде в борьбе против шаха. Когда правительство Хомейни укрепилось у власти, туркмены в каспийском регионе создали сельские советы, которые потребовали проведения земельной реформы и предоставления автономии. Негахдар, следуя централистской политике Туде, выступил против этого локального восстания; Дехгани поддержала его. Дехгани была всецело враждебна исламской революции, ибо считала ее реакционным суррогатом классовой революции. После того как туркменское восстание было подавлено, она вышла из ОПФИН и создала группу «Партизаны-федан иранского народа» (ПФИН), отбросив слово «организация». Когда антиправительственная борьба развернулась в Курдистане, Дехгани недвусмысленно осудила Исламскую республику и призвала к немедленному вооруженному восстанию и классовой войне⁶¹. Во время создания этой книги группа Дехгани все еще действовала в Курдистане и продолжала быть стойким защитником идеи социальной революции, подчеркивая при этом необходимость решения национального вопроса. Она считала войну с религией частью классовой борьбы и по-прежнему осуждала политический курс Туде и ее лояльность Советскому Союзу⁶².

ОПФИН перенесла еще много расколов, самый крупный из которых был результатом войны в Курдистане и политики Исламской республики по отношению к этническим меньшинствам. Одна фракция, «Большинство», возглавляемая Негахдаром, продолжала оставаться на стороне Исламской республики, поддерживать Туде и относиться к Советскому Союзу как к «социалистической базе»; «Меньшинство» же квалифицировало тегеранское правительство как реакционную силу. Первоначально «Меньшинство» осудило призыв

Дехгани к оружию как «авантюристический», отметив первоочередную необходимость политического воспитания масс; но после изгнания в июне 1981 г. Банисадра оно также выбрало вооруженное восстание. «Большинство» оказывало поддержку Хомейни до 1983 г., когда Исламская республика разгромила его вместе с Туде. Остатки группы, перешедшие в подполье, сохраняли тесные идеологические и организационные связи с Туде⁶³.

В августе 1983 г. несколько небольших марксистских групп объединились и образовали «Хезбе комунисте Иран», Коммунистическую партию Ирана. Отделение этой партии, действовавшее в Курдистане, именовалось «Комоле». «Комоле» была соперницей ДПК и по сравнению с ней была значительно более классово ориентирована. Она рассматривала Курдистан как базу, с которой начнется иранская социальная революция.

Коммунистическая партия (и ее отделение «Комоле»), подобно столь многим левым группам в тот период, осуждала Туде, призывала к автономии этнических меньшинств в Иране и к установлению в стране демократической республики с народными революционными советами. Партия также критиковала Советский Союз за роль, которую он сыграл в гибели курдского и азербайджанского правительств в 1946 г.

Как и Дехгани, Коммунистическая партия Ирана считала воинствующую религию частью классовой борьбы. Любопытно, что шейх Эззуддин Хосейни, социалистический суннитский религиозный лидер Мехабата, поддерживал «Комоле» и ПФИН, будучи убежден, что религия не должна быть частью правительственной структуры. Поскольку Коммунистическая партия делала упор на классовую борьбу, у «Комоле» то и дело возникали яростные столкновения с более националистической ДПК⁶⁴.

Много общего с ОПФИН имела «Моджахедине халк», «Народные моджахеды» («Народные борцы за святое дело»). По социальному происхождению почти все члены этой организации, особенно те, что напоминали участников группы Ахмадзаде—Пуяна, принадлежали к религиозному традиционному среднему классу. В профессиональном отношении они занимали нижние ступени бюрократии и системы образования; очень большой процент составляли преподаватели средней школы. Таким образом, они были частью нижнего слоя нового среднего класса, которому мешал недостаток социальной мобильности⁶⁵. Мохаммед Ханифнежад и пять других недавних выпускников Тегеранского университета основали эту организацию в 1965 г. Ханифнежад, азербайджанец из Тебриза, был специалистом в области агро-

техники; он познакомился с Талегани и Базарганом в тюрьме после бурных событий 1963 г. Изучая марксистские работы, он пришел к заключению, что Национальный фронт потерпел неудачу из-за слабости организационной структуры и отсутствия ясной идеологии; он и его соратники решили, что более радикальный «Моджахедине халк» не будет страдать от этих недостатков⁶⁶. Сплоченная тайная организация своей тактикой была во многом обязана Ленину. В ее идеологии сочетались марксизм и шиитский ислам: «Ислам и марксизм,— говорилось в брошюре „Моджахедине халк“, изданной в 1975 г.,— выполняют одну и ту же миссию, так как оба они борются против несправедливости. Поскольку ислам борется против угнетения, он может действовать бок о бок с марксизмом, который тоже борется против угнетения»⁶⁷. Моджахеды, находившиеся под влиянием Шарнати, решили использовать шиитский ислам как средство мобилизации масс.

Подобно ОПФИН, моджахеды выступали за партизанскую войну как в городах, так и в сельских районах. Однако они утверждали, что шахская земельная реформа уничтожила революционный потенциал деревни, и настаивали на том, чтобы предпочтение было отдано городу. Как и ОПФИН, моджахеды ратовали за создание народной армии в ходе партизанской борьбы против режима. Их цели во внешней политике состояли в том, чтобы ликвидировать влияние Запада и сделать Иран неприсоединившейся страной; тут ощущалось влияние мосаддыковской концепции негативного равновесия. Однако в отличие от ОПФИН моджахеды, испытывая влияние ислама, не поддерживали классовую войну; они предлагали заключить союз между рабочими и средним классом. Также в отличие от ОПФИН они не поднимали вопроса об автономии для этнических меньшинств. Эти различия в сочетании с настойчивым желанием моджахедов использовать ислам в качестве идеологической базы вели к постоянным трениям с ОПФИН. После исламской революции это несогласие часто мешало их сотрудничеству⁶⁸.

Моджахеды начали партизанскую борьбу в 1971 г., стремясь испортить шаху пышно отмечавшееся 2500-летие Иранского государства. К концу 70-х годов их деятельность, как и активность ОПФИН, из-за полицейских репрессий пошла на убыль. Все первоначальные члены группы и многие из вступивших позднее были убиты, а большинство остальных брошены в тюрьмы. Кроме того, группа страдала от раскола. После состоявшейся в 1974 г. поездки нескольких членов группы к Хомейни в Багдад от «Моджахедине халк» откололась «Сазмане марксист-ленинистие пейкар» («Марксистско-ленинская организация борьбы»). Те, кто посетил

Хомейни, принадлежали к числу самых благочестивых мусульман в составе группы, но настойчивое желание аятоллы, чтобы его признали их духовным и политическим лидером, заставило их усомниться в целесообразности существования шиитской иерархической структуры. В середине 1975 г. они вышли из «Моджахедине халк», отказавшись от веры в шиитский ислам как в потенциально прогрессивную силу. «Пейкар» базировалась на более традиционной марксистской концепции классовой борьбы; после революции «Пейкар» стала все больше ориентироваться на маоизм и сблизилась с ПФИН, руководимой Ашраф Дехгани⁶⁹.

Несмотря на раскол и репрессии правительства, «Моджахедине халк» сохранила свою организационную структуру и оказала немалое содействие делу революции. В 1978 г., когда правительство Бахтиара в рамках запоздалой либерализации освободило ее членов, еще находившихся в тюрьмах, и когда революция набирала силу, число вооруженных членов «Моджахедине халк» превысило 100 тыс. 12 февраля 1979 г., в годовщину нападения на Сиахкель, моджахеды вместе с Туде и ОПФИН, представлявшими менее значительную силу, подняли восстание, которое нанесло режиму Бахтиара последний удар.

В ходе революции росло соперничество между аятоллой Хомейни и моджахедами; когда лидеры моджахедов формально поддерживали призыв Хомейни к установлению теократии, среди них не было единства. Многие из них предпочитали более секулярное демократическое правительство, но большинство не желало идти на риск потери революционных побед, создавая открытый разлад. Они стремились скорее не ликвидировать, а смягчить теократию Хомейни, предложив на пост президента Исламской республики аятоллу Махмуда Талегани⁷⁰. В конце лета 1979 г., однако, вспышка этнических революций и требование Хомейни установить исламскую теократию побудили моджахедов пересмотреть свою позицию в вопросе об этнических меньшинствах. Во время туркменского восстания моджахеды осудили акции ОПФИН; но теперь революционная программа моджахедов (принятая в январе 1979 г.) призывала к большей терпимости по отношению к «национальным меньшинствам». Она также призывала к принятию социального законодательства, защищающего интересы рабочих, к экспроприации собственности компрадорской буржуазии, национализации природных ресурсов, предоставлению женщинам равноправия и созданию народной армии. Все эти требования угрожали существованию Исламской республики. Хомейни отказался создать народную армию или народные советы, на чем настаивали левые моджахеды, так как опасался, что эти ин-

ститы покусаясь на его власть. Все эти меры, указывал он, противоречат патриархальной концепции имамата⁷¹.

После того как в июне 1981 г. был смещен Банисадр, моджахеды в знак протеста развязали кровавую уличную войну и временно объединились с ним в попытке создать правительство в изгнании. С этого времени организация оказалась вовлечена в партизанскую войну с Исламской республикой. Ее главная база находилась в Курдистане на границе между Ираном и Ираком. Даже после заключения в 1988 г. перемирия с Ираком моджахеды развернули наступление в южном Курдистане; в самом Иране их деятельность концентрировалась в городах. Их программа призывала к созданию конфедеративной системы управления при значительной местной автономии. Марксизм и ислам, два компонента их прежней идеологии, уступили место национализму⁷².

За пределами Ирана также существовали активные группы, посвятившие себя политической борьбе против шаха; двумя главными организациями были Иранская студенческая конфедерация и Исламское студенческое общество (ИСО). Конфедерация была основана в конце 50-х годов. Как и Национальный фронт, она включала множество разнородных групп. Ее главным организатором и номинальным руководителем был Али Шаеган, член кабинета Мосаддыка. По словам Санджаби, «шахские репрессии заставляли нас искать путь для проявления политической активности, чтобы наш голос был услышан за рубежом. Мы считали, что создание этой конфедерации предоставит нам такой путь»⁷³. После 1960 г. Тууде (в то время проводившая политику единого фронта) объединилась с конфедерацией; благодаря своей идеологической приспособляемости Тууде вскоре завоевала в ней огромное влияние. В 1967 г. конфедерация слилась с Ассоциацией университетских студентов, просоветской группой. Однако здесь, как и в откровенно марксистских группах, нашли отзвук китайско-советские разногласия. После того как группы, входившие в состав конфедерации, приняли сторону Мао, Тууде осудила их и создала свою собственную студенческую организацию⁷⁴.

ИСО было учреждено теми, кто представлял в конфедерации Национальный фронт и «Движение за свободу» и кого тревожило ее сползание влево. Нахшаб, ветеран «исламской социалистической» партии «Иран», создал отделение ИСО в Северной Америке. Мустафа Чамран, получивший докторскую степень в Беркли, помог Нахшабу увеличить его влияние в ИСО; позднее он стал министром обороны Исламской республики⁷⁵. Во Франции основателями филиала ИСО были Садек Готбзаде и Абольхасан Банисадр. Готбзаде, в

годы правления Мосаддыка поддерживавший Кашани, покинул Иран после переворота 1953 г. Живя в Соединенных Штатах и находясь под обаянием идей своего университетского преподавателя — либерального политолога Ричарда Коттама, Готбзаде присоединился к конфедерации, но затем вышел из нее из-за ее маоистской ориентации. Находясь во Франции, он сотрудничал с Банисадром в создании там отделения ИСО и в стремлении добиться поддержки арабских стран, таких, как Алжир. Семья Банисадра, отличавшаяся крайней религиозностью, приехала из Хамадана; его отец работал на Размару. Банисадр окончил теологический факультет Тегеранского университета. В 60-х годах он отправился в изгнание во Францию, где получил докторскую степень по экономике в Сорбонне. Там он написал много работ, осуждая зависимость Ирана от Запада и акцентируя внимание на неудачах экономической модернизации Ирана. Он выступал за негативное равновесие, опирающееся на религиозную базу. Он сказал автору: «Я находился под влиянием мосаддыковской концепции негативного равновесия, но после изучения этого вопроса понял, что Модаррес поддерживал ту же самую идею». Банисадр пришел к выводу, что негативное равновесие — это единственное средство, позволяющее обрести подлинную независимость: «Негативное равновесие должно основываться на религии, так как оно — продукт иранской культуры, религии и истории»⁷⁶. Его работы представляли собой смесь исламских догматов и секуляристских политических концепций, что было характерной чертой пропаганды ИСО и философии исламской революции на ее ранних стадиях. В них сильнее всего ощущалось влияние Шариати; ИСО распространяло произведения Шариати.

ИСО оказало значительное воздействие на принадлежавших к нижнему слою среднего класса технических специалистов военно-воздушных сил, когда они проходили стажировку в Соединенных Штатах. Члены ИСО вели агитацию среди этих молодых религиозных иранцев в тренировочных центрах в Колорадо, Техасе и Виргинии. Конфедерация и ИСО устраивали массовые демонстрации; их антишахская деятельность и публикации в огромной степени повлияли на общественное мнение Запада. Обе группы поддерживали также контакты с моджахедами в Иране и с Хомейни, находившимся в Ираке, и во время революции многие их члены вернулись в Иран, чтобы принять участие в уличных боях и антишахских демонстрациях. Технический персонал военно-воздушных сил, оказавшийся восприимчивым к пропаганде ИСО в Соединенных Штатах и сохранивший верность религиозному истеблишменту, перенес свой радикальный

ислам в мечети, расположенные поблизости от расположенных в Тегеране военных баз.

Конфедерация, подобно многим другим левым группам в ходе революции, раскололась на фракции, разошедшиеся во мнениях по вопросу об отношении к Исламской республике. Фракция, выступавшая за вооруженную борьбу, «Эттехадиее комунистхэе Иран» («Коммунистическая лига Ирана»), попыталась в январе 1982 г. поднять восстание в г. Амоль, расположенном недалеко от южного побережья Каспийского моря. Эта попытка, отмеченная традиционной враждебностью крестьян к этническим меньшинствам и явным атеизмом среди революционеров, потерпела фиаско⁷⁷. После удаления Банисадра (июнь 1981 г.) ИСО также разделилось на две фракции — более секулярную, промоджахедскую, и более религиозную, прохомейнистскую. Обе фракции продолжают функционировать, первая, разумеется, в изгнании или в подполье.

Аятолла Хомейни и основы исламской революции

Аятолла Рухолла Хомейни, центральная фигура исламской революции, начал свою политическую карьеру в качестве реформиста, а не революционера. Зять и ближайший сотрудник пользовавшегося всеобщим уважением и, как правило, далекого от политики аятоллы Хосейна Боруджерди, лидера шиитской иерархии, Хомейни не проявлял политической активности до самой смерти Боруджерди. В начале 50-х годов, являясь последователем Кашани, он помог ему убедить Мосаддыка не относиться терпимо к Туде; затем он отказался от политической деятельности. Аграрная реформа 1963 г., серьезно подорвавшая экономическое могущество духовенства, подтолкнула Хомейни к активному сопротивлению политике правительства. Отказавшись присоединиться к любой политической организации, он резко осудил нарушение шахом конституции и его связи с США и Израилем.

После того как Хомейни в 1964 г. удалился в изгнание, его вражда к монархии становилась все более непримиримой. Продолжавшееся вторжение шаха в сферу деятельности духовенства и его попытки — напомиравшие политику Реза-шаха — легитимировать свое правление подчеркиванием связей с доисламским прошлым Ирана вызвали ненависть Хомейни. В 1971 г., когда Мохаммед Реза-шах праздновал 2500-летие Иранского государства, Хомейни прочел цикл лекций, позднее включенных в его книгу «Велаяте факих хукомате эслами» («Правление законоведа-теолога: исламское правительство»). Эта книга стала идеологическим

обонованием Исламской республики. Хомейни подчеркивал необходимость «политической исламской революции» во всем мусульманском мире. Существующие в исламских странах правительства, заявил он, препятствуют единству мусульманской уммы, т. е. мусульманских народов: «Долг всех мусульман в каждой отдельно взятой исламской стране — довести политическую исламскую революцию до победного конца»⁷⁸. Соппротивление, которое он оказывал политическому разделению исламской уммы, объясняет его трения с националистами в Иране (включая этнические меньшинства) и повсюду в исламском мире после исламской революции⁷⁹.

Хомейни апеллировал к базари. Он предостерегал их: «Наша страна стала базой для Израиля. Наш базар также находится в его руках. Если такая ситуация продлится и мусульмане останутся индифферентными, наши базары перестанут существовать»⁸⁰. Это был намек на оказанное шахом нескольким еврейским и бехайтским семьям содействие, благодаря чему они приобрели монопольное положение в торговле, которое прежде было прерогативой базара.

В этой книге Хомейни впервые открыто осудил институт монархии. Обязанности правителя, заявил он, Мухаммед передал имамам, преемниками которых стали исламские богословы; они должны осуществлять одновременно и духовную и политическую власть, как это делали Мухаммед и Али. Хомейни отверг идею отделения религии от государства как заговор Запада, который стремится сделать Иран политически зависимым, воспрепятствовав тому, чтобы ислам играл предназначенную ему роль руководителя нации⁸¹. Ислам, подчеркивалось в этой книге, является источником всех законов и политической власти. Все законодательство должно быть основано на исламских законах, и культура, общество и юридическая система должны быть освобождены от неисламских влияний. Улама должны играть ведущую роль в спасении ислама от империализма путем установления исламского правления. Законоведы (факихи) должны обладать максимальной исполнительной и административной властью, а также властью в сфере планирования, поскольку они владеют высшим знанием ислама: «Факих обладает всем необходимым для того, чтобы сохранить нашу национальную свободу и независимость. Факих не поддается давлению чужеземцев... Ценой своей жизни факих защитит права, свободу и территориальную целостность исламского государства»⁸². Упор, который Хомейни делал на необходимости для имама или факиха отстаивать исламское единство и выполнять исламский закон, являлся отражением патриархальной, иерархической концепции шиитского имамата⁸³.

ИСЛАМСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Ислам должен стать социальной силой, которая ликвидирует разрыв между экономическими и общественными классами... Он должен также стать политической идеологией, которая возглавит национально-освободительное движение против империализма.

Али Шариати (1975—1976)

Во время революции интеллигенты и левые уподобляли Хомейни Керенскому, а себя — Ленину. Они не понимали народную культуру; однако муллы были продуктом этой культуры, и именно поэтому... они установили свою гегемонию.

Абольхасан Банисадр — автору

В начале 1977 г. международное давление вынудило шаха ослабить полицейские преследования. Ряд заграничных групп, в том числе студенческая конфедерация и ИСО, привлекли внимание мировых средств массовой информации к шахским репрессиям и широко применявшимся пыткам. К 1976 г. доклады «Эмнести интернешил» и Международной комиссии юристов содержали длинные и хорошо документированные списки, в которых были перечислены случаи нарушения прав человека¹; во время подготовки к президентским выборам в США Джимми Картер придал дополнительную остроту этой кампании. Как часто случалось в иранской истории, смена администрации в США вынудила шаха изменить свою внутреннюю политику. В первой половине 1977 г. в результате ослабления полицейского контроля и роста недовольства, вызванного экономическими неудачами, в Иране появилось множество реформистских групп. Самой важной из них был руководимый Базарганом Комитет для защиты свободы и прав человека в Иране, находившийся в контакте с американскими активистами движения в защиту прав человека. Адвокаты, писатели, учителя также создали свои профессиональные организации, открыто посылавшие письма протеста в шахский дворец. Преемники Национального фронта, включая «Движение за свободу», возглавили профсоюзы и организации, выступавшие в защиту прав человека. Хасан Назие, человек, близкий к Базаргану, стал во главе Ассоциации адвокатов. Рахматолла Могаддам, вы-

дающийся азербайджанский деятель Национального фронта, поддерживавший тесные связи с аятоллой Каземом Шариатмадари, религиозным лидером Азербайджана, возглавил Ассоциацию писателей. Мохаммед Дерахшеш, занимавший пост министра просвещения в кабинете Амини, возглавил Ассоциацию учителей.

В июне 1977 г. Базарган отправил шаху письмо, означавшее открытый протест. Подписанное лидерами Национального фронта — Санджаби, Бахтиаром и Форухаром, оно содержало просьбу о восстановлении конституции. Его авторы требовали замены новой шахской системы летосчисления иранским мусульманским годом и отказывали шаху в почетном титуле «Свет арийцев». Письмо широко циркулировало, хотя не было напечатано ни в одной газете². В 1977 г. визит шаха в Вашингтон был отмечен большой, хорошо организованной и откровенно враждебной демонстрацией, устроенной студенческой конфедерацией и ИСО; эта демонстрация была показана по иранскому телевидению, и она произвела огромное впечатление на общество³.

Шах вел двойственную политику по отношению к реформаторам. Он негласно позволил возобновить деятельность политических партий и уволил своего верного премьера Ховейду, назначив на его место Джамшида Амузегара, экономиста, получившего образование в Соединенных Штатах. Амузегару было поручено спасти иранскую экономику. Он отказался от политики, вызывавшей гнев базара. Правительство смягчило свою враждебность по отношению к духовенству и даже предложило субсидировать теологическую семинарию в Мешхеде; однако в числе жестких мер, принятых Амузегаром, было прекращение государственного субсидирования духовенства. В какой-то степени помирившись с базаром, шах оказал мощное давление на оппозицию, используя САВАК для запугивания ее лидеров, включая Санджаби, Бахтиара, Базаргана и Могаддама. Сочетая миролюбивые жесты и репрессии, он надеялся убрать их от руководства массами. Основываясь на прошлом опыте, монарх видел своего самого опасного врага в Национальном фронте, а не в религиозной иерархии.

Изгнание шаха

В январе 1978 г. в статье, напечатанной в выражавшей интересы двора газете «Эттелаат», Хомейни подвергся непристойным нападкам. Религиозный центр Кум немедленно восстал, и множество людей было убито. Шах объявил в Куме военное положение, и начался новый круг насилия.

В феврале, на сороковой день после резни в Куме (сороковой день после смерти — это обусловленный религиозными правилами день траура), демонстрация в Тебризе переросла в политическое восстание. Тебризский бунт, основными участниками которого были неквалифицированные рабочие из сельской местности, потерявшие работу из-за сокращения спроса, отличался крайней жестокостью; сотни людей были убиты. Шах продлил срок действия военного положения и заменил гражданского губернатора провинции генералом. Сороковой день после тебризской бойни был отмечен новым насилием по всей стране, так что этот цикл продолжался⁴. К лету страна корчилась в родовых муках революции. Шахская политика запугивания лидеров светской оппозиции и примирения с религиозными массами неожиданно привела к обратным результатам: массы нашли путь выражения политических чувств в религии и обрели политического лидера в лице бескомпромиссного аятоллы Хомейни. Магнитофонные записи и листовки, распространявшиеся в мечетях, знакомили народ с Хомейни, который, находясь в изгнании в Ираке, был недостижим для шахских органов безопасности. Когда шах договорился с Ираком о высылке Хомейни во Францию, это лишь подняло статус Хомейни. Внезапно этот религиозный лидер оказался в центре внимания всего мира и вызвал огромный интерес западных средств массовой информации и аналитиков разведывательных служб.

Шах продолжал считать своим главным врагом Национальный фронт. В конце весны 1978 г. Санджаби уведомил общественность о том, что Национальный фронт желает принять участие в свободных выборах без коммунистов. Как Санджаби объяснял автору, причина, по которой было выдвинуто условие о неучастии коммунистов, состояла в том, чтоб лишить шаха его обычного предлога для уклонения от свободных выборов — «боязни коммунистического проникновения»⁵. В ответ на это предложение шах назвал Национальный фронт «более вероломным, чем Туде»⁶. В конце лета, стремясь противостоять Национальному фронту, шах убрал Амузегара, чья политика «затягивания поясов» была непопулярна в народе, и назначил на его место Шариф-Има-ми, тесно связанного с религиозной иерархией. Шариф-Има-ми сделал несколько жестов, чтобы умиротворить шахских оппонентов, в том числе распустил «Растахиз» и отменил имперский календарь. Однако эти уступки были слишком незначительными, слишком запоздалыми.

В конце 1978 г. нижний слой нового среднего класса, твердо вставший в оппозицию режиму, в то время как шах пребывал в нерешительности, начал действовать. Осуществляя жесткий контроль над невероятно разросшейся бюро-

кратией, этот класс был в состоянии парализовать деятельность режима, устраивая частые стачки. Забастовки технических специалистов, работающих в Национальной иранской нефтяной компании, лишили правительство его доходов; забастовки учителей и большинства служащих министерства просвещения высвободили учащихся для демонстраций. Колеса государственной машины вертелись со скрипом и грозили остановиться. Используя свои тесные религиозные и социальные связи с рабочим классом и базаром, лишний слой среднего класса не позволял правительству эффективно реагировать на действия духовенства, базара и городской бедноты. К сентябрю ситуация настолько вышла из-под контроля, что Шариф-Имамы объявил в Тегеране военное положение; однако волна революции была уже так высока, что народ попросту игнорировал эту меру. Во время кровавого столкновения, вспыхнувшего 8 сентября 1978 г. на площади Жале в центре Тегерана, погибли сотни людей. Резня, получившая название «черная пятница», уничтожила всякую надежду на то, что шах когда-нибудь достигнет компромисса с реформистскими элементами среди религиозной оппозиции. Начальник Генерального штаба генерал Голам Реза Лэхари заменил Шариф-Имамы и ввел военное правление во всех главных городах Ирана.

Шах, отчаянно нуждавшийся в союзниках против религиозных сил, попытался найти компромисс с лидерами Национального фронта и другими либеральными деятелями, которых он раньше преследовал. Прежде всего он предложил пост премьер-министра Амини, но, поскольку Амини выдвинул в качестве предварительного условия передачу ему контроля над армией и отречение шаха, переговоры окончились неудачей. Тем временем Санджаби отправился в Париж, чтобы встретиться с Хомейни и предложить ему союз с Национальным фронтом. Санджаби охарактеризовал этот союз как средство добиться для Ирана свободы, «подобно союзам между светскими конституционалистами и религиозными элементами, которые заключались в конституционную эру»⁷. Под давлением Хомейни, добивавшегося уничтожения всякой возможности компромисса с шахом, Санджаби сделал заявление, в котором провозгласил монархию Пехлеви незаконной и противоречащей принципам ислама. По возвращении Санджаби в Тегеран шах, находившийся в еще более отчаянном положении, предложил ему пост премьер-министра; Санджаби согласился при условии, что шах уйдет и передаст ему контроль над армией. «Если я покину страну, никто не сможет контролировать армию», — ответил шах. Не получив такого контроля, Санджаби не пожелал принять пост премьер-министра; он сказал автору: «Как я мог доверять шаху

после того, что он сделал с Кавамом после событий в Азербайджане и Курдистане? После того, что он сделал с Мосаддыком и Аминни?»⁸. Прежние победы шаха посеяли среди лидеров оппозиции и в народе подозрения и цинизм; это и способствовало его свержению.

Многие давно существовавшие оппозиционные группы оказались совершенно не готовы к этим событиям. Национальный фронт все еще не имел ясной идеологии, программы и четкой организационной структуры. Он попытался заключить официальный союз с «Движением за свободу», но секуляризм фронта, противоречащий религиозной ориентации «Движения за свободу», завел переговоры в тупик⁹. Там же возобновила свою деятельность и, придерживаясь политического курса, проводившегося ею после 1960 г., попыталась сформировать единый фронт против диктатуры. Базарган и другие лидеры Национального фронта отказались от такого альянса. Традиционные взаимные подозрения либералов и коммунистов, продолжавшие существовать и после революции, способствовали консолидации власти в руках духовенства¹⁰. В то время как Национальный фронт все еще находился в шоке под напором революционных событий, моджахеды и ОПФИН развернули энергичную партизанскую войну против шаха, используя Хомейни как символ. Доминирование в Иране антиамериканских настроений облегчило Хомейни завоевание политического превосходства над Национальным фронтом. Хомейни постоянно выступал против Соединенных Штатов за их поддержку шахской диктатуры. В глазах иранцев США заменили Англию в качестве главного угнетателя Ирана, и Хомейни нажил на этом немалый капитал.

Находясь во Франции, Хомейни (под давлением своих советников, в первую очередь Банисадра) уменьшил до минимума враждебность к Соединенным Штатам; свои планы относительно будущего иранского правительства он излагал в обдуманно неопределенных выражениях и яростно поносил коммунистов. На Соединенные Штаты и другие западные державы, прежде всего на Францию, произвела впечатление известная умеренность его официальных заявлений, вследствие чего в тот период администрация Картера относилась к нему благосклонно. Поддерживать шаха становилось все более трудным делом¹¹. Пытаясь вернуть доверие Запада, шах назначил премьер-министром Бахтиара, заместителя Санджаби. Прошло совсем немного времени, и шах, испытывавший мощное давление как внутри страны, так и извне, покинул Иран. Национальный фронт, категорически отвергавший любой компромисс с монархией, вскоре изгнал Бахтиара.

Исламская республика

Бахтиар стремился создать нецеликом объединившуюся конституционную монархию по образцу той, которая предусматривалась конституцией 1906 г. Это предприятие было обречено на неудачу; различные рода вооруженных сил не имели опыта совместной деятельности и не привыкли получать приказы от гражданских лиц. Проводившаяся шахом политика «разделяй и властвуй» чрезвычайно ослабила оставленные им после себя правительство и армию. Бахтиар, будучи не в состоянии осуществлять контроль над Тегераном, настойчиво добивался сохранения власти над провинциями (в связи с этим заслуживает внимания сходство с политикой Керенского по отношению к Финляндии); своей централистской политикой, напомиравшей политику Национального фронта, он вызвал значительную оппозицию в Азербайджане, Курдистане и Белуджистане. Его попытки восстановить порядок оказались безнадежны, так как армейские части перешли на сторону революции¹². Тяжелые уличные бои в Реште, Тебризе, Сенендедже и Мехабате, а также в Тегеране, начатые 12 февраля 1979 г. ОПФИИ и моджахедами в память о совершенном в 1971 г. налете на Сиахкель, вызвали дезертирство технического персонала военно-воздушных сил, размещенного в Тегеране. Эти техники, долгое время соперничавшие с более высокооплачиваемой и более привилегированной шахской гвардией, с восторгом присоединились к тем, кто сражался против нее. Крах умеренного правительства Бахтиара был предрешен.

Преемником Бахтиара при поддержке Хомейни стал Базарган, и в течение всего недолгого правления умеренных продолжалось «двосвластие». Хомейни выбрал Базаргана вследствие его принадлежности к религиозному «Движению за свободу», которому аятолла отдавал явное предпочтение перед Национальным фронтом¹³. Однако, как позднее отметил Банисадр, «правительство Базаргана было реформистским и не могло принимать революционные меры. Его правительство было не в состоянии ответить на чудовищное давление снизу, и это давление... в конце концов привело к захвату муллами политической власти»¹⁴. Вследствие своих тесных связей с религиозными массами духовенство сумело использовать в своих целях это давление снизу. Стремясь нейтрализовать духовенство, Базарган предоставил многим духовным лицам, в том числе Хашеми-Рафсанджани, высокие административные посты; по словам Банисадра, он сделал это для того, чтобы доказать, будто они являются некомпетентными администраторами. Эта тактика дала обратный результат: духовенство обрело опыт управления¹⁵.

Власть Базаргана вскоре значительно ослабили радикальные исламские революционеры, доминировавшие во многих альтернативных центрах власти, в первую очередь в Революционном совете, в котором преобладало духовенство и которым руководил аятолла Мохаммед Бехешти, вседущий идеолог исламской революции. Даже светские члены совета были большей частью участниками «Движения за свободу», весьма чувствительными к мнению религиозных авторитетов. Совет стал главной базой власти. Банисадр, ходжат оль-эслам (религиозный титул, на одну ступень ниже аятоллы) Али Хаменеи и ходжат оль-эслам Рафсанджани — все они, пройдя через должность члена совета, достигли высоких правительственных постов; Хаменеи стал позднее президентом. Любая акция правительства Базаргана требовала одобрения совета. В случае разногласий с правительством совет обращался к Хомейни, который обычно принимал решение в его пользу. Весной 1979 г. совет передал Хомейни проект конституции, который был подготовлен назначенными Базаргачом членами Национального фронта и «Движения за свободу». Хомейни, заметив, что предложенная светская конституция не содержит положение о «веляйте факих», т. е. об опеке исламского законооведа над обществом, и предусматривает созыв местных законодательных собраний, немедленно отверг его. «За какие-нибудь несколько месяцев, — сказал Мансур Фарханг, бывший иранский посол в ООН и советник Банисадра, — Революционный совет стал подлинным хозяином Ирана»¹⁶.

Прочие альтернативные центры власти включали революционные комитеты и революционные трибуналы, Исламскую республиканскую партию (ИРП) и, после мая 1979 г., пасдаров, или стражей революции, которые заменили собой остатки шахской армии. Эти вспомогательные центры власти образовали целую сеть под непосредственным руководством Революционного совета и Бехешти, способствуя решению задач революции на всей территории Ирана. Исламские комитеты, созданные на заводах, в деревнях и в городских кварталах, несли власть ИРП в самые отдаленные уголки страны, давая указания в духе концепций исламского государства и заменяя собой местную администрацию. Трибуналы осуществляли революционное правосудие, истребляя офицеров шахской армии, агентов САВАК и крупных чиновников. Базарган постоянно критиковал деятельность комитетов и трибуналов, негодуя по поводу того, что они ослабляют его власть¹⁷.

Недовольство этнических и религиозных меньшинств, загнанное при Мохаммеде Реза-шахе, так же как и при его отце, вглубь, выплеснулось наружу в революционную эру.

Центральное правительство (и Базарган, и Революционный совет со своими филиалами) вскоре встретилось с сильным сопротивлением в Курдистане, Хузестане, в районах расселения туркмен, в Азербайджане и Белуджистане. В первые же дни революции курды, жившие в районе Мехабада, потребовали автономии и свободного использования родного языка. Когда группа экспертов, контролировавшаяся ИРП, стала готовить исламскую конституцию, сопротивление курдов усилилось. Курды-сунниты возражали против включения в конституцию шиитской концепции «веляйте факих» и отсутствия в ней положения о местных законодательных собраниях. Курдская оппозиция правительству со временем радикализировалась настолько, что суннитский религиозный лидер в Мехабаде Эззуддин Хосейни заявил о своей приверженности социализму и потребовал создания в Курдистане крестьянских советов. Аятолла Талегани открыто встал на сторону курдов в развернувшемся летом 1979 г. споре об автономии¹⁸. Вооруженные столкновения между курдами — суннитами и шиитами начались в районе Сенендеджа, а в районе Резайе (как и в 1946 г.) — между курдами-суннитами и азербайджанцами-шиитами. Несколько левых групп, в том числе ДПК и ПФИН, захватили контроль над городами в северном Курдистане и избрали свои собственные местные законодательные собрания. Хотя эта администрация была изгнана из городов, вооруженная борьба в Курдистане продолжалась и в момент работы над этой книгой.

В Азербайджане несколько групп также пытались установить местную автономию. Одна из таких групп, «Пишгаман» («Разведчики»), образовавшаяся в Тебризском университете и состоявшая из студентов и рабочих, была тесно связана с аятоллой Шариятмадари. Возражения, которые Шариятмадари выдвигал против включения в конституцию принципа «веляйте факих», вызвали все увеличивавшийся разлад между ним и Хомейни. В конце 1979 г. «Хезбе халке мосальман», Исламская народная партия (ИНП), захватила контроль над Тебризом и попросила поддержки у Шариятмадари. Губернатор Азербайджана Могаддам, член Национального фронта, принял сторону ИНП; ДПА, которая теперь равнялась на централистскую Туде, встала на сторону центрального правительства. Мятеж был подавлен в течение нескольких дней¹⁹.

Остальные восстания этнических меньшинств происходили в основном на религиозной почве; сунниты-белуджи дрались с шиитами-систанцами и просили предоставить им автономию; в Хузестане арабы — сунниты и шииты сражались с персами-шиитами и центральным правительством: арабы, как и белуджи, требовали автономии. В Бендер-Ленге на

Персидском заливе также происходили кровавые столкновения между суннитами и шиитами. Однако в северных провинциях многие бунты, хотя и носили этническую или религиозную окраску, имели одновременно отчетливое классовое содержание. В Курдистане, Мазендеране, Гиляне, восточном Азербайджане и прикаспийском Туркменистане крестьяне поднимались, требуя раздела земли. Движения в Гиляне и Мазендеране, организованные левыми студентами, именовались «дженгеллийскими», в память о движении Кучек-хана. В суннитском Туркменистане, как было отмечено выше, крестьянские советы конфисковали землю вопреки желанию центрального правительства. Попыткам ОПФИН координировать действия участников туркменского восстания воспрепятствовали языковые, религиозные и культурные барьеры, подобно тому как это было в 1945 г. во время восстания в Хорасане²⁰.

На всем протяжении буйного периода двоевластия радикальные светские группировки, в том числе Туде, моджахеды и значительная часть ОПФИН, поддерживали Хомейни в борьбе против Национального фронта и других либеральных организаций. Централизм Хомейни и его антилиберальная и антизападная политика оказали влияние на левые группы. Туде классифицировала иранскую революцию как «демократическую антиимпериалистическую» и избрала политику единого фронта с революционными силами — исключая либералов, — в то время как революция еще не закрепила свои завоевания. По мнению Табари, эта политика восходила к тезисам Хайдар-хана во время гилянской революции. Антагонизм, который Туде и прочие левые группы питали к Национальному фронту, чрезвычайно облегчил Хомейни устранение либеральной оппозиции²¹. В ноябре 1979 г. Базарган был вынужден уйти в отставку. Его соперник Банисадр наследовал ему, но вскоре оказался в таком же положении; клерикальная фракция лишила его контроля над вооруженными силами, когда его власть и популярность стали там возрастать.

Психология осажденных, выработанная двумя одновременными международными кризисами, увеличила влияние Революционного совета и связанных с ним организаций. Кризисы 1979—1980 гг. были вызваны удержанием американских заложников и иракским вторжением, которое привело к милитаризации общества. В этот период была принята исламская конституция, содержащая пункт о «веляйте факих» и не упоминавшая о местных законодательных собраниях. В июле 1981 г. Банисадр, попытавшийся бороться с всепроникающим доминированием ИРП в новых законодательных учреждениях, был снят со своего поста, причем

таким образом, что это напоминало государственный переворот. Контроль над вооруженными силами позволил религиозной фракции убрать его.

После удаления Баиисадра правительство стало, вне всякого сомнения, теократическим. Многие из тех, кто прежде поддерживал революцию, оказались его жертвами; в их числе были Готбзаде и Саиджаби. Шариатмадари был посажен под домашний арест в Куме; все оппозиционные группы были разогнаны. После того как было покончено с либеральными элементами, власти нанесли удар по левым группам, включая ОПФИН и моджахедов, а в 1983 г. — по Туде и ДПА²². Отныне страна находилась целиком во власти ИРП. Революционные трибуналы были интегрированы в систему правосудия. ИРП очистила бюрократию и университеты от идеологических противников и полностью исламизировала образование. Пасдары становились все более важной частью иранских вооруженных сил, отнимая влияние у регулярной армии. Исламские законы распространились на все стороны повседневной жизни — на моду, род занятий, брак, путешествия и коммерческую деятельность.

В этот радикальный период исламская революция, подобно революциям в Гвинеи и Азербайджане, обрела некоторое классовое содержание. Исламская республика укрепила свои позиции среди мостазефин, или эксплуатируемых, путем конфискации собственности таготи, т. е. класса эксплуататоров. Последняя группа, в сущности, была тем, что раньше было охарактеризовано нами как высший класс. Хомейни сумел добиться лояльности низших классов, в то время как левым партиям сделать это не удалось. Как объяснял бывший руководитель одной из ячеек «Пейкар», «марксистские группы жестоко спорили друг с другом и старались доказать, что каждая из них в идеологическом отношении выше другой; по-настоящему они не понимали иранской религиозной культуры. После революции многие левые политические агитаторы столкнулись с враждебностью „эксплуатируемых“ городских масс. Но Хомейни и ИРП вели агитацию в такой манере, которая была понятна угнетенным религиозным массам»²³.

После революции внешняя политика Ирана основывалась преимущественно на принципе негативного равновесия. Все военные соглашения с Соединенными Штатами были аннулированы, и все американские военные базы и станции слежения в Иране были ликвидированы; кризис, вызванный захватом и удержанием заложников, свел до минимума влияние США в Иране. Отношения с Советским Союзом были корректные, но холодные. Исламская республика проводила в разных вариантах политику «третьей силы». Экономиче-

ские и политические отношения с Китаем, Японией, Западной Европой, Северной и Южной Кореей укрепились; запасы нефти дали возможность Тегерану маневрировать между этими государствами. Иран пытался даже снова стать региональной державой. В это время краеугольным камнем региональной внешней политики была исламская идеология. Влияние улама на шиитскую общину в Ливане дало Ирану средство для достижения там своих целей; в ответ на сближение Ирака с консервативными арабскими режимами зоны Персидского залива был заключен союз с Сирией.

Война с Ираком была вызвана несколькими факторами, главным из которых был идеологический конфликт. Правительство баасистского Ирака защищало идею светской арабской ватан, отчизны; Исламская республика стремилась к созданию религиозной уммы, к единству всех мусульман, основанному на религиозных убеждениях. Ирак, как и Иран, пытался стать главной силой в Заливе и в арабском мире. Унижение, испытанное Ираком под ударами шахских вооруженных сил в короткой войне 1975 г., побудило его напасть на Иран. К моменту прекращения огня, в 1988 г., война превратилась в глобальную проблему; она в огромной степени воздействовала на отношения между сверхдержавами, а также на все сопредельные страны.

Оказавшаяся бесплодной попытка Соединенных Штатов завоевать влияние в Иране с помощью поставок оружия свидетельствовала об их желании установить равновесие с Советским Союзом и в самом Иране, и во всем регионе. Администрация Картера рассматривала идею об укреплении «исламского пояса» на южных границах Советского Союза и оказала Хомейни дипломатическую поддержку для этой цели; это не означало, что Соединенные Штаты разжигали исламскую революцию, просто администрация стремилась воспользоваться ситуацией. Политика «исламского пояса» была видоизменением американской политики «северного яруса», которая должна была воспрепятствовать действиям Советского Союза²⁴. Хашеми-Рафсанджани, следовавший умеренному экономическому и политическому курсу в исламских рамках, указал, что Иран хотел возобновить отношения с Соединенными Штатами. Администрация Рейгана, страстно желавшая восстановить равновесие в стратегически важном Иране, ухватилась за инициативу Рафсанджани.

Отношения Советского Союза с Исламской республикой были осторожны и отчасти неопределенны. На XXVI съезде в 1981 г. Коммунистическая партия Советского Союза предостерегала: «Знамя ислама может вести на борьбу за свободу. Это подтверждается историей, в том числе совсем недавней. Но она также показывает, что и реакция манипули-

рует исламскими лозунгами, чтобы подстрекать к контрреволюционным мятежам»²⁵. Поражает сходство с ленинским предостережением против панисламизма и вообще против буржуазного национализма. Отражение проблемы буржуазного национализма в коммунистической идеологии продолжает оказывать влияние на ирано-советские отношения. С одной стороны, Советы одобряли «антиимпериализм» религиозного национализма Исламской республики, с другой — их беспокоило противодействие, которое Хомейни оказывал социализму у себя дома и за рубежом²⁶. После разгрома Туде и других иранских левых групп отношения стали более напряженными.

Другая проблема, сохраняющаяся с гиланской эры, — это договор 1921 г. В то время как иранское правительство настаивает, что положения договора, позволяющие советским войскам вступить в Иран, больше не имеют силы, изучение советских источников, проведенное автором, показывает, что они считают эти положения действующими в полной мере²⁷. По мнению советского государственного деятеля и ученого Георгия Арбатова, политика мирного сосуществования предотвращает продвижение Советов в зону Персидского залива, которое неизбежно приведет к третьей мировой войне²⁸. Но поскольку защита социалистической базы подразумевает достижение не только стратегической, но и идеологической безопасности, Советы считают культурные движения такой интенсивности, как исламская революция, потенциально опасными факторами, когда они протекают на советской границе. Поэтому Советы были встревожены продолжением ирано-иракской войны и старались уговорить Иран прекратить ее. Советы рассматривали распространение политической гегемонии Ирана как идеологическую угрозу; в последние годы войны военные успехи Ирана и попытки США снова приобрести влияние в этой стране вызвали бурную советскую реакцию²⁹. В то время как вначале усилия Ирана, направленные на то, чтобы использовать напряженность, вызванную «холодной» войной между Москвой и Вашингтоном, сохранили ему свободу действий и дали возможность продолжать войну против Ирака, восстановление в 1988 г. дружественных отношений между сверхдержавами ликвидировало эту возможность маневра. Совместное противодействие сверхдержав продолжению войны и возникшие в Иране острые экономические и военные проблемы заставили его просить мира³⁰.

Как всегда бывало в иранской истории, фракции в государственном руководстве попытались установить контакт с великими державами, чтобы укрепить базу своей власти, связывая внутреннюю политику Ирана с внешней полити-

кой Соединенных Штатов и Советского Союза. Смерть Бехшти, наступившая летом 1981 г., открыла дорогу для восстановления фракционной борьбы в Исламской республике. Новые фракции образовались вокруг двух личностей: ходжата оль-эслама Рафсанджани и министра внутренних дел Али Акбара Мохташеми. Рафсанджани возглавлял более прагматичную фракцию, связанную в общественном мнении с прозападными настроениями; Мохташеми был лидером более радикальной фракции и ассоциировался скорее с антизападными заявлениями и чувствами. В сфере государственного управления Рафсанджани поддерживал эффективную администрацию, в то время как Мохташеми делал упор на революционной преданности; в военной сфере Рафсанджани выступил за главенство армии над более идеологически ориентированными пастарами и отнял у Мохташеми контроль над жандармерией; во внешней политике Рафсанджани был против распространения исламской революции на другие страны, защищая идею консолидации исламских сил в Иране. Он также стремился прекратить войну с Ираком и ратовал за более тесные связи с Западом, чему противились его оппоненты³¹.

Существовали также фракции внутри фракций, и соперничество не всегда было постоянным; например, многие годы занимающий президентский пост Али Хаменеи отошел от радикализма и сблизился с Рафсанджани. По мере приближения майских выборов 1988 г. вопросы внутренней жизни играли все большую роль. Той зимой Хаменеи (стоявший на умеренных позициях) публично заявил, что правительство не должно играть главную роль ни в экономике, ни в общественной жизни. Хомейни, остававшийся, когда он того хотел, окончательным вершителем судеб власти, резко ответил: «Правительство, происходящее от абсолютной власти пророка Мухаммеда, является главной властью в исламе... имеющей превосходство перед молитвой, постом и хаджем». Хомейни без колебаний отверг любую попытку ограничить власть исламского правительства. В качестве противовеса консервативному Наблюдательному совету, который оценивает принятые парламентом законы с точки зрения соответствия их исламу и который наложил вето на законы о земельной реформе и о положении рабочих, Хомейни создал новое учреждение — Ассамблею по определению выгодности принимаемых решений для исламского строя; ей был поручен пересмотр вето, принимаемых Наблюдательным советом³².

На майских выборах фракция Мохташеми в союзе с премьер-министром Али Мусави после проведения кампании, во время которой она выступала за увеличение правитель-

ственного контроля над экономикой, получила большинство мест в парламенте. Чтобы сохранить баланс сил, Хомейни, который в своих официальных заявлениях по проблемам экономики помог обеспечить победу радикалов, назначил умеренного Рафсанджани главнокомандующим вооруженными силами. Пасдары, всегда поддерживавшие сторонников жесткой линии и радикалов, были поставлены под прямое командование Рафсанджани. Хомейни поддержал внешнеполитические инициативы Рафсанджани, заглушив все возражения радикалов, как он сделал это раньше с публичной критикой по поводу переговоров с Оливером Нортон³³. Однако Мусави и его правительство продолжали защищать (и осуществлять) удушающий экономический контроль. Мохташеми после выборов открыто критиковал тех, кто поддерживает «капиталистическую экономику»: «Двадцать лет иранский народ боролся против угнетения во имя исламских ценностей, а не для того, чтобы дать возможность кучке капиталистов эксплуатировать людей, лишенных собственности, и управлять ими. Иначе какая разница между исламскими ценностями и системой угнетения?»³⁴.

Фракции занимались главным образом экономикой; но обсуждавшиеся ими экономические проблемы сфокусировались в основном на иностранных инвестициях, так что внешняя политика продолжала взаимодействовать с внутренней. Хаменеи и Рафсанджани не только поддерживали растущий иранский частный сектор, но и выступали в пользу участия Запада в послевоенной реконструкции экономики. Во время пятничной службы после подписания перемирия с Ираком Хаменеи заявил: «Многие нас шумно предостерегали, что мы не должны пускать в страну иностранцев и что те не должны вкладывать сюда деньги... Как недавно сказал господин Рафсанджани, мы должны избегать всех видов радикализма и эмоциональности при рассмотрении этих вопросов»³⁵. Хаменеи утверждал, что иранцы могут восстановить свою страну только с помощью иностранцев и что бешеная атака правительства против частных иранских инвесторов заставит столь необходимый капитал уйти в подполье. В той же проповеди он подверг критике организационную структуру и дисциплину пасдаров³⁶. Мусави и Мохташеми заняли жесткую позицию относительно участия иностранцев (т. е. Запада) в послевоенной экономической реконструкции. Они обвинили Хаменеи и Рафсанджани в попытке лишить Иран экономической и политической самостоятельности, сделав его зависимым от ввоза западных потребительских товаров: «В послевоенную эру, как и в годы войны, мы должны стараться контролировать цены в пользу мостазафин (угнетенных), и все наши доходы и политика расходов должны слу-

жить им»³⁷. В то время как предложенный Рафсанджани внутренний «свободный рынок» ассоциировался с прозападным уклоном, выдвинутое Мусави требование об осуществлении правительственного контроля над экономикой было связано в общественном мнении Ирана с просоветскими симпатиями³⁸.

5 сентября 1988 г. на совещании губернаторов, где присутствовали и Мохташеми и Мусави, премьер-министр восхвалял экономическую независимость как одно из достижений революции, причем объяснял эту экономическую независимость тем, что внешняя политика Ирана основана на принципе негативного равновесия. Он советовал губернаторам продолжать экономическую реконструкцию, не попадая в зависимость от иностранных инвестиций: «Мы должны остаться верны первоначальным и главным целям революции», что означало достижение самостоятельности во внутренней и внешней политике и, что еще важнее, экономической независимости. Мохташеми горячо рекомендовал восстанавливать Иран без участия иностранных корпораций и проводить более жесткую линию во внешней политике. В принятой на совещании резолюции подчеркивалась необходимость экономической реконструкции без всякой опоры на иностранные силы³⁹. Этот возрождающийся радикализм не прошел незамеченным. Через два дня, 7 сентября, Хомейни ограничил полномочия правительства в области контроля над экономикой. Между тем Рафсанджани и его союзники в парламенте вынудили выйти в отставку нескольких членов кабинета Мусави — министров планирования и бюджета, труда, энергетики и сельского строительства. Хомейни, однако, настоял, чтобы сам Мусави остался. Очевидно, Хомейни, как обычно, хотел сохранить соперника, чтобы обуздать с его помощью Рафсанджани⁴⁰.

В то время, когда писалась эта книга, «умеренные», возглавлявшиеся Рафсанджани, осуществляли несомненный контроль над правительством Исламской республики. «Умеренных» характеризует прагматический подход к экономике и революционным догмам, а также сильное желание добиться восстановления дружественных отношений с Западом. Их возвышение к власти пока напоминает катание на политических качелях, где внутренние и внешние факторы уравновешивают друг друга. Хомейни действовал как центр тяжести, позволявший сохранить в Иране хрупкое политическое равновесие, гарантировавший, что ни одна сторона не станет достаточно сильной, чтобы доминировать в созданной им политической системе. В этом он следовал образцу, хорошо известному в иранской истории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Всё, что разделяет народ на различные слои, является причиной отсталости Ирана.

Ахмед Кесрави (1945 г.)

Едиственное средство, которое возродит Иран... [это] проведение политики равновесия... Негативное равновесие может быть достигнуто только тогда, когда мы добьемся политического равновесия внутри страны.

Мосаддык (1944 г.)

Наша религия — это наша политика, и наша политика — это наша религия.

Аятолла Модаррес (1923 г.)

Экономическая модернизация при втором монархе из династии Пехлеви сопровождалась крайне слабым политическим развитием и привела к неудаче в попытке рационализировать или дифференцировать бюрократические институты. Не сумев использовать благоприятные возможности для роста социальной мобильности народа, его более широкого участия в политической жизни и циркуляции элит, монархия оттолкнула массы, вместо того чтобы их привлечь. Экономическая и политическая ситуация оказалась особенно невыгодна для нижних слоев нового среднего класса, религиозно ориентированных базари и городской бедноты, которая лишь недавно мигрировала из сельских районов. Попытки шаха добиться политической легитимности, опираясь на ассоциации с доисламским прошлым Ирана, лишь еще более отдалили от него духовенство, заключившее прочный союз с этими потерявшими надежду социальными слоями. Шах отнял реформаторский импульс у либерального национализма, одновременно разгромив либеральных националистов как потенциальных соперников в борьбе за власть; общественный и политический цинизм среднего класса, увековеченный поощрением аполитичности, не позволил ему превратиться в жизнеспособную политическую силу⁴¹. Вот почему революционный исламский национализм Хомейни остался единственным средством мобилизации масс.

Харизматический лидер Хомейни создал «национальный

миф», вокруг которого и смогла кристаллизоваться революция. Понимая решающую роль религии в политической культуре Ирана, Хомейни связал систему угнетения, созданную шахом, с западным империализмом и секуляризмом и призвал к изгнанию всех трех. Соперничество между светскими и религиозными силами за контроль над иранским обществом, ставшее очевидным во время Конституционной революции, пробудилось снова, и на этот раз оно закончилось триумфом религиозных сил. Однако этнические и религиозные раздоры очень мешают Исламской республике установить абсолютную политическую гегемонию. Центром оппозиции центральному правительству является Курдистан; основными причинами этой вражды являются требование автономии, а также разногласия в связи с религиозной и языковой политикой шиитского центрального правительства. Какова бы ни была окончательная судьба Ирана, многие населяющие его этнические меньшинства захотят, без сомнения, сыграть в ней важную роль. После смерти Хомейни характер борьбы политических группировок за контроль над Ираном может измениться. Однако модель фракционной борьбы, в которой сталкиваются разные подходы как к внутренней, так и к внешней политике, видимо, сохранится. В иранской политической системе глубоко укоренился обычай соперничества властных групп. Иран, возможно справедливо, считает равновесие и внутри страны, и во внешней политике единственным средством, которое поможет ему сохраниться как нации. Среди политических партий фракционность — периодически возникающая проблема. Идеологические и личные разногласия сделали сотрудничество внутри соперничающих светских партий, не говоря уже о сотрудничестве между ними, почти невозможным. Проблема выбора — централизм или местная автономия — продолжает быть источником идеологических разногласий. Вопрос об отношении к буржуазии — нелегкий для иранских левых со времен гиланской революции — по-прежнему создает трудности для левых партий. Связанный с этим вопрос — можно ли перепрыгнуть через «буржуазную стадию развития» и сколько эта стадия должна длиться — породил множество ересей.

Современная история Ирана свидетельствует о поразительной преемственности его внешней политики со времен Конституционной революции. При шахе, как и при постреволюционном правительстве, внутренняя и внешняя политика Ирана продолжала быть взаимосвязанной. В то время как шах осуществлял одностороннюю, прозападную политику, Исламская республика проводила курс на негативное равновесие между двумя сверхдержавами, следуя традиционной политике «третьей силы». Постреволюционное правительство

использовало трения между сверхдержавами, вызванные «холодной» войной, чтобы стать региональной силой. Нефть оставалась решающим фактором при формулировании и проведении внешней политики Ирана.

Политика США и СССР в отношении Ирана (как при шахе, так и Исламской республике) похожа на ту, которая существовала во время кризиса 1946 г. и до него. Соединенные Штаты скопировали британскую политику в отношении России, а советская политика оказалась по существу той же самой, что была выражена в договоре, подписанном в 1918 г. в Брест-Литовске. Целью политики США было сохранить Иран, предпочтительно прозападный Иран, в качестве буфера против Советского Союза. Советы же, следуя курсу на защиту социалистического лагеря, стремились свети до минимума влияние Запада, чтобы нейтрализовать Иран как потенциальную антисоветскую базу. Несомненно, обе эти цели, достижение которых предусматривало независимость Ирана, могли использоваться (и использовались) иранскими государственными деятелями, чтобы укрепить позиции Ирана на международной арене и свою собственную роль в политическом спектре Ирана.

Политические силы в самом Иране стремились поддерживать равновесие (позитивное или негативное) между великими державами. Хотя сами державы изменились — это касалось и Англии, и Соединенных Штатов, и Советского Союза, явившегося преемником царской России, — Иран сохранил прежнюю модель уравнивания одной силы с помощью другой. Великие державы играли активную роль на иранской арене в течение всего столетия, и соперничавшие политические группировки стремились заключить союз с одной державой, чтобы умерить влияние другой. Вследствие такой взаимосвязанности внутренних и внешних факторов почти невозможно изолировать их друг от друга. Взаимодействие внутренней и внешней политики оказало огромное влияние на судьбу Ирана и, несомненно, будет оказывать его и впредь.

Во времена кризисов характер индивидуума или нации проявляется чрезвычайно рельефно. Детали, которые могут быть плохо видимы в периоды затишья, становятся хорошо различимы. Сила, слабость, мотивации выходят на поверхность. Именно так обстоит дело со сдвигами, которые потрясли Иран в XX столетии.

Если бы проникательный наблюдатель взялся описать иранское общество и культуру начиная с того времени, когда нация еще находилась в мире сама с собой, то наиболее ясную картину относительного могущества различных социальных и культурных сил дали бы революционные перио-

ды. Самая поразительная черта революционных движений в современной иранской истории — это постоянство социальных сил, которые приводили их в движение. Классовая структура в Иране существенно менялась в прошлом столетии, но патриархальная религиозная культура страны оставалась по существу неизменной. В эру Конституционной революции светские и религиозные силы объединились в стремлении добиться парламентской системы, но антагонизм между этими двумя группировками был очевиден. В годы революций в Гияне и Азербайджане конфликт между светскими и религиозными силами был выражен резко, и пренебрежительное отношение к религии в огромной степени способствовало краху этих революций. Наконец, в эпоху исламской революции светские политики, вначале являвшиеся союзниками духовенства, были устранены с политической сцены пылкой исламской теократией.

В то время как крестьяне играли важную роль в некоторых ранних революциях, городские средние классы играли центральную, руководящую роль во всех революциях. Однако на протяжении века природа средних классов существенно менялась. В годы Конституционной революции средний класс включал в себя базари и мелкобуржуазную интеллигенцию. Ко времени азербайджанской революции модернизация, осуществленная Реза-шахом, создала новый, современный бюрократический средний класс, больше склонявшийся к секуляризму. Наконец, к моменту исламской революции современный средний класс раскололся на высший и низший сегменты, причем первый был тесно связан с монархией, а второй тяготел к духовенству и базари. Это был тот самый нижний слой среднего класса, который парализовал государственную машину Пехлеви и обеспечил успех исламской революции.

Левые сосредоточили свое внимание на эволюционирующей классовой структуре Ирана, будучи склонны рассматривать ее развитие как доказательство того, что страна вступила в более современную, капиталистическую стадию развития. Это убеждение привело иранских левых, от Туле до ПФИИ, к игнорированию жесткой преемственности патриархальной исламской культуры и ее влияния на массы. Это в значительной степени объясняет неудачу попытки левых, несмотря на их организационную силу, бросить серьезный вызов могуществу Исламской республики. Однако конфликт между централизмом и «автономизмом», возникший во время пилянкой революции, и существующие в Иране этнические, религиозные и языковые различия также оказались мощными источниками разобщенности. Персидский шовинизм и националистический централизм разжигали эт-

нические обиды на всем протяжении иранской истории XX в. Эти обиды еще более усилились, когда недавно в Исламской республике прозвучал обращенный ко всем гражданам недвусмысленный призыв покориться власти факиха.

Главная сила, формирующая иранскую историю XX столетия, не классовые интересы, а религиозная, патриархальная культура, которая не является и никогда не была единой, но делилась на сегменты — политические, религиозные и языковые, каждый из которых стремился обрести иностранных союзников, чтобы усилить свои позиции внутри страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1

¹ *Farhang M.* The Iran-Iraq War.— *World Policy Journal*. 1985, № 2, с. 665. Фарханг был послом Ирана в ООН при Банисадре. Ахмед Горейши, в конце 70-х годов являвшийся членом руководства искусственно созданной шахом партии «Растахиз», в феврале 1987 г. в речи, произнесенной на семинаре «Отношения Ирана с США» в университете штата Колорадо в Боулдере, согласился со мной, что политика Ирана является функцией личности.

² *Cottam R. W.* Nationalism in Iran, с. 134.

³ The Imamiat Succession to the Prophet. Qum, [б. г.], с. 1—2.

⁴ *Curzon G. N.* Persia and the Persian Question. Vol. 1, с. 433.

⁵ О деспотической, личной природе власти Каджаров см.: *Lambton A.* Persian Society under the Qajars.— *Royal Central Asian Journal*. № 68, April 1961, с. 123—139.

⁶ Полную характеристику расслоения иранского общества см.: *Abrahamian E.* Iran, с. 41.

⁷ Процентный состав религиозных групп: *Britannica Book of the Year* 1987, Chicago, 1987, с. 670. Процентный состав азербайджанского населения: *Fatemi F.* The USSR in Iran: The Background History of Russian and Anglo-American Conflict in Iran, its Effects on Iranian Nationalism and the Fall of the Shah. L., 1980, с. 78.

⁸ *Fatemi F.* USSR in Iran, с. 36—39; см. также: *Abrahamian E.* Oriental Despotism: The Case of Qajar Iran.— *International Journal of Middle East Studies*. № 5, January 1974, с. 3—31. О шахсевичах см.: *Сайкс П.* Тарихе Иран. Т. 2. Тегран. 1956, с. 272.

⁹ *Keddie N.* Class Structure and Political Power in Iran since 1976.— *Iranian Studies*. 1978, № 11, с. 330.

¹⁰ *Gastil R.* Middle Class Impediments to Iranian Modernization.— *The Public Opinion Quarterly*. № 22, Fall 1958, с. 325.

¹¹ О деревнях и их населении см. также: *Holliday F.* Iran: Dictatorship and Development, с. 106; *Abrahamian E.* Iran, с. 10—11. О племенах в Курдистане см.: *Песьян Н.* Марг буд базгашт хам буд, с. 154—155. В 1948 г. племя состояло из 200 родов. До этого времени северные курды считали южных курдов «аджам», иностранцами. Я благодарен Кариму Санджаби и другим курдским ученым, объяснившим мне это деление в деталях.

¹² Цит. по: *Hoveyda F.* The Fall of the Shah, с. 68—69.

¹³ См.: *Ono M.* On Socio-Economic Structure of Iranian Villages, с. 462.

¹⁴ *Kazemi F. and Abrahamian E.* The Nonrevolutionary Peasantry of Modern Iran.— *Iran Studies*. 1978, № 11, с. 293.

¹⁵ О кетхода и помещиках-абсентеистах см.: *Bill J. A.* The Social and Economic Foundation of Power in Contemporary Iran.— *Middle East Journal*. № 17, с. 400—418 (особенно с. 402).

¹⁶ См.: *Чакери Х., ред.* Аснаде тарихи. Т. 8, с. 137—183 (далее — Аснаде тарихи).

¹⁷ Ono M. On Socio-Economic Structure of Iranian Villages, с. 462.

¹⁸ См.: Lambton A. K. S. Landlord and Peasant in Persia, с. 6 и сл.

¹⁹ The Holy Qur'an. Lahore, 1975, Sura 4, Verse 59.

²⁰ В 1975 г. во время поездки в Дерезез (в Хорасане) я спросил в ближайшем селении у кетходы: «Кому принадлежит эта возделанная земля?» Я знал, что эта земля была передана крестьянам по аграрной реформе 1963 г., но что раньше она представляла собой религиозное пожертвование на содержание гробницы имама Резы. Но кетхода ответил: «Этой землей владеет имам Реза. Мы — его крестьяне». Чиновники в Дерезезе сказали мне, что это мнение разделяют все тамошние крестьяне.

²¹ Lambton A. K. S. Landlord and Peasant in Persia, с. 295—296; Академические труды. Т. 8, с. 138—139. См. также: Sahami C. L'Economie rurale et la vie paysanne dans la province sud-Caspicienne de l'Iran, le Guilan. P., 1965.

²² Kazemi F. and Abrahamian E. The Nonrevolutionary Peasantry, с. 289; Песьян Н. Марг буд базгашт хам буд, с. 154.

²³ Cottam R. W. Nationalism in Iran, с. 1—11, 23—32. См. также: Zonis M. The Political Elite of Iran; Abrahamian E. Iran, с. 153; Gastil R. Middle Class; Адибу Х. Табарее мотевасете джадид.

²⁴ См.: Chilcole R. H. Theories of Comparative Politics. Boulder, 1981, с. 352.

²⁵ Вопрос о том, можно ли именовать курдское и азербайджанское меньшинства «национальными меньшинствами», выходит за рамки данной книги.

²⁶ Pahlavi Mohammad Reza. Towards the Great Civilization. Цит. по: Hoveyda F. The Fall of the Shah, с. 27—28, 30, 118—120.

²⁷ Цит. по: Andriole St. J. and Hopple G. W. Revolution and Political Instability: Applied Research Methods. N. Y., 1960, с. 68.

²⁸ Marx K. and Engels F. Communist Manifesto. N. Y., 1948, с. 43—44; [Lenin V. I.]. Lenin on the National and Colonial Questions. 3 Articles. Peking, 1967, с. 23; Stalin J. On the Opposition. Peking, 1972, с. 507.

²⁹ Lenin V. I. Collected Works. Vol. 31. M., 1966, с. 91.

³⁰ Lenin V. I. Socialism and Religion. M., 1979, с. 9.

³¹ Gramsci A. Letters from Prison: Selected Translations from the Italian. N. Y., 1975. См. также: Adamson W. Hegemony and Revolution: A Study of Antonio Gramsci's Political and Cultural Theory. Berkeley, 1980.

³² Johnson Ch. Peasant Nationalism and Communist Power. Stanford, 1967, с. 27.

³³ Все определения, относящиеся к равновесию (и к позитивному, и к негативному), — мои собственные, но они сформировались главным образом в результате беседы с бывшим главой Национального фронта Каримом Саиджаби, состоявшейся 27 июня 1987 г. в его доме в Чико (Калифорния). Во время телефонного разговора 6 октября 1986 г. бывший иранский премьер-министр Али Амینی подтвердил обоснованность моих определений. О других оценках принципа равновесия в иранской внешней политике см.: Киостован Х., ред. Сиясате мовазаснее манфи.

³⁴ См.: Petrenko F. and Popov V. Soviet Foreign Policy: Objectives and Principles. M., 1985.

³⁵ Arbatov G. The War of Ideas, с. 262—263 и сл.

³⁶ См.: Wright Q. Political Idealism in International Politics.— World Politics, № 5, October 1952 — July 1953, с. 116—128.

³⁷ См.: Gati Ch., ed. Caging the Bear: Containment and the Cold War. Indianapolis, 1974, с. 9—25; Pipes R., ed. U. S.-Soviet Relations in the Era of Detente. Boulder, 1981; Schlesinger A. M., Jr. Origins of the Cold War.— Foreign Affairs, № 46, October 1967, с. 22—52.

³⁸ Gati Ch., ed. Caging the Bear, с. 48.

³⁹ Там же, с. 18.

- ¹ *Abrahamian E. Oriental Despotism*, с. 19.
- ² *Шоджаи З. Намаяндеган*, с. 18.
- ³ *Самади С. М. Хамзие-ага Мангур. Мехабад, 1985. О влиянии шейхов в Северном Курдистане см.: Песьян Н. Марг буд базгашт хам буд*, с. 154.
- ⁴ *Sheikholeslami A. R. Patrimonial Structure of Iranian Bureaucracy in the Late 19th Century.—Iranian Society. 1978, № 11, с. 199—259; Abrahamian E. Oriental Despotism*, с. 20—21; *Сайкс П. Тарихе Иран. Т. 2, с. 531—532; Макки Х. Мирза Таги-хан*, с. 210—262.
- ⁵ *Abrahamian E. Iran*, с. 41.
- ⁶ *Sheikholeslami A. R. Patrimonial Structure*, с. 220—221; *Touhidi-Baghini B. Historic and Economic Roots*, с. 44; *Макки Х. Мирза Таги-хан*, с. 210—226.
- ⁷ *Шоджаи З. Намаяндеган*, с. 18.
- ⁸ *Ашраф А. Маване тарих*, с. 100.
- ⁹ Там же, с. 80—81.
- ¹⁰ *Abrahamian E. Iran*, с. 34; *Touhidi-Baghini B. Historic and Economic Roots*, с. 48, 54.
- ¹¹ *Touhidi-Baghini B. Historic and Economic Roots*, с. 50—69. См. также: *Ашраф А. Маване а тарихие рошди; Parsa Benab Y. The Soviet Union and Britain in Iran, 1917—1927. Ph. D. dissertation. Wash., 1974, с. 66—89; Keddie N. Class Structure*.
- ¹² *Шоджаи З. Намаяндеган*, с. 18; *Sheikholeslami A. R. Patrimonial Structure*, с. 220; *Иванов М. С. Энгелабе маршруте Иран. Техран. 1978, с. 3; он же. Тарихе новине Иран*, с. 11.
- ¹³ *Махдави Х. Тарихе равабете хареджие Иран*, с. 292—295; *Atkins M. Russia and Iran, 1780—1828. Minneapolis, 1980, с. 58—60.*
- ¹⁴ *Curzon G. N. Persia and the Persian Question. Vol. 2, с. 621.*
- ¹⁵ Там же. Vol. 1, с. 480—481; *Abrahamian E. Iran*, с. 55.
- ¹⁶ *Abrahamian E. Iran*, с. 52—53.
- ¹⁷ *Адиби Х. Табагее мотавасете джадид*, с. 82, 85; *Гасеми Ф. Сандикализм дар Иран*, с. 35, 58.
- ¹⁸ Об Энгели как о транзитном пункте см.: *Масуди А. Хатерате мозаферате Моско. Техран, 1950, с. 3.*
- ¹⁹ Там же; *Ашраф А. Маване тарих*, с. 66, 98—99.
- ²⁰ *Cottam R. W. Nationalism in Iran*, с. 103, 119.
- ²¹ *Kazemi F. and Abrahamian E. The Nonrevolutionary Peasantry*, с. 289. См. также: *Spector I. The First Russian Revolution*, с. 38.
- ²² *Ашраф А. Маване тарих*, с. 100; *Ulyanovsky R., ed. The Comintern and the East. A Critique of the Critique. M., 1981, с. 283. См. также: Ravasani S. Sowjetrepublik Gilan*, с. 125—126.
- ²³ *Ramazani R. K. The Foreign Policy of Iran*, с. 126; *Гасеми Ф. Сандикализм дар Иран*, с. 49—53.
- ²⁴ *Гасеми Ф. Сандикализм дар Иран*, с. 23—53.
- ²⁵ *Touhidi-Baghini B. Historic and Economic Roots*, с. 48—54; *Адамият Ф. Федре демокрасие эджтеман*, с. 22—23.
- ²⁶ *Ravasani S. Sowjetrepublik Gilan*, с. 127.
- ²⁷ *Макки Х. Мирза Таги-хан, особенно с. 119, 124—125, 203.*
- ²⁸ О проводившейся Таги-ханом централизации см. восьмичасовой видеофильм «Амир Кабир», снятый в 1985—1986 гг. в Управлении радио и телевидения Исламской Республики Иран.
- ²⁹ Там же; *Шоджаи З. Намаяндеган*, с. 10. О Таги-хане см. также: *Abrahamian E. Iran*, с. 53—54.
- ³⁰ *Макки Х. Мирза Таги-хан*, с. 188.
- ³¹ *Curzon G. N. Persia and the Persian Question. Vol. 1, с. 416.*
- ³² *Макки Х. Зендегие сиясие Султан Ахмад-шах. Техран, 1978, с. 10.*

12; *Mclean D.* Britain and her Buffer States. The Collapse of the Persian Empire. L., 1979, с. 52—53.

³³ *Адамият Ф.* Идеолоджие нехзате маршрутните Иран. Техран, 1975, с. 9—10; *Хедаят М.* Хатерат ва хатарат, с. 42—54, 64—65.

³⁴ *Адамият Ф.* Идеолоджи, с. 25—26.

³⁵ Там же, особенно с. 3—19.

³⁶ О бабндах см.: *Touhid-Baghini B.* Historic and Economic Roots, с. 96—99; *Abrahamian E.* Iran, с. 16—17; *Иванов М. С.* Энгелабе маршрутее Иран, с. 4; *он же.* Тарихе новине Иран, с. 8; *Vanani A.* The Modernization of Iran, с. 25; *Макки Х.* Мирза Таги-хан, с. 257—259. Об их влиянии на аль-Афгани см.: *Keddie N.* Sayyid Jamal ad-Din «al-Afghani», с. 19—22.

³⁷ *Ahmad J. M.* The Intellectual Origins of Egyptian Nationalism. N. Y., 1960, с. 16.

³⁸ *Keddie N.* Sayyid Jamal ad-Din «al-Afghani», с. 136—137.

³⁹ *Адамият Ф.* Идеолоджи, с. 24—25.

⁴⁰ *Сайкс П.* Тарихе Иран. Т. 2, с. 615—617; *Abrahamian E.* Iran, с. 65—67; *Макки Х.* Мирза Таги-хан, с. 189; *Browne E.* The Persian Revolution, с. 31—43.

⁴¹ Закон № 22 (1891 г.). См.: *Адамият Ф.* Идеолоджи, с. 22.

⁴² Там же, с. 25—26.

⁴³ *Browne E.* The Persian Revolution, с. 51. О табачном бойкоте см. также: *Аноним.* Рише ва раванде тарихие джонбеше танбако; *Keddie N.* Religion and Rebellion in Iran. The Tobacco Protest of 1891—92. L., 1966.

⁴⁴ *Surzon G. N.* Persia and the Persian Question. Vol. 2, с. 629.

⁴⁵ *Адамият Ф.* Идеолоджи, с. 47—49.

⁴⁶ Там же, с. 50.

⁴⁷ *Хедаят М.* Хатерат ва хатарат, с. 110; *Browne E.* The Press and Poetry, с. 130.

⁴⁸ *Abrahamian E.* Iran, с. 79.

⁴⁹ Там же, с. 79—80; *Ра'юн И.* Анджоманхас сери дар энгелабе маршрутните Иран. Техран, 1965.

⁵⁰ *Адамият Ф.* Идеолоджи, с. 341—342; *Taqizadeh M. H.* Modern Persia.—The Journal of the Royal Society of Arts. Т. 32, № 262 (10—11.1933—09.11.1934), с. 965—975 (речь, произнесенная 27 июля 1934 г.).

⁵¹ *Адамият Ф.* Ферке демокрасие эджтемай, с. 25—26; *он же.* Идеолоджи, с. 333—336; *Хедаят М.* Хатерат ва хатарат, с. 150.

⁵² О степени воздействия влияния Запада на азербайджанцев см.: *Иванов М. С.* Тарихе новине Иран, с. 19; *Browne E.* The Press and Poetry, с. 27—166; *Rabino H. L.* Liste de journaux de Perse.—Revue du Monde Musulman. 1913, № 22, с. 292—315; *Реишния Р., Нахид Х.* Саттархан ва Хиабани до мубарезе джонбеше маршрутее. Техран, [б. г.], с. 169—171; *Berengian S.* Poets and Writers from Iranian Azerbaijan in the Twentieth Century. [Б. м.], 1965.

⁵³ *Browne E.* The Press and Poetry, с. 16, 23; *Камбаки Л.* Назари. Т. 1, с. 14; *Реишния Р., Нахид Х.* Саттархан ва Хиабани, с. 167—168.

⁵⁴ *Адамият Ф.* Андишехас Талебоф. Техран, 1984.

⁵⁵ Там же, с. 23.

⁵⁶ Там же, с. 59.

⁵⁷ О Талибове см.: *Адамият Ф.* Идеолоджи; *Талебоф Л.* Сиясати Талеби; *Табари Э.* Талебофе Табризи.—Донья, 1961, т. 2, № 4, с. 85—92.

⁵⁸ *Mclean D.* Britain and her Buffer States, с. 56—59.

⁵⁹ *Малекзаде М.* Тарихе энгелаб. Т. 2, с. 39—44.

⁶⁰ *Бахар М. Т.* Тарихе мохтасар. Т. 2, с. 10.

⁶¹ *Abrahamian E.* Iran, с. 84—85.

⁶² Полный перевод текста конституции и дополняющих ее законов см.: *Browne E.* The Persian Revolution, с. 362—384.

⁶³ *Кейдостован Х., ред.* Сиясате мовазенсе манфи. Т. 1, с. 4; *Иванов М. С.* Энгелабе маршрутее Иран, с. 6; *Адамият Ф.* Идеолоджи, с. 347—

369, 383—433; *Тагизаде С. Х.* Заминее ангелабе машрутиятэ Иран. Тех-ран, 1951, с. 42—43.

⁶⁴ *Abrahamian E.* Иран, с. 103—104; *Бахар М. Т.* Тарихе мохтасар. Т. 2, с. 12; *Камбаки А.* Назари. Т. 1, с. 16.

⁶⁵ *Гасеми Ф.* Сандикализм дар Иран, с. 22—23; *Abrahamian E.* Иран, с. 92.

⁶⁶ *Реиисния Р., Нахид Х.* Саттар-хан ва Хиабани, с. 29; *Хедаят М.* Хатерат ва хатарат, с. 146—147; *Тагизаде С. Х.* Замине.

⁶⁷ *Хедаят М.* Хатерат ва хатарат, с. 146—147.

⁶⁸ О появлении энджуменов и их решающей роли в Конституционной революции см.: *Staurianos L. S.* Global Rift: The Third World Comes of Age. N. Y., 1981, с. 391, 394; *Spector I.* The First Russian Revolution, с. 44—49.

⁶⁹ *Сайкс П.* Тарихе Иран. Т. 2, с. 629.

⁷⁰ *Реиисния Р., Нахид Х.* Саттар-хан ва Хиабани, с. 1—28; *Иванов М. С.* Ангелабе машруте Иран, с. 9; *Адамият Ф.* Идеолоджи, с. 238—487; *он же.* Ферке демокрасие эджтемай, с. 3—159; *Шоджаи З.* Намаян-дегана, с. 50—91. О Национальном революционном комитете см.: *Малекзаде М.* Тарихе ангелаб. Т. 2, с. 220—221.

⁷¹ *Адамият Ф.* Идеолоджи, с. 469.

⁷² Там же.

⁷³ *Реиисния Р., Нахид Х.* Саттар-хан ва Хиабани, с. 28.

⁷⁴ Там же, с. 26—31; *Хедаят М.* Хатерат ва хатарат, с. 59.

⁷⁵ *Ravassani S.* Sowjetrepublik Gilan, с. 129—134; *Ра'ин И.* Хайдар-хан, с. 16—17; *Бахар М. Т.* Тарихе мохтасар. Т. 1, с. 5; *Егикян Г.* Шоурави, с. 397—471.

⁷⁶ О большевиках и договоре 1907 г. см.: *Егикян Г.* Шоурави, с. 409.

⁷⁷ *Ра'ин И.* Хайдар-хан, с. 16; *Берия Л.* Об истории большевистских организаций в Закавказье. [Б. м., б. г.], с. 152—153 (речь, произнесенная на собрании партийных функционеров 21—22 июля 1935 г.).

⁷⁸ Аснаде тарихи. Т. 19, с. 118; *Гасеми Ф.* Сандикализм дар Иран, с. 49—53.

⁷⁹ Аснаде тарихи. Т. 19, с. 113—120; *Гасеми Ф.* Сандикализм дар Иран, с. 61—63.

⁸⁰ См. гл. 8 и 9.

⁸¹ *Ра'ин И.* Хайдар-хан, с. 20—37; *Kazemzadeh F.* The Struggle for Transcaucasia, 1917—1921. Westport, 1951, с. 20—21.

⁸² *Ра'ин И.* Хайдар-хан, с. 20—37; *Kazemzadeh F.* The Struggle, с. 20—21.

⁸³ *Адамият Ф.* Ферке демокрасие эджтемай, с. 141.

⁸⁴ Там же, с. 136.

⁸⁵ См.: *Реиисния Р., Нахид Х.* Саттар-хан ва Хиабани, особенно с. 1—28 (о роли Тайного центра); *Browne E.* The Press and Poetry, с. 111.

⁸⁶ *Гасеми Ф.* Сандикализм дар Иран, с. 65—76; *Камбаки А.* Назари. Т. 1, с. 24; Аснаде тарихи. Т. 4, с. 108; *Browne E.* The Press and Poetry, с. 35—36.

⁸⁷ *Бахар М. Т.* Тарихе мохтасар. Т. 2, с. 11; *Browne E.* The Press and Poetry, с. 54.

⁸⁸ *Бахар М. Т.* Тарихе мохтасар. Т. 2, с. 11; Аснаде тарихи. Т. 2, с. 119.

⁸⁹ *Browne E.* The Press and Poetry, с. 54, 115—116; *Адамият Ф.* Идеолоджи, с. 274—277.

⁹⁰ *Browne E.* The Press and Poetry, с. 115—116; *Реиисния Р., Нахид Х.* Саттар-хан ва Хиабани, с. 167.

⁹¹ *Адамият Ф.* Идеолоджи, с. 418—423. Об оппозиции духовенства тебризскому провинциальному энджумену см.: *Малекзаде М.* Тарихе ангелаб. Т. 2, с. 213.

⁹² *Малекзаде М.* Тарихе ангелаб. Т. 2, с. 227—242.

- ⁹³ *Адамият Ф. Андишехае Талебоф*, с. 9—10.
- ⁹⁴ *Хедаят М. Хатерат ва хатарат*, с. 159; *Abrahamian E. Иран*, с. 89.
- ⁹⁵ Об Атабске и связанных с ним событиях см.: *Адамият Ф. Ферке демокрасие эджтеман*, с. 19—20; *Ра'ин И. Хайдар-хан*, с. 57—96; *Сайкс П. Тарихе Иран*. Т. 2, с. 629—630.
- ⁹⁶ Цит. по: *Spector I. The First Russian Revolution*, с. 49.
- ⁹⁷ Цит. по: *Kazemzadeh F. Russia and Britain in Persia, 1864—1914. A Study in Imperialism*. New Haven, 1968, с. 503.
- ⁹⁸ *Сайкс П. Тарихе Иран*. Т. 2, с. 632—638; *Кесрави А. Тарихе хедждах салсе Азербайджан йа сарневеште гордан на далиран*, Тегран, 1981.
- ⁹⁹ *Кесрави А. Зендегание ман*, с. 32—33.
- ¹⁰⁰ О попытке первого переворота см.: *Сайкс П. Тарихе Иран*. Т. 2, с. 631—632. См. также: *Ра'ин И. Хайдар-хан*, с. 99—100.
- ¹⁰¹ *Сайкс П. Тарихе Иран*. Т. 2, с. 638—641; *Хедаят М. Хатерат ва хатарат*, с. 72; *Реиисния Р., Нахид Х. Саттар-хан ва Хиабани*, с. 200.
- ¹⁰² *Сайкс П. Тарихе Иран*. Т. 2, с. 628; *Бахар М. Т. Тарихе мохтасар*. Т. 1, с. 5.
- ¹⁰³ *Кесрави А. Тарихе хедждах*, с. 280—281; *Сайкс П. Тарихе Иран*. Т. 2, с. 640.
- ¹⁰⁴ *Реиисния Р., Нахид Х. Саттар-хан ва Хиабани*, с. 1—36.
- ¹⁰⁵ *Кесрави А. Тарихе машрутее Иран*.
- ¹⁰⁶ *Адамият Ф. Ферке демокрасие эджтеман*, с. 131.
- ¹⁰⁷ *Реиисния Р., Нахид Х. Саттар-хан ва Хиабани*, с. 165—168, 187—189; *Browne E. The Press and Poetry*, с. 27, 97—98.
- ¹⁰⁸ *Реиисния Р., Нахид Х. Саттар-хан ва Хиабани; Адамият Ф. Ферке демокрасие эджтеман*, с. 13.
- ¹⁰⁹ *Кесрави А. Тарихе хедждах*, с. 316; *Реиисния Р., Нахид Х. Саттар-хан ва Хиабани*, с. 93—103.
- ¹¹⁰ *Камбакиш А. Назари*. Т. 1, с. 23—25; *Аснаде тарихи*. Т. 19, с. 93—100; *Гасеми Ф. Сандикализм дар Иран*, с. 49—53.
- ¹¹¹ *Кесрави А. Тарихе хедждах*, с. 15—22; *Ра'ин И. Хайдар-хан*, с. 103.
- ¹¹² *Реиисния Р., Нахид Х. Саттар-хан ва Хиабани*, с. 110—112; *Кесрави А. Тарихе хедждах*, с. 84—95.
- ¹¹³ *Кесрави А. Тарихе хедждах*, с. 66—67.
- ¹¹⁴ *Малекзаде М. Тарихе энгелаб*. Т. 5, с. 133.
- ¹¹⁵ *Бахар М. Т. Тарихе мохтасар*. Т. 2, с. 11—13.
- ¹¹⁶ *Ра'ин И. Хайдар-хан*, с. 165—176; *Кесрави А. Тарихе хедждах*, с. 126—137; *Адамият Ф. Ферке демокрасие эджтеман*, с. 144—151.
- ¹¹⁷ *Кесрави А. Тарихе хедждах*, с. 137, 147; *Адамият Ф. Ферке демокрасие эджтеман*, с. 142—151; *Реиисния Р., Нахид Х. Саттар-хан ва Хиабани*, с. 115—153; *Бахар М. Т. Тарихе мохтасар*. Т. 2, с. 11—14.
- ¹¹⁸ *Ра'ин И. Хайдар-хан*, с. 176—199; *Адамият Ф. Ферке демокрасие эджтеман*, с. 142—151; *Реиисния Р., Нахид Х. Саттар-хан ва Хиабани*. с. 115—153; *Кесрави А. Тарихе хедждах*, с. 137—144; *Бахар М. Т. Тарихе мохтасар*. Т. 1, с. V.
- ¹¹⁹ *Азари А. Гияме шейх Мохаммаде Хиабани*, с. 23—83 *passim*.
- ¹²⁰ О зарубежной и внутренней оппозиции миссии Шустера см.: *Shuster W. M. The Strangling of Persia*; см. также: *Бахар М. Т. Тарихе мохтасар*. Т. 2, с. 13—14.
- ¹²¹ *Сенехр Мобарек од-Доуле. Иран дар джанге бозорг*, 1914—1918. Тегран, 1983, с. 9.

Глава 3

¹ *Abrahamian E. Iran*, с. 111—112; *Каве (журнал)*, выпуски 1917—1918 гг.

² *Bush B.-C. Britain and the Persian Gulf 1894—1914*. Berkeley, 1967,

с. 187—234, 304—347; *Lenczowski G.* The Middle East in World Affairs. Ithaca, 1982, с. 511; *Cenexp.* Иран дар джанге бозорг, с. 5—49 *passim*.

³ См.: *Abrahamian E.* Iran, с. 45—46; *Cenexp.* Иран дар джанге бозорг, с. 73—86; *Sykes C.* Wassmus: The German Lawrence. L., 1936.

⁴ *Hotayounpour R.* L'affaire d'Azerbaïdjan, с. 28.

⁵ *Lenczowski G.* Middle East, с. 54—55.

⁶ О политике Ирана и о заключавшихся им в этот период союзах см.: *Cenexp.* Иран дар джанге бозорг, с. 237—246; *Ramazani R. K.* The Foreign Policy, с. 129—130; *Baxar M. T.* Тарихе мохтасар. Т. 1, с. 21.

⁷ *Cenexp.* Иран дар джанге бозорг, с. 237—326; *Baxar M. T.* Тарихе мохтасар. Т. 1, с. 22—23.

⁸ *Baxar M. T.* Тарихе мохтасар. Т. 1, с. 24—26; *Ghoreichi A.* Soviet Foreign Policy in Iran, 1917—1960. Ph. D. dissertation. [Б. м.], 1965, с. 25.

⁹ *Fatex M.* Панджах сале нафте Иран, с. 326—330.

¹⁰ *Sykes P. M.* A History of Persia. Vol. 2, с. 452—453; *Сайкс П.* Тарихе Иран. Т. 2, с. 730—732; *Cenexp.* Иран дар джанге бозорг, с. 127—131.

¹¹ *Кесрави А.* Тарихе хедждах; *Азари А.* Гияме шейх Мохаммаде Хиабани, с. 212; *Момени Х.* Дар бариее мобаризате Кордестан. Техран, 1979, с. 24—25.

¹² *Parsa Benab Y.* The Soviet Union and Britain, с. 51.

¹³ См.: *Zabih S.* The Communist Movement in Iran, с. 14—15; *Азари А.* Гияме шейх Мохаммаде Хиабани, с. 92—101; *Егикян Г.* Шоурани, с. 417—418.

¹⁴ *Реишния Р., Нахид Х.* Саттар-хан ва Хиабани, с. 215.

¹⁵ *Азари А.* Гияме шейх Мохаммаде Хиабани, с. 146—154, 182.

¹⁶ Там же, с. 130—154.

¹⁷ Там же, с. 126, 151—154.

¹⁸ *Момени Х.* Дар бариее мобаризате Кордестан, с. 24—25.

¹⁹ *Егикян Г.* Шоурани, с. 417—418. См. также: *Джангал (журнал)*. Т. 1, № 7, с. 6; № 9, с. 1—3.

²⁰ *Dunsterville L. Ch.* The Adventures of Dunsterforce. L., 1920, с. 28. См. также: *Ducroq G.* La politique du gouvernement des soviets en Perse, с. 87.

²¹ *Фахраи И.* Сардаре Джангал, с. 39—40; *Макки Х.* Тарихе бистсалее Иран. Т. 1, с. 166—167.

²² *Chaqueri Ch.* l'Union Sovietique, с. 11; *Фахраи И.* Сардаре Джангал, с. 216.

²³ *Джангал*. Т. 1, № 28, с. 2; *Abrahamian E.* Iran, с. 112.

²⁴ *Фахраи И.* Сардаре Джангал, с. 28—30, 180—185.

²⁵ Там же, с. 3—109 *passim*; *Егикян Г.* Шоурани, с. 6—20 *passim*.

²⁶ Беседа с бывшими членами партии «Джентель» 4 августа 1986 г.; *Фахраи И.* Сардаре Джангал, с. 216.

²⁷ [*Джангали И.*]. Ядаштхае хатне Исмаил Джангалис: Гияме Джангал. Техран, 1978, с. 72.

²⁸ *Джангал*. Т. 1, № 15, с. 3.

²⁹ *Джангал*. Т. 1, № 26, с. 5; *Ахрар А.* Марди аз Джангал. Техран, 1982, с. 85—86.

³⁰ *Егикян Г.* Шоурани, с. 188.

³¹ Я чрезвычайно благодарен Кариму Санджаби, который во время беседы со мной, состоявшейся 27 июня 1987 г., в деталях рассказал мне об «организационной» и «антиорганизационной» фракциях. См. также: *Бахар М. Т.* Тарихе мохтасар. Т. 1, с. 27—28.

³² Там же, с. VIII—IX.

³³ Там же, с. 159.

³⁴ Там же; *Азари А.* Гияме шейх Мохаммаде Хиабани, с. 181.

³⁵ *Бахар М. Т.* Тарихе мохтасар. Т. 1, с. 27—28.

³⁶ *Abrahamian E.* Iran, с. 122.

³⁷ Аснаде тарихи. Т. 19, с. 176—185 (полный текст речи Тагизаде); цитаты — с. 176—177.

³⁸ См.: *Табризи Дж.* Асраре тарихие Комитее Муджазат. Техран, 1983. См. также: *Abrahamian E.* Iran, с. 112.

³⁹ *Азари А.* Гияме шейх Мохаммаде Хнабани, с. 204—205; *Кесрави А.* Сарневеште Иран, с. 50.

⁴⁰ *Фахраи И.* Сардаре Джангал, с. 119; *Abrahamian E.* Iran, с. 112; *Martchenko M.* Kutchuk Khan.— *Revue du Monde Musulman.* 1920, № 240, с. 102, также письмо Ардешира Ованесяна автору от 24 ноября 1988 г.

⁴¹ Джангал. Т. 1. № 26, с. 5.

⁴² *Сафави Р.* Асраре сугуте Ахмад-шах. Техран, [б. г.], с. 123—124.

⁴³ *Макки Х.* Зендегие сиясие Султан Ахмад-шах, с. 80 and passim; *он же.* Тарихе бистасале Иран. Т. 1; *Бахар М. Т.* Тарихе мохтасар. Т. 1, с. 159.

⁴⁴ Беседа с бывшим членом партии «Дженгель» 4 августа 1986 г.

⁴⁵ *Джовдат Х.* Тарихчес Феркес демократ, с. 95—96.

⁴⁶ *Егикян Г.* Шоурани, с. 541.

⁴⁷ *Фахраи И.* Сардаре Джангал, с. 56—59.

⁴⁸ Аснаде тарихи. Т. 19, с. 113—120.

⁴⁹ *Фахраи И.* Сардаре Джангал, с. 249—250.

⁵⁰ *Гаркани М.* Сиясате доулате шоурани, с. 41 (Гаркани цитирует воспоминания Эхсаноллы, напечатанные в журнале «Новый Восток»).

⁵¹ Там же, с. 41—42.

⁵² См.: *Lenin V. I. and Stalin Joseph.* The Russian Revolution. N. Y., 1938, с. 275.

⁵³ Телеграмма Троицкого от 16 января 1918 г., приведенная в книге: *Fatemi N. S.* Diplomatic History of Persia, с. 325—326.

⁵⁴ См. помещенную в начале этой главы цитату из труда Бахара: Тарихе мохтасар. Т. 2, с. 15.

⁵⁵ *Dunsterville L. Ch.* The Adventures of Dunsterforce; *Kazemzadeh F.* The Struggle, с. 168.

⁵⁶ *Sykes P. M.* A History of Persia. Vol. 2, с. 497—498. О 26 комиссарах см. также: *Фахраи И.* Сардаре Джангал, с. 130.

⁵⁷ *Макки Х.* Зендегие сиясие Султан Ахмад-шах, с. 258.

⁵⁸ *Balfour J. M.* Recent Happenings in Persia. Edinburgh, 1922, с. 122.

⁵⁹ *Butler R., Woodward E. L. et al., eds.* Documents on British Foreign Policy 1919—1939. First Series. 27 vols. L., 1949—1976. Vol. 13, с. 639. Далес — Documents. First Series.

⁶⁰ Там же. Vol. 4, с. 1128—1129; Vol. 13, с. 429—432; *Бахар М. Т.* Тарихе мохтасар. Т. 1, с. 46.

⁶¹ *Сенехр.* Иран дар жанге бозорг, с. 476—478.

⁶² Documents. First Series. Vol. 4, с. 1208; см. также: *Kapur H.* Soviet Russia and Asia.

⁶³ U. S. Department of State. Foreign Relations of the United States, 1919. Vol. 2. Wash., [б. г.], с. 700.

⁶⁴ *Фатех М.* Панджах сале нафте Иран, с. 148—151.

⁶⁵ U. S. Department of State. Foreign Relations, 1919. Vol. 2, с. 699, 701; *Balfour J. M.* Recent Happenings, с. 130; *Fatemi N. S.* Diplomatic History of Persia, с. 79.

⁶⁶ *Бахар М. Т.* Тарихе мохтасар. Т. 2, с. 16—19.

⁶⁷ См.: Джангал. Т. 1. № 4, с. 5—6; № 9, с. 1—2.

⁶⁸ *Егикян Г.* Шоурани, с. 499; *Азари А.* Гияме шейх Мохаммаде Хнабани.

⁶⁹ *Реиисния Р., Нахид Х.* Саттар-хан ва Хнабани, с. 239—240; *Егикян Г.* Шоурани, с. 417—418.

⁷⁰ *Tagiyeva Sh. A.* The National Liberation Movement in Persian Azerbaijan, 1917—1920. Это — перевод конспекта первых двух глав книги того же названия, опубликованный в «Central Asian Review», — Т. 6, 1958, № 3,

с. 347—356. См. также: *The Tabriz Uprising of 1920*, сокращенный перевод книги того же автора, в «*Central Asian Review*» — т. 6, 1958, № 4, с. 432—447.

⁷¹ Цит. по: *Abrahamian E. Iran*, с. 113.

⁷² *Tagiyeva Sh. A. The Tabriz Uprising*, с. 442; *Реишния Р., Нахид Х. Саттар-хан ва Хиабани*, с. 240.

⁷³ *Abrahamian E. Iran*, с. 114.

⁷⁴ *Tagiyeva Sh. A. The Tabriz Uprising*, с. 436—437, 442.

⁷⁵ Там же, с. 442.

⁷⁶ *Кесрави А. Зендегание ман*, с. 86—96.

⁷⁷ *Хамеи А. Панджах нафар ва се нафар*. Техран, 1984, с. 197—201.

⁷⁸ *Аснаде тарихи*. Т. 1, с. 71.

⁷⁹ *Азари А. Гияме шейх Мохаммаде Хиабани; Кесрави А. Тарихе хедждах*, с. 842—851, 858—896; см. также *Реишния Р., Нахид Х. Саттар-хан ва Хиабани*, с. 192—270; *Tagiyeva Sh. A. The Tabriz Uprising*, с. 347—356; *Макки Х. Тарихе бистсалее Иран*. Т. 1, с. 34—54; *Хедаят М. Хатерат ва хатарат*, с. 313—322.

⁸⁰ *Ravasani S. Sowjetrepublik Gilan*, с. 248—249; *Гаркани М. Сиясате доулате Шоурави*, с. 53.

⁸¹ *Ravasani S. Sowjetrepublik Gilan*, с. 126.

⁸² Там же, с. 249.

⁸³ *Тарихе Адалят ва Демократ.*—Азхир, июнь—июль 1943 г.; *Саргозаште ман.*—Азхир, № 91, 06.08.1943; *Пишевари кист?*—Разм (газета Туде). 1, № 94, 04.12.1943; *Chaqueri Ch. Avetis Sultanzadeh*, с. 23, 73.

⁸⁴ *Аснаде тарихи*. Т. 3, с. 35—46.

⁸⁵ Цит. по: *Ravasani S. Sowjetrepublik Gilan*, с. 253.

⁸⁶ Там же, с. 254; *Гаркани М. Сиясате доулате шоурави*, с. 53, 55.

⁸⁷ *Ravasani S. Sowjetrepublik Gilan*, с. 253—255.

⁸⁸ *Ulyanovsky R., ed. The Comintern and the East*, с. 99.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ См., например, две его книги — «*Современная Персия*» и «*Персия*».

⁹¹ *Zabih S. The Communist Movement in Iran*, с. 11—12; *Гаркани М. Сиясате доулате Шоурави*, с. 54.

Глава 4

¹ *Meijer J. M., ed. The Trotsky Papers. Vol. 2, 1920—1922. The Hague and Paris. 1971*, с. 147.

² *Eudin X. J. and North R. C., eds. Soviet Russia and the East*, с. 57.

³ *Хедаят М. Хатерат ва хатарат*, с. 331.

⁴ *Documents. First Series. Vol. 13*, с. 478; *Бахар М. Т. Тарихе мохта-сар*. Т. 1, с. 42.

⁵ Цит. по: *Tucker R. C., ed. The Marx-Engels Reader. 2d ed. N. Y., L., 1978*, с. 662. См. также: *Marx K. and Engels F. The First Indian War of Independence, 1857—1859. M., 1975*, с. 13—19.

⁶ *Lenin V. I. The Pamphlet by Junius.—Collected Works. Vol. 19*, с. 204.

⁷ *Lenin V. I. Three Types of Countries in Relation to Self-Determination of Nations.*—Там же, с. 55.

⁸ *Stalin J. V. Collected Works. Vol. 4*, с. 175—176.

⁹ *Claudin F. The Communist Movement*, с. 248, 263.

¹⁰ См. бесценную компиляцию Чакери: *Avetis Sultanzadeh*, с. 20.

¹¹ *Lenin V. I. On National and Colonial Questions. Peking, 1967*, с. 26—27.

¹² *Егикян Г. Шоурави*, с. 30—31.

¹³ *Ravasani S. Sowjetrepublik Gilan*, с. 57.

¹⁴ *Карур И. Soviet Russia and Asia*, с. 168; *Егикян Г. Шоурави*, с. 41—42; *Fischer L. The Soviets in World Affairs. L., 1930*.

¹⁵ *Аснаде тарихи*. Т. 3, с. 349.

- ¹⁶ Там же, с. 350—351.
- ¹⁷ [Джангали И.]. Яддаштахе хатие, с. 138.
- ¹⁸ Аснаде тарихи. Т. 3, с. 35.
- ¹⁹ [Джангали И.]. Яддаштахе хатие, с. 139.
- ²⁰ Фахраи И. Сардаре Джангал, с. 260; Егикян Г. Шоурави, с. 48.
- ²¹ Егикян Г. Шоурави, с. 51—52, 488—489, 558—559.
- ²² Фахраи И. Сардаре Джангал, с. 249—250.
- ²³ Егикян Г. Шоурави, с. 78, 91, 99.
- ²⁴ Абух Р. Национальное и революционное движение в Персии, с. 106.
- ²⁵ Zabih S. The Communist Movement in Iran, с. 27—28.
- ²⁶ Егикян Г. Шоурави, с. 62.
- ²⁷ Там же, с. 62, 524; Гаркани М. Сиясате доулате шоурави, с. 90.
- ²⁸ Фахраи И. Сардаре Джангал, с. 251.
- ²⁹ Там же, с. 94; Eudin X. J. and North R. C., eds. Soviet Russia and the East, с. 181.
- ³⁰ Егикян Г. Шоурави, с. 499.
- ³¹ Фатех М. Панджах сале нафте Иран, с. 481; Abrahamian E. Iran, с. 115.
- ³² Фатех М. Панджах сале нафте Иран, с. 262; Егикян Г. Шоурави, с. 110.
- ³³ Аснаде тарихи. Т. 1, с. 73; Chaqueri Ch., ed. Avetis Sultanzadeh, с. 23; Degras J., ed. The Communist International 1919—1943. Documents. Vol. 1. N. Y., 1956, с. 106.
- ³⁴ Гаркани М. Сиясате доулате шоурави, с. 80; Егикян Г. Шоурави, с. 125.
- ³⁵ Егикян Г. Шоурави, с. 110—111, 339.
- ³⁶ Там же, с. 113.
- ³⁷ См.: Гаркани М. Сиясате доулате шоурави, с. 61, 63—69; Temperley H. W. V., ed. A History of Peace Conference of Paris. Vol. 6. L., 1924, с. 216.
- ³⁸ Гаркани М. Сиясате доулате шоурави, с. 62.
- ³⁹ О переписке Чичерина и Восуга см.: там же, с. 58—61.
- ⁴⁰ Об английских военных акциях против Гилянской республики см.: там же, с. 98; Егикян Г. Шоурави, с. 295—296.
- ⁴¹ Макки Х. Тарихе бистсалее Иран. Т. 1, с. 27—34.
- ⁴² Там же, с. 72—73; Макки Х. Зендгие сиясие Султан Ахмад-шах, с. 79, 255; Temperley H. W. V., ed. A History of the Peace Conference. Vol. 6, с. 211.
- ⁴³ Норман — лорду Керзону. — Documents. First Series. Vol. 13, с. 574.
- ⁴⁴ Лорд Керзон — Норману. — Там же, с. 584—585.
- ⁴⁵ Falemi N. S. Diplomatic History of Persia, с. 102—120 passim.
- ⁴⁶ Ramazani R. K. The Foreign Policy of Iran, с. 174.
- ⁴⁷ Documents. First Series. Vol. 13, с. 705. О шахсевенах см.: там же, с. 648.
- ⁴⁸ Fischer L. The Soviet in World Affairs, с. 429.
- ⁴⁹ Curzon G. N. Persia and the Persian Question. Vol. 2, с. 621.
- ⁵⁰ Wright D. The English amongst the Persians. L., 1977, с. 179—185; Wilber D. N. Riza Shah Pahlavi, с. 39—47; Бахар М. Т. Тарихе мохтасар. Т. 1, с. 95; Макки Х. Тарихе бистсалее Иран. Т. 1, с. 229—233 and passim. О совете, который Норман дал Реза-шаху, см.: Documents. First Series. Vol. 13, с. 730; см. также переписку между Керзоном и британским посланником в Тегеране сэром Перси Лорэном, которая цитируется в книге: Ladjevardi H. Labor Unions, с. 9—10.
- ⁵¹ См.: Leseur E. Les Anglais en Perse. P., 1922, с. 44—50.
- ⁵² Макки Х. Тарихе бистсалее Иран. Т. 1, с. 249; Гаркани М. Сиясате доулате шоурави, с. 84.
- ⁵³ Documents. First Series. Vol. 13, с. 732, 735.
- ⁵⁴ Там же, с. 736, 743.
- ⁵⁵ Полный персидский текст договора см.: Гаркани М. Сиясате доула-

те шоурави, с. 123—129. Английский перевод статей 5 и 6 см.: *Lenczowski G. Russia and the West in Iran*, с. 317—318.

⁵⁸ *Макки Х.* Тарихе бистсалее Иран. Т. 1, с. 254.

⁵⁷ Там же, с. 299—302, 372—374; *Ramazani R. K.* The Foreign Policy of Iran, с. 189—190.

⁵⁸ *Shuster W. M.* The Strangling of Persia, passim; *Макки Х.* Тарихе бистсалее Иран. Т. 1, с. 410, 629—629; телефонный разговор с Али Амини 6 октября 1986 г.

⁵⁹ Состоявшийся 18 января 1987 г. телефонный разговор с Али Амини, который сказал, что эти сведения ему сообщили Кавам и Мосаддык.

⁶⁰ *Balfour J. M.* Recent Happenings, с. 258—261.

⁶¹ *Fatemi N. S.* Oil Diplomacy. N. Y., 1954, с. 113.

⁶² U. S. Department of State. Foreign Relations, 1921. Vol. 2. [Б. м.], 1946, с. 654.

⁶³ Цит. по: *Fatemi N. S.* Oil Diplomacy, с. 114.

⁶⁴ Там же, с. 113.

⁶⁵ Бриджмен — Каваму.— U. S. Department of State. Foreign Relations, 1921. Vol. 2, с. 651.

⁶⁶ *Фатех М.* Панджах сале нафте Иран, с. 334; *Fatemi N. S.* Oil Diplomacy, с. 110.

⁶⁷ *Фатех М.* Панджах сале нафте Иран, с. 334—335.

⁶⁸ *Fatemi N. S.* Oil Diplomacy, с. 125—129.

⁶⁹ U. S. Department of State. United States Foreign Documents, 1923. Vol. 3. Wash., 1946, с. 655.

⁷⁰ *Geyer D.* Die Sowjet Union und Iran, с. 28.

⁷¹ *Fatemi N. S.* Oil Diplomacy, с. 111.

⁷² *Карур Н.* Soviet Russia and Asia, с. 189—194; *Eudin X. J. and North R. C., eds.* Soviet Russia and the East, с. 102.

⁷³ О первоначальной советской поддержке Реза-хана см.: *Бахар М. Т.* Тарихе мохтасар. Т. 2, с. 72; *Ulyanovsky R., ed.* The Comintern and the East. A Critique of the Critique, с. 316—318; *Lenczowski G.* Russia and the West in Iran, с. 86—91. См. также: *Carr E. H.* The Bolshevik Revolution. Vol. 3, с. 464; *Socialism in One Country.* Vol. 3. N. Y., 1964, с. 644—649.

⁷⁴ *Lenin V. I.* Against Right-Wing and Left-Wing Opportunism, against Trotskyism. M., 1975, с. 435.

⁷⁵ *Chaqueri Ch., ed.* Avelis Sultanzadeh, с. 41; *Abrahamian E.* Iran, с. 128—129; *Макки Х.* Тарихе бистсалее Иран. Т. 2, с. 287; телефонный разговор с Али Амини 6 октября 1986 г.

⁷⁶ *Abrahamian E.* Iran, с. 128—129.

⁷⁷ Там же, с. 129.

⁷⁸ Цит. по: *Ghods M. R.* A Comparative Historical Study of the Causes, Development, and Effects of the Revolutionary Movements in Northern Iran in 1920—21 and 1945—46. Ph. D. dissertation. Denver, 1988, с. 245.

⁷⁹ Documents on British Foreign Policy. Series IA. Vol. 2. L., 1968, с. 281. Далее — Documents. Series IA.

⁸⁰ *Фахраи И.* Сардаре Джангал, с. 356—361.

⁸¹ Карим Санджаби в состоявшейся 27 июня 1987 г. беседе с автором. О том, что Мосаддык некогда был убежден в разумности «позитивного равновесия», мне сообщил также Али Амини во время беседы 18 января 1987 г.

⁸² Об энтузиазме Советов по поводу новой политики Ирана см.: *Eudin X. J. and North R. C., eds.* Soviet Russia and the East, с. 194 (слова Чичерина?).

⁸³ *Фахраи И.* Сардаре Джангал, с. 359—360.

⁸⁴ См.: *Иранский.* Русско-персидские отношения, с. 218.

⁸⁵ Преамбулу договора с Турцией см.: *Eudin X. J. and North R. C., eds.* Soviet Russia and the East, с. 102.

⁸⁶ *Павлович М., Терия В. и Иранский М.* Энгелабе Машрутиате Иран

ва рише хае эджтеман ва эгтесади ан. Техран, 1950, с. 142—143; Павлович М. и Иранский М. Персия в борьбе за независимость.

⁸⁷ Аснаде тарихи. Т. 10, с. 85—122; см. также работы Султанзаде в т. 4, 8 и 20.

⁸⁸ *Lenczowski G.* Russia and the West in Iran, с. 134.

⁸⁹ *Chaqueri Ch., ed.* Avetis Sultanzadeh, с. 40.

⁹⁰ Documents. Series IA. Vol. 1, с. 865.

⁹¹ Там же, с. 775—777.

⁹² Бахар М. Т. Тарихе мохтасар. Т. 2, с. 72; *Lenczowski G.* Russia and the West in Iran, с. 86—91.

Глава 5

¹ *Chaqueri Ch., ed.* Avetis Sultanzadeh, с. 16, 18.

² Там же, с. 14, 16; цитата — с. 14.

³ Там же, с. 20—21.

⁴ Аснаде тарихи. Т. 4, с. 100; Султанзаде А. Персия, с. 86; он же. Современная Персия. М., 1922, с. 59—60.

⁵ Егикян Г. Шоурави, с. 150; *Chaqueri Ch.* L'Union Sovietique, с. 49; *Deutscher I.* The Prophet Unarmed: Trotsky, 1921—1929. Oxf., 1980, с. 475.

⁶ Егикян Г. Шоурави, с. 162—206.

⁷ Там же, с. 93, 149—150, 504.

⁸ Там же, с. 150—151; Фахраи И. Сардаре Джангал, с. 272—273.

⁹ О военном коммунизме см.: *Tudeh Party of Iran.* Энгелабе Октобр ва Иран. Стокгольм, 1976, с. 271.

¹⁰ О правительственных программах в этот период см.: Егикян Г. Шоурави, с. 167—168, 232, 264—265, 333, 344, 348—349, 355—356 and passim; Фахраи И. Сардаре Джангал, с. 273; Иванов М. С. Тарихе новине Иран; Табари С. Озае Иран дар доране моасер: Джаханбини ва джонбеше хае эджтеман дар Иран. Т. 2. Стокгольм, 1977, с. 38—39; *Ulyanovsky R., ed.* The Comintern and the East, с. 100; *Ulyanovsky R., ed.* The Revolutionary Process in the East: Past and Present. Transl. from Russian. М., 1985, с. 230. Исмаил Джагали в «Яддаштхае хатие» (с. 167) обсуждает вопрос о фетве и о других сторонах общественной жизни в революционном Гиляне. О закрытии мечетей см.: *Pouyan A. P. and Mani M.* Iran: Three Essays on Imperialism, the Revolutionary Left, and the Gerrilla Movement. В., 1971, с. 54. О конфискации лошадей у крестьян см.: *Ravassani S.* Sowjetrepublik Gilan, с. 300; Ахрар А. Марди аз Джангал, с. 408—411. Эти сведения о политике красного правительства автор также почерпнул из интервью с бывшими членами партии «Дженгель».

¹¹ [Садр М.] Хатерате Садр ол-Ашраф, с. 256; слова Павловича цит. по: *Ulyanovsky R., ed.* The Revolutionary Process, с. 229—230.

¹² См.: *Kazemi F. and Abrahamian E.* The Nonrevolutionary Peasantry; *Abrahamian E.* Iran.

¹³ См.: *Ирандуст.* Вопросы Гилянской революции, с. 143—144.

¹⁴ Егикян Г. Шоурави, с. 87 and passim; беседа с бывшими членами партии «Дженгель» 4 августа 1986 г.

¹⁵ *Ирандуст.* Вопросы Гилянской революции, с. 135—136; Егикян Г. Шоурави; беседа с бывшими членами партии «Дженгель».

¹⁶ Фахраи И. Сардаре Джангал, с. 319—320.

¹⁷ [Джангали И.] Яддаштхае хатие, с. 187—188.

¹⁸ *Fatemi N. S.* Diplomatic History of Persia, с. 172.

¹⁹ Ра'ин И. Хайдар-хан, с. 367—373.

²⁰ *Fatemi N. S.* Diplomatic History of Persia, с. 172; *Baku. Congress of the People of the East.* September, 1920. N. Y., 1977, с. 140.

²¹ *Chaqueri Ch., ed.* Avetis Sultanzadeh, с. 74—75.

²² Ра'ин И. Хайдар-хан, с. 379.

- ²³ Там же, с. 378.
- ²⁴ Там же, с. 379—380; *Chaqueri Ch., ed. Avetis Sultanzadeh*, с. 37.
- ²⁵ *Ра'ин И.* Хайдар-хан, с. 379.
- ²⁶ Там же, с. 376—377, 385—386.
- ²⁷ Там же, с. 345—346; Аснаде Тарихи. Т. 20, с. 9.
- ²⁸ *Chaqueri Ch., ed. Avetis Sultanzadeh*, с. 65; *Ра'ин И.* Хайдар-хан, с. 366.
- ²⁹ *Chaqueri Ch., ed. Avetis Sultanzadeh*, с. 74—75; Аснаде тарихи. Т. 1, с. 78.
- ³⁰ Аснаде тарихи. Т. 19, с. 12; см. также: *Fischer L. The Life of Lenin*. N. Y., 1964, с. 421; *он же. Men and Politics. An Autobiography*. N. Y., 1946, с. 136.
- ³¹ *Stalin J. V. Collected Works*. Vol. 5, с. 318.
- ³² *Fischer L. The Life of Lenin*, с. 421.
- ³³ *Егикян Г.* Шоурани; беседа с Маликом 4 августа 1986 г.
- ³⁴ *Zabih S. The Communist Movement in Iran*, с. 37; *Фахраи И.* Сардаре Джангал, с. 329.
- ³⁵ *Фахраи И.* Сардаре Джангал, с. 326—328. О происхождении Хайдара см.: *Ра'ин И.* Хайдар-хан, с. 3—19 *passim*.
- ³⁶ *Zabih S. The Communist Movement in Iran*, с. 38.
- ³⁷ *Егикян Г.* Шоурани, с. 502.
- ³⁸ Аснаде тарихи. Т. 19, с. 23; *Ра'ин И.* Хайдар-хан, с. 367; *Табари Э.* Озае Иран дар доране моасер, с. 39.
- ³⁹ *Фахраи И.* Сардаре Джангал, с. 329.
- ⁴⁰ *Ра'ин И.* Хайдар-хан, с. 327—328; [*Джангали И.*]. Яддаштхас хатие, с. 217—218.
- ⁴¹ *Егикян Г.* Шоурани, с. 137; *Tagiyeva Sh. A. The Tabriz Uprising*, с. 432—447.
- ⁴² *Ра'ин И.* Хайдар-хан, с. 367.
- ⁴³ *Abrahamian E. Iran*, с. 119. О восстании Лахути см.: *Макки Х.* Тарихе бистсалее Иран. Т. 2, с. 9—23 (свидетельство очевидца); *Фахраи И.* Сардаре Джангал, с. 403.
- ⁴⁴ *Abrahamian E. Iran*, с. 119; *Иванов М. С.* Тарихе новине Иран, с. 50; *Маджиди Дж.* Гияме Хорасан ва дарсхас ан.—Донья. Т. 7, сер. 2, № 4, с. 101—108; *Азари А.* Гияме колонел Мохаммад Таги-хан Песьян.
- ⁴⁵ *Ахрар А.* Марди аз Джангал, с. 526. Эпически подробное и прекрасно документированное свидетельство очевидца: *Азари А.* Гияме колонел Мохаммад Таги-хан Песьян, с. 262—263 and *passim*.
- ⁴⁶ *Abrahamian E. Iran*, с. 119; *Маджиди Дж.* Гияме Хорасан.
- ⁴⁷ [*Джангали И.*]. Яддаштхас хатие, с. 213—215.
- ⁴⁸ Там же, с. 219—220; *Фахраи И.* Сардаре Джангал, с. 365—372; письмо Ардешира Ованесяна автору от 24 ноября 1988 г.
- ⁴⁹ [*Джангали И.*]. Яддаштхас хатие, с. 167; *Ахрар А.* Марди аз Джангал, с. 502—503; *Гаркани М.* Сиясате доулате шоурани, с. 61.
- ⁵⁰ *Хейфец А. Н.* Советская дипломатия и народы Востока. М., 1968, с. 60—65; *Fischer L. Men and Politics*, с. 136—137; *он же. The Soviets in World Affairs*. Vol. 1, с. 288—291, 428—432; *Фатех М.* Панджах сале нафте Иран, с. 482; *Егикян Г.* Шоурани, с. 320—324; *Гаркани М.* Сиясате доулате шоурани, с. 99—100.
- ⁵¹ О гибели Гилянской республики см.: *Zabih S. The Communist Movement in Iran*, с. 40; [*Джангали И.*]. Яддаштхас хатие, с. 220; *Фахраи И.* Сардаре Джангал, с. 371—383; *Ахрар А.* Марди аз Джангал, с. 526; *Fischer L. The Life of Lenin*, с. 427. О британской поддержке карательных операций в Гиляне см.: Аснаде тарихи. Т. 4, с. 19—51.
- ⁵² *Ра'ин И.* Хайдар-хан, с. 238—239.
- ⁵³ См.: *Егикян Г.* Шоурани; *Фахраи И.* Сардаре Джангал, с. 404—415.
- ⁵⁴ См.: *Егикян Г.* Шоурани.

⁵⁵ См.: *Zotov V. Lenin's Doctrine on National Liberation Revolutions and the Modern World*. М., 1983.

⁵⁶ См.: *Егикян Г. Шоурави; Маджиди Дж. Гияме Хорасан*.

⁵⁷ *Азари А. Гияме колонел Мохаммад Таги-хан Песьян*, с. 441—442; *Бахар М. Т. Тарихе мохтасар*. Т. 1, с. 159; *Макки Х. Зендегие сиясие Султан Ахмад-шах*, с. 80.

⁵⁸ *Гаркани М. Сиясате доулате шоурави*, с. 101—102; *Бахар М. Т. Тарихе мохтасар*. Т. 1, с. VIII—IX.

⁵⁹ Об этих достижениях см.: *Ра'ин И. Хайдар-хан*, с. 367; *Егикян Г. Шоурави*.

⁶⁰ *Ulyanovsky R., ed. The Comintern and the East*, с. 315; *Fischer L. The Life of Lenin*, с. 420—421.

⁶¹ *Макки Х. Тарихе бистсалее Иран*. Т. 4, с. 119—135; *Гаркани М. Сиясате доулате шоурави*, с. 250—254; *Аснаде тарихи*. Т. 8, с. 161—166. См. также: *Султанзаде А. Персия*. Гл. 6. Общественное движение в Персии. Борьба против империалистических захватчиков, с. 76—91.

Глава 6

¹ *Кесрави А. Эмуруз че баяд кард? Техран*, 1942, с. 36—37.

² *Макки Х. Тарихе бистсалее Иран*. Т. 1, с. 255.

³ *Tagizadeh M. H. Modern Persia.—Journal of the Royal Society of Arts*. № 32, 27.07.1934, с. 968.

⁴ *Гаркани М. Сиясате доулате шоурави*, с. 102; *Макки Х. Тарихе бистсалее Иран*. Т. 1, с. 560—561.

⁵ *Abrahamian E. Iran*, с. 129, 139; *Lenczowski G. Russia and the West in Iran*, с. 104; *Аснаде тарихи*. Т. 3, с. 130—131.

⁶ *Abrahamian E. Iran*, с. 127—128; *Бахар М. Т. Тарихе мохтасар*. Т. 2, с. 16—27; *Lenczowski G. Russia and the West in Iran*, с. 104; *Аснаде тарихи*. Т. 3, с. 130—131.

⁷ *Abrahamian E. Iran*, с. 120—121; *Бахар М. Т. Тарихе мохтасар*. Т. 1, с. 306; т. 2, с. 27.

⁸ *Макки Х. Тарихе бистсалее Иран*. Т. 1, с. 450—453.

⁹ *Abrahamian E. Iran*, с. 131.

¹⁰ *Katouzian H. Nationalist Trends in Iran. 1921—1925.—International Journal of Middle East Studies*. 1979, № 10, с. 551; см. также написанное им предисловие к кн.: *Малеки Х. Хатерате сияси*, с. 22—25.

¹¹ *Abrahamian E. Iran*, с. 122—123.

¹² *Макки Х. Тарихе бистсалее Иран*. Т. 3, с. 304—330; *Савафи Р. Асраре сугуте Ахмад-шах Техран*, [6. г.], с. 19—125 *passim*; *Хедаят М. Хатерат ва хатарат*, с. 359; *Макки Х. Зендегие сиясие Султан Ахмад-шах*, *passim*.

¹³ *Макки Х. Тарихе бистсалее Иран*. Т. 2, с. 342—343. О связях с Турцией см.: *Сайкс П. Тарихе Иран*. Т. 2, с. 830.

¹⁴ *Бахар М. Т. Тарихе мохтасар*; *Макки Х. Тарихе бистсалее Иран*. Т. 3, с. 330—335.

¹⁵ *Abrahamian E. Iran*, с. 134; *Сайкс П. Тарихе Иран*. Т. 2, с. 830.

¹⁶ *Макки Х. Тарихе бистсалее Иран*. Т. 3, с. 330—341.

¹⁷ *Макки Х.*, ред. Д-р Мосаддег ва нотгхасе тарихие у. Техран, 1979, с. 46—52.

¹⁸ *Макки Х. Тарихе бистсалее Иран*. Т. 3, с. 526, 535; *Малеки Х. Хатерате сияси*, с. 25.

¹⁹ *Abrahamian E. Iran*, с. 135; *Малеки Х. Хатерате сияси*, с. 25.

²⁰ *Азари А. Гияме колонел Мохаммад Таги-хан Песьян*, с. 428—438 *and passim*.

²¹ *Макки Х. Зендегие сиясие Султан Ахмад-шах*, с. 223—225.

²² *Хедаят М. Хатерат ва хатарат*, с. 425.

- ²³ Макки Х. Тарихе бистсалес Иран. Т. 4, с. 39—43, 46—50.
- ²⁴ Там же, с. 42—44.
- ²⁵ Бахар М. Т. Тарихе мохтасар. Т. 2, с. 265.
- ²⁶ Там же, с. 81—100; *Arfa H.* The Kurds. An Historical and Political Study. L., 1966, с. 53—63.
- ²⁷ Макки Х. Тарихе бистсалес Иран. Т. 2—5; Бахар М. Т. Тарихе мохтасар. Т. 1—2; *Кадженури И.* Базигаране асре талаи: Давар, Теймурташ, Айром, Амир Тахмасеби, Дашти. Тегран, 1978, с. 106—157.
- ²⁸ Макки Х. Тарихе бистсалес Иран. Т. 2, с. 80—81; *Rambout L.* Les Kurdes, с. 96; Макки Х. Д-р Мосаддер, с. 13.
- ²⁹ Сайкс П. Тарихе Иран. Т. 2, с. 830—832.
- ³⁰ См.: *Millspaugh A.* Americans in Persia.
- ³¹ *Sheean V.* The New Persia, L., 1927, с. 170, 174; Фатех М. Павджхале нафте Иран, с. 467—469.
- ³² Бахар М. Т. Тарихе мохтасар. Т. 2, с. 72 (пересказ слов товарища Давитяна, советского посланника в Тегеране).
- ³³ Макки Х. Тарихе бистсалес Иран. Т. 4, с. 15, 34—35.
- ³⁴ Там же, с. 15—16, 34.
- ³⁵ *Arfa H.* Under Five Shahs, с. 279.
- ³⁶ Пишварни в Аснаде тарихи. Т. 3, с. 130—131; *Abrahamian E.* Iran, с. 128, 138—139; *Arasteh R.* Struggle for Equality in Iran.— Middle East Journal. № 18, Spring 1964, с. 194; Бахар М. Т. Тарихе мохтасар. Т. 2, с. 31—33; Макки Х. Тарихе бистсалес Иран. Т. 4, с. 111.
- ³⁷ См.: *Кадженури И.* Базигаране асре талаи; Макки Х. Тарихе бистсалес Иран. Т. 4—5; о коммунистической партии см.: Аснаде тарихи. Т. 1, с. 102. См. также: *Abrahamian E.* Iran, с. 139.
- ³⁸ См.: *Кадженури И.* Базигаране асре талаи; Макки Х. Тарихе бистсалес Иран. Т. 4—5.
- ³⁹ *Banani A.* The Modernization of Iran, с. 147.
- ⁴⁰ Аноним. Ала'хазрат Реза-шах Кабир. Фоллз-Чёрч, 1982, с. 11. См. пронципальную статью Вайолет Конолли «The Industrialization of Persia» (*Journal of the Royal Central Asian Society.* July 1935, с. 461).
- ⁴¹ *Conolly V.* The Industrialization of Persia, с. 459, 462; *Edwards A. C.* Persia Revisited.— International Affaires. Т. 23, № 1, January 1947, с. 53. О шахском праве собственности, распространявшемся на все заводы, см.: *Hass W. S.* Iran. N. Y., 1946, с. 152.
- ⁴² *Banani A.* The Modernization of Iran, с. 144—145.
- ⁴³ Там же, с. 131; см.: *Wilber D. N.* Riza Shah Pahlavi, с. 145 — сочувственная биография; см. также: *Millspaugh A.* Americans in Persia, с. 31; *Conolly V.* The Industrialization of Persia, с. 459, 462—463.
- ⁴⁴ *Conolly V.* The Industrialization of Persia, с. 460; *Millspaugh A.* Americans in Persia, с. 30.
- ⁴⁵ *Arfa H.* Under Five Shahs, с. 285; *Banani A.* The Modernization of Iran, с. 116—117.
- ⁴⁶ *Arfa H.* Under Five Shahs, с. 286; *Millspaugh A.* Americans in Persia, с. 27—28; *Katouzian H.* The Political Economy of Modern Iran, с. 112.
- ⁴⁷ *Conolly V.* The Industrialization of Persia, с. 461.
- ⁴⁸ Там же, с. 456—457; Макки Х. Д-р Мосаддер, с. 123—162; *Hopper B.* The Persian Regensis: Key to Politics in the Middle East.— Foreign Affairs. Т. 13, № 2, January 1935, с. 300—301.
- ⁴⁹ Беседа по телефону с Али Амини 18 января 1987 г.
- ⁵⁰ *Wilber D. N.* Riza Shah Pahlavi, с. 245; см. также: Аноним. Гозаштэ, с. 88, 95.
- ⁵¹ *Conolly V.* The Industrialization of Persia, с. 458—459.
- ⁵² О стратегической важности железной дороги см.: там же, с. 456 and passim; *Hopper B.* The Persian Regensis, с. 300—301.
- ⁵³ *Banani A.* The Modernization of Iran, с. 135; *Hopper B.* The Persian Regensis, с. 300; *Arfa H.* Under Five Shahs, с. 289.

- ⁶⁴ *Millsprague A.* Americans in Persia, с. 25; [Эсфандиари С.]. Хатерате Малеке Сорая. [Б. м., 6. г.], с. 31. Об огромном масштабе вымогательства см. дискуссии по поводу послевоенных протестов и судебных исков в кн.: *Аноним.* Гозаште, с. 88—120; см. также: *Баримани Л.* Асраре амляке шаханшахи. Тегеран, [6. г.].
- ⁶⁵ *Arfa H.* Under Five Shahs, с. 282.
- ⁶⁶ *Баримани Л.* Асраре амляке; см. также: *Millsprague A.* Americans in Persia, с. 25; *Banani A.* The Modernization of Iran, с. 119—129.
- ⁶⁷ *Banani A.* The Modernization of Iran, с. 57; *Conolly V.* The Industrialization of Persia, с. 460; *Бахар М. Т.* Тарихе мохтасар. Т. 2, с. 319; *Ladjevardi H.* Labor Unions, с. 23.
- ⁶⁸ *Макки Х.* Тарихе бистсалее Иран. Т. 4, с. 415—437.
- ⁶⁹ *Banani A.* The Modernization of Iran, с. 56; *Рузбех Х.* Эта'ате коркورانе. Тегеран, [6. г.], *passim*, особенно с. 1—21.
- ⁶⁰ *Banani A.* The Modernization of Iran, с. 56.
- ⁶¹ *Hopper B.* Persian Regenesis, с. 298; *Fatemi F.* USSR in Iran, с. 26.
- ⁶² *Szyliowicz J. S.* Education, с. 231; *Abrahamian E.* Iran, с. 127; *Рузбех Х.* Эта'ате коркورانе, *passim*, особенно с. 1—21; *Ardekani A.* National Hero of the People of Iran: Pages from History.—World Marxist Review. Т. 5, № 10. October 1962, с. 94—97, особенно с. 94—95; *Массах Дж., ред.* Матне камеле акарни дефаяе Хосров Рузбех. Тегеран, 1948; *Кесрави А.* Афсарани ма. Тегеран, 1944; *Камбаки А.* Назари. Т. 1, с. 6—7, 211—219; *Тадфрешиян А.* Гияме афсаране Хорасан 1324. Тегеран, 1980, с. 1—48, *passim*, особенно с. 38; ценную информацию дала автору состоявшаяся летом 1986 г. в Вашингтоне беседа с Хасаном Гоми (псевдоним), бывшим активным членом молодежной организации партии Туде после второй мировой войны.
- ⁶³ *Szyliowicz J. S.* Education, с. 234—235, 238—239.
- ⁶⁴ Информация, полученная летом 1985 г. в Денвере во время дискуссии с администраторами эры Пехлеви, включая Давуди (псевдоним), и с М. Семнани (псевдоним), высокопоставленным чиновником министерства просвещения той же поры.
- ⁶⁵ *Szyliowicz J. S.* Education, с. 231.
- ⁶⁶ Отец автора, М. Годс, был одним из выпускников сельскохозяйственной школы, которых заставили работать в шахских поместьях; эти сведения содержались в письме автору от 6 апреля 1987 г. Несколько гражданских служащих, трудившихся в шахских имениях, подтвердили эту информацию.
- ⁶⁷ *Szyliowicz J. S.* Education, с. 251.
- ⁶⁸ *Песьян Н.* Марг буд базгашт хам буд, с. 25; см. также *Zonis M.* The Political Elite of Iran.
- ⁶⁹ *Banani A.* The Modernization of Iran, с. 71.
- ⁷⁰ *Кадженури И.* Базигаране асре талаи, с. 18—20.
- ⁷¹ *Banani A.* The Modernization of Iran, с. 78; *Abrahamian E.* Iran, с. 215.
- ⁷² *Banani A.* The Modernization of Iran, с. 73.
- ⁷³ См.: *Хедаят М.* Хатерат на хатарат, с. 394—396. Хедаят был в то время премьер-министром. См. также: *Fatemi N. S.* Oil Diplomacy, с. 171.
- ⁷⁴ *Кадженури И.* Базигаране асре талаи: Али Сохейли. Тегеран, 1977, с. 53.
- ⁷⁵ *Аноним.* Гозаште, с. 62.
- ⁷⁶ *Lenczowski G.* Russia and the West in Iran, с. 161; *Abrahamian E.* Iran, с. 143; письмо от А. З. Арабаджяна, датированное 27 сентября 1988 г.
- ⁷⁷ *Lambton A.* Persia.—Journal of the Royal Central Asian Society. Т. 31, № 1, January 1944, с. 16; *Lenczowski G.* Russia and the West in Iran, с. 154, 161.
- ⁷⁸ *Szyliowicz J. S.* Education, с. 243; беседа с Семнани (псевдоним) и

несколькими другими чиновниками министерства просвещения, служившими при монархах из династии Пехлеви.

⁷⁹ *Szyliowicz J. S. Education*, с. 242.

⁸⁰ *Abrahamian E. Iran*, с. 163.

⁸¹ Аноним. Гозаште, с. 240. Мои беседы с Могоаддамом и другими азербайджанцами, как и с Семнани из министерства просвещения, подтвердили, что это действительно была официальная политика.

⁸² Цит. по: там же, с. 239.

⁸³ 6 июля 1986 г., беседа с Табризи (псевдоним). В состоявшейся в тот же день беседе еще один азербайджанец, землевладелец Азери (псевдоним), подтвердил сообщение Табризи; подтвердили его и другие азербайджанцы, находившиеся в то время в Азербайджане. См. также: *Eagleton W., Jr. The Kurdish Republic of 1946*, с. 25—26.

⁸⁴ *Rambout L. Les Kurdes*, с. 96; *Ghassemlou A. R. Kurdistan in Iran*.—*Chaliand G., ed. People without Country*, с. 119.

⁸⁵ *Lenczowski G. Russia and the West in Iran*, с. 155; *Katouzian H. The Political Economy of Modern Iran*, с. 133.

⁸⁶ См.: *Адиби Х. Табагее мотевасете джадид*, с. 81.

⁸⁷ *Мостуфи А. Тарихе эджтемайи*. Т. 3, с. 367—368; *Бина Ф. Саргозаште Реза шах*. Тегран, 1943, с. 74—75; *Пахлави Мохаммад Реза*. Реза шах Кабир. Тегран, [б. г.], с. 89 — яркая биография человека, написанная его сыном.

⁸⁸ Цит. по: *Abrahamian E. Iran*, с. 151; см. также: *он же. Communism and Communalism in Iran: The Tudeh and the Firqah-e Dimokrat*.—*International Journal of Middle East Studies*. 1970, № 1, с. 291—316; *Cottam R. W. Nationalism in Iran*, с. 124—125; *Katouzian H. The Political Economy of Modern Iran*, с. 133.

⁸⁹ *Katouzian H. The Political Economy of Modern Iran*, с. 133.

⁹⁰ Аноним. Гозаште, с. 237—238. Мои собственные беседы с азербайджанцами из различных социальных групп подтвердили это.

⁹¹ *Vapani A. The Modernization of Iran*, с. 120—125.

⁹² *Момени Х. Дар барнее мобаризате Кордестан*, с. 25—26.

⁹³ Определение понятия «интегральный национализм» см.: *Chilcote R. H. Theories of Comparative Politics*, с. 276.

⁹⁴ *Макки Х. Тарихе бистсалее Иран*. Т. 6, с. 250—273.

⁹⁵ Там же, с. 250—279; см. также: *Кохиекермани Н. Аз шахриваре бист та фаджее Азербайджан ва Зенджан*. Т. 1. Тегран, 1946, с. 425—427; т. 2. Тегран, 1948, с. 159—181.

⁹⁶ *Szyliowicz J. S. Education*, с. 244; доклад «Стили руководства и стратегии развития, [избранные] Реза-шахом в Иране и Ататюрком в Турции», прочитанный 19 ноября Сцилиовичем в «Обществе по изучению Ирана» при Денверском университете; состоявшаяся летом 1985 г. беседа с Семнани. См. также: *Hass W. S. Iran*, с. 158—159.

⁹⁷ *Кадженури И. Базигаране асре талаи*; *Abrahamian E. Iran*, с. 150—151; *Макки Х. Тарихе бистсалее Иран*. Т. 5, 6; *Аноним. Гозаште*, с. 55.

⁹⁸ *Abrahamian E. Iran*, с. 150.

⁹⁹ *Меликов О. С. Установление диктатуры Реза-шаха в Иране*.

¹⁰⁰ Там же, с. 149; *Szyliowicz J. S. Education*, с. 233.

¹⁰¹ *Conolly V. The Industrialization of Persia*, с. 462.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ *Шоджаи З. Намаяндеган*, с. 195.

¹⁰⁴ *Иванов М. С. Тарихе новине Иран*, с. 80; *Katouzian H. The Political Economy of Modern Iran*, с. 131.

¹⁰⁵ *Гасеми Ф. Сандикализм дар Иран*, с. 149.

¹⁰⁶ *Макки Х. Тарихе бистсалее Иран*. Т. 6, с. 370; дискуссия 1976 г. с г-ном Давуди (псевдоним).

¹⁰⁷ *Conolly V. The Industrialization of Persia*, с. 462; *Момени Х. Дар барнее мобаризате Кордестан*, с. 25.

- ¹⁰⁸ *Lambton A.* Persia, с. 14.
- ¹⁰⁹ *Cottam R. W.* Nationalism in Iran, с. 99—100.
- ¹¹⁰ *Abrahamian E.* Iran, с. 155.
- ¹¹¹ Аноним. Гозаште, с. 65—66, об участии в деятельности пацистов см. с. 69—70; *Хедаят М.* Хатерат ва хатарат, с. 425—426. О Майре см.: *Lenzowski G.* Russia and the West in Iran, с. 163—166.
- ¹¹² *Гаркани М.* Сиясате доулате шоурави, с. 200—201.
- ¹¹³ См.: *Zabih S.* The Communist Movement in Iran, с. 61; *Гасеми Ф.* Сандикализм дар Иран, с. 164—171, о всеобщей забастовке. О ведушей роли ПКП в деятельности профсоюзов нефтяников см.: *Камбаки А.* Назари. Т. 1, с. 36—37.
- ¹¹⁴ Цит. по: *Zabih S.* The Communist Movement in Iran, с. 62; см. также: *Гасеми Ф.* Сандикализм дар Иран, с. 171—179.
- ¹¹⁵ Аснаде тарихи. Т. 1, с. 120; т. 2, с. 18—19; *Abrahamian E.* Iran, с. 139—140; *Хамеи А.* Панджах нафар, с. 70.
- ¹¹⁶ Азхир. № 91, 06.08.1943. Цит. по: Аснаде тарихи. Т. 3, с. 131. См. также: *Камбаки А.* Назари. Т. 1, с. 35.
- ¹¹⁷ *Маки Х.* Тарихе бистсалеи Иран. Т. 5, с. 182.
- ¹¹⁸ *Хамеи А.* Панджах нафар, с. 71—75; *Малеки Х.* Хатерате сияси; *Алави Б.* Панджахо се нафар.
- ¹¹⁹ *Алави А.* Панджах нафар, с. 94—95; *Zabih S.* The Communist Movement in Iran, с. 67; *Эрани Т.* Асар ва магалат.
- ¹²⁰ *Джаханшахлу-Афшар Н.* Ма ва биганеган, с. 15—18. Сведения о целях группы Эрани я получил также из телефонного разговора с Бозоргом Алави, состоявшегося 8 декабря 1988 г.
- ¹²¹ *Хамеи А.* Панджах нафар, с. 99.
- ¹²² *Ramazani R. K.* The Autonomous Republic of Azerbaijan and the Kurdish People's Republic: Their Rise and Fall—*Hammond Th. T. and Farrel R., eds.* The Anatomy of Communist Takeover. New Haven, 1977, с. 458.
- ¹²³ *Abrahamian E.* Iran, с. 157—162; *Алави Б.* Панджахо се нафар, с. 190.
- ¹²⁴ *Алави Б.* Панджахо се нафар, с. 176.
- ¹²⁵ *Алави Б.* Варапарехае زندан.
- ¹²⁶ *Хамеи А.* Панджах нафар, с. 173—174.
- ¹²⁷ Оценка политических взглядов Ованесяна почерпнута из выпущенной правительством США книги «Who's Who in the Tudeh Party» (March 31, 1945. USNA RG226/126793, с. 5) и из телефонного разговора с Бозоргом Алави, состоявшегося 8 декабря 1988 г.
- ¹²⁸ Азхир. № 91, 06.08.1943. Цит. по: Аснаде тарихи. Т. 3, с. 132. О личном соперничестве Пишевари см.: *Малеки Х.* Хатерате сияси, с. 305—306. См. также: *Хамеи А.* Панджах нафар, с. 172—195.
- ¹²⁹ Цит. по: *Abrahamian E.* Communism and Communalism, с. 307.
- ¹³⁰ О влиянии гиланской революции на формирование тактики Пишевари во время азербайджанской революции мне рассказал 8 декабря 1988 г. по телефону Бозорг Алави.
- ¹³¹ Телефонный разговор с Али Амینی 18 января 1987 г.; Аснаде тарихи. Т. 4, 8, 29 passim.
- ¹³² *Lenzowski G.* Russia and the West in Iran, с. 95; *Carr E. H.* Socialism in One Country. 1924—1925. Т. 3. N. Y., 1964, с. 635—636; *Kapur H.* Soviet Russia and Asia, с. 198.
- ¹³³ О протестах Мосаддыка в Шестом меджлисе см.: *Маки Х.* Тарихе бистсалеи Иран. Т. 4, с. 163—167.
- ¹³⁴ Алахазрат Реза-шах Кабир. Техран. 1976, с. 103—104, 108—115; *Banani A.* The Modernization of Iran, с. 57, 134; *Fatemi N. S.* Oil Diplomacy.
- ¹³⁵ *Ramazani R. K.* The Foreign Policy of Iran, с. 255; *Фатех М.* Панджахо се нафте Иран, с. 290—307; *Fatemi N. S.* Oil Diplomacy, с. 151—183; телефонный разговор с Али Амینی.

- ¹³⁶ *Katouzian H.* National Trends in Iran, с. 540.
- ¹³⁷ *Иванов М. С.* Тарихе новине Иран, с. 90.
- ¹³⁸ *Ramazani R. K.* The Foreign Policy of Iran, с. 274; Полный текст договора см.: Documents on International Affairs, 1937, L., 1939, с. 531—532. Об ирано-иракском договоре см.: *Sirriyeh H.* Development of the Iraqi-Iranian Dispute, 1847—1975.—Journal of Contemporary History, Т. 20, № 3, July 1985, с. 484 and passim. Ссылка на Амини основывается на телефонном разговоре с ним, состоявшемся 27 марта 1987 г.
- ¹³⁹ *Lenczowski G.* Russia and the West in Iran, с. 161—163; *Иванов М. С.* Тарихе новине Иран, с. 91.
- ¹⁴⁰ *Кадженури И.* Базигаране асре талан: Али Сохейли, с. 34—35.
- ¹⁴¹ *Иванов М. С.* Тарихе новине Иран, с. 91.
- ¹⁴² *Макки Х.* Тарихе бистсалее Иран, Т. 6, с. 289—315, 414—435. О позиции Советского Союза см.: *Иванов М. С.* Тарихе новине Иран, с. 90.
- ¹⁴³ *Макки Х.* Тарихе бистсалее Иран, Т. 6, с. 451—454.
- ¹⁴⁴ *Махдави Х.* Тарихе равабете хареджие Иран, с. 401—404; слова Черчилля цит. по: *Churchill W.* The Second World War. Vol. 3. The Grand Alliance. N. Y., 1950, с. 408.
- ¹⁴⁵ *Махдави Х.* Тарихе равабете хареджие Иран, с. 403—404.
- ¹⁴⁶ *Кадженури И.* Базигаране асре талан: Али Сохейли, с. 55—56, 68—70.
- ¹⁴⁷ См.: *Пишевари Дж.* Яддаштхае زندан, с. 52; Пишевари упоминает здесь о генерале Джаханбани, который был брошен в тюрьму за высказанное им мнение, согласно которому Иран не сможет противостоять иностранному вторжению. Прекрасный пример!
- ¹⁴⁸ *Кадженури И.* Базигаране асре талан: Али Сохейли, с. 79—81.
- ¹⁴⁹ Там же, с. 131—134; цитата из кн.: *Аноним.* Гозаште, с. 83; *Хагизат А. Р.* Тарихе Гомес. Тегран, 1965, с. 181.
- ¹⁵⁰ *Millsprugh A.* Americans in Persia, с. 36.
- ¹⁵¹ *Kazemzadeh F.* Ideological Crisis in Iran.—*Laquer W., ed.* The Middle East in Transition. N. Y., 1958, с. 199.

Глава 7

- ¹ *Ladjevardi H.* Labor Unions, с. 98; *Abrahamian E.* Iran, с. 175.
- ² Цит. по: *Ladjevardi H.* Labor Unions, с. 98.
- ³ Письмо Могаддама автору от 24 октября 1986 г.
- ⁴ *Abrahamian E.* Iran, с. 176; состоявшийся 31 марта 1987 г. разговор с Могаддамом и беседы с несколькими азербайджанцами в Соединенных Штатах (лето 1986 г.).
- ⁵ *Abrahamian E.* Iran, с. 176.
- ⁶ *Кохиекермани Х.* Аз шахриваре бист. Т. 2, с. 44; *Arfa H.* The Kurds, с. 72; *Кутшра К.* Курдестан ва Джумхурие Махабад. [Б. м.], 1981, с. 10.
- ⁷ *Rambout L.* Les Kurdes, с. 97.
- ⁸ Там же, с. 24—25.
- ⁹ *Eagleton W., Jr.* The Kurdish Republic of 1946, с. 33—34; см. также: USNA 891.00/5-545 CS/MAJ. О партии «Хева» см.: *Кутшра К.* Курдестан, с. 15.
- ¹⁰ *Abrahamian E.* Iran, с. 175.
- ¹¹ *Arfa H.* The Kurds, с. 72; *Кохиекермани Х.* Аз шахриваре бист. Т. 2, с. 44—49; *Eagleton W., Jr.* The Kurdish Republic of 1946, с. 30—32.
- ¹² *Кохиекермани Х.* Аз шахриваре бист. Т. 2, с. 239—395; *Аноним.* Гозаште, с. 153—159.
- ¹³ Цит. по: *Abrahamian E.* Iran, с. 187.
- ¹⁴ Цит. по: там же, с. 218.
- ¹⁵ *Кесрави А.* Шнагари. Париж, 1982, с. 20—23; см. также: *Кесрави А.* Дар пирамуне эслам. Тегран, [б. г.].

- ¹⁶ Беседа с Санджаби 27 июня 1987.
- ¹⁷ То же.
- ¹⁸ *Мехдиния Дж.* Зендегие сиясие Размара, с. 403—404.
- ¹⁹ *Abrahamian E.* Iran, с. 193; *Аноним.* Гозаште, с. 172.
- ²⁰ *Кохиекермани Х.* Аз шахриваре бист. Т. 2, с. 621; *Аноним.* Гозаште, с. 185, 189, 268.
- ²¹ О Фирuze и его сотрудничестве с Ссидом Зия см.: *Мехдиния Дж.* Зендегие сиясие Размара, с. 401; письмо Могаддама автору от 28 июля 1986 г.
- ²² *Abrahamian E.* Iran, с. 290; *Аноним.* Гозаште, с. 180; беседы с бывшими членами Туде, часть которых присутствовала на этой конференции.
- ²³ *Abrahamian E.* Iran, с. 285.
- ²⁴ Там же, с. 287; *Zabih S.* The Communist Movement in Iran, с. 73.
- ²⁵ Цит. по: *Аноним.* Гозаште, с. 180; *Abrahamian E.* Iran, с. 290; беседы с бывшими членами Туде, часть которых присутствовала на конференции.
- ²⁶ *Гасели А.* Хезбе Тудее Иран че мигуяд ва че микахад? Техран, 1944, с. 9—10.
- ²⁷ The Tudch Party and One-Sided Foreign Policy.—*Rahbar.* № 280, 07.05.1944.
- ²⁸ *Кянури Н.* Хезбе Тудее Иран, с. 5—6.
- ²⁹ Беседа с А. Техрани (псевдоним), состоявшаяся 10 июля 1986 г. в Вашингтоне.
- ³⁰ *Хамеи А.* Форсате бозорге, с. 123—124; *Камбаки А.* Назари. Т. 1, с. 211—220; состоявшаяся 31 марта 1987 г. беседа с полковником Сарабом (псевдоним), осуществлявшим административную связь между Туде и ее военной организацией.
- ³¹ *Ladjevardi H.* Labor Unions, с. 30—32.
- ³² Там же, с. 32; *Кохиекермани Х.* Аз шахриваре бист. Т. 2, с. 458—472; *Аноним.* Гозаште, с. 184; беседа с Санджаби 28 июня 1987 г.
- ³³ *Камбаки А.* Назари. Т. 1, с. 82.
- ³⁴ *Abrahamian E.* Iran, с. 375—382; *Аноним.* Гозаште, с. 181; *Камбаки А.* Назари. Т. 1, с. 69; беседы с членами Туде.
- ³⁵ *Abrahamian E.* Iran, с. 387—397; *Момени Х.* Дар бариее мобаризате Кордестан, с. 78; USNA RG 226 OSS 132227, с. 4.
- ³⁶ *Abrahamian E.* Communism and Communalism, с. 301—302; *Гасели Ф.* Сандикализм дар Иран, с. 149; *Рахбар.* № 365, 21.08.1944, с. 1.
- ³⁷ *Abrahamian E.* Iran, с. 389.
- ³⁸ Там же, с. 387.
- ³⁹ *Кохиекермани Х.* Аз шахриваре бист. Т. 2, с. 621; *Аноним.* Гозаште, с. 242—243, 289.
- ⁴⁰ Цит. по: Аснаде тарихи. Т. 3, с. 140—141.
- ⁴¹ Цит. по: *Abrahamian E.* Iran, с. 290; см. также: *Аноним.* Гозаште, с. 246.
- ⁴² *Ladjevardi H.* Labor Unions, с. 46.
- ⁴³ Там же, с. 100—101.
- ⁴⁴ Цит. по: там же, с. 101.
- ⁴⁵ Там же, с. 47, 102—104; *Аноним.* Гозаште, с. 184.
- ⁴⁶ *Ladjevardi H.* Labor Unions, с. 51.
- ⁴⁷ Там же, с. 48.
- ⁴⁸ *Камбаки А.* Назари. Т. 1, с. 68—69; *Аноним.* Гозаште, с. 174—175; *Кейдостован Х., ред.* Сиясате мовазенее манфи. Т. 1, с. 376, 401; *Abrahamian E.* Iran, с. 198; USNA R and A report 2707 microfiche, с. 7; состоявшаяся в 1976 г. в Тегеране дискуссия с Рахими (псевдоним), чиновником, служившим во время второй мировой войны в министерстве внутренних дел, о выборах в Четырнадцатый меджлис; беседа с Санджаби 28 июня 1987 г.
- ⁴⁹ Цит. по: *Ladjevardi H.* Labor Unions, с. 101.

- ⁵⁰ *Abrahamian E. Iran*, с. 291—292.
- ⁵¹ *Кейостован Х., ред.* Сиясате мовазенсе манфи. Т. 1 и 2; *Eagle-ton W., Jr. The Kurdish Republic of 1946*, с. 31.
- ⁵² См. прелестную книгу Ферейдуна Кешаварза «Ман муттахам миконам» (с. 34) В 1987 г. в переписке с автором Кешаварз повторил свою высокую оценку Пишевари как знающего марксиста.
- ⁵³ *Аноним. Гозаште*, с. 178; *Ladjevardi H. Labor Unions*, с. 110.
- ⁵⁴ *Кейостован Х., ред.* Сиясате мовазенсе манфи. Т. 1, с. 384—386.
- ⁵⁵ *Малеки Х. Хатерате сияси*, с. 306; состоявшаяся 31 марта 1987 г. беседа с полковником Сарабом, старейшим членом военной организации Туде и личным другом Хосрова Рузбеха. Сараб, присутствовавший на I съезде партии, сказал автору, что эти разногласия были главной причиной разрыва между ДПА и Туде.
- ⁵⁶ *Малеки Х. Хатерате сияси*, с. 364—374.
- ⁵⁷ Там же, с. 373—374; *Abrahamian E. Iran*, с. 294, 392; *он же. Communism and Communalism*, с. 303—304; *Рахбар*. № 367, 22.08.1944, с. 1, 4.
- ⁵⁸ *Abrahamian E. Iran*, с. 294, 392; *Рахбар*. № 364—367, 20—23.08.1944.
- ⁵⁹ *Рахбар*. № 365, 21.08.1944, с. 1.
- ⁶⁰ *Abrahamian E. Iran*, с. 394.
- ⁶¹ *Abrahamian E. Communism and Communalism*, с. 300—304; О I съезде см.: *Калбакш А. Назари*. Т. 1, с. 69—75.
- ⁶² *Нотамуонпрур Р. L'affaire l'Azerbaïdjan*, с. 50; *Аноним. Гозаште*, с. 191—197.
- ⁶³ *Petroleum in the Near East. USNA 711.90/69, March 16, 1943.*
- ⁶⁴ Цит. по: *Kuniholme B. R. The Origins of the Cold War*, с. 160.
- ⁶⁵ Там же, с. 169—179.
- ⁶⁶ *Rubin V. The Great Powers*, с. 82.
- ⁶⁷ *Аноним. Гозаште*, с. 163—169; беседа с Али Амини 6 октября 1986 г.
- ⁶⁸ Цит. по: *Rubin V. The Great Powers*, с. 12, 96; *Кейостован Х., ред.* Сиясате мовазенсе манфи. Т. 1, с. 156; *Давуди М. Кавам ос-Салтане*, с. 28.
- ⁶⁹ Цит. по: *Rubin V. The Great Powers*, с. 90.
- ⁷⁰ *The Tribal Problem in Iran's Domestic and Foreign Politics.— USNA R and A report 2707*, с. 8. О поддержке, которую оказывали племенам англичане, см.: *Lenczowski G. Russia and the West in Iran*, с. 250.
- ⁷¹ Цит. по: *Rubin V. The Great Powers*, с. 79.
- ⁷² Беседа с Али Амини 6 октября 1986 г.
- ⁷³ Беседа с Али Амини, март 1987 г.
- ⁷⁴ *Поверенный в делах США в Москве — в Государственный департамент. 7 ноября 1944 г.— U. S. Department of State. Foreign Relations 1944. Vol. 5*, с. 470.
- ⁷⁵ *Skrine C. A. The World War in Iran. L., 1962*, с. 227.
- ⁷⁶ *Нотамуонпрур Р. L'affaire d'Azerbaïdjan*, с. 51.
- ⁷⁷ *Attitude of the Soviet Press and Radio toward Iran. USNA R and A report 35223.6.*
- ⁷⁸ *Ladjevardi H. Labor Unions*, с. 54; *Кешаварз Ф. Ман муттахам*, с. 75.
- ⁷⁹ *Кейостован Х., ред.* Сиясате мовазенсе манфи. Т. 1, с. 178; см. также т. 1 и 2.
- ⁸⁰ Там же. Т. 1, с. 168—169.
- ⁸¹ Там же, с. 181.
- ⁸² Там же, с. 199; *Abrahamian E. Iran*, с. 213; письмо Могаддама автору от 11 сентября 1986 г.
- ⁸³ *Kuniholme B. R. The Origins of the Cold War*, с. 172; *Abrahamian E. Iran*, с. 213; *Кейостован Х., ред.* Сиясате мовазенсе манфи. Т. 1, с. 236—237.
- ⁸⁴ *Хамеи А. Форсате бозорге*, с. 159—160; *Abrahamian E. Iran*, с. 214.

⁸⁵ *Abrahamian E.* Iran, с. 215; *Pahlavi Mohammad Reza.* Answer to History, с. 75.

⁸⁶ *Abrahamian E.* Iran, с. 215—216, 220; *Кейостован Х., ред.* Сиясате мовазенне маифи. Т. 1, с. 145—149; т. 2, с. 118—169, 289.

⁸⁷ *Камбаки А. Назари.* Т. 2, с. 212—215; *Тафрешиян А.* Гияме афсарани Хорасан; *Lenczowski* в «Russia and the West in Iran» (с. 239) сильно преувеличивает поддержку, оказанную племенами. См.: USNA 891.00/8-2445, с. 2, August 24, 1945. О роли религии в Хорасане см.: USNA R and A report 3523.5, с. 3; беседа с полковником Сарабом (псевдоним).

⁸⁸ *Рузбех Х.* Эта'ате коркоранс, с. 58—59.

⁸⁹ *Ladjevardi H.* Labor Unions, с. 55.

⁹⁰ *Камбаки А. Назари.* Т. 1, с. 186.

⁹¹ Доклад Иблинга. May 5, 1944.—USNA 891.00/3053. О высокой безработице в Азербайджане см. также: Доклад Иблинга, August 1, 1945.—USNA 891.00/8-145, с. 2.

⁹² *Иблинг.* June 1, 1945.—USNA 891.00/6-145; 891.00/1 2745 OS 3.

⁹³ Цит. по: *Ladjevardi H.* Labor Unions, с. 110.

⁹⁴ *Камбаки А. Назари.* Т. 1, с. 186.

⁹⁵ *Abrahamian E.* Iran, с. 397; *Аноним.* Гозаште, с. 245; беседы с азербайджанцами, жившими в тот период в Тебризе.

⁹⁶ *Песьян Н.* Марг буд базгашт хам буд, с. 19.

⁹⁷ *Садр,* цит. по: Рахбар. № 630, 13.08.1945.

⁹⁸ *Abrahamian E.* Communism and Communalism, с. 308; Хагиги сияси ишчелер тарбияте мелли.—Азербайджан, № 37, 23.10.1945; см. также: *Аноним.* Гозаште, с. 274.

⁹⁹ *Abrahamian E.* Communism and Communalism, с. 308; USNA 891.00-5-1 645, с. 2.

¹⁰⁰ О Бирни см.: USNA 891.00/7-2645. Информация о решении Туде и о советской реакции на него почерпнута из статьи «Text of Khalil Maleki's Defense and Trial», напечатанной в октябре 1966 г. в органе Общества иранских социалистов «Socialism» (№ 2); см. также: *Малеки Х.* Хатерате сияси.

¹⁰¹ *Аноним.* Гозаште, с. 247; *Малеки Х.* Хатерате сияси.

¹⁰² Цит. по: *Notayounpour P.* L'affaire d'Azerbaïdjan, с. 71.

¹⁰³ *Abrahamian E.* Communism and Communalism, с. 308; *Zabih S.* The Communist Movement in Iran, с. 100; Гизил сахифелер, с. 1—10.

¹⁰⁴ Цит. по: *Abrahamian E.* Iran, с. 398.

¹⁰⁵ О мнении либералов относительно вывода советских войск см. доклады Иблинга.—USNA 891.00/8-145, с. 2, 891.00/7-2645, с. 5. О взглядах на национальную революцию см.: Шахриварин оон икеси, с. 1—3; *Аноним.* Гозаште, с. 247; состоявшаяся 31 марта 1987 г. беседа с полковником Сарабом. О заседаниях I съезда партии см.: Азербайджан, 02.10.1945, с. 2 и 03.10.1946, с. 21.

¹⁰⁶ Письмо автору, полученное 29 сентября 1987 г.

¹⁰⁷ *Пишевари Дж.* 21 азар; *Аноним.* Гозаште, с. 427—428; беседа с Боргором Алави 8 декабря 1988 г.

¹⁰⁸ *Zabih S.* The Communist Movement in Iran, с. 100.

¹⁰⁹ *Lenczowski G.* Russia and the West in Iran, с. 288; *Аноним.* Гозаште, с. 30, 247, 280.

¹¹⁰ USNA 891.00/11-1645; включает версию на персидском языке.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Декларация национальной автономии.—Азербайджан, 26.11.1945; *Песьян Н.* Марг буд базгашт хам буд, с. 61—64.

¹¹³ См. примеч. 112.

¹¹⁴ *Eagleton W., Jr.* The Kurdish Republic of 1946, с. 39; беседа с Махабади (псевдоним), родственником Казии, в Вашингтоне, летом 1986 г.

¹¹⁵ *Eagleton W., Jr.* The Kurdish Republic of 1946, с. 41; о «Комоле» в тот период см. также: USNA 891.00/8-2445, с. 2, 24, August 1945.

¹¹⁶ *Eagleton W., Jr.* The Kurdish Republic of 1946, с. 42.

¹¹⁷ *Кутипра К.* Курдестан, с. 11—13, 42; USNA RG 226 OSS 878-45— о поддержке, оказанной Соединенными Штатами; беседа с Махабади в Вашингтоне 6 июля 1986 г.

¹¹⁸ *Eagleton W., Jr.* The Kurdish Republic of 1946, с. 43—45.

¹¹⁹ Партийную платформу см.: Мардом. 01.01.1945.

¹²⁰ О давнишнем участии ДПК в отдалении этих двух провинций друг от друга см.: USNA 891.00/11-745, с. 1; Кази, цит. по: *Аноним.* Гозаште, с. 315.

¹²¹ *Abrahamian E.* Iran, с. 211; *Кейостован Х., ред.* Сиясате мовазенее манфи. Т. 2, с. 208—211; *Джизани Б.* Тарихе си салее Иран. Техран, 1978. Джизани характеризует партию «Дженгель» как комбинацию «реакционных крупных помещиков и реакционных армейских офицеров» (с. 46, 22); состоявшаяся 30 апреля 1987 г. беседа с А. Гиляном (псевдоним), членом партии «Дженгель», который сказал мне, что у этой партии не было хороших отношений с Туде из-за классовой ориентации последней; беседа с полковником Саробом 31 марта 1987 г.

¹²² См. речи Мосаддыка в Четырнадцатом меджлисе: *Кейостован Х., ред.* Сиясате мовазенее манфи; Кесрави, цит. по: *Abrahamian E.* Iran, с. 218; *Аноним, ред.* Нотгхае д-р Мосадег дар боврее шанздахоме Маджлисе Шоурае Мелли. Техран, 1969, с. 30—31; *Фатехи С. Х.* Маджмое магалат, с. 30—34. В полученном автором 28 августа 1986 г. письме от Хасана Ирани (псевдоним), ведущего марксистского теоретика, принадлежавшего к Национальному фронту, оспаривается мнение, согласно которому Национальный фронт высказал очень неопределенное одобрение созданию провинциальных советов после исламской революции. См.: *Набдель А. Р.* Азербайджан, с. 4. См. также: *Аноним.* Бохрани конони ва дорнамайн.—Рахе федаийе, № 18, июнь 1981, с. 41.

¹²³ *Нотатуопрор Р.* L'affaire d'Azerbaïdjan, с. 68—72; *Abrahamian E.* Iran, с. 221.

¹²⁴ *Кейостован Х., ред.* Сиясате мовазенее манфи. Т. 2, с. 214.

¹²⁵ *Kuniholme B. R.* The Origins of the Cold War, с. 215, 272—273.

¹²⁶ Посол Муррей — государственному секретарю, 10 января 1946 г.— U. S. Department of State. Foreign Relations 1946. Vol. 7, с. 300.

¹²⁷ Телеграмма от 11 мая 1946 г.— USNA 891.01/5-1146, с. 1; *Кейостован, ред.* Сиясате мовазенее манфи. Т. 2, с. 217—240 passim; *Pahlavi Mohammad Reza.* Answer to History, с. 74—75; слова Мосаддыка цит. по: *Ghods M. R.* A Comparative Historical Study, с. 493.

¹²⁸ Андрей Вышинский — председателю Совета Безопасности. 24 января 1946 г.— U. S. Department of State. Foreign Relations 1946. Vol. 7, с. 311.

¹²⁹ Русские и американские советники в Персии (Иране). Доклад разведки, 21 декабря 1943 г.— USNA RG 226 OSS 53826; см. также: *Gankousky Yu. V., ed.* A History of Afghanistan. М., 1982, с. 234.

¹³⁰ См.: *Джахиншахлу-Афшар Н.* Ма ва биганеган, с. 235—239 — о разногласиях между Молотовым и Багировым; см. также: *Eagleton W., Jr.* The Kurdish Republic of 1946, с. 59; *Песьян Н.* Аз Махабаде хуни, с. 174.

¹³¹ Цит. по: *Abrahamian E.* Iran, с. 222; *Давуди М.* Кавам ос-Салтане, с. 49; см. также: *Кейостован Х., ред.* Сиясате мовазенее манфи. Т. 2, с. 223—232.

¹³² *Кейостован Х., ред.* Сиясате мовазенее манфи. Т. 2, с. 226—227; *Давуди М.* Кавам ос-Салтане, с. 50.

¹³³ См. свидетельство очевидца: *Масуди К.* Джарияне мосаферате мисийоне азамне Иран бе Моско. Техран, 1947, с. 157.

¹³⁴ *Kuniholme B. R.* The Origins of the Cold War, с. 313—314; U. S. Department of State. Foreign Relations 1946. Vol. 7, с. 311; *Byrnes J. F.* All in One Lifetime. N. Y., 1952, с. 333—334; *Byrnes J. F.* Speaking Frankly. N. Y., 1947, с. 118—120; *Smith W. B.* My Three Years in Moscow. Philadelphia, 1950, с. 15.

¹³⁵ Цит. по: *Rambout L. Les Kurdes*, с. 89.

¹³⁶ Муррей — государственному секретарю, 22 марта 1946 г.— U. S. Department of State. Foreign Relations 1946. Vol. 7, с. 311. О жесткой линии Максимова по отношению к иранскому правительству см.: Муррей — государственному секретарю, № 773 и 777; оба сообщения датированы 27 сентября 1945 г.— USNA 891.00/9-2745.

¹³⁷ См.: *Кейюстован Х., ред.* Сиясате мовазенее манфи. Т. 2, с. 246—250 — о выступлении Кавама перед его поездкой в Москву, в котором он выразил надежду на установление равновесия, и об условиях соглашения; см. также: *Lenczowski G. Russia and the West in Iran*, с. 300.

¹³⁸ *Ladjevardi H. Labor Unions*, с. 60; *Давуди М.* Кавам ос-Салтане, с. 118; беседа с Али Амини 6 октября 1986 г.

¹³⁹ *Abrahamian E. Iran*, с. 230; *Песьян Н.* Марг буд базгашт хам буд, с. 203—222; *Аноним.* Гозаште, с. 359—373; письмо из канцелярии Шапура Бахтияра от 10 сентября 1986 г.; о переговорах Кавама с Пишевари см. также: USNA 891.00/5-446.

¹⁴⁰ *Песьян Н.* Аз Махабаде хунин, с. 174; *Rambout L. Les Kurdes*, с. 107; *Eagleton W., Jr. The Kurdish Republic of 1946*, с. 94; беседа с Махабади, родственником Казн Мохаммеда, 6 июля 1986 г. и беседа с Али Амини 6 октября 1986 г.

¹⁴¹ USNA 891.00/5-848, особенно с 2—3; 891.00/5-1546, с. 1; *Песьян Н.* Аз Махабаде хунин, с. 174; *Eagleton W., Jr. The Kurdish Republic of 1946*, с. 93—94, 106; *Pahlavi Mohammad Reza. Answer to History*, с. 75; *Кутюра К.* Курдестан, с. 27, 31.

¹⁴² *Abrahamian E. Iran*, с. 233; Кейхан. 30.06.1946; беседа с Али Амини 6 октября 1986 г.

¹⁴³ *Edwards A. C. Persia Revisited*, с. 59.

¹⁴⁴ *Abrahamian E. Iran*, с. 233.

¹⁴⁵ *Ladjevardi H. Labor Unions*, с. 133—136; *Хамеи А.* Форсате борзге, с. 314—318; *Фатех М.* Панджах сале нафте Иран, с. 439—442.

¹⁴⁶ *Fatemi F. USSR in Iran*, с. 140; *Мехдиния Дж.* Зендегие снисие Кавам ос-Салтане. Техран, 1986, с. 249; письмо от Хосроя Чакерн, полученное 17 мая 1987 г., и телефонный разговор с Ервандом Абрахамяном. См.: *Лезани А.* Хезбе сосиалист ча мигуяд?—*Rahbar special edition*, № 829 (1946); см. также: *Аснаде тарихи*. Т. 3, с. 58—61; беседа с членом партии «Дженгел».

¹⁴⁷ Беседа с Али Амини 6 октября 1986 г.

¹⁴⁸ То же; несколько бесед с (нынешними) молодыми членами Туде.

¹⁴⁹ Рахбар. 03.08.1946.

¹⁵⁰ *Бахтияр Т.* Сейре комунизм дар Иран. Техран, 1956, с. 26; *Abrahamian E. Iran*, с. 300—301, 409—490.

¹⁵¹ Письмо из канцелярии Шапура Бахтияра от 10 сентября 1986 г.; *Хедаят М.* Хатарат ва хатарат, с. 454; *Аноним.* Гозаште, с. 388.

¹⁵² USNA 79OF 91/8,2746; *Abrahamian E. Iran*, с. 304; *Аноним.* Гозаште, с. 375, 384—397; *Бахтияр Т.* Сейре комунизм, с. 26.

¹⁵³ Беседа с Али Амини 6 октября 1986 г.; *Аноним.* Гозаште, с. 384—391; письмо из канцелярии Шапура Бахтияра от 10 сентября 1986 г., поддерживающее эту точку зрения.

¹⁵⁴ Аллен — государственному секретарю, 30 сентября 1946 г.— U. S. Department of State. Foreign Relations 1946. Vol. 7, с. 518—519.

¹⁵⁵ Меморандум Объединенного комитета начальников штабов, 12 октября 1946 г.— Там же, с. 530.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Там же, с. 531.

¹⁵⁸ Цит. по: *Ladjevardi H. Labor Unions*, с. 75; см.: Кеннан — государственному секретарю, 1 октября 1945 г.— USNA 891.00—145.

¹⁵⁹ U. S. Department of State. Foreign Relations 1946. Vol. 7, с. 532.

¹⁶⁰ Условия предложенного договора о дружбе, торговле и судоходстве см.: USNA FW 711.912/4-1045.

¹⁶¹ Бирнс — Муррею. — N. S. Department of State. Foreign Relations 1946. Vol. 7, с. 378. О продолжавшейся враждебности Кавама к Англии и его попытках вовлечь Соединенные Штаты в иранские политические дела см.: *Мехдиния Дж.* Зендегие сиясие Кавам ос-Салтане.

¹⁶² U. S. Department of State. Foreign Relations 1946. Vol. 2, с. 535—536.

¹⁶³ *Kuniholme B. R.* The Origins of the Cold War, с. 438.

¹⁶⁴ *Edwards A. C.* Persia Revisited, с. 57.

¹⁶⁵ USNA RG 84, September 15, 1944.

¹⁶⁶ Ачесон. — U. S. Department of State. Foreign Relations 1946. Vol. 7, с. 522—529.

¹⁶⁷ Там же, с. 537—538; *Kuniholme B. R.* The Origins of the Cold War, с. 348, 390.

¹⁶⁸ U. S. Department of State. Foreign Relations 1946, Vol. 7, с. 556; об увеличении гарантий США по поводу поставок военных материалов, необходимых для внутренней безопасности [Ирана], см. также: Ачесон — послу США, 22 ноября 1946 г. — USNA 711.91/-2246, особенно с. 2.

¹⁶⁹ О связи Размары с военной организацией Туде см.: *Мехдиния Дж.* Зендегие сиясие Размара, с. 193—209, 255—259; беседа с полковником Сарабом 30 марта 1986 г.

¹⁷⁰ *Песьян Н.* Марг буд багашт хам буд, с. 223—267; *он же.* Аз Махабаде хуни. Эти ценные сведения автор получил во время бесед с офицерами, принимавшими участие в данной кампании.

¹⁷¹ *Ladjevardi H.* Labor Unions, с. 174.

¹⁷² *Abrahamian E.* Iran, с. 243—244; *Мехдиния Дж.* Зендегие сиясие Кавам ос-Салтане, с. 206. Во время беседы, состоявшейся 6 октября 1986 г., Амини рассказал автору, что Кавам руководил процессом принятия предложений о нефтяном соглашении, приказывая видным депутатам голосовать против них.

¹⁷³ См.: *Мехдиния Дж.* Зендегие сиясие Кавам ос-Салтане — прелестный рассказ о возвышении и падении Кавама; см. с. 341—342 — об отношениях Размары с Кавамом. О тактическом союзе Размары с шахом, направленном против Кавама, см.: *Мехдиния Дж.* Зендегие сиясие Размара, с. 43, 58—59, 138, 202, 675—680. О роли, которую в падении Кавама сыграл двор, см.: *Pahlavi Ashraf.* Faces in a Mirror: Memoirs from Exile. Englewood Cliffs, 1980, с. 90.

¹⁷⁴ См.: *Мехдиния Дж.* Зендегие сиясие Размара. См. также: An Appraisal of General Razmara, Iranian Chief of Staff. OIR report № 4801, June 8, 1950, особенно с. 11; *Гарабаги А.* (последний начальник единого Генерального штаба иранской имперской армии). Хагаас дарбарне бохране Иран. Париж, [б. г.], с. 166.

¹⁷⁵ См.: *Аноним.* Гозаште, с. 572; предисловие Катузьяна к кн.: *Малеки Х.* Хатерате сияси, с. 86—87. В разговоре с автором полковник Сараб утверждал, что Размара определенно поддерживал связь с Туде. В письме автору от 3 мая 1987 г. Ферейдуи Кешаварз допустил возможность того, что Кианури и Камбакш (глава военной организации Туде) имели связи с Размарой.

¹⁷⁶ *Малеки Х.* Хатерате сияси, с. 367—377.

¹⁷⁷ Черчилль в New York Times, 05 и 06.03.1946.

¹⁷⁸ *Berezhkov V.* History in the Making. Memories of World War II Diplomacy. M., 1982.

¹⁷⁹ Цит. по: *Ulam A.* Expansion and Coexistence. N. Y., 1974, с. 449. О том, как Советы воспринимали нарастание напряженности в Иране и в северном ярусе [обороны], см. также: *Maneuvers of the Iranian Reactionaries.* — New Times. № 2, 09.01.1947, с. 20; *American Foreign Policy.* — New Times. № 12, 21.03.1947, с. 1—3.

¹ Цит. по: *Нотайоуппур Р.* L'affaire d'Azerbaïdjan, с. 66.

² О выборах см.: *Аноним.* Гозаште, с. 255; о министрах см.: там же, с. 286—287.

³ *Fatemi F.* USSR in Iran, с. 90.

⁴ *Пишевари Дж.* 21 азар.

⁵ *Ladjevardi H.* Labor Unions, с. 113.

⁶ Азербайджан, № 78, 12.12.1945; № 102, 06.01.1946; *Аноним.* Гозаште, с. 287, 321. См. также: Баяние Хейате Меллие Азербайджан.— Азербайджан.— Азербайджан, [б. г.]—весьма похожая программа.

⁷ Ферке мабзин тарихе иши.— Азербайджан, № 6. 17.09.1945.

⁸ *Пишевари Дж.* 21 азар, с. 56.

⁹ Там же, с. 13—14.

¹⁰ Цит. по: *Abrahamian E.* Iran, с. 409.

¹¹ *Иванов М. С.* Тарихе новине Иран, с. 111—112; *Douglas W. O.* Strange Lands and Friendly People. N. Y., 1951; *Пишевари Дж.* 21 азар, passim; *Нотайоуппур Р.* L'affaire d'Azerbaïdjan, с. 13. Все азербайджанцы, с которыми беседовал автор, поддерживали эти реформы и считали их популярными.

¹² *Ибрагимов М.* Дар барее джонбеше демократик мелли, с. 49; *Джазани Б.* Тарихе си салее Иран, с. 26; многочисленные беседы с постоянными жителями Азербайджана.

¹³ *Ladjevardi H.* Labor Unions, с. 113.

¹⁴ *Аноним.* Гозаште, с. 324—333.

¹⁵ *Douglas W. O.* Strange Lands, с. 44; *Ибрагимов М.* Дар барее джонбеше демократик мелли, с. 48; *Акгар И.* Марг хаст базгашт нист. [Б. м., б. г.]; беседы с постоянными жителями Тебриза, Резаие и Миане.

¹⁶ Россюу, 7 января 1946.—U. S. Department of State. Foreign Relations 1946. Vol. 7, с. 298.

¹⁷ *Нотайоуппур Р.* L'affaire d'Azerbaïdjan, с. 134.

¹⁸ Цит. по: *Abrahamian E.* Iran, с. 400; *Песьян Н.* Марг буд базгашт хам буд, с. 116; *Набард*, № 125, 20.12.1945; см. также: *Аноним.* Гозаште, с. 308.

¹⁹ *Eagleton W., Jr.* The Kurdish Republic of 1946, с. 60; *Аноним.* Гозаште чераг, с. 283.

²⁰ *Иванов М. С.* Тарихе новине Иран, с. 113; *Нотайоуппур Р.* L'affaire d'Azerbaïdjan, с. 141; *Песьян Н.* Аз Махабаде хунни, с. 156. В письме курдского историка Сеида Мохаммеда Самади автору от 4 мая 1987 г. отмечался патриархальный характер курдского общества.

²¹ *Нотайоуппур Р.* L'affaire d'Azerbaïdjan, с. 141.

²² *Eagleton W., Jr.* The Kurdish Republic of 1946, с. 68—69.

²³ *Нотайоуппур Р.* L'affaire d'Azerbaïdjan, с. 141. О мулле Мустафе и его деятельности в Ираке см.: *Ардалан И.* Асраре Барзан. Техран, 1946.

²⁴ *Джазани Б.* Тарихе си салее Иран, с. 29; дискуссии с людьми, постоянно жившими во времена республики в районе Мехабада, а также беседа с Махабади.

²⁵ *Ghassemlou A. R.* Kurdistan in Iran, с. 119; см. также: *Иванов М. С.* Тарихе новине Иран, с. 113—114 (программа ДПК).

²⁶ *Eagleton W., Jr.* The Kurdish Republic of 1946, с. 102; *Песьян Н.* Аз Махабаде хунни, с. 169—170; *Ghassemlou A. R.* Kurdistan in Iran, с. 119; Курдистан (газ.), февраль—июнь 1946.

²⁷ Состоявшаяся в январе 1987 г. дискуссия с Амином (псевдоним), который был членом Курдской молодежной лиги во время революции 1945—1946 гг. в Курдистане; Курдистан. 08.05.1946, с. 1, 4.

²⁸ Во время беседы, состоявшейся летом 1986 г., Махабади, родственник Казн, делал упор на экономических тяготах курдов.

²⁹ Духер — государственному секретарю, 6 мая 1946 г.—USNA

891.00/5-746; Ачесон — Духеру, 29 мая 1946 г. — U. S. Department of State. Foreign Relations 1946, Vol. 7, с. 442—443.

³⁰ Письмо Джаханшахлу автору, полученное 19 июня 1987 г.

³¹ *Пишевари Дж.* 21 азар, с. 18—19.

³² Беседа с полковником Сарабом 30 марта 1987 г. Все азербайджанцы, с которыми разговаривал автор, подтвердили эти слова. Могоаддам процитировал лозунг мохаджеров в письме автору от 29 мая 1987 г. См. также: Аснаде тарихи. Т. 3, с. 211; *Аноним.* Гозаште, с. 420.

³³ Hoover Institute archives CSUZ 50001-A, special edition of Azerbaijan, 21.12.1945 — о революционных трибуналах. См. также: *Аноним.* Гозаште; *Пишевари Дж.* 21 азар, с. 7.

³⁴ Россоу — государственному секретарю. 11.02.1946. — U. S. Department of State. Foreign Relations 1946. Vol. 7, с. 333.

³⁵ *Песьян Н.* Марг буд базгашт хам буд, с. 138; беседы с полковником Сарабом и другими азербайджанцами.

³⁶ *Тафрешиян А.* Гияме афсаране Хорасан, с. 68—75; полковник Сараб подтверждает это. Об организации армии в Азербайджане см.: *Песьян Н.* Марг буд базгашт хам буд, с. 128—148.

³⁷ *Песьян Н.* Марг буд базгашт хам буд, с. 127; беседа с полковником Сарабом.

³⁸ 5 апреля 1946. См.: U. S. Department of State. Foreign Relations 1946. Vol. 7, с. 405.

³⁹ *Акгар И.* Марг хаст, особенно с. 20—59; *Песьян Н.* Марг буд базгашт хам буд; *Аноним.* Гозаште, с. 319; письмо Могоаддама от 29 мая 1987 г.; беседы с жителями Мараве, Тебриза и Миане.

⁴⁰ О Зенджане как о беспокойном районе см.: USNA 891.00/1-2746. О пограничных инцидентах см.: *Abrahamian E.* Iran, с. 236. См. также: *Аноним.* Гозаште, с. 357, 428; *Акгар И.* Марг хаст, с. 37.

⁴¹ *Abrahamian E.* Iran, с. 412. Сведения о напряженности между городом и деревней были получены из многочисленных бесед как с бывшими членами Туде, так и с местными базари.

⁴² *Ибрагимов М.* Дар барее джонбеше демократике мелли, с. 49, 55; *Джазани Б.* Тарихе си салее Иран, с. 26; *Джаханшахлу-Афшар Н.* Ма ва биганган, с. 198—210; *Zabih S.* The Communist Movement in Iran, с. 121; *Малеки Х.* Хатерате сияси, с. 376—377; *Аноним.* Гозаште, с. 369.

⁴³ *Zabih S.* The Communist Movement in Iran, с. 121—122; беседы с жителями Азербайджана.

⁴⁴ Беседы с азербайджанцами; см. также: *Notayoumpour P.* L'affaire d'Azerbaïdjan, с. 130, где цитируются сообщения Данешьяна и Кабири, выступавших за такое слияние. О противоречивом отношении ДПА к иранской национальной буржуазии см.: *Кейостован Х., ред.* Сиясате мовазенее маифи Т 1 с. 242—245.

⁴⁵ *Coltun R. W.* Nationalism in Iran, с. 101; *Джазани Б.* Тарихе си салее Иран, с. 26; *Тафрешиян А.* Гияме афсаране Хорасан, с. 76.

⁴⁶ *Пишевари Дж.* 21 азар, с. 12—13; см. также: *Джазани Б.* Тарихе си салее Иран, с. 26. Продолжительные беседы с азербайджанцами подтверждают это.

⁴⁷ *Песьян Н.* Аз Махабаде хунии, с. 158—159, 174; *Кутшира К.* Курдестан, с. 24—25; *Джаханшахлу-Афшар Н.* Ма ва биганган, с. 290—293; Курдистан, № 72 — цит. по: Аснаде тарихи. Т. 13, с. 197—201; дискуссии с жителями Мехабата и беседа с Махабади.

⁴⁸ 30 сентября 1946; цит. по: *Abrahamian E.* Iran, с. 412.

⁴⁹ Об «армии» Мехабадской республики см.: Hoover Institute. «Raguel project». CSUZ 49007-A 1949-50, 4 MS boxes: box 1, 8.33. См. также: *Песьян Н.* Аз Махабади хунии, с. 120—142, 149; *Джазани Б.* Тарихе си салее Иран, с. 31; *Fagleton W., Jr.* The Kurdish Republic of 1946, с. 91—92; *Момени Х.* Дар барее мобаризате Кордестан, с. 40, 79. См. также: *Аноним.* Гозаште, с. 444—445.

- ⁵⁰ Нушад. Агар ман Пишевари будам.— Кейхан, № 943, 01.05.1946.
- ⁵¹ Бахар М. Т. Феркее демократе Азербайджан.— Ягма, 1945, № 25; см. также: Ибрагимов М. Дар барее джонбеше демократик мелли, с. 29—30.
- ⁵² Парчам, 1945, октябрь. См. также: Зака Я., ред. Магалате Кесрави. New Veasch, [б. г.], с. 2. Цитаты взяты из кн.: Кесрави А. Сарневеште Иран, с. 51, 62; см. также с. 49.
- ⁵³ Нушад. Ин бачехара ки бозорг миконад?— Кейхан, № 984, 18.06.1946.
- ⁵⁴ Цит. по: Abrahamian E. Iran, с. 219—219; статьи Бахара в «Набард», № 124—125; Кесрави А. Забана пак; Зака Я., ред. Магалате Кесрави, с. 2 and passim.
- ⁵⁵ Цитаты взяты из трех статей «Исмаила» (псевдоним, фамилия неизвестна): Забана меллие хаммихане Азербайджан ма забана фарси аст.— Иране ма. Т. 3, № 460, 10.12.1945, с. 1—2; Забана фарси бозоргтарин несхане меллият ва тамадоне ан аст.— Иране ма. Т. 3, № 461, 11.12.1945, с. 1—2; Техран митавад ва баяд Азербайджан ра негахдарад.— Иране ма. Т. 3, № 492, 20.03.1946, с. 1, 4. См. также: Шахбаз, № 11, 01.01.1946.
- ⁵⁶ Беседа с Санджаби 27 июня 1987 г.
- ⁵⁷ Паяхае хагигие федерасион.— Неджате Иран. [б. г.]. Эта газета продолжала симпатизировать азербайджанской революции; см.: № 538, 1945. Цит. по: Ибрагимов М. Дар барее джонбеше демократике мелли, с. 36—39.
- ⁵⁸ Цит. по: Abrahamian E. Communism and Communalism, с. 312.
- ⁵⁹ Ованесян А. Нехзате демокрасие Азербайджан ва халли мосалима-таминзи'ан — Рахбар, № 719, 15.05.1946, с. 1, 6.
- ⁶⁰ Цит. по: Abrahamian E. Iran, с. 405; письмо Кешаварза автору от 29 мая 1987 г.
- ⁶¹ Цит. по: Abrahamian E. Iran, с. 404.
- ⁶² Пишевари Дж. 21 азар, с. 56.
- ⁶³ Цит. по: Abrahamian E. Communism and Communalism, с. 314.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Цит. по: Аноним. Гозаште, с. 247.
- ⁶⁶ Азербайджан, № 185, 04.05.1946; о позиции Данешьяна см.: Мехдиния Дж. Зендегие сиясие Кавам ос-Салтানে, с. 351; письмо Джаханшахлу автору, полученное 19 июня 1987 г.
- ⁶⁷ Арас, № 9, 1947, январь.
- ⁶⁸ Abrahamian E. Communism and Communalism, с. 314.
- ⁶⁹ Письмо Кешаварза автору от 3 мая 1987 (впрочем, Кешаварз отдает дань Пишевари); беседа с полковником Сарабом 30 марта 1987 г.
- ⁷⁰ Abrahamian E. Iran, с. 233—234; Мехдиния Дж. Зендегие сиясие Кавам ос-Салтানে, с. 359—363 passim; он же. Зендегие сиясие Размара, с. 596.
- ⁷¹ Рахбар (Йезд). Т. 1, № 2, 22.08.1944; см. также: Рахбар, № 257, 11.05.1943. О сделанном после азербайджанских событий заявлении, касающемся религии, см.: Намеи мардом. Т. 1, № 5, 06.01.1947. Об участии шаха в похоронах см.: Хедаят М. Хатерат ва хатарат, с. 454—455.
- ⁷² Abrahamian E. Iran, с. 374. О роли духовенства см.: Акгар И. Марг хаст, с. 169; Песьян Н. Марг буд базгашт хам буд, с. 80. Беседы с жителями Азербайджана и бывшими членами Туде, поддерживавшими связи с ДПА, подтверждают эту информацию.
- ⁷³ Песьян Н. Марг буд базгашт хам буд, с. 82—90.
- ⁷⁴ Саттон, консул в Тебризе, — государственному секретарю. 12 декабря 1946 г.— U. S. Department of State. Foreign Relations 1946, Vol. 7, с. 561.
- ⁷⁵ Ramazani R. K. The Republic of Azerbaijan and the Kurdish People's Republic.— Hammond Th. T. and Farrel R., eds. The Anatomy of Communist Takeover, с. 474.

⁷⁶ Сводку этих взглядов см.: *Zabih S. The Communist Movement in Iran*, с. 118—119; см. также: *Аноним. Гозаште*, с. 431.

⁷⁷ U. S. Department of State. Foreign Relations 1946. Vol. 7, с. 560—562.

⁷⁸ О дальнейших деталях см.: *Eagleton W., Jr. The Kurdish Republic of 1946*, с. 119—129.

⁷⁹ *Douglas W. O. Strange Lands*, с. 50; *Акбар И. Магр хаст*, с. 164; USNA 891.00/8-549, passim; 891.00/7-1549, с. 2; 891.00/7-949, passim. О массовых убийствах см.: *Аноним. Гозаште*, с. 419—422.

⁸⁰ *Малеки Х. До равеш барое ек хадаф. Техран, 1946*, с. 25.

⁸¹ [Декларация социалистической группы Туде], passim.

⁸² *Abrahamian E. Iran*, с. 312.

⁸³ Там же, с. 310—311.

⁸⁴ Подробности биографии см.: там же, с. 296—297, 313—314.

⁸⁵ *Zabih S. The Communist Movement in Iran*, с. 146; *Abrahamian E. Iran*, с. 310—311; Намее мардом, Т. 5, № 1, 05.01.1947.

⁸⁶ *Гасеми А. Ганон чист? Ва че гоне беводжод амад? Техран. 1947*, passim.

⁸⁷ *Аноним. Гозаште*, с. 171, 205; Акбаре Иран, № 14, 01.01.1947. Более подробную историю Туде того периода см.: *Ghods M. R. A Comparative Historical Study*, с. 627—635.

⁸⁸ *Мехдиния Дж. Зендегие сиясие Размара*, с. 239—321; см. также: *Мохтади А. А. и Размара Н. Зендегие сепакход Размара.— Элым ва джамие. Т. 8, № 52, май—июнь 1987*, с. 52—58, особенно с. 54—55; *Хамеи А. Аз энше'аб та кудета. Техран, 1984*, с. 128—129; *Матне эламии доулат раджее соегазд бе шаханшах. Техран, 1949*, с. 39.

Глава 9

¹ *Хамеи А. Аз энше'аб та кудета*, с. 156—157; *Аноним. Гозаште*, с. 487; Этселаат, № 6927, 08.05.1949.

² *Фатехи С. Х. Маджмоее магалат*, с. 119.

³ См.: USNA 891.00/9-549; *Азари М. Гияме колонел Мохаммад Тагяхан Песьян*, с. 493—496; *Макки Х. Кетабе сиях. Техран, 1950*, с. 580—581 and passim; *Аноним, ред. Нотгхасе д-р Мосадер*, с. 65—66; *Abrahamian E. Iran*, с. 252; *Джазани Б. Тарихе си салее Иран*, с. 59.

⁴ *Мехдиния Дж. Зендегие сиясие Размара*, с. 60, 81; USNA 891.00/7-1149; 891.00/8-2249, с. 2; 891./8-849; 711.91/7-148.

⁵ Первую точку зрения изложил Али Амینی в телефонном разговоре с автором, состоявшемся 6 октября 1986 г.; о второй см.: Уили — государственному секретарю, июль 1949 г.—USNA 891.00/7-1149, с. 2; последнюю точку зрения я узнал из беседы с генералом Варахрамом и Али Акбаром Мохтади. См. также: *Мехдиния Дж. Зендегие сиясие Размара; Мохтади А. А. и Размара Н. Зендегие сепакход Размара*, с. 52—58 and passim.

⁶ Пересказ доклада Государственного департамента о Размаре от 8 июня 1950 г.; OIR report № 480.1 «An Appraisal of General Razmara, Iranian Chief of Staff»; *Хамеи А. Аз энше'аб та кудета*, с. 250—251.

⁷ OIR report № 480.1, с. 11; доклад Аллена, 22 марта 1948 г.—USNA 711.91/3-1648; беседа с Али Акбаром Мохтади, заместителем Размары в бытность того премьер-министром, состоявшаяся 28 декабря 1987 г.

⁸ *Pahlavi Mohammad Reza. Answer to History*, с. 82; *Мохтади А. А. и Размара Н. Зендегие сепакход Размара*, с. 52—53; USNA 711.91/7-148.

⁹ *Макки Х. Кетабе сиях*, с. 714.

¹⁰ Там же, с. 580—581 and passim; *Аноним, ред. Нотгхасе д-р Мосадер*, с. 65—66.

¹¹ *Мохтади А. А. и Размара Н. Зендегие сепакход Размара*, с. 57—58; *Мехдиния Дж. Зендегие сиясие Размара*, с. 223, 366—367; о тесных отно-

шениях Размары с Советами см. с. 191—259 and *passim*, особенно с. 209, 255, 259; USNA 7906.91/7-949 и 7906.91/6-2849.

¹² Об этом слухе см.: OIR report № 4801.1.

¹³ *Abrahamian E. Iran*, с. 265; *Мохтади А. А. и Размара Н.* Зендегие сепახбод Размара, с. 58; *Мехдиния Дж.* Зендегие сиясие Размара, с. 129—139. См. также: *Аноним, ред.* Нотгхае д-р Мосаддег; беседа с Санджаби 28 июня 1987 г.; письмо от Джахана (псевдоним), политического союзника Мосаддыка, от 23 ноября 1988 г.

¹⁴ *Abrahamian E. Iran*, с. 266; *Zabih S. The Mossadegh Era*, с. 25; *Cottam R. W. Nationalism in Iran*, с. 268; *Мехдиния Дж.* Зендегие сиясие Размара, с. 350—361, 369—376.

¹⁵ *Мехдиния Дж.* Зендегие сиясие Размара, с. 391—392.

¹⁶ О решениях Национального фронта см.: Бахтаре эмуру, № 273, 07.07.1950; беседа с Санджаби 27 июня 1987 г.

¹⁷ См.: OIR reports № 097.37—1092, 5272 (9 июня 1950 г.), «Mossadegh as a Potential Popular Leader of Iran», особенно с. 5; беседа с Санджаби 26 июня 1987 г.

¹⁸ *Zabih S. The Communist Movement in Iran*, с. 169—170.

¹⁹ *Джазани Б.* Тарихе си салее Иран, с. 63; беседа с Санджаби 27 июня 1987 г.

²⁰ Беседа с Санджаби 27 июня 1987 г.; *Джазани Б.* Тарихе си салее Иран, с. 63—64; *Abrahamian E. Iran*, с. 258—259.

²¹ *Джазани Б.* Тарихе си салее Иран, с. 62—63; *Abrahamian E. Iran*, с. 259.

²² *Cottam R. W. Nationalism in Iran*, с. 266; *Zabih S. The Communist Movement in Iran*, с. 187; *Джазани Б.* Тарихе си салее Иран, с. 58—59; *Busch B.-C. Britain and the Persian Gulf* (цит. по: *Хамеи А.* Аз энше'аб та кудета, с. 263—264).

²³ О популярности Малеки среди молодежи автор узнал из бесед с бывшими членами Партии трудящихся иранского народа.

²⁴ *Малеки Х.* Нируе мухарекее тарих. Техран, 1951; анонимная брошюра (предположительно написанная Малеки) «Нируе севвом пируз мишавад». Техран, 1951, с. 21.

²⁵ *Джазани Б.* Тарихе си салее Иран, с. 32, 41, 55, 58, 62; *Abrahamian E. Iran*, с. 256.

²⁶ *Zabih S. The Communist Movement in Iran*, с. 188—192.

²⁷ Цит. по: там же, с. 187; см. также с. 161—173 and *passim*; *Джазани Б.* Тарихе си салее Иран, с. 34.

²⁸ *Хамеи А.* Аз энше'аб та кудета, с. 256; *Джазани Б.* Тарихе си салее Иран, с. 34—35; *Камбакиш А.* Назари. Т. 2, особенно с. 53—54.

²⁹ *Cottam R. W. Nationalism in Iran*, с. 270.

³⁰ *Zabih S. The Mossadegh Era*, с. 26.

³¹ Беседа с Санджаби 26 июня 1987 г.

³² *Cottam R. W. Nationalism in Iran*, с. 274; об АИНК см.: *Falsetti N. S. Oil Diplomacy; Furex M.* Панджах сале нафте Иран, особенно с. 85; *Sampson A. The Seven Sisters: The Great Oil Companies and the World They Make.* N. Y., 1975, с. 135—166; *Zabih S. The Mossadegh Era*, с. 30. Мохаммед Реза Пехлеви в своей книге «Answer to History» (с. 85) дает совсем иную версию событий. См. также: BBC video, July 28, 1986, «End of an Empire: Mossadegh»; *Садр Х.* Дефае д-р Мосаддег аз нафт дар зендани зерехи. Техран, 1978; *Acheson D. Present at the Creation: My Years at the State Department.* N. Y., 1969, с. 506—511, 600, 662, 679—685 (Ачесон излагает отношение Соединенных Штатов к англо-иранскому конфликту). См. также: Нотгха ва мокатебате д-р Мосаддег (без имени редактора). Т. 2, ч. 1. Техран, 1969, с. 5—70, 114—124 and *passim*.

³³ *Zabih S. The Mossadegh Era*, с. 90, 91; [*Мосаддег М.*] Хатерат, с. 184.

³⁴ Беседа с Санджаби 26 июня 1987 г.

³⁵ *Кянури Н.* Хезбе Тудее Иран ва д-р Мохаммад Мосаддег, с. 6 and passim.

³⁶ Цит. по: *Cottam R. W.* Nationalism in Iran, с. 153; см. также: Iran: Basic Attitudes of the National Front Concerning Foreign Relations.—USNA 097.03 21092, № 5915, с. 16.

³⁷ Беседа с Санджаби 26 июня 1987 г.; *Zabih S.* The Mossadegh Era, с. 34.

³⁸ *Zabih S.* The Mossadegh Era, с. 44; OIR Report, 097.3 Z 1092, November 23, 1951, «Increasing Communist Threat in Iran», с. 6.

³⁹ Шахид (орган «Третьей силы»). 19.07.1952; *Мехдиния Дж.* Зендегие сиясие Кавам ос-Салтане, с. 571—655, особенно с. 653; беседа с Санджаби 27 июня 1987 г.; *Фатех М.* Панджах сале нафте Иран, с. 491.

⁴⁰ *Zabih S.* The Mossadegh Era, с. 83; *Садр Х.* Дефае д-р Мосаддег, с. 57; беседа с Санджаби 27 июня 1987 г.

⁴¹ *Мехдиния Дж.* Зендегие сиясие Кавам ос-Салтане, с. 561—571.

⁴² *Zabih S.* The Mossadegh Era, с. 83; *Clawson P. and Sassanpour C.* Adjustment to a Foreign Exchange Shock: Iran 1951—53.—International Journal of Middle East Studies, 1987, № 19, с. 1—22, особенно с. 21—22; *Мосаддег М.* Хатерат, с. 279; беседа с Санджаби 27 июня 1987 г.

⁴³ Цит. по: *Abrahamian E.* Iran, с. 276; *Джазани Б.* Тарихе си салее Иран, с. 47; беседа с Санджаби 27 июня 1987 г.

⁴⁴ *Садр Х.* Дефае д-р Мосаддег, с. 71—72; *Ирани А., Ирани Х.* Мобаризате д-р Мосаддег. Лос-Анджелес, 1986, с. 70—71.

⁴⁵ Беседа с Санджаби 28 июня 1987 г.

⁴⁶ Беседа с Санджаби 27 июня 1987 г.; *Abrahamian E.* Iran, с. 276.

⁴⁷ См.: Базн магалате «Мардом». Тегран, [б. г.]. Голчини аз матбуат. Тегран, 1953, с. 1—10; см. также: *Джазани Б.* Тарихе си салее Иран, с. 48—49.

⁴⁸ Беседа с Санджаби 27 июня 1987 г.

⁴⁹ *Фатех М.* Панджах сале нафте Иран, с. 579—580; *Аноним, ред.* Нотгхае д-р Мосаддег, с. 112—113.

⁵⁰ Беседа с Санджаби 27 июня 1987 г.; *Малеки Х.* Хатерате сияси, с. 103—104; *Кянури Н.* Хезбе Тудее Иран ва д-р Мохаммад Мосаддег, с. 43—46.

⁵¹ Беседа с Санджаби 27 июня 1987 г.

⁵² *Zabih S.* The Mossadegh Era, с. 104; телефошный разговор с Ричардом Коттамом 29 ноября 1987 г.

⁵³ [*Мосаддег М.*]. Хатерат, с. 189.

⁵⁴ *Roosevelt K.* Countercoup; *он же.* How the CIA Brought the Shah to Power.—Washington Post. 06.05.1979; о роли Англии см.: *Zabih S.* The Mossadegh Era, с. 125.

⁵⁵ *Аноним.* Дар барсе бистохаште мордад Тегран, 1954, passim, особенно с. 11—13, 36, 47; *Кянури Н.* Хезбе Тудее Иран ва д-р Мохаммад Мосаддег, с. 43—46.

⁵⁶ *Джазани Б.* Тарихе си салее Иран, с. 88; *Аноним.* Кляняте у бе ватанаш [Б. м.], 1960, с. 40.

⁵⁷ *Бахтиар Т.* Сейре комунизм, с. 467—510; *Аноним.* Гозаште, passim, особенно с. 636—645; *Zabih S.* The Communist Movement in Iran, с. 209; *Джазани Б.* Тарихе си салее Иран, с. 70—72. О журналистском расследовании деятельности военной организации см.: *The Anatomy of a Red Spy Ring.*—Life. 21.11.1955.

⁵⁸ См.: *Zabih S.* The Communist Movement in Iran, с. 221 — о резолюции IV пленума; см. также: Аснаде тарихи. Т. 1, с. 359—385, особенно с. 368—369.

⁵⁹ *Жуков,* цит. по: *Zabih S.* The Communist Movement in Iran, с. 216—217.

⁶⁰ *Kianouri N.* The National Bourgeoisie, their Nature and Policy.—World Marxist Review. Т. 2, № 8, September 1959, с. 61—65, особенно

с. 64—65; *Iskandari I.* What Do We Mean by the National Bourgeoisie? — Там же, с. 72—73.

⁶¹ См.: *Камбаки А.* Назари, Т. 2, с. 9 и далее.

⁶² Там же. Т. 1, с. 195; *Abrahamian E.* Iran, с. 459; *Джазани Б.* Та-рихе си салее Иран, с. 63; беседа с Санджаби 27 июня 1987 г. Анализ деятельности Социалистического общества см.: Аснаде тарихи. Т. 10.

⁶³ Телефонный разговор с Амини 27 марта 1987 г.

⁶⁴ *Touhidi-Baghini B.* Historic and Economic Roots, с. 239.

⁶⁵ Аноним. Киянате у бе ватанаш, с. 15—16.

⁶⁶ *Zabih S.* The Communist Movement in Iran, с. 225; *Kambaksh A.* Iran at the Crossroads.— World Marxist Review. Т. 4, № 9, September 1961, с. 38—43, особенно с. 43.

⁶⁷ *Pahlavi Mohammad Reza.* Answer to History, с. 146.

⁶⁸ Беседа с Али Амини 27 марта 1987 г.; *Abrahamian E.* Iran, с. 423.

⁶⁹ О реакции Туде на земельную реформу см.: *Nouri K.* [*Kianouri*]. The Agrarian Question and the National Liberation Movement.— World Marxist Review. Т. 4, № 1, January 1961, с. 74—76.

⁷⁰ *Uhlmann D.* The Consequences of Patrimonial Leadership: Autocratic and Technocratic Development and the Iranian Revolution. [Б. м.], 1983, с. 40.

⁷¹ Там же, с. 30—32.

⁷² *Abrahamian E.* Iran, с. 424.

⁷³ *Малеки Х.* Хатерате сияси, с. 153—164; *Ovanesyan [Ovanesian] A.* Behind the Smokescreen of Positive Nationalism.— World Marxist Review. Т. 5, № 9, September 1962, с. 76—77; беседа с Санджаби 27 июня 1987 г.

⁷⁴ *Abrahamian E.* Iran, с. 425—426; Аноним. Зендеганамее имам Хомейни. Кум, 1979.

⁷⁵ См., например: *Ramazani R. K.* Modernization and Social Research in Iran.— American Behavioral Scientist. Т. 5, № 7, March 1962, с. 17—20, особенно с. 19.

⁷⁶ *Bill J. A.* The Social and Economic Foundations of Power, с. 400—418; *Gastil R.* Middle Class Impediments, с. 328.

⁷⁷ *Abrahamian E.* Iran, с. 471; *Shariati A.* Marxism and Other Western Fallacies. Berkeley, 1980, с. 50.

⁷⁸ *Abrahamian E.* Iran, с. 471; *Shariati A.* Marxism, с. 56.

⁷⁹ *Джелал Але Ахмад.* Гарбзадеги. Солон (Огайо), 1979.

⁸⁰ *Бехранги С.* Кандокави дар масале тарбияте и Иран. [Б. м., б. г.].

⁸¹ *Голесорхи Х.* Сиясате хонар; сиясате шер. Энсико, 1986.

⁸² Защита Голесорхи в военном суде, магнитофонная лента из архивов иранского радио и телевидения, ставшая доступной после исламской революции.

Глава 10

¹ *Graham R.* Iran, с. 142; *Abrahamian E.* Iran, с. 435; *Halliday F.* Iran, с. 75—91; *Reza A. M.* What Happened to Iran's Oil Revenues? (paper presented at the University of California at Berkeley, October 1979), с. 2.

² *Graham R.* Iran, с. 140—142; *Abrahamian E.* Iran, с. 436; *Halliday F.* Iran, с. 76—78.

³ Цит. по: *Abrahamian E.* Iran, с. 469.

⁴ *Bill J. A.* The Politics of Iran: Groups, Classes and Modernization. Columbus, 1972, с. 174.

⁵ *Abrahamian E.* Iran, с. 434, 438.

⁶ Там же, с. 437; *Graham R.* Iran, с. 155—163.

⁷ *Zonis M.* The Political Elite of Iran, с. 83, 92—94; *Uhlmann D.* The Consequences, с. 10.

⁸ Долларовые суммы были сообщены автору в Office of Statistics and Auditing of International Oil Reports в иранском министерстве нефти.

⁹ *Graham R.* Iran, с. 87—88, 121; *Halliday F.* The Iranian Revolution: Uneven Development and Religious Populism.— *Journal of International Affairs*. Т. 36, № 2, Fall 1982 — Winter 1983, с. 193.

¹⁰ *Pahlavi Mohammad Reza.* Answer to History, с. 156; *Katouzian H.* Oil Versus Agriculture: A Case of Dual Resource Depletion in Iran.— *Journal of Peasant Studies*, № 5, April 1978, с. 347—369; *Mohtadi H.* Industrialization and Urban Inequality in LDCs: A Theoretical Analysis with Evidence from Pre-Revolutionary Iran.— *Journal of Developing Areas* (в печати).

¹¹ *Uhlmann D.* The Consequences, с. 46; *Halliday F.* The Iranian Revolution, с. 194.

¹² *Halliday F.* Iran, с. 116; о Курдистане см.: *Ghassemlou A. R.* Kurdistan in Iran, с. 116.

¹³ *Halliday F.* Iran, с. 113—114; *Graham R.* Iran, с. 117—119.

¹⁴ *Graham R.* Iran, с. 117—118; *Halliday F.* Iran, с. 113—114.

¹⁵ *Uhlmann D.* The Consequences, с. 44.

¹⁶ *Reza A. M.* What Happened to Iran's Oil Revenues?, с. 4; *Zonis M.* The Political Elite of Iran, с. 136—140.

¹⁷ *Graham R.* Iran, с. 27—28, 49—50, 117—122, 244; *Mohtadi H.* Internal Migration and Urban Inequality: An Economic Analysis of the Iranian Development Experience. Ph. D. dissertation. University of Michigan, 1982.

¹⁸ Инаугурационная речь Никсона, 1972 г. Цит. по: *Jacobs J. A.* The Nixon Doctrine. [Б. м.], 1974.

¹⁹ *Иванов М. С.* Тарихе новине Иран, с. 271—280.

²⁰ Там же, с. 263; *Graham R.* Iran, с. 173—175; *Pahlavi Mohammad Reza.* Answer to History, с. 196—198; *Abrahamian E.* Iran, с. 435—436.

²¹ *Иванов М. С.* Тарихе новине Иран, с. 263—269; *Graham R.* Iran, с. 112—113.

²² *Graham R.* Iran, с. 115; *Gankovsky Yu. V., ed.* A History of Afghanistan, с. 301.

²³ Кейхан. 08.03.1975.

²⁴ *Abrahamian E.* Iran, с. 443.

²⁵ *Uhlmann D.* The Consequences, с. 55—56.

²⁶ Там же, с. 56.

²⁷ *Graham R.* Iran, с. 19—20, 103. Долларовые доходы Ирана от нефти и на этот раз были сообщены иранским министерством нефти. Цифры, характеризующие инфляцию, получены в Отделе экономических исследований Банка Марказе Иран.

²⁸ *Abrahamian E.* Iran, с. 429; *Halliday F.* Iran, с. 118, 129; *Graham R.* Iran, с. 47.

²⁹ *Graham R.* Iran, с. 25, 29.

³⁰ *Abrahamian E.* Iran, с. 432; *Reza A. M.* What Happened to Iran's Oil Revenues?, с. 3.

³¹ *Zonis M.* The Political Elite of Iran, с. 42—43.

³² Там же, с. 136—140; *Reza A. M.* What Happened to Iran's Oil Revenues?, с. 4.

³³ *Адиби Х.* Табаре мотевасете джадид, с. 84—118; *Touhidi-Baghini B.* Historic and Economic Roots, с. 249; *Abrahamian E.* Iran, с. 434. Сведения о классом статусе военных сообщили автору несколько бывших иранских армейских офицеров высокого ранга, ныне живущих в Соединенных Штатах.

³⁴ *Abrahamian E.* Iran, с. 444.

³⁵ Там же, с. 434, 435; *Keddie N.* Roots of Revolution, с. 241; *Шоджаи З.* Намаяндеган, с. 195, 265.

³⁶ *Graham R.* Iran, с. 224. Данные о безработице получены в октябре 1987 г. в министерстве планирования и бюджета и в Статистическом центре Ирана.

³⁷ *Halliday F.* The Iranian Revolution, с. 194; *Walton J.* Reluctant Rebels. N. Y., 1984, с. 206.

- ³⁸ *Abrahamian E.* Iran, с. 452.
- ³⁹ Там же, с. 453. Относительно ДПК см.: *Кутшра К.* Курдестан, с. 40—45; *Джазани Б.* Тарихе си салсе Иран, с. 89, 171—177; *Аноним.* Асраре фаалиятхае зед и Ирани дар каридже аз кешвар. Техран, [б. г.].
- ⁴⁰ *Kurdish Democratic Party of Iran.* Барнахим ва асаснамее мосавахиби хезб. Париж, 1981.
- ⁴¹ *Джазани Б.* Тарихе си салсе Иран, с. 172—173; *Ahmadzadeh M.* Armed Struggle: Both a Strategy and a Tactic. N. Y., 1971, с. 10.
- ⁴² *Джазани Б.* Тарихе си салсе Иран, с. 148—151; *Аноним.* Асраре фаалиятхае, с. 16—17, 27—28.
- ⁴³ *Аноним.* Асраре фаалиятхае, с. 61; *Abrahamian E.* Iran, с. 460; беседа с членами первоначальной организации «Туфан».
- ⁴⁴ *Табари Э.* Озае Иран дар доране моасер. Т. 2, ч. 2, с. 114.
- ⁴⁵ *Кешаварз Ф.* Ман муттахам миконам, с. 39; *Abrahamian E.* Iran, с. 383, 455; *Радманеш.* Дар बारे нехзате 21 азар.—Донья. Т. 6, № 4, зима 1965, с. 9—18.
- ⁴⁶ *Джазани Б.* Тарихе си салсе Иран, с. 1—11, 152—153. См. также: *Zabih S.* The Left, с. 113—115.
- ⁴⁷ *Ашраф Х.* Джамбандие се салс. Техран, 1978, с. 1—11; см. также: *Pouyan A. P.* On the Necessity of Armed Struggle and Refutation of the Theory of Survival, N. Y., 1975; *Ahmadzadeh M.* Armed Struggle.
- ⁴⁸ *Pouyan A. P.* On the Necessity of Armed Struggle, с. 38; *Джазани Б.* Тарихе си салсе Иран.
- ⁴⁹ Беседы с членами ОПФИН.
- ⁵⁰ *Abrahamian E.* Iran, с. 487.
- ⁵¹ *Набдель А. Р.* Азербайджан, с. 38—39; *Аноним.* Бохрани конони ва доурнамаехан.—Федаийн, № 78, июнь 1981, с. 30, 41; *Момени Х.* Дар बारे мобаризате Курдестан, с. 61; *Фарахани А. А.* Анче ек энгелабе баяд беданад. Техран, 1986, с. 64—67; *Джазани Б.* Тарихе си салсе Иран, с. 175—176.
- ⁵² *Фарахани А. А.* Анче ек энгелабе баяд беданад, с. 11; *Момени Х.* Рошде эгтесаде ва рафахе эджтеман. [Б. м., б. г.].
- ⁵³ *Фарахани А. А.* Анче ек энгелабе баяд беданад, с. 10—11.
- ⁵⁴ *Zabih S.* The Left, с. 131; *Момени Х.* Морадамее бар тарих. [Б. м., б. г.].
- ⁵⁵ *Ahmadzadeh M.* Armed Struggle, с. 19.
- ⁵⁶ *Ашраф* Джамбандие се салс, с. 92.
- ⁵⁷ *Ahmadzadeh M.* Armed Struggle, с. 1—3. О происхождении членов ОПФИН см.: *Zabih S.* The Left, с. 119—122.
- ⁵⁸ *Ашраф Х.* Джамбандие се салс, с. 48—49.
- ⁵⁹ *Zabih S.* The Left, с. 130; *Abrahamian E.* Iran, с. 487—488.
- ⁶⁰ *Дехгани А.* Дар बारे шараеке эйние энгелаб. Техран, 1978.
- ⁶¹ *Дехгани А.* Сокарани дар митинге Махабад. Решт, 1979.
- ⁶² Мозе ма дар гебале масале мелли дар Иран беторе колли ва дар Курдистан беторе мошакас.—Пеяме федаийн. Т. 1, № 2, май 1986, с. 5—8; письмо автору от ПФИН, полученное в апреле 1987 г., подтверждает эту позицию. См. также: *Момени Х.* Пасох бе форсаталабан. Техран, 1979.
- ⁶³ *Аноним.* Бохрани конони, с. 41; *Аноним.* Чера дар энтекабад и маджлисе кебриган шеркат кардим? [Б. м., б. г.]; *Zabih S.* The Left, с. 139—146; беседы с бывшими членами ОПФИН (принадлежавшими и к «Большинству», и к «Меньшинству») и других левых групп.
- ⁶⁴ *Хекмат М.* Доулат дар доурехае энгелаби.—Бесое социализм (теоретический журнал Коммунистической партии Ирана). Т. 2, № 2, декабрь 1985, с. 3—43 (иллюстрирует явную приверженность партии коммунистической идеологии); *Тагави Х.* Нокати дар बारे масале мазхаб ва шнве баркорд ба-ан.—Бесое социализм. Т. 2, № 1, август—сентябрь 1985, с. 55—73; письма автору от генерального секретаря Коммунистической партии

Ирана (за пределами Ирана), датированные 11 июля и 26 сентября 1986 г.

⁶⁵ *Abrahamian E.* Iran, с. 492.

⁶⁶ *Zabih S.* The Left, с. 78.

⁶⁷ Беседа с Хашемом (псевдоним), бывшим руководителем ячейки «Пейкар» в Курдистане; *Zabih S.* The Left, с. 87.

⁶⁸ *Zabih S.* The Left, с. 79; *Аноним.* Бохрани канони.

⁶⁹ Эта информация получена во время бесед с бывшими ведущими членами «Пейкар».

⁷⁰ Листовка ОПФИН без названия.

⁷¹ *Zabih S.* The Left, с. 89—96; плакат ОПФИН. 09.04.1979.

⁷² *Rajavi M. M.* Platform of the Provisional Government of the Democratic Islamic Republic of Iran. Long Beach, 1981; *Аноним.* Бохрани канони, с. 41; *Zabih S.* The Left, с. 89—96.

⁷³ Беседа с Санджаби 27 июня 1987 г.

⁷⁴ *Аноним.* Асраре фаалиятхае, особенно с. 4; беседы с бывшими членами конфедерации.

⁷⁵ *Аноним.* Асраре фаалиятхае, с. 42, 49; *Abrahamian E.* Iran, с. 464.

⁷⁶ *Банисадр А.* Мовазенеха; телефонный разговор с Банисадром 9 декабря 1989 г.

⁷⁷ О событиях в Амоле см.: *Zabih S.* The Left, с. 160—176, а также беседы с членами «Пейкар», которые получили сведения о восстании в Амоле от оставшихся в живых членов Коммунистической лиги.

⁷⁸ *Хомейни Р.* Велаяте факих, с. 41.

⁷⁹ *Хомейни Р.* Меллигарае. Техран, 1983.

⁸⁰ *Хомейни Р.* Велаяте факих, с. 168.

⁸¹ Там же, с. 23.

⁸² Там же, с. 189—190.

⁸³ См.: там же, с. 42.

Глава 11 и Заключение

¹ *Uhlmann D.* The Consequences, с. 39.

² Беседа с Санджаби 28 июня 1987 г.; в тот день Санджаби впервые открыл мне, что автором этого знаменитого письма был Базарган, но что он не подписал его из страха перед репрессиями.

³ *Keddie N.* Roots of Revolution, с. 234.

⁴ Там же, с. 243—246.

⁵ Беседа с Санджаби 28 июня 1987 г.

⁶ *Newsweek.* 29.07.1978, с. 56.

⁷ Беседа с Санджаби 28 июня 1987 г.

⁸ То же.

⁹ То же.

¹⁰ *Базарган М.* Энгелабе Иран, с. 27; *Аноним.* Анче ек каргар баясте беданад. Техран, 1978, с. 37.

¹¹ *Язди Й.* Акари талаша дар акари рузха. Техран, 1984; *Базарган М.* Энгелабе Иран; *Abrahamian E.* Iran, с. 524.

¹² *Бахтиар Ш.* Сиёхафт руз пасаз снихафтсал; *он же.* Экранги. Париж, 1982.

¹³ Беседа с Санджаби 28 июня 1987 г.

¹⁴ Телефонный разговор с Банисадром 9 декабря 1988 г.

¹⁵ То же.

¹⁶ Беседа с Санджаби 28 июня 1987 г.; беседа с Фархангом 6 октября 1986 г.

¹⁷ *Bakhash Sh.* The Reign of the Ayatollahs. N. Y., 1984, с. 57; см. также: *Базарган М.* Энгелабе Иран.

¹⁸ *Аноним, ред.* Аснад ва мадарек сокан мигоянд. Т. 1. [Б. м., б. г.].

- с. 20; *Аноним, ред.* Курдистан ва шейх Эззуддин Хосейни. Тегран, [6. г.].
- ¹⁹ Беседы и переписка с Могоддамом, особенно его письмо от 11 октября 1986 г.
- ²⁰ *Базарган М.* Энгелабе Иран; беседы с членами левых организаций, принимавшими участие в этих восстаниях.
- ²¹ *Табари Э.* Бархи масазле джеддие энгелабе Иран, с. 7—8, 10—14, 76, 79, 94—97; беседа с Фархангом 6 октября 1986 г.
- ²² *Кианури Н.* Порсе ва пасох. Тегран, 1981.
- ²³ Беседа с М. Хашемом (псевдоним) 1 августа 1988 г.
- ²⁴ *Sick G.* Iran's Quest for Superpower Status.— *Foreign Affairs*. Т. 65, № 4, Spring 1987, с. 697—715.
- ²⁵ Цит. по: *Ulyanovsky R., ed.* The Revolutionary Process, с. 28; см. также: *Zotou V.* Lenin's Doctrine.
- ²⁶ *Ulyanovsky R., ed.* The Revolutionary Process, с. 28.
- ²⁷ Беседа с Саидом Раджан Хорасани, тогда послом Ирана в ООН, 23 июля 1986 г.; письмо от А. З. Арабаджяна из Москвы, датированное 19 ноября 1986 г.
- ²⁸ *Arbatov G. and Oltmans W.* The Soviet Viewpoint. N. Y., 1983, особенно с. 55, 193, 199; *Adelman P. R.* The Soviet Use of Force: Four Cases of Soviet Decision-Making (unpublished, Summer 1985), с. 33—34.
- ²⁹ *Iran Times*. 27.02.1987, с. 2, 15; отношения остаются напряженными и в момент, когда пишутся эти строки. Например, см.: Кейхан хавайи. 15.04.1988, с. 5.
- ³⁰ *New York Times*. 20.07.1988, с. 16 и 09.08.1988, с. 6; беседа с членом ЦК КПСС Дмитрием Лисоволиком 6 августа 1988 г.
- ³¹ *New York Times*. 25.09.1988, с. 1, 8.
- ³² *Washington Post*. 03.04.1988, sect. A, с. 22.
- ³³ *New York Times*. 06.06.1988, с. 1, A-10, 19.07.1988, с. A-8; 21.07.1988, с. 1, A-8; 25.09.1988, с. 1, 8; *Halliday F.* Iran's New Grand Strategy.— *Middle East Report Information Project*, № 144, January/February 1987, с. 7.
- ³⁴ *Iran Times*. 22.07.1988, с. 5; Кейхан хавайи. 14.09.1988, с. 3.
- ³⁵ Кейхан хавайи. 26.08.1988, с. 2, 14.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ *Iran Times*. 26.09.1988, с. 1, 11, 14.
- ³⁸ *Iran Times*. 29.08.1988, с. 1, 2; 02.09.1988, с. 1, 11, 118.
- ³⁹ Кейхан хавайи. 14.09.1988, с. 4.
- ⁴⁰ Там же, с. 3.
- ⁴¹ *Bill J. A.* The Politics of Extremism in Iran.— *Current History*. № 87, January 1982, с. 9—14.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

На персидском языке

- Адамият Ф.* Ферке демокрасие эджтемаи дар нехзате машрутиятэ Иран. Техран, 1975.
- Адиби Х.* Табагее мотевасете джадид дар Иран. Техран, 1979.
- Азари А.* Гияме колонел Мохаммад Таги-хан Песьян дар Хорасан. Техран, 1973.
- Азари А.* Гияме шейх Мохаммаде Хиабани дар Табриз. Техран, 1983.
- Алави Б.* Панджахо се нафар. Техран, 1978.
- Алави Б.* Варагпарехе зеидаи. Техран, 1941.
- Амирхизи А.* Гияме Азербайджан ва Саттар-хан. В 2 т. Табриз, 1960.
- Аноним.* Гозаштэ чераге рахе аянде аст. Техран, 1976.
- Аноним.* Рише ва раванде тарихие джонбеше танбако. [Б. м., б. г.].
- Аноним.* Самад. Джефферсон-сити, [б. г.].
- Аноним.* ред. Нотгха ва мокатебате д-р Мосаддег. Техран, 1969.
- Ахрар А.* Марди аз Джангал. Техран, 1982.
- Ашраф А.* Маване тарихие роше сармаедари дар Иран. Техран, 1980.
- Базарган М.* Энгелабе Иран дар до харекат. Техран, 1984.
- Банисадр А.* Мовазенеа. [Б. м.], 1978.
- Бахар* (Малеку ош-Шоара) *М. Т.* Тарихе мохтасаре ахзабе сиясие Иран. Техран, 1984.
- Бахтиар Ш.* Сиёхафт руз пас аз сиёхафт сал. Париж, 1983.
- Гаркани М.* Сиясате доулате шоурави дар Иран аз 1296 та 1306. Техран, 1947.
- Гасеми Ф.* Сандикализм дар Иран. Париж, 1985.
- Давуди М.* Кавам ос-Салтане. Техран, 1947.
- Даулатабади Я.* Хаяте Яхья. В 4 т. Техран, 1982.
- Джазани Б.* Тарихе си салее Иран. Техран, 1978.
- Джаханшахлу-Афшар Н.* Ма ва биганеган. [Б. м.], 1982.
- Джовдат Х.* Тарихчее Феркее демократ. Техран, 1969.
- Егикян Г.* Шоурави ва джонбеше Джангал. Яддаштхэе ек шахеде эйни. Техран, 1984.
- Ибрагимов М.* Дар барее джонбеше демократике мелли дар Азербайджан. [Б. м.], 1947.
- Иванов М. С.* Тарихе новине Иран. Стокгольм, 1977.
- Кадженури И.* Базигаране асре талаи: Али Сохейли. Техран, 1977.
- Камбакиш А.* Назари бе джонбеше каргари ва комунисти дар Иран. В 2 т. Стокгольм, 1972.
- Кейостован Х., ред.* Сиясате мовазенее манфи дар маджлесе чахардахом. В 2 т. Техран, 1948—1950.
- Кермани Н.* Тарихе бидарие ираниан. Техран, 1983.
- Кесрави А.* Азери йа забане бастание Азербайджан. Техран, 1938.
- Кесрави А.* Сарневеште Иран че хахад буд? Техран, 1945.
- Кесрави А.* Зеидагани ман. Техран, 1946.
- Кесрави А.* Забане пак. Техран, 1960.
- Кесрави А.* Тарихе машруте Иран. В 2 т. Техран, 1961.
- Кесрави А.* Тарихе пансадсалее Хузестан. Техран, 1983.

- Кешаварз Ф.* Ман моттахам миконам. Тегран, 1978.
- Кианури Н.* Хезбе Тудее Иран ва д-р Мохаммад Мосаддег. Тегран, 1980.
- Макки Х.* Мирза Таги-хан Амир Кабир. Тегран, 1958.
- Макки Х.* Тарихе бистсалее Иран. В 7 т. Тегран, 1983.
- Малекзаде М.* Тарихе энгелабе машрутияте Иран. В 5 т. Тегран, 1945.
- Малеки Х.* Хатерате сияси. Тегран, 1981.
- Массах Дж.* Хосрове Рузбех ра бешнасид. Тегран, 1979.
- Махдави Х.* Тарихе равабете хареджие Иран аз эбтдае доуране Савафи та паяне джанге доввومه джахани. Тегран, 1985.
- Меҳдиния Дж.* Зендегие сиясие Размара. Тегран, 1984.
- Моджахедин.* Пасох бе эттехамате ахере режим. Тегран, 1975.
- [Мосаддег М.]* Хатерат ва та'алломате Мосаддег. Тегран, 1986.
- Мотазед Х.* Тарихе теҗарат дар Иран. Тегран, 1987.
- Мостоуфи А.* Тарихе эҗтемайи ва эдарие доурсе Каджарие. В 3 т. Тегран, 1981.
- Набделъ А. Р.* Азербайҗан ва масалее мелли. [Б. м.], 1977.
- Натек Х.* Аз маст ке бар маст. Тегран, 1978.
- Песьян Н.* Марг буд базашт хам буд. Тегран, 1948.
- Песьян Н.* Аз Махабаде хунии та каранехе Арас. Тегран, 1949.
- Пишевари Дж.* Ядлаштхае зендан. [Б. м., б. г.]
- Размара А., ред.* Дҗографияе несамие Иран. В 16 т. Тегран, 1941—1944.
- Ра'ин. М.* Хайдар-хан Аму оглу. Тегран, 1973.
- [Садр М.]* Хатерате Садр ол-Ашраф. Тегран, 1986.
- Самади М., ред.* Тарихче Махабад. Махабад, 1985.
- Табари Э.* Бархи масале джеддие энгелабе Иран. Тегран, 1979.
- Талебоф А.* Сиясате Талеби. Тегран, 1978.
- Тафрешиян А.* Гияме афсаране Хорасан, 1324. Тегран, 1980; 2-е изд.: Стокгольм, 1985.
- Фатемии С. Х.* Маджмусе магалат. [Б. м.], 1978.
- Фатех М.* Паиджах сале нафте Иран. Тегран, 1979.
- Фахраи И.* Сардаре Джангал. [Б. м.], 1964.
- Хамеи А.* Форсате бозорге аз даст рафте. Тегран, 1984.
- Хедаят М.* Хатерат ва хатарат. Тегран, 1965.
- Хезбе Тудее Иран.* Хияпат бе ватанаш. [Б. м.], 1981.
- Хезбе Тудее Иран.* Аснад ва дидгахха. Стокгольм, 1981.
- Хомейни Р.* Велаяте факихе хукомате эслами. Тегран, 1981.
- Чакери Х., ред.* Аснаде тарихи: джонбеше каргари, соснал-демокраси ва коммунистие Иран. В 20 т. Флоренция, 1970.
- Шоджаи З.* Намаяндегане маджлесе шурае мелли дар бистоек доурсе ганунгозари. Тегран, 1965.
- Эрани Т.* Такамол ва тагирие забане фарси. Тегран, 1951.
- Эрани Т.* Асар ва магалат. Тегран, 1978.
- Эсхак Э.* Че баяд кард? Тегран, 1946.

На азербайҗанском языке

- Азербайҗан Демократ партиясии. Гизил сахифелер. Тебриз, 1946.
- Азербайҗан Демократ партиясии. Шахриварин оон икеси. Тебриз, 1946.
- Пишевари Дж.* 21 азар: нотглер ва магалелер. Тебриз, [б. г.]
- Тахер С.* Федаии дженаралы. Западный Берлин, 1987.

На английском языке

- Abrahamian E.* Iran between Two Revolutions. Princeton, 1982.
- Ahmadzadeh M.* Armed Struggle, Both a Strategy and a Tactic. N. Y., 1971.
- Arbatov G.* The War of Ideas in Contemporary International Relations. Transl. from Russian. M., 1973.

- Arfa H.* Under Five Shahs. L., 1964.
- Banani A.* The Modernization of Iran, 1921—1941. Stanford, 1961.
- Browne E.* The Persian Revolution of 1905—1909. Cambridge, 1910.
- Browne E.* The Press and Poetry of Modern Persia. Cambridge, 1914.
- Carr E. H.* The Bolshevik Revolution 1917—1923. 3 vols. L., 1950—1953.
- Chaliand G., ed.* People without a Country. The Kurds and Kurdistan. L., 1980.
- Chaquery Ch., ed.* Avetic Sultanzadeh the Forgotten Revolutionary Theoretician. Life and Works. Tehran, [6. r.].
- Claudin F.* The Communist Movement. From Comintern to Cominform. 2 vols. N. Y., 1975.
- Conolly V.* The Industrialization of Persia.—Journal of the Royal Central Asian Society. July 1935, c. 454—463.
- Cottam R. W.* Nationalism in Iran. Pittsburgh, 1967.
- Curzon G. N.* Persia and the Persian Question. 2 vols. L., 1892.
- Eagleton W., Jr.* The Kurdish Republic of 1946. L., 1963.
- Elwell-Sutton E. A.* Persian Oil. L., 1955.
- Eudin X. J. and North R. C., eds.* Soviet Russia and the East, 1920—1927. A Documentary Survey. Stanford, 1956.
- Fatemi N. S.* Diplomatic History of Persia, 1917—1923. N. Y., 1952.
- Fatemi N. S.* Oil Diplomacy. N. Y., 1954.
- Frye R. N.* Iran. N. Y., 1953.
- Graham R.* Iran: The Illusion of Power. N. Y., 1978.
- Halliday F.* Iran: Dictatorship and Development. 2d ed. N. Y., 1979.
- Hass W. S.* Iran. N. Y., 1946.
- Hoveyda F.* The Fall of the Shah. N. Y., 1980.
- Huyser R. E.* Misson to Tehran. L., 1986.
- Issavi Ch., ed.* The Economic History, 1800—1914. Chicago, 1971.
- Kapur H.* Soviet Russia and Asia, 1917—1927: A Study of Soviet Policy towards Turkey, Iran, and Afghanistan. N. Y., 1967.
- Katousian H.* The Political Economy of Modern Iran, 1926—1979. N. Y., 1981.
- Keddie N.* Iran: Religion, Politics and Society. L., 1980.
- Keddie N.* Roots of Revolution: An Interpretative History of Modern Iran. New Haven, 1981.
- Keddie N.* Sayyid Jamal al-Din «Al-Afghani». Berkeley, 1972.
- Khomeini R.* Islam and Revolution. Berkeley, 1981.
- [*Khomeini R.*]. Sayings of the Ayatollah Khomeini: Political, Philosophical, Social and Religious. N. Y., 1980.
- Kuniholme B. R.* The Origins of the Cold War in the Near East: Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece. Princeton, 1980.
- Ladjevardi H.* Labor Unions and Autocracy in Iran. Syracuse, 1985.
- Lambton A. K. S.* Landlord and Peasant in Persia. L., 1953.
- Lambton A. K. S.* Persia.—Journal of the Royal Central Asian Society. Vol. 31, № 1 (January 1944), c. 8—22.
- Lenczowski G.* Russia and the West in Iran, 1918—1948. Ithaca, 1949.
- Lenin V. I.* Collected Works. 45 vols. M., 1977.
- MillsVaugh A.* Americans in Persia. Wash., 1946.
- Ono M.* On Socio-Economic Structure of Iranian Villages.—The Developing Economies. Vol. 5, № 3 (September 1967), c. 446—462.
- Pahlavi Mohammad Reza.* Answer to History. N. Y., 1980.
- Popov V. I., Ovsyany I. D. and Nikhamin V. P., eds.* A Study of Soviet Foreign Policy. M., 1975.
- Ramazani R. K.* The Foreign Policy of Iran. A Developing Nation in World Affairs, 1500—1941. Charlottesville, 1966.

- Ramazani R.* Iran's Foreign Policy, 1941—1973: A Study of Foreign Policy in Modernizing Nations. Charlottesville, 1975.
- Roosevelt A., Jr.* The Kurdish Republic of Mahabad.—Middle East Journal. Vol. 1. № 3 (July 1947), с. 247—269.
- Roosevelt K.* Countercoup: The Struggle for the Control of Iran. N. Y., 1979.
- Rubin B.* The Great Powers in the Middle East, 1941—1947. L., 1980.
- Shariat A.* Marxism and the Western Fallacies. Berkeley, 1980.
- Sheikholeslami A. R.* The Patrimonial Structure of Iranian Bureaucracy in the Late 19th Century.—Iranian Studies, 1978, № 11, с. 199—259.
- Shuster W. M.* The Strangling of Persia. N. Y., 1912.
- Spector I.* The First Russian Revolution: Its Impact on Asia. Englewood Cliffs, 1962.
- Stalin J. V.* Collected Works. 14 vols. M., 1953.
- Sykes P. M.* A History of Persia. 2 vols. L., 1930.
- Szyliowicz J. S.* Education and Modernization in the Middle East. Ithaca, 1973.
- Taheri A.* The Spirit of Allah: Khomeini and the Islamic Revolution. Bethesda, 1986.
- Touhidi-Baghini B.* Historic and Economic Roots of the Iranian Revolution. Ph. D. dissertation. Wash., 1983.
- Ulyanovsky R., ed.* The Comintern and the East. Transl. from Russian. M., 1979.
- Ulyanovsky R., ed.* The Comintern and the East: A Critique of the Critique. Transl. from Russian. M., 1978.
- Wilber D. N.* Riza Shah Pahlavi: The Resurrection and Reconstruction of Iran. Hicksville, 1975.
- Zabih S.* The Communist Movement in Iran. Berkeley, 1966.
- Zabih S.* The Left in Contemporary Iran: Ideology, Organization and the Soviet Connection. Stanford, 1986.
- Zabih S.* The Mossadegh Era: Roots of the Iranian Revolution. Chicago, 1972.
- Zonis M.* The Political Elite of Iran. Princeton, 1971.

На французском языке

- Chaquert Ch.* L'Union Soviétique et les tentatives des soviets en Iran. 2 essais historiques. Tehran, 1983.
- Ducroq G.* La politique du gouvernement des Soviets en Perse.—Revue du Mond Musulman. 1922, № 52, с. 84—180.
- Homayounpour P.* L'affaire d'Azerbaïdjan. Lausanne, 1966.
- Rambout L.* Les Kurdes et le droit. P., 1947.

На немецком языке

- Geyer D.* Die Sowjet Union und Iran. Eine Untersuchung zur Aussenpolitik der U.d.S.S.R. in Nahen Osten, 1917—1954. Tübingen, 1955.
- Ravasani S.* Sowjetrepublik Gilan. Die Sozialistische Bewegung im Iran seit Ende des 19. Jahrhunderts bis 1922. B., 1973.
- Zürner W.* Persien zwischen England und Russland. 1918—1925. Bern, 1978.

На курдском языке

- Kurdistan (газета), 1945—1946.

На русском языке

- Абих Р.* Национальное и революционное движение в Персии. 1919—1920.—Новый Восток. 1930, № 29, с. 88—107.

- Абих Р.* Национальное и революционное движение в 1914—1917 гг. Воспоминания участника движения Эхсануллы-хана.— *Новый Восток*. 1928, № 23—24, с. 234—267; 1929, № 26—27, с. 125—161.
- Иванов М. С.* История Ирана. М., 1977.
- Ирандуст.* Вопросы Гилянской революции.— *Историк-марксист*. 1927, № 5, с. 124—146.
- Иранский.* Русско-персидские отношения за пять лет.— *Новый Восток*. 1923, № 3, с. 90—113; № 4, с. 208—229.
- Меликов О. С.* Установление диктатуры Реза-шаха в Иране. М., 1961.
- Миланян М. Д.* Государственный строй современного Ирана. М., 1973.
- Павлович М. и Иранский М.* Персия в борьбе за независимость. М., 1925.
- Султанзаде А.* Персия. М., 1924.

Архивные источники

Hoover Institute Archives, Stanford University. Stanford. United States National Archives, Diplomatic and Military Branches (USNA). Wash.

КРАТКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аббас-мирза 31, 35, 36
Ага Абдаррахман 219
Ага Исмаил 219
Агаев Бахрам 81, 110
Агаев Камран 92
Агазаде 110
Азери 223
Азизбеков Мешади 50
Азхари Голам Реза 291
Айронсайд Эдмунд 96, 97
Алави Бозорг 153, 154, 231
Алави Мортеза 153
Але Ахмад Джелал 235, 245, 261
Амин ос-Султан 54, 55
Амини Аболькасем 201
Амини Али 137, 159, 201, 202, 204,
256, 257, 263, 289, 291, 292
Амир Асад 166
Амузегар Джамшид 289, 290
Ансари Али (Мошавер оль-Мама-
лек) 96
Арсанджани Хасан 201, 257
д'Арси Уильям Нокс 20, 37, 54,
157, 182
Арфа Хасан 135, 138, 199, 207
Ахмадзаде Масуд 277—281
Ахмедн Ахмед 224
Ахмед, шах 60, 73, 96—98, 130,
131
Ататюрк Мустафа Кемаль 16, 21,
105, 127, 135, 136, 148, 241
Ашраф Хамид 277, 279, 280

Баб (Али Мохаммед Ширази) 38,
39
Баган Мозаффар 245, 250
Багир-хан 58, 61
Багиров Джафар 190, 191, 197,
232
Базарган Мехди 168, 244, 255,
259, 277, 281, 288, 289, 292—
296
Бальфур Артур Джеймс 77
Банисадр Абольхасан 281, 284—
286, 288, 292—294, 296, 297
Барзани Мустафа 219, 226
Бахар (Малек ош-Шоара) Мо-
хаммед Таги 45, 51, 61, 64, 70,
71, 132, 201, 227
Бахаулла 39
Бахери Мохаммед 271
Бахтиар Теймур 253, 254, 257
Бахтиар Шапур 204, 255, 283, 289,
292, 293
Баят Мортеза 182, 183, 195, 211
Бехбехани Абдолла 42, 52, 53, 61,
72
Бехешти Мохаммед 294, 300
Бехранги Самад 7, 261, 278
Бирия Мохаммед 187, 214, 234
Бирис Джеймс 205
Боруджерди Хосейн 286
Бравни Карл 73, 76

Восуг од-Доуле 66, 68, 72, 73, 75,
76, 78, 79, 88, 95, 98, 106, 157

Гасеми Ахмед 170, 235, 236, 276
Гасемлу Абдурахман 275
Гафар-заде Асадолла 81, 83
Гобаднан 203
Голесорхи Хосров 262, 278
Готбаде Садек 284, 285, 297

Давар Али Акбар 129, 135, 141,
142, 149
Данешьян Голамяхья 177, 214,
231, 232, 234, 277
Дашти Али 199
Дехгани Ашраф 280, 281, 283
Дехкода Мирза Али Акбар-хан
53
Денстервилль Л. Ч. 69, 76
Дерахшеш Мохаммед 289
Джавид Саламолла 186—188, 214,
230, 233, 234
Джазани Биджан 277—279
Джамаль ад-Дин аль-Афгани 38—
41
Джам Махмуд 148
Джафар Сеид (Мохсени) 109,
110
Джахангир-хан 56
Джовдат Хосейн 52, 74

Доулатабади Хаджи Мирза Яхья
42, 52, 53

Ефрем-хан 59—61

Захеди Фазлолла (Фазлолла-
хан) 120, 152, 252, 253

Зенджани Мохаммед 255

Зиновьев Г. 113, 116, 120, 123

Зульфегари, братья 201

Илахи Ахмед 219

Ильханизаде 219

Имаи Джамаль 199, 251

Иранский 103, 104, 107

Искандари, майор 171, 184

Искандари, семья 49

Искандари Ирадж 153, 169, 202,
236, 254

Искандари Солейман Мирза 42,
62, 65, 73, 102, 127, 129—131,
153, 169

Искандари Яхья Мирза 42

Исфакхани Джамаль эд-Дин 42

Кавам Ахмед (Кавам ос-Салтане)
47, 68, 98, 99, 103, 106, 120, 121,
128, 129, 133, 135, 167, 179,
194, 196, 198—209, 211, 227,
230—232, 236, 240, 242, 248—
250, 257, 292

Кавиан Джафар 186, 187

Кавтарадзе С. И. 178, 181

Каджары, династия 9—12, 24—
31, 35, 38, 57, 63, 64, 130—132,
134, 149, 209, 240, 264, 274

Кази Мохаммед 166, 176, 190—
192, 218, 219, 221, 226, 227,
233, 234, 237

Камарайи Сенд Мохаммед 71

Кангавари Хадж Мохаммед Джа-
фар 91, 110

Карахан Л. М. 85, 90, 102

Карбалайн Хадж Али 52

Картер Джимми 288, 292, 298

Касим-хан Мирза 53

Кашани Аболькасем 152, 232,
236, 242, 244, 245, 247—250,
255, 259, 285, 286

Кеннеди Д. Ф. 256, 257, 259

Керзон Дж. 10, 30, 77, 96, 97

Кермани Назем оль-Эслам 42

Кесрани Ахмед 80, 127, 167, 193,
195, 227, 228, 231, 303

Кешаварз Ферейдун 202, 231, 276

Кештгар Али 279

Киянури Нураддин 236, 242, 247,
254

Киссинджер Г. 268

Коломыйцев В. И. 76

Конатабади Шамсе 250

Кучек-хан Мирза 17, 18, 60, 64,
68—71, 73—75, 83—85, 87—102,
103, 107—109, 112—123, 190,
192, 193, 234, 296

Лансинг Р. 78

Лахути Аболькасем 113, 119, 187

Ленин В. И. 18, 58, 64, 75, 85—
89, 93, 101, 107, 108, 121, 197,
282

Лэмбтон Э. 9, 151, 166

Макки Хосейн 244, 245, 250

Малеки Халил 177, 187, 235, 245,
250, 251, 255

Малик Хосейн 235

Мальком-хан 38, 40, 53

Мансур Хасан 259

Мараган Могаддам 257

Марке К. 18, 86

Масуд Мирза Зель ос-Султан 37

Махмуд Махмуд 52, 201

Мдивани Б. 108, 123, 138

Миллспо А. 133, 134, 161, 179,
183

Могаддам Рахматолла 288, 289,
295

Моларрес Сенд Хасан 53, 62, 65,
66, 73, 123, 128, 130, 133, 135,
148, 211, 285, 303

Мозафар эд-Дин, шах (Мозаф-
фар эд-Дин-мирза) 37, 41, 45—
47, 53, 54

Молотов В. М. 193, 196—198

Мосаддык Мохаммед 20, 78, 99,
103, 123, 128, 130, 131, 133, 135,
151, 168, 170, 175, 176, 178, 182,
183, 193, 196—198, 211, 228,
238, 240—256, 261, 262, 284—
286, 292, 303

Мостоуфи оль-Мамалек 61, 65,
129

Мостоуфи Мирза Хасан 167

оль-Мотакаллеми Насролла Ма-
лек 42, 56

Мохаммед-мирза 35

Мохаммед Али, шах (Мохаммед
Али-мирза) 49, 50, 53—60, 135

Мохаммед Реза-шах Пехлеви 10,
16, 150, 166, 167, 200, 207, 239—
241, 247—249, 253, 256—260,
263—274, 280, 286, 289—294,
303

Мохаммади Мирза 117

Мохташеми Али Акбар 300—302

Мошир од-Доуле см. Пирния Ха-
сан

Мусави Али 300—302
Мустофи Абдолла 145

Набдель Али Реза 278, 279
На'ини Мохаммед Хосейн 54
Нариманов Н. 50, 51
Насер оль-Мольк 61
Насер эд-Дин, шах 24, 33, 35, 37,
38, 40—42, 54
Назие Хасан 288
Нахшаб 284
Негахдар Фаррох 279, 280
Никсон Р. 280, 269
Нури Фазлолла 53, 55—57, 60

Ованесян Ардешир 153, 155, 169,
171, 173, 174, 176, 186, 187, 229
Орджонкидзе С. 59, 60, 85, 89—
94, 107, 109, 116, 123, 223

Песьян Мохаммед Таги 66, 72,
119, 120, 131

Пехлеви, династия 9, 12, 16, 17,
129, 131, 134, 135, 139, 142, 145,
161, 162, 206, 243, 265, 270,
272, 291, 303, 306

Пирния Хасан 54, 95, 96, 99, 106,
128, 129, 211

Пишевари Сеид Джафар (Джа-
вад-заде) 82, 83, 102, 113, 114,
116, 122, 128, 135, 153, 155, 156,
161, 171, 173, 174, 176, 185—
188, 190, 213—215, 217, 222,
223, 225, 228—231, 233—235,
237

Пуян Амир Парвиз 277—279, 281

Радманеш Реза 154, 169, 230

Размара Али 23, 125, 134, 207,
209, 211, 224, 236—238, 240—
243, 285

Раскольников Ф. 88—90, 92, 93,
107

Рафсанджани см. Хашеми-Раф-
санджани

Реза-шах (Реза-хан) Пехлеви 10,
16, 17, 21, 26, 43, 63, 64, 97, 98,
101, 103—106, 115, 119—121,
124, 126—153, 156—165, 167,
168, 181, 184, 190, 192—194,
207, 209, 211, 218, 221, 226,
227, 231, 233, 234, 237, 238, 240,
241, 244, 258, 274, 286, 306

Рейган Р. 298

Рейтер, барон Юлнус фон 31

Романовы, династия 30, 45

Ротштейн Ф. А. 98, 101, 102

Рошдийе Мирза Хасан 42

Рузвельт Ф. Д. 180

Рузбех Хосров 171, 184, 207, 253,
254

Руста Реза 128, 169, 207

Садр Мохсен 183—186, 188, 195,
211

Садре Кази Аболькасем 176, 234

Саед Мохаммед 178, 181, 182

Саифе Кази Мохаммед Хосейн
217, 219, 234

Сайкс, сэр Перси 48, 66

Салех Аллаяр 202, 244, 257

Санджаби Карим 13, 103, 168,
171, 175, 228, 239, 244, 247, 248,
250, 251, 255, 284, 289—291, 297

Сардар Асад Джафар Кули-хан
135

Сардар Асад Хадж Кули-хан 60,
61, 135

Сар Кош 118

Саттар-хан 57, 58, 60, 61

Сепакдаре Решти (Сепакдар)
60—62, 65, 66, 96, 97, 106, 211

Снамак 253, 254

Симко (Исмаил Ага Самит Гу)
81, 121, 132

Сохейли Али 175

Сталин И. В. 17—19, 50, 51, 75,
86, 87, 114, 116, 120, 122, 123,
153, 197, 198, 210, 251, 276

Султанзаде Аветис 83, 87, 93, 104,
105, 107, 108, 113—119, 122,
123, 153, 171

Табари Эхсан 236, 277, 296

Табатабан Саид Мохаммед 24, 42,
52, 53

Табатабан Сеид Зия 97—99, 106,
168, 170, 175, 176, 183, 199, 201,
211, 236

Таги-хан (Амир Кабир, Амир Ни-
зам) 35—38

Тагизаде Сеид Хасан 51, 61, 64,
72, 127, 135

Тадайон Сеид Мохаммед 129, 175
Талегани Махмуд 244, 255, 259,
281, 283, 295

Талибов (Талибов-и Тебризи) Аб-
дуррахим 44, 45, 54

Тарбият Мирза Мохаммед Али-
хан 42, 51

Тебризи Али Акбар Сабери 43,
58

Теймурташ Абдоль Хосейн 129,
135, 149

Троцкий Л. Д. 7, 75, 85, 90, 116

Трумэн Г. 22, 206, 210, 241, 247

Фарахани Али Акбар Сафан 278

Фарахани Гаем Магам 31, 35

- Фарманфарма Мохаммед Вали 201
Фатеми Хосейн 240, 255
Фатех Мустафа 248
Фатх Али-шах 29, 31
Фируз Мозаффар 168, 201, 202, 207, 236
Фируз Носрет од-Доуле 76, 77, 95, 149, 157
Форути (Мохаммед Али Зока оль-Мольк) 129, 132, 148, 161
Форутан Голам Хосейн 276
Форухар Дариуш 244, 255, 289
- Хаджи Ваба Шейх 213, 218
Хайдар-хан Аму-оглы 51, 55, 56, 58, 60, 61, 113—124, 175, 234, 296
Хаким Ибрахим 164, 183, 195—198, 211
Халу Курбан 74, 94, 109, 110, 117, 118, 121
Хамеи Анвар 229
Хаменеи Али 294, 300, 301
Ханифнежад Мохаммед 281
Хашеми-Рафсанджани 293, 298, 300—302
Хедаят Мехдикули 85
Хелал-Насери М. 174
Хиабани Мохаммед 59, 62, 67, 72, 73, 78—81, 83, 118, 119, 176, 187, 188, 201
Ховейда Амир Аббас 265
Хомейни Рухолла 5, 9, 168, 232, 259, 274, 280, 281—283, 285—287, 289—304
- Хосейни Эззуддин 281, 295
Хоштария А. М. 37, 66, 100, 101
Хрущев Н. С. 276
- Чамран Мустафа 284
Черчилль У. 160, 180, 210
Чичерин Г. В. 85, 95, 121, 196
- Шабистари Али 186—188, 233, 234
Шабистари Сеид Мохаммед 51
Шасган Али 168, 245, 284
Шарги 105
Шариати Али 260, 261, 282, 285, 288
Шариатмадари Казем 289, 295, 297
Шариф-Имами 257, 290, 291
Шварцкопф Х. Н. 179
Ширази 54
Шустер В. М. 62, 64, 98
- Эгбаль Манучехр 239
Эйзенхауэр Д. 251
Энгелаб Халил 174—176
Энгельс Ф. 86
Эрани Таги 153—155, 169, 177
Эсфандияр Хасан-хан 132
Эфтехари Юсеф 152, 155, 174, 175
Эхсанолла-хан Достдар 72, 74, 75, 83, 89, 90, 92, 107—110, 112, 113, 116—124, 233
- Язди Мортеза 154, 202

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к английскому изданию	3
Предисловие к русскому изданию	5
<i>Глава 1. Общество, революция и международная политика: ключ к пониманию Ирана</i>	9
Социальный фон	9
Культура и идеология. Предпосылки и развитие революции	
Внешняя политика Ирана, Советского Союза и Запада	
<i>Глава 2. Эра Каджаров и Конституционная революция: англо-русское соперничество и политическое развитие Ирана</i>	24
Политика и экономика в правление Каджаров	25
Начало реформаторского движения	35
Конституционная революция	45
Борьба между религией и секуляризмом	53
<i>Глава 3. Влияние первой мировой войны и русской революции</i>	64
Джэнгелийское движение	68
Договор 1919 г.	75
Восстание Хиабани в Тебризе	79
Иранское коммунистическое движение на Кавказе	81
<i>Глава 4. Внутренняя и внешняя политика: Англия, Советский Союз и Соединенные Штаты в Иране</i>	85
Гилянская республика	90
Нефть и политика: Англия и США	95
Советская политика и деятельность иранских коммунистов	101
<i>Глава 5. Падение Гилянской республики: взрыв изнутри</i>	107
Левый переворот	108
Хайдар-хан во главе партийного руководства	113
Падение Гилянской республики	120
<i>Глава 6. Правление Реза-шаха</i>	126
Харизматическое лидерство: 1921—1926 гг.	126
Императорский Иран: ранний период (1926—1934)	134
Последняя фаза: 1934—1941 гг.	143
Внешняя политика: повод для вторжения	156
Шахское наследство	161
<i>Глава 7. Северные революции и политика великих держав</i>	164
Партия Туде	169
Нефтяной кризис 1944 г. и политика великих держав	178
Революция на севере	184
Нефть, Иран и «холодная» война	194

<i>Глава 8. Автономные провинциальные правительства: развитие и гибель</i>	213
Период умеренных реформ	213
Разногласия и сумятица	221
Крах революционных правительств	232
<i>Глава 9. Подъем иранского национализма и реформы сверху</i>	239
Размара у власти: 1948—1951 гг.	239
Мосаддык и Национальный фронт: 1951—1953 гг.	243
Военное правление: 1953—1959 гг.	253
Белая революция: 1960—1963 гг.	256
<i>Глава 10. Имперская диктатура</i>	263
Имперская консолидация: 1963—1973 гг.	263
Экономический бум и банкротство: 1973—1977 гг.	266
Crescendo оппозиции: 1977—1979 гг.	272
Оппозиционные организации	275
Аятолла Хомейни и основы исламской революции	286
<i>Глава 11. Исламская революция</i>	288
Изгнание шаха	289
Исламская республика	293
Заключение	303
Примечания	308
Основная литература	344
Краткий указатель имен	349

Годс М. Реза

- Г59 Иран в XX веке. Политическая история. Пер. с англ. И. М. Дижера.— М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994.— 355 с.
ISBN 5-02-017697-4

В книге выделены основные вехи политической истории Ирана в XX в., включая исламскую революцию; все события рассматриваются в тесной связи с революционным движением в стране и состоянием международных отношений; детально анализируется политика великих держав (включая СССР) и ее влияние на внутреннюю жизнь Ирана. Кроме обширного круга источников и литературы автор использовал и интервью, взятые им у государственных и общественно-политических деятелей Ирана.

Г 0804000000-021 137-93
013(02)-94

ББК 63.3(5)

Научное издание

ГОДС МАХМУД РЕЗА
ИРАН В XX ВЕКЕ
Политическая история

Зав. редакцией *И. М. Дижур*

Редактор *А. Ф. Дерибас*

Младший редактор *Г. О. Костунович*

Художник *Л. Л. Михалевский*

Художественный редактор *Э. Л. Эрман*

Технический редактор *М. Г. Гущина*

Корректор *Е. В. Карюкцна*

ИБ № 17264

Сдано в набор 13.07.93. Подписано к печати 20.01.94. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 22,5. Усл. кр.-отт. 22,65. Уч.-изд. л. 23,38. Тираж 500 экз. Изд. № 7481. Зак. № 331.

«С»—1

ВО «Наука»

Издательская фирма

«Восточная литература»

103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография ВО «Наука»

107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

21.01.2013

ПРОВЕРЕНО

03 ФЕВ 2014

ПОДПИСЬ

ИРАН в XX веке

Политическая история

Книга иранского ученого Махмуда Резы Годса издана в США в 1989 г. Ее по праву можно считать одним из лучших в мировой литературе исследований новейшей истории Ирана. Все события рассматриваются в тесной связи с революционным движением в стране и состоянием международных отношений; детально анализируется политика великих держав и ее влияние на внутреннюю жизнь Ирана. Для нашего читателя особый интерес представляют страницы истории, повествующие об экспорте революции в Иран, об использовании вооруженных сил Советской России для создания марионеточных правительств в северных провинциях Ирана.